МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть двадцать шестая.

EXCHANGED

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1829.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810887
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1916

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва Марта 15 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

XXVI-й ЧАСТИ.

Письма изъ Сибири (*продолженіе*)..... 3
Разореніе Инады..... 23
Бесѣда Кембриджскихъ Профессоровъ съ Московскимъ Митрополитомъ Платономъ, въ 1800 году..... 33
Дополненіе къ статьѣ: 1828 годъ, въ отношеніи къ народному просвѣщенію въ Россіи (П. И. Кеппена)..... 117
О драматической литературѣ новыхъ народовъ (Барона Экштейна. — Статья I.)..... 221
Письма изъ Арменіи (М.., Соболева)..... 361

Мѣдный городъ (сказка изъ новой *Тысяча и одной ночи*, издан. Гаммеромъ)..... 133
Кокетство и любовь (повѣсть П. П. Сумарокова)..... 258, 409

Стихотворенія.

Лилія (съ Шведскаго, пер. Барона Розена)..... 40
Арфа (А. Г. Ротчева)..... 43
На смерть А. П. Эссена (Ек. Т—вой)..... 44
Мегеммедъ (А. Вельтмана)..... 45
Къ Помпею-Вару (изъ Горація)..... 46
Къ воинамъ (А. А. Волкова)..... 128
Къ И. И. Дмитріеву (А. А. Волкова)..... 129
Къ А. С. Пушкину (В. Л. Пушкина)..... ——
Пѣсня (А. І. Каверзнева)..... 130
П. И. Барону Д*** (В. Аспафьева)..... 131

Digitized by Google

Отрывокъ изъ поэмы Лорда Байрона: *Донъ Жуанъ* (начало 14 пѣсни). Съ Англійскаго Н. А. Маркевича..... 248
Эпиграмма (А. С. Пушкина)..... 257
Историческая епиграмма..... ——
Нощныя мысли о жизни, смерти и безсмертіи. Соч. Юнга (съ Англ. В. Вронченко)..... 400
Примиреніе (изъ Горація, В. И. Орловъ)..... 407
Эпиграмма (А. С. Пушкина)..... 408

КРИТИКА.

Разбойники, Трагедія Шиллера. Пер. съ Нѣм. М. 1828 года..... 48
Traité de physiologie, etc.— Traité de physiologie pathologique. — Précis de physiologie, etc. — (*Разсужденіе о Физіологіи, приложенной къ Патологіи.* Соч. Бруссе. — *Разсужденіе о Физіологіи патологической.* Соч. Бежена. — *Учебное начертаніе Физіологіи.* Соч. Мажанди)..... 55, 162
A winter's Journey, etc. (*Зимнее путешествіе по Лапландіи и Швеціи*, Капитана Брука)..... 306
Römische Geschichte — Dasselbe, zweyte Ausgabe — Schlegel's Recension — Geschichte des Römischen Staates (*Римская Исторія*, соч. Нибура — Онаже *втораго изданія* — Шлегелевъ разборъ Нибуровой Римской Исторіи — Древняя Исторія Римскаго государства, соч. Вахсмута)..... 437
Современная Русская литтература, 1828 и 1829 годовъ..... 77, 184, 338 и 478
Смѣсь..... 97, 212, 349 и 496
Парижскія моды..... 109, 217, 355, и 505

При сей части находится *пять* картинокъ новѣйшихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ. — Въ Прибавленіи къ Телеграфу *четыре изображенія* экипажей, мебелей, хозяйственныхъ устройствъ и проч.

Digitized by Google

№. 5. Мартъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРИ.

(*Продолженіе.*)

XVIII.

Струя, за кормой вiющаяся, въ мигъ залилась, писалъ я къ вамъ на дняхъ; но шекучія мысли ихъ, но быстрые разговоры ихъ, переливались въ моемъ воображеніи, какъ я возвращался по безмолвнымъ увaламъ. Пустыня, одиночество мысли, и не равнодушное видѣніе, какъ Флора, на каждомъ шагу, роняла украшенія изъ цвѣточной діадемы, расположили меня выходить не одинъ разъ изъ коляски, чтобы взять съ собою нѣсколько растеній, еще украшающихся цвѣтными перышками. Похищенія увядающихъ красотъ, 1 Сентября мною сорванныхъ, состояли вотъ въ чемъ: Даурскій синеголовникъ, алебастренникъ, серпуха, мангиръ, горицвѣтъ, девясилъ, смолевка, большая горлянка, крестовникъ, гребешки, желтый макъ,

Digitized by Google

жабрей, campanula lilifolia, convolvulus rupestris, гречиха обвилистая (*).

Какъ скоро я пріѣхалъ, съ пукомъ полевыхъ цвѣтовъ, въ домъ Князя Ганшимурова, начальника Тунгузскихъ родовъ, у котораго дочь, какъ садовая лилія, карымскими личиками окруженная, готовилась къ брачному вѣнцу. Старшины подчиненныхъ родовъ уже съѣхались, хозяинъ подавалъ примѣръ гостямъ къ веселости, и мнѣ хотѣлось-бы посмотрѣть потѣхъ Тунгузскихъ при Христіанской свадьбѣ; но, къ сожалѣнію, домъ Князя былъ исполненъ кипѣнія и гостей, а другаго помѣщенія не льзя было найдти.

По разнообразности письма сего, которому нѣтъ особеннаго назначенія, вы дозволите здѣсь внести вымѣтку о числѣ податныхъ душъ Тунгузовъ и Бурятъ, за Байкаломъ живущихъ.

(*) Echinops dauricus, Gypsophilla altissima, Serratula centauroides, Allium angulosum, Lychnis dioica, Inula salicina, Silene procumbens, Gnaphalium leontopodioides, Senecio nemorensis, Chrysanthemum arcticum, Papaver nudicaule, Anthirrhinum linaria, Campanula lilifolia, Convolvulus rupestris, Polygonum convolvulus.

Digitized by Google

А. Тунгузовъ:

а) въ Нерчинской Округѣ . . . 5,040
б) въ Верхнеудинской Округѣ . . 1,168
в) новокрещеныхъ въ послѣдней . . 540

Б. Буряшъ въ Верхнеудинской Округѣ:

г) Селенгинскихъ 8,457
д) Кударинскихъ 1,978
е) Баргузинскихъ 1,750
ж) Хоринскихъ 21,374

Всѣхъ 40,151

Надобно знать, что Хоринцы частію живутъ и въ Нерчинской Округѣ, слѣд. по обѣимъ сторонамъ Яблоннаго хребта. Вотъ почему я и полагаю, что Птоломеевы montes Charinarii должны быть тоже, что нынѣ Яблонный хребетъ.

Я любопытствовалъ у Тунгузовъ, и прежде у Буряшъ, между прочимъ о мѣстѣ Чингисхановой столицы, иногда именуемой *Харакорумъ*; но никто изъ нихъ даже не намекнулъ мнѣ слѣдовъ любопытной древности. Такое глубокое невѣдѣніе, при выказывающемся почтеніи къ памяти Чингисхана, служитъ указаніемъ, что столица, или *Серикъ*, была станъ подвижной, который, вѣроятно, находился на время и въ помянутомъ урочищѣ Харакорумѣ (*).

(*) Планъ Карпинъ, описывая поѣздку свою къ Монгольскому Хану, видитъ гдѣ-то обширное озеро, ко-

Digitized by Google

Въ Верхнеудинскѣ я полагаю взять еще нѣсколько Монголо-историческихъ уроковъ у Г. Игумнова, какъ у единственнаго знатока, какого только Сибирь имѣетъ по части Манжурскихъ и Монгольскихъ познаній.

4 Сентября,
въ Верхнеудинскѣ.

XIX.

Я на верху Хамаръ-Дабана, одной изъ высочайшихъ Байкальскихъ горъ; ѣду подлѣ грозной, утесистой пропасти, отдѣляющейся отъ копыта лошади одними надолбами. Смерть и пропасть, казалось, прятались подъ лѣвымъ стременемъ.

Какъ можно было думать, когда 8-го Сентября я пользовался прекраснымъ временемъ въ живописномъ селеніи Торейскомъ, какъ думать,

---

торое Н. М. Карамзинъ тотчасъ принимаетъ за Байкалъ, на 42 стр. IV тома. Но гдѣ-бы ни былъ станъ Хана, ни съ одной стороны не льзя издали увидѣть Байкалъ, отъ котораго притомъ путь Карпина отклонялся-бы огромнымъ палисадомъ западныхъ Байкальскихъ горъ. При сокращеніи путешествія тогожъ Карпина, Исторіографъ переименовалъ мѣстечко *Конево*, *Хановымъ*. Ошибки — неизбѣжны въ огромномъ твореніи!

Digitized by Google

что черезъ два дня долженъ буду взъѣзжать на Хамаръ-Дабанъ по искуственному подъему, устроенному вавилонами, чрезъ такіе снѣжные сугробы, которыхъ вышина мѣстами равнялась $4\frac{1}{2}$ саженей? Тутъ погасло кичливое желаніе теплой равнины, желаніе подняться на самую вершину горы!

Пусть другіе, думалъ я, дѣлаютъ барометрическія измѣренія высоты Байкальскихъ Альповъ; пусть другіе ищутъ себѣ минералогическаго безсмертія ошкрытіями по рѣчкѣ Слюденкѣ, вытекающей изъ окрестныхъ подошвъ Хамаръ-Дабана; пусть они богатятъ науку и кабинеты Сибирскіе лазуритомъ, главколистомъ, апатитомъ, тремолитомъ, байкалитомъ, и пр.— Что̀къ касается до меня, я довольствуюсь тою умѣренностію, что на вышинѣ, какъ и въ долинѣ, наслаждаюсь кротким̀ъ, мирнымъ расположеніемъ духа, какимъ не пользовались краснорѣчивые Гракхи, на своемъ ростральномъ возвышеніи. Я довольствуюсь тою свободой, что смѣю простирать, выше Байкальскихъ шверднней, кисть моей руки, мое перо: мнѣ довольно этого права.

Не величайтесь, шверднни Байкальскія, не величайтесь своими громадами; въ вашихъ основаніяхъ таятся волканическія потрясенія; вы разсыплетесь во мгновеніе ока! Не величайтесь, шверднни Байкальскія, своимъ очертаніемъ, сво-

Digitized by Google

ею вышиною; ваши вершины, ваши логовища, дики, безплодны, и благопріятствуютъ однимъ живопнымъ неразумнымъ. Неслыхать, чтобы добродушіе или дарованіе основало себѣ кущу близъ васъ; такъ! этого неслыхать.

Когда я въ подобномъ, М. Г., возвышеніи чувствъ спустился съ поднебесья въ Култукъ, на подошву горъ, сколько выгодъ нашлось тутъ, въ смиренномъ раздольѣ! Я нашелъ лѣто, покойную хижину, отдыхъ отъ верховой ѣзды, довольство въ огородныхъ овощахъ, крестьянскую промышленность минералами со Слюденки, прекрасное купанье въ холодной водѣ Байкала и сонъ сладкій. Сладкимъ сномъ смѣняюсь-ли я на любую высоту человѣческую?

12 *Сентября,*
въ Култукѣ.

Postscriptum. Для сравненія моихъ чувствованій съ прежними, записанными въ подобномъ положеніи, я развязалъ суму старыхъ бумагъ, изъ числа которыхъ, надѣюсь, вы дозволите здѣсь включить, въ видѣ воспоминанія, односторонній абрисъ Кавказа, 1807 г. въ Сентябрѣ мною пробованный.

Digitized by Google

Кавказъ,

съ горы минеральныхъ водъ,
близъ Константиногорска.

«Какъ восхищаюсь мыслію изобразить Кавказскіе виды! Пусть краски будутъ мертвы, пусть полотно не оживетъ подъ прикосновеніями пера: все однакожъ не отстану отъ работы. Удивительный видъ Бештовыхъ горъ, на чистой плоскости порознь разставленныхъ издали, не завидѣвъ еще Георгіевска, является колоссальнымъ поршикомъ, который природа, свыше образца, воздвигла въ преддверіи огромныхъ зданій Кавказа. Одна изъ пяти горъ, на 270 саж. возвышающаяся, больше другихъ обольщаетъ меня, потому что въ ней отливается больше красотъ.

Когда съ восточной стороны, версты за три, обращаешься къ ней, она представляется куполовиднымъ храмомъ, къ которому съ обѣихъ сторонъ еще примыкаетъ по одному какъ-бы придѣлу.

Когда солнце сядетъ вечерять, и преломленными лучами догараетъ въ вышинѣ небесной, гора облекается въ чудесную ризу, по которой струятся то фіолетовые, то палевые съ розовыми, узоры. Переливъ и измѣненіе трепещущаго свѣта съ смѣщеніемъ тѣней выстав-

Digitized by Google

ляютъ картину несказанную, неподражаемую для кисти человѣческой.

Когда она обовьетъ вершину свою въ дымчатое покрывало изъ облаковъ, заранѣе тѣмъ предвѣщаетъ перемѣну въ атмосферѣ, не взирая на ясность и тишину въ воздухѣ. Кабарда изъ за-границы смотритъ на это явленіе, какъ на баромегръ, и за день читаетъ будущее небо.

Для расширенія картины, я хотѣлъ-бы на подошвѣ горы, тамъ, поставить крѣпость, тутъ раскинуть луга, далѣе помѣстить аулъ Черкесовъ мирныхъ, а далѣе приютить селеніе Шотландцовъ, пришедшихъ сѣять въ Кавказскихъ ущеліяхъ слово Евангелія.

Другая Бештовая гора достопамятна водометами цѣлебными. Сіи благотворныя воды, низливаясь съ горы, образовали скаты, краснова-тою осадкой устланные, которые издалека мечутся въ глаза своимъ глянцомъ. На эту гору, коль скоро небесный женихъ возсіаетъ съ свѣтозарнаго ложа, я спѣшу по утру, чтобы насладиться зрѣлищемъ рисующагося Кавказа.

Кто не утреннюетъ — условіе замѣтное даже въ бытіяхъ вещества — кто не утреннюетъ, тотъ не увидитъ этого неизрѣченнаго зрѣлища. Нагорные льды съ дневнымъ зноемъ таютъ, туманы густѣютъ надъ вершинами, и прежде нежели солнце вступитъ въ меридіанъ, занавѣсъ

Digitized by Google

облачный развивается, и закрываетъ чудесную оптическую картину.

Какой занавѣсъ и какая картина! Отъ глазъ до послѣдней видимой горы, верстъ на сто, насѣяны поперегъ хребты, а въ длину проспираясь (какъ привыкаетъ видѣть и самый глазъ) до Каспійскаго моря, они представляются по законамъ перспективы въ одной безконечной, очаровательной линіи. Надъ этой линіей, въ такой-же перспективѣ, занавѣсъ облачный колеблется, поминутно развивается и опускается, иногда какъ несытые глаза, оставаясь и послѣ туда-же вперенными, ищутъ просвѣтовъ сквозь закровъ, къ сожалѣнію ранній, на который досадуешь.

Эта линія горъ, посеребренныхъ снѣгами, индѣ чернѣющихъ отъ проталинъ, горъ, слагающихъ въ одну связь разныя вышины, разныя величины различнаго очерка, представляютъ необъятную связь видовъ. Индѣ рисуются храмы и замки; индѣ висячіе переходы между зданій; тутъ тронувшіеся бельведеры; тамъ падающіе куполы; индѣ обширные слѣды землетрясенія; индѣ горѣлые остатки пожарища; далѣе громады развалинъ, продолжающихся туда, туда.... туда, гдѣ усталый глазъ непримѣтно смѣняется воображеніемъ, туда (сдается) все продолжается незнакомый рядъ разрушенныхъ фасадовъ, и весь, по всей длинѣ, отъ солнечнаго зарева

Digitized by Google

пылаетъ разноцвѣтнымъ освѣщеніемъ. Не видъли это Эдема? въ восхищеніи спрашивалъ я себя. Не аллегорическій-ли видъ Эдема, опустошеннаго и потеряннаго на землѣ?

Возвращаясь тѣмъ-же порядкомъ видовъ къ правой сторонѣ, я успокоивалъ и взоръ и воображеніе на лучезарномъ Эльборусѣ, на этой горѣ, сіяющей свѣтящимися льдами. Цвѣтъ ея есть цвѣтъ сплошнаго золота, а абрисъ ея точный чертежъ великаго шапра, раскинутаго, мечталось иногда, для Сенъ-Пьерова царственнаго Сейма, если-бъ только было это въ Европѣ.

Утѣшительныя мечтанія! вы приводили меня въ сладкое забвеніе, при подошвѣ Пятигорія. Картинные виды очаровывали и возносили меня выше меня. Я дерзалъ тамъ иногда взывать къ Творцу велелѣпнаго Кавказа, и, въ общемъ воскликновеніи съ добрыми сердцами Рускихъ, испрашивать мира землѣ, мира отечеству.»

XX.

По возвращеніи моемъ сюда изъ Якутска, вскрывъ письмо двухъ путешественниковъ, наполненное вѣжливости и сожалѣнія, что не случилось въ Иркутскѣ освѣжиться бесѣдою со мной, я равномѣрно выразилъ предъ ними свое не меньшее соболѣзнованіе о потерянномъ случаѣ къ свиданію съ такими небывалыми въ здѣшнемъ краю гостями. Такъ тому и быть.

Digitized by Google

Между тѣмъ, по мѣрѣ немаловажныхъ переѣздовъ, какіе сдѣланы мною по обширной здѣшней губерніи, чувствуя себя поставленнымъ на нѣкоторой общей высотѣ, я посмѣлъ нынѣ окинуть глазомъ губернію, и, въ слѣдствіе того, рѣшаюсь препроводить къ вамъ свое обозрѣніе, не вводя сюда частныхъ свѣдѣній о Киренскѣ и Якутскѣ, назначаемыхъ для другаго употребленія.

ОБОЗРѢНІЕ

Иркутской Губерніи

въ 1814 году.

Исторія.

Якутскъ былъ первоначальнымъ средоточіемъ Русскаго управленія, водворенія и завоеванія всего края, который нынѣ именуется *Иркутскою Губерніею.* Завладѣніе сего мѣстечка, какъ и всего края, было сдѣлано безъ начертаній Правительства, по одному чутью частной корысти.

Самовластіе, и, съ другой стороны, неподчиненность того времени, равномѣрно прикрывавшіяся отдаленностію, должны были казаться туземнымъ жителямъ нашествіемъ разбойничьимъ. Но неустройства первоначальныя, чрезъ сравненіе съ начальными основаніями славнаго Рима, теряютъ шероховатость въ слѣдующихъ

Digitized by Google

столѣтіяхъ. Умъ поражается незаконностію только на короткое время.

Первое образованіе края началось во времена Петра Великаго, и тогда точка управленія гнѣздилась уже въ Иркутскѣ. Но, если-бы изъ сей точки, а не изъ Якутска, власть начала распространяться на окрестныя орды, Камчатка не такъ скоро сдѣлалась-бы принадлежностію нашего отечества, а съ нѣмъ вмѣстѣ Великому Россіи не довелось-бы начертить инструкцію для морскаго обозрѣнія пролива и берега Сѣверо-Восточной Америки.

Второе образованіе обширнаго края, безъ прекословія, принадлежитъ къ открытію Иркутскаго Намѣстничества. Тутъ Управленіе явилось въ важныхъ и блестящихъ образахъ; лучи его разлились даже въ малолюдныя пустыни. Человѣкъ воспрянулъ, и услышалъ свое имя.

Движеніе, говорятъ, безконечно продолжается въ пустотѣ: такъ и движеніе образовательное, если оно сообщено духу народа, а не поверхности вещей, продолжаетъ свое дѣйствіе, хотя-бы частію и измѣнились внѣшніе образы. Пусть бросятъ преграды на пути: человѣкъ, уже вразумленный, отодвинетъ ихъ, и самыя силы природы откликнутся на помощь. Я видѣлъ въ настоящемъ году, по городамъ, свидѣтельства подобной дѣятельности

Digitized by Google

и благоустройства, какихъ не видали за 30 лѣтъ.

Вотъ исторія Губерніи! Она пишется въ Иркутскѣ подробнѣе, нежели какъ я пишу, съ изображеніемъ дѣлъ и характера мѣстныхъ правителей; это конечно не лѣтопись Тацита, но Тацитъ, при имени котораго празднуетъ душа, чувствительная, гравировалъ истины своего отечества съ подобныхъ памятныхъ шпрадей. Архивъ правительственный раскрылъ-бы ему одни акты республики, а не чувства и мысли Римлянъ. — Довольно для исторіи!

Поверхность.

Земная поверхность губерніи = 24 милл квадратныхъ верстъ. Географъ, смотрящій на одну карту губерніи, легко путешествуетъ съ горнешомъ отъ концовъ хребта Саянскаго къ группѣ Байкальскихъ горъ, потомъ къ протяженію Яблонныхъ и Становыхъ горъ, и, вѣроятно, воображаетъ, что прочее пространство есть равнина. Но изъ минералогическаго описанія Академика Севергина уже замѣчено, что только горы, и не широкіе роздыхи между горъ, составляютъ поверхность губерніи. Отъ р. Кана до пр. Берингова, отъ кр. Горбицы до острога Брацскаго, сія поверхность безпрерывно, или холмится, или перебѣгаетъ въ нарочитые кряжи горъ.

Digitized by Google

Большихъ равнинъ здѣсь нѣтъ; одни долины залегли между гористыхъ кряжей, и называются *падями*. Степи здѣшнія также суть промежутки между горъ, всегда видимыхъ, да и такъ ихъ мало, что не трудно-бы сосчитать.

Красивыя долины суть: Кенонская, Хоринская, Кудинская, Тургинская, Балаганская, и пр.; красивыми мѣстоположеніями гордится при крѣпости: Окша, Кудара и Тунка (*); сюда-же можно причислить окрестность Якутска. По наружной игрѣ природы, довольно замѣчательна первозданная набережная по лѣвому берегу Лены, выше областнаго города; она, какъ-бы опасаясь единообразія, многократно прерывается и опять начинается по другимъ зодческимъ чертежамъ. Къ большему-же удивленію, видите на правомъ берегу столпообразные ряды вывѣтрившихся известныхъ грудъ, которыя вышиною, очертаніемъ и многочисленностію, издали представляютъ какія-то чудныя развалины.

Верхняя плева земной поверхности, въ здѣшней губерніи, по большей части песчанистая, частію глинистая, и рѣдко черноземная, не глубока отъ первозданной корки, или черепа. Сей

(*) Когда я былъ въ Тункѣ, приходило на мысль, не въ родствѣ-ли будетъ *Тонкинское* Королевство нашимъ Тонкинскимъ Буряшамъ?

Digitized by Google

черепъ, будучи сплошнымъ минеральнымъ, лежитъ почти въ наготѣ по горамъ, да и въ долинахъ не далекъ отъ верхней плевы (*), ибо тѣмъ изъяснится всеобщую минеральность ключей, рѣчекъ, рѣкъ, озеръ, какъ не близостію минеральнаго черепа къ верхнему слою земли? Прибавьте еще къ тому богатый запасъ окаменѣлостей, и доказательность волканическихъ изверженій, начиная отъ краевъ Камчатки до Урала Тунки.

Населенность.

Населенность осѣдлая здѣсь прочеркнута, большею частію по рѣкамъ и трактамъ; послѣдняго условія недавно держались при назначеніи новыхъ водвореній.

Населенность состоитъ въ 200,000 душъ м. пол.; слѣд. она содержится къ поверхности, какъ 1 : 120. Не душно, кажется, жить четѣ обоего пола на квадратномъ достояніи 120 верстъ. Русское племя содержится къ числу инородцовъ, какъ 1 : 4. Два сіи содержанія показываютъ, что для обхвата столь неимовѣрнаго

(*) Въ нѣкоторыхъ долинахъ пытались рыть колодцы для новыхъ поселеній, но не успѣвали открыть воды. Удивлялись; но причина очевидна, т. е. первообразный черепъ, плотный, крѣпкій, тотчасъ выказывался.

Digitized by Google

пространства, въ видѣ однихъ первообразныхъ занятій, уже не оставалось-бы излишнихъ рукъ; что рыбные промыслы, даже по Байкалу, далеко не обняли своего дѣла, въ соразмѣрности естественнаго изобилія и общественнаго продовольствія, и что развитіе искусственной части, какъ увѣнчаніе избыточной населенности, должно быть, какъ и въ самомъ дѣлѣ находится, въ грубомъ начинѣ. Цеховымъ, такъ несвойственно лакомящимся отъ препорученій по питейному откупу, пора-бы вразумиться въ истинныя отправленія своего званія; но, какъ видно, испытываемыхъ въ продовольствіи нуждъ еще не довольно къ тому, чтобы заставить понять честную цѣль, въ законахъ изрѣченную. Для чего-бы Градскимъ Думамъ, съ своей стороны, не руководствовать сограждан къ мастерствамъ выпискою мастеровъ, или учрежденіемъ техническихъ заведеній?

Тельминская суконно-стеклянная, Солдатовская стеклянно-фаянсовая фабрики, какихъ-бы степеней совершенства онѣ ни достигли, столь-же мало могутъ быть вывѣсками рукодѣльнаго искуства, какъ пневматическій насосъ, прекрасный гальваническій снарядъ, и другія орудія, какими владѣетъ Иркутская Гимназія. И орудія и мастеровые присланы.

Въ Сибири, какъ и въ здѣшней губерніи, со-

Digitized by Google

ставлены ремесленные домы, изъ присыльныхъ ремесленниковъ, въ поправленіе незаботливости градскихъ обществъ; но въ видахъ городскаго хозяйства справедливо можетъ помѣститься вопросъ: полезны-ли заведенія сего рода?

Условія полезности техническихъ заведеній должны естественно заключаться въ томъ, 1-е чтобы распространять и совершенствовать искуственную дѣятельность въ коренномъ классѣ народа, который, самою городскою жизнію и узаконеніями, обреченъ къ упражненіямъ въ искусствахъ; 2-е чтобы навыки искуственные переходили отъ отца къ дѣтямъ, въ видѣ наслѣдія, или капитала потомственнаго; 3-е чтобы довѣренность общества къ лицамъ, мастерствами занимающимся, обеспечивалась увѣренностію въ искуствѣ, честности и точности исполненія. Могутъ-ли сіи условія быть согласованы съ Сибирскими ремесленными домами? Но во всякомъ случаѣ остается вопросъ не рѣшеннымъ: какимъ назначеніямъ должны посвящать свои способности цеховые? На какихъ надеждахъ благосостояніе семействъ ихъ обопрется?

Естественная производительность.

Г-нъ Зябловскій, дабы исполковать не богатую плодородность южной части губерніи, относитъ сіе къ холодности, а самую холодность

Digitized by Google

главнѣйше: а) къ множеству горъ, съ юга заграждающихъ губернію отъ южной теплоты, и б) къ восточному положенію ея. Но отвѣтъ противъ перваго написанъ на поляхъ Красноярской округи, которая независимо отъ того, что также закрываютъ ее съ юга Саянскіе хпалеры, славится плодородіемъ. Кому притомъ неизвѣстно, что степени теплоты зависятъ отъ меньшей косвенности лучей, а частію и отъ земной почвы, больше или меньше способной къ содержанію теплоты. Что-жъ касается до втораго мнѣнія, трудно отдать себѣ отчетъ въ основательности его, потому что отношеніе восточности, какъ и полуденности, принадлежитъ каждому возможному меридіану. Справедливѣе было-бы искать причину холодности въ выпукломъ и гористомъ положеніи губерніи, въ минеральности первоначальнаго черепа поверхности, и въ непросыхающей, неизмѣримой тундрѣ.

По приличію упомяну о двухъ мѣстныхъ мнѣніяхъ, какія засталъ я въ Якутскѣ и въ Иркутскѣ. Въ первомъ мѣстѣ увѣряютъ, что въ послѣднія 40 лѣтъ, послѣ бывшаго въ то время сильнаго землетрясенія, атмосфера сдѣлалась умѣреннѣе и теплѣе, а въ Иркутскѣ разглашаютъ, что въ южной части губерніи расширеніе воздуха, въ послѣднія 20 лѣтъ, оказывается не такъ благопріятнымъ для прозябеній. Первому слуху трудно довѣрять, когда термометры въ

Digitized by Google

Якутскѣ утверждаютъ пропивное, а впрочемъ можетъ имѣть вѣроятность, по недовѣдомымъ категоріямъ метеорологіи. Тутъ не легко согласить только то, почему-бы землетрясеніе, которое горизонтальнымъ движеніемъ, безъ сомнѣнія, можетъ оплодотворять холодную и лѣнивую почву, было благотворно для Якутска, а не для южной части, гдѣ содроганія земли бываютъ чувствуемы каждый годъ.

Главная помѣха для прозябеній въ южной части губерніи, по временамъ, происходитъ: а) отъ сухихъ и холодныхъ вѣтровъ, весною продолжающихся; б) отъ недостатка благовременныхъ дождей, и в) отъ холодовъ (инеевъ), побивающихъ хлѣбъ, иногда въ цвѣтѣ, иногда въ наливѣ. Тлетворность послѣдняго случая умѣряютъ своимъ испаренійемъ утренніе туманы, по косогорамъ кстати иногда разстилающіеся, если только посѣвы хлѣба бываютъ на косогорахъ. Отъ того-то происходитъ, что на одномъ и томъ-же урочищѣ волнуется жатва обильная, а пониже ея на одинъ, такъ сказать, серпъ, другая у сосѣда до осени зеленѣетъ, какъ трава.

Остановимся на секунду, чтобы взглянуть, какъ по степенямъ широты, по сей нисходящей лѣствицѣ силъ, природа здѣсь тощаетъ и замираетъ къ Сѣверу! Около Онона видите усилія персиковыхъ деревъ, просо и гречуху; на сѣверной сторонѣ Байкала, подобія дикихъ ябло-

Digitized by Google

ней, съ крошечными плодами, и всякое хлѣбное зерно; около Киренска ячмень съ огородными овощами, кедровые лѣса съ орѣхами; около Амги ячмень, въ самое счастливое лѣто; далѣе Верхоянска, вмѣсто красивой березы, уже одинъ бѣдный ерникъ, какъ сиротy; а далѣе, на тундрахъ, врачебные мхи и продолженіе, можетъ быть, морошки и клюквы, сихъ благодѣтельныхъ, слава Богу, даровъ въ цынготномъ климатѣ. Такъ умаляетъ природа даянія свои къ сѣверу, со стороны прозябающей снѣди, и въ возмездіе недоимокъ, она-же усугубляетъ щедроты приваломъ вкусныхъ морскихъ рыбъ, налетомъ дичи, и спранствованіемъ млекопитающихъ двукопытныхъ, въ обратномъ содержаніи разстояній къ тому-же сѣверу. Но произнесешь-ли печальный deficit? Ни въ какой широтѣ губерніи вы не увидите медоваго дупла, ни парящаго по воздуху руна златоперыхъ пчелъ, и навсегда отчайпесь услышать соловья, пѣвца весны и любви! Здѣсь поэма сама природа, и природа не думала о солистѣ.

Нѣтъ, не мое дѣло вводить васъ въ плодовитое царство животныхъ, обмежевавшихъ въ здѣшнемъ краю и самого человѣка; не мое дѣло знакомить васъ съ несчетными растеніями и минералами. Молодые, прудолюбивые Сибиряки, новаго, высшаго образованія, примутся на вѣр-

Digitized by Google

ное (*) за сіи важные уроки Естества. Лѣтописи наукъ впишутъ имена ихъ съ лучшею торжественностію, нежели имена Иперборейцовъ, по справеднымъ заслугамъ увѣковѣченныя Иродотомъ.

15 Декабря 1814.
Въ Иркутскѣ.

(Продолженія надѣемся).

РАЗЗОРЕНІЕ ИНАДЫ.

Надобно признаться, что мы гораздо молчаливѣе нашихъ собратій Европейцевъ, когда дѣло идетъ о подвигахъ народныхъ. Во Франціи явится немного важное событіе—о немъ трубятъ сотни журналовъ, впорятъ десятки книгъ; этого не довольно: изъ областей литературы оно переходитъ на мебель, на посуду, и дамы спѣшатъ придумать въ честь ему новомодные

(*) Семенъ Семеновичъ Щукинъ, къ шпагу Иркутской Гимназіи принадлежащій, дѣйствительно заготовляетъ минералогическое описаніе губерніи, какъ я извѣстился въ Январѣ 1828 года. Онъ-же собралъ не маловажные правники.

Digitized by Google

уборы. Всякая крайность имѣетъ свою смѣшную сторону: но у насъ прошивный порокъ. Мы, какъ будто довольные шѣмъ что удалось сдѣлать, не любимъ много толковать о шомъ. Наши писатели, кажется, забываютъ, что нужно представлять народу его славу, такъ-же какъ нужно ветерану напоминать передъ бишвою о побѣдахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Все это сказано вообще; перейдемъ къ примѣненію. Передъ нами отечественная война прошивъ Турціи, война, въ которой дѣло идетъ о поддержаніи чести Государственной и о спасеніи угнетаемыхъ. Казалось-бы, не льзя съ довольною подробностью описывать подвиги, которыя она подала уже случай Россійскому оружію совершишь минувшимъ годомъ. Однако мы доселѣ терпѣливо довольствуемся оффиціяльными реляціями, которыя хотя и драгоцѣнны по своему безпристрастію и относишельной подробности, однако могутъ и должны лишь доставлять понятіе объ общемъ ходѣ военныхъ операцій. Но собирашь и обнародывать разбросанныя черты мужества или смѣлаивости воинской—дѣло частныхъ людей, дѣло всѣхъ занимающихся шекущею Словесностію. Если какое нибудь изданіе заслуживаетъ у насъ похвалу въ семъ отношеніи — это Тифлисскія Вѣдомости.

Но какъ образецъ лучше наставленія, то мы предложимъ здѣсь подробности нападенія на Инаду,

Digitized by Google

которое безъ сомнѣнія займетъ мѣсто почетное въ исторіи минувшей кампаніи противъ Турковъ. Сіи подробности намъ переданы достовѣрнымъ очевидцемъ.

Въ настоящую войну начали въ полной мѣрѣ сбываться великія предначертанія Императрицы Екатерины II, основательницы нашего флота Черноморскаго. Доселѣ еще не было эпохи, въ которую-бы флотъ сей оказалъ подобную дѣятельность. Предводимый Адмираломъ историческаго имени, А. С. Грейгомъ, онъ участвовалъ во взятіи двухъ противулежащихъ твердынь Чернаго моря, Анапы и Варны, истребилъ нѣсколько непріятельскихъ конвоевъ, и въ тоже время его крейсеры браздили Понтъ Эвксинскій во всѣ стороны, появлялись неожиданно при вратахъ Босфора, и уничтожая все что ни встрѣчалось, отрѣзывали Турецкіе корабли изъ-подъ самыхъ пушекъ баттарей непріятельскихъ. Добыча, доставшаяся неустрашимымъ каперамъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцовъ, превзошла всѣ вмѣстѣ сложенные призы прошедшихъ войнъ Россіи съ Портою.

Турки, наспигаемые и тѣснимые повсюду сими отважными экспедиціями, не нашли лучшаго средства, какъ обставить баттареями и небольшими редутами всѣ пункты Европейскаго своего берега, гдѣ Черноморскія суда ихъ могли имѣть пристанище.

Digitized by Google

Средоточіемъ сихъ береговыхъ укрѣпленій служила Инада или Ніада. Заливъ ея составляетъ хорошій рейдъ. Турки на берегу заложили два редута, укрѣпили ихъ артиллеріей и правильной ружейной обороною, и готовили еще два такіе-же. Сіе мѣсто издавна было укрѣпленнымъ; на немъ видны развалины башенъ старинной крѣпости. Одна изъ нихъ уцѣлѣла еще отъ сокрушающаго времени. Это было высокое шестиугольное строеніе о 3-хъ этажахъ, имѣвшее 36 саженей въ окружности и складенное прочно изъ дикаго камня; оно возвышалось на самомъ берегу, неся на себѣ слѣдъ нѣсколькихъ столѣтій. Сію-то башню обнесли Турки главнѣйшимъ изъ редутовъ, и подъ ея сводами учредили артиллерійское и военное депо, гдѣ сохранялось до 900 пудовъ пороха, около 50 ш. пашроновъ, со множествомъ воинскихъ и огнестрѣльныхъ снарядовъ всякаго разбора. Около редута находилось еще нѣсколько магазиновъ, лавокъ и до 20 жилыхъ домовъ, изрядно выстроенныхъ. Верстахъ въ 27-ми отъ сего мѣста лежитъ городъ Самаковы съ своими заводами, гдѣ отливаются ядра и другія чугунныя вещи, доставляемыя въ Инаду для отвоза въ Стамбулъ. Лишнее обстоятельство, побудившее укрѣпить сію послѣднюю и сдѣлать неприступною.

Плѣнные Греки донесли Адмиралу Грейгу, что гарнизонъ въ Инадѣ слабъ и завладѣть

Digitized by Google

ею возможно. Адмиралъ сообразилъ стратегическую важность сего пункта, страхъ, который паденіе Инады должно было произвести въ Константинополѣ, ошкуда она въ 80 верстахъ, наконецъ славу нападенія на мѣсто укрѣпленное, въ такой близости отъ столицы непріятельской. Немедленно отрядилъ онъ два фрегата, Рафаилъ и Поспѣшный, одинъ шлюпъ и одинъ кашеръ, и ввѣривъ экспедицію храброму Капитану Кришскому, предписалъ ему захватить пушки, и истребить все остальное.

12-го Августа, вечеромъ, Капитанъ Кришскій отправился; 14-го подъѣхалъ онъ на весьма близкое разстояніе къ Инадѣ, осмотрѣлъ мѣстоположеніе и составилъ планъ атаки. 16-го въ 3 часа по полудни соединился онъ съ Рафаиломъ, крейсировавшимъ у Босфора: сей фрегатъ привелъ съ собою бриганшину Елисавету. Медлить было не зачѣмъ. Въ тотъ-же вечеръ начали готовить высадку, для которой считая и унтеръ-офицеровъ, выбрано всего на все 370 человѣкъ подъ начальствомъ самого Г-на Кришскаго. Ихъ снабдили трехъ-дневнымъ запасомъ сухарей, всѣми потребными орудіями сапернаго дѣла и двумя трехъ-фунтовыми фалконетами, въ замѣнъ полевыхъ пушекъ. Послѣ того условлены сигналы и сдѣланъ опытъ: во сколько времени сгараетъ фитиль извѣстной длины, дабы, если случится

Digitized by Google

взорвать пороховой погребъ, люди могли заблаговременно думать о своей безопасности.

На другое утро, послѣ молитвы зоревой, громко прочтенъ приказъ, гдѣ воинамъ объявлена воля начальства и приведено въ память «что побѣдителемъ обыкновенно остается тотъ, кто упорнѣе сражается.» Въ 9 часовъ утра, всѣ наши корабли, сообразно плану атаки, подошли въ боевомъ порядкѣ на картечный выстрѣлъ къ крѣпости; Турки не замедлили открыть по нихъ огонь и сначала стрѣляли необычайно мѣшко, но коль скоро корабли бросили якорь, и экипажи ихъ, управясь, начали дѣйствовать картечью, непріятель замѣшался и попадалъ гораздо рѣже.

Не прошло получаса послѣ начала перестрѣлки, когда гребныя суда, нагруженныя десантомъ, поплыли къ берегу; между тѣмъ бригантина съ катеромъ придвинулись къ нему какъ можно ближе, покровительствовать высадкѣ. Гребныя суда плыли въ баталіонномъ порядкѣ, такъ что люди, выскочивъ на берегъ, могли немедленно занять свои мѣста и выстроиться къ бою. Тихій попутный вѣтеръ сопровождалъ отважныхъ; черезъ $\frac{1}{4}$ часа высадка уже была на сушѣ, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ первой баттареи, и воины фронтомъ двинулись впередъ.

Спустившись на землю непріятельскую и не-

Digitized by Google

извѣстную, удаленные отъ флота, отъ всякаго пособія, они могли надѣяться только на Бога и на самихъ себя. Инада окружена множествомъ деревень богатыхъ; къ югу въ 18 верстахъ лежитъ городъ Мидія; къ сѣверу въ 15-ти деревня Резвѣ; къ западу въ горахъ видѣлось еще третье большое селеніе. Начальникъ ободрялъ офицеровъ, офицеры служителей. Вдругъ увидѣли сигналъ фрегата Поспѣшнаго, что со стороны сѣвера приближаются Турки; это еще болѣе воспламенило храбрыхъ; они быстрѣй пошли впередъ, и черты ихъ изображали увѣренность въ успѣхѣ. Зная, что единственное средство, совершить дѣло счастливо, была быстрота неутомимая, Командиръ установилъ не брать ни куска пищи до полнаго окончанія подвига; офицеры, рядовые громко воскликнули: «рады!» и послѣдствіе доказало, сколь они тверды въ послушаніи.

Непріятель показался; онъ вышелъ на встрѣчу, оспорить узкій проходъ къ баттареѣ между моремъ и болотомъ; наши сдѣлали по немъ убійственный залпъ и съ крикомъ: ура! бросились въ штыки; онъ разбѣжался въ лѣсъ и они двумя мѣстами ворвались въ редутъ, потерявъ одного убитаго на мѣстѣ и четырехъ раненыхъ. Турковъ легло 12; трое достались въ плѣнъ.

Но сей успѣхъ еще ничего не значилъ, доколѣ оставалось взять другой редутъ, который при-

Digitized by Google

мыхая къ прешьему и сосшавляя съ нимъ родъ цишадели, обнималъ внушри себя грозную башню, и казался несравненно опаснѣе перваго. Капишанъ Крипскій, не шеряя ни минуны, усшремился къ оному, осшавивъ для защиты взяшаго укрѣпленія 60 человѣкъ подъ начальсшвомъ Лейшенанша Конорани; сему офицеру оподалъ онъ въ распоряженіе и всѣ гребныя суда, приказавъ нагрузишь на нихъ легчайшія изъ пушекъ, въ укрѣпленіи найденныхъ, и заклепашь осшальныя.

Капишанъ могъ едва удерживашь неперпѣливыхъ воиновъ; онъ велъ ихъ сшройно, шихимъ шагомъ, ежеминушно ожидая огня непріяшельскаго. Но его предусмошришельносшь обмануша была оплошносшію Турковъ: и шакъ уже шревожимые пальбою фрегашовъ, они не разсудили ждашь новаго написка и бѣжали изъ редуша въ сосѣдсшвенныя горы.

Инада была наша; но по всему надлежало опасашься, что скоро непріяшель возвращишся задавишь насъ превосходной силою. Теперь нужна была вся дѣяшельносшь храбраго опряда, чшобы исполнишь цѣль ашаки и до возврашa непріяшеля забрашь на суда всю аршиллерію редушовъ. Въ коропкое время сосшавлена у берега присшань изъ пушечныхъ сшанковъ, и весь неимовѣрный шрудъ переноски окончанъ въ продолженіе 5-ши часовъ времени, послѣ чего десанпъ благополучно

Digitized by Google

возвратился на фрегаты въ 8 часовъ вечера, съ потерею одного только рядоваго.

Между тѣмъ догорѣлъ фишиль, оставленный подъ башнею, гдѣ хранился порохъ и другіе снаряды. Ночь была ясна, море спокойное плескалось волнами вкругъ судовъ нашихъ. Въ 10 часовъ вечера, вдругъ показался большой пламень, непосредственно за нимъ густое облако дыма, и въ тотъ-же мигъ разразился такой громъ, что оба фрегата закачались, а на шлюпѣ, стоявшемъ всѣхъ ближе отъ берега, лопнули всѣ стекла. Гранаты, брандскугели, патроны, скорострѣльныя трубки, съ трескомъ летали во всѣ стороны по воздуху, и, какъ волшебный фейерверкъ, бороздили небосклонъ огнистыми чертами. Огромные каменья заносило въ самымъ фрегатамъ нашимъ, болѣе чѣмъ за полверсты разстоянія отъ берега.

Лишь на другой день можно было видѣть всѣ послѣдствія побѣды. Не оставалось ни одного слѣда не только Турецкой башни, но и редута, ее окружавшаго: все было разрушено силою вчерашняго взрыва. Всѣ домы, магазины, все, что горѣть могло въ Инадѣ, достапалось пламени въ добычу. Если присовокупить вышепоказанное нами количество запасовъ и снадобьевъ воинскихъ, кои хранились въ башнѣ и всѣ истреблены при этомъ случаѣ, то можно вообразить себѣ вредъ, нанесенный Туркамъ сею высадкой. Во власти побѣдителей остались, кромѣ троихъ тяжело ране-

Digitized by Google

ныхъ плѣнниковъ, 12 орудій, въ числѣ которыхъ было 5 пушекъ, 4 мѣдныхъ и 3 чугунныхъ единорога. Непріятелей, занимавшихъ редуты наканунѣ, по соображеніямъ о числѣ палатокъ, покрывавшихъ берегъ, и по другимъ признакамъ, могло быть не менѣе трехъ сотъ. Будь они менѣе оплошны, трудно-бы прогнать ихъ изъ укрѣпленій, устроенныхъ по всѣмъ правиламъ искусства.

Яркій восходъ солнца освѣтилъ наше торжество. На берегу дымились развалины Инады; отъ нихъ не вдалекѣ толпилось великое число Турецкой конницы, собравшейся ночью, но еще не дерзающей приблизиться. Въ сіе время Командиръ велѣлъ изготовить корабли къ отплытію, но прежде прочтенъ отъ его имени приказъ, гдѣ онъ, благодаря Офицеровъ и нижніе чины за оконченный подвигъ, обѣщалъ довести ихъ усердіе до свѣдѣнія высшаго начальства. Отвѣтомъ было громкое, продолжительное: ура! Корабли снялись съ якорей, и восклицанія торжественныя не умолкали до тѣхъ поръ, пока могли они доспѣгать устрашеннаго слуха недвижныхъ непріятелей.

Digitized by Google

БЕСѢДА

Кембриджскихъ Профессоровъ съ Московскимъ Митрополитомъ Платономъ въ 1800 году (*).

При посѣщеніи нашемъ Московскаго Митрополита Платона въ Перервинскомъ монастырѣ, гдѣ помѣщается Семинарія въ довольно близкомъ разстояніи отъ города, мы удивлены были противоположностью великолѣпія, среди коего прежде видѣли сего Архипастыря. Давно я искалъ случая говорить съ симъ знаменитымъ человѣкомъ; онъ былъ наставникомъ Павла I-го; переписка съ Дюпинсомъ давно сдѣлала его извѣстнымъ въ Англіи.

По пріѣздѣ нашемъ въ монастырь, намъ сказали, что Платонъ прогуливается въ саду, обрабатываніе коего составляло его главное удовольствіе, что показывало невинность и простоту его нрава. Въ саду мы нашли его сидѣвшимъ на деревовой скамейкѣ, подъ окнами монастырской трапезы, съ престарѣлымъ Епископомъ, его Викаріемъ, настоятелемъ монастыря и нѣсколькими

(*) Отрывокъ изъ Путешествія Э. Д. Кларка по Россіи, Турціи и Татаріи.

Digitized by Google

монахами: я не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда мнѣ сказали, что это *Платонъ*. Какъ я его часто видалъ въ Архіерейскомъ облаченіи, то мнѣ невозможно было его узнать въ простой одеждѣ, которая его совершенно перемѣнила. Онъ былъ въ полосатомъ шелковомъ халатѣ, въ колпакѣ на головѣ; на ногахъ были шерстяные чулки, а сверхъ оныхъ носки самой грубой работы; онъ иногда былъ безъ туфель; въ нѣкоторомъ разстояніи я примѣтилъ желтыя туфли, а возлѣ него на той-же скамейкѣ лежала шляпа съ широкими полями, похожая на шляпы Альпійскихъ пастуховъ, и въ дополненіе сходства съ ними, букетъ увядшихъ цвѣтовъ приколотъ былъ къ шляпѣ. Его сѣдая борода, кротость и одушевленіе въ чертахъ лица, придавали ему самую пріятную выразительность. Онъ пожелалъ узнать, кто мы таковы, и узнавъ, что мы Англичане, сказалъ: «Какъ! всѣ Англичане? Дивлюсь, что могли найдти «столь занимательнаго въ Россіи ваши соотече- «ственники, дабы оставить свое отечество.» — Сказавъ это по Французски, онъ обратился къ монахамъ, спросилъ ихъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, понимали-ли они по Французски; но увѣрившись, что этотъ языкъ имъ былъ совершенно неизвѣстенъ, онъ посадилъ меня возлѣ себя, а другіе сдѣлали около насъ кружокъ, и онъ началъ съ нами разговоръ, въ коемъ показалъ свою ученость, умъ и чистосердечіе, удивительные для

Digitized by Google

всѣхъ путешественниковъ въ такой странѣ и въ такое время. Едва-ли моя память удержала и часть разговора, который относился къ нравамъ его соотечественниковъ. «Вы, можетъ быть, на «меня смотрите, какъ на предметъ любопыт- «ства, и находите меня въ сію минуту гото- «вымъ къ вашимъ наблюденіямъ, сказалъ онъ мнѣ, «показывая на шерстяные чулки и странный свой «нарядъ. Вы видите старца, согбеннаго подъ бре- «менемъ лѣтъ и недуговъ.» — Я отвѣчалъ, что имѣлъ честь видѣть его, окруженнаго отличнымъ великолѣпіемъ, въ ночь Свѣтлаго Воскресенія, въ Успенскомъ Соборѣ, въ Кремлѣ.—«А что вы ду- «маете объ этомъ торжествѣ?»—Я объ немъ ду- мано, какъ объ самомъ великолѣпномъ, какое я только видѣлъ, не исключая и благословенія въ Римѣ. — «И трогательномъ, примолвилъ Пла- тонъ.»—Конечно, отвѣчалъ я.—Услышавъ это, онъ улыбнулся, пожалъ плечами и сказалъ: «Вы про- «вели только одну ночь, чтобъ видѣть обрядъ «той вѣры, которой не исповѣдуете, и называе- «те этотъ обрядъ трогательнымъ!» —

Потомъ мы осматривали садъ, любовались красотою мѣстоположенія и ясностью воздуха. «Не «предпочитаете-ли вы нашъ климатъ вашему,» спросилъ Митрополитъ меня.—Я отвѣчалъ, «что «если сказать правду, то я нахожу Русскій кли- «матъ суровымъ; но здѣсь зима не такъ сыра, «какъ въ Англіи, и воздухъ чистъ и сухъ.»—«О!

Digitized by Google

« весьма сухъ, » сказалъ онъ, « вотъ отъ этого-
« то посохли у насъ плодовитыя деревья. » —

Потомъ онъ меня спрашивалъ, куда я ѣду изъ Россіи, и узнавъ, что въ Татарію и Константинополь, сказалъ : « Сохрани васъ Боже! какое пу-
« тешествіе? Но для Англичанъ нѣтъ ничего
« труднаго; они объѣздили всѣ части свѣта. Мой
« братъ путешествовалъ ; онъ воспитывался въ
« вашемъ отечествѣ, въ Оксфортѣ (*); а я боль-
« ше нигдѣ не бывалъ, какъ въ Петербургѣ и Мо-
« сквѣ (**); однакожъ мнѣ было-бы пріятно путе-
« шествовать, если-бъ открылся случай. У меня
« любимое чтеніе : *Описаніе путешествій*;
« недавно я читалъ *Путешествіе Лорда Ма-*
« *картнея*, » (и сіи слова онъ произнесъ съ значительною улыбкою, которую легко можно было понять). Потомъ опять переходя къ воспитанію своего брата, онъ сказалъ : « Англичане его вы-
« учили говорить по своему. Онъ на Англійскій ма-
« неръ началъ-было проповѣдывать намъ Русскимъ;

(*) Алексѣй Левшинъ. См. Письмо въ 1769 г. изъ Оксфорда Ѳомы Новелла, которому поручилъ надзоръ за ученіемъ брата своего. Fasciculus litterarum, quas præclari viri dederunt ad Emin. D. Platonem, Archiepiscopum Mosq. Petropoli. 1776.

(**) Въ 1804 г. Платонъ путешествовалъ въ Кіевъ и описалъ свое путешествіе, изданн. послѣ смерти его.

Digitized by Google

«его проповѣди столь прекрасныя, столь цвѣ-
«тущія, въ самомъ дѣлѣ превосходныя проповѣди,
«всѣ были переведены съ Англійскаго. Нѣкото-
«рые изъ вашихъ Богослововъ пишутъ очень хо-
«рошо, но съ неприличною вольностію. Разъ бы-
«ло разсуждаемо въ одной проповѣди, имѣетъ-ли
«право народъ низлагать своего Короля?»

Митрополитъ очень сердился на Дюпинса, что онъ напечаталъ его съ нимъ переписку безъ его позволенія; потомъ онъ говорилъ объ Вольперѣ и его перепискѣ съ Императрицею Екатериною. «Я Ее не видалъ никогда такою веселою и въ
«такомъ любезномъ расположеніи духа, когда Она
«могла мнѣ сказать, что получила письмо отъ
«Вольтера.»

Онъ намъ показывалъ комнаты прежняго Патріарха, который основалъ монастырь и построилъ церковь; онъ хотѣлъ ихъ сохранить въ прежнемъ видѣ. Келліи составляли маленькія готическія комнаты со сводами, гдѣ даже не было и библіотеки. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ узнать, есть-ли въ какихъ-нибудь библіотекахъ переводы классическихъ авторовъ на Славянскомъ языкѣ; онъ мнѣ сказалъ, что «нѣтъ, и что ниче-
«го не знаетъ достойнаго замѣчанія до временъ
«Патріарха *Никона*. Какъ я зналъ, что Платонъ весьма свѣдущъ въ Славянскомъ языкѣ, то и спросилъ у него, какое имѣетъ сей языкъ отношеніе съ Русскимъ. Онъ мнѣ сказалъ, что они

Digitized by Google

почти одинаковы; что все различіе заключается въ разныхъ нарѣчіяхъ, и что ни тотъ, ни другой ни малѣйшаго не имѣетъ сходства съ Финскимъ языкомъ.

Въ здѣшней Семинаріи до 150-ти воспитанниковъ обучаются Риторикѣ, Латинскому и Греческому языкамъ; послѣ опредѣленнаго времени ихъ посылаютъ для окончанія наукъ въ Москву, въ другія Семинаріи. Церковь высока и обширна; престолъ, гдѣ совершаютъ таинства, такой-же, какъ и въ другихъ Греческихъ и Русскихъ церквахъ, поставленъ въ алтарѣ за иконостасомъ; въ алтарь не позволяется входить женщинамъ.

Митрополитъ былъ въ нашей церкви въ Петербургѣ, и онъ замѣтилъ, что у насъ престолъ всегда открытъ, кромѣ того времени, когда совершаются таинства. «Это бережливость, которая непонятна и не сходна съ благочестіемъ и свободою Англійскаго народа.» Что́бы онъ тогда сказалъ, когда-бы увидѣлъ наши престолы приходскихъ церквей въ нашихъ провинціяхъ? Въ Россіи престолы покрываются самыми дорогими тканями, какія только можно достать, и, по большой части, бархатомъ и парчею.

28-го Мая мы видѣли Платона въ большомъ великолѣпіи въ Москвѣ, на похоронахъ Князя Голицына, въ церкви близъ Кузнецкаго моста. Въ головахъ гроба на каѳедрѣ своей сидѣлъ Митропо-

Digitized by Google

лишь, и по обѣимъ сторонамъ стояло высшее духовенство съ зажженными въ рукахъ восковыми свѣчами, по обыкновенію въ богатѣйшихъ облаченіяхъ. Отпѣваніе началось въ 10 часовъ утра. Получивъ дозволеніе присутствовать, мы стали между зрителями близъ самаго Митрополита. Пѣніе было высокое и торжественное. Можно было подумать, что пѣвчіе помѣщены въ самомъ куполѣ церкви. Всѣ молитвы оканчивались безпрестаннымъ повтореніемъ возгласа: *Господи помилуй*. Въ то время, когда Митрополитъ обернулся, чтобы благословлять, примѣтивъ насъ, прибавилъ по Латинѣ: *pax vobis-cum* (миръ вамъ), къ великому удивленію Русскихъ, которые не понимая сихъ новыхъ выраженій, перешептывались между собою. Сперва кадили иконамъ, а потомъ присутствовавшимъ; церемонія кончилась; Митрополитъ прочелъ въ слухъ отпускную, въ коей означалось, что умершій исповѣдывалъ истинную вѣру, что онъ исповѣдывался и причащался святыхъ таинъ, и что ему разрѣшены грѣхи. Потомъ оборотясь къ намъ въ то время, когда клали въ гробъ сію бумагу, сказалъ намъ по Латынѣ: «это то, что вы иностранцы назы-«ваете *паспортомъ*; вы, думаю, читали въ «своихъ путешествіяхъ, что Русскіе увѣрены, «будто безъ этого не льзя попасть въ рай; «но я вамъ изъясню, что дѣйствительно зна-«читъ сей обрядъ, дабы вы могли отъ меня

Digitized by Google

« увѣришь соотечественниковъ, что это ничто « иное, какъ письменное свидѣтельство о смер- « ти. » — Но потомъ примолвилъ онъ не такъ сурово: « Я полагаю, что вы все это опише- « те и, безъ сомнѣнія, Я когда нибудь увижу « картину, представляющую сіи похороны и « дряхлаго Миропполита, который даетъ опи- « пускную грамоту покойнику. » —

(Перев. Кн. А. Др. Ск–ій.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛИЛІЯ.

(Изъ Аттербома).

Я мила-ль сребристыми звѣздами?
Добрый пушникъ! нѣжными слезами
Ликъ мой блѣдный влажишь ты любя!
Въ рощѣ, луннымъ свѣтомъ осіянной,
Я росы пишаюсь дивной манной;
Нервы сердца оживаютъ снова
И мой вздохъ привѣтствуетъ тебя!

Пушникъ, знаешь-ли? я ангелъ плѣнный,
Вспоминаньемъ грустно наклоненный:
Чѣмъ была я, цвѣтъ мой говоришъ!
Брашъ мнѣ лебедь въ океанѣ бурномъ,
А луна сестра мнѣ, на лазурномъ
Небѣ, лилія другаго міра—
Вотъ свѣтило межь Божьихъ звѣздъ блестишъ!

Digitized by Google

Слушай: спонешь лилія земная!
Помню дѣтства жизнь, когда цвѣла я
На востокѣ... родиной моей
Благовонной былъ Эдемъ чудесный;
О любви духовъ святой, небесной,
Близъ меня голубка ворковала
Между померанцовыхъ вѣтвей.

И заря сидѣла молодая
На холмѣ; я, по небу летая,
Любовалась: міра свѣтлый шаръ
Пышно цвѣлъ, восторгомъ жизнь дышала
И весна на розахъ возлегала;
Духи всѣ во слѣдъ за мной, и пѣли:
«О смиренье, Бога лучшій даръ!»

Вошъ Адамъ, представъ мнѣ: «Ангелъ-дѣва,
Лилія! молю, внемли безъ гнѣва:
Будь моей невѣстой,» говорилъ;
«Я одинъ въ раю: мнѣ нѣшъ подруги!»
«Дерзкій сынъ земли! ищи супруги,
(Я въ ошвѣшъ) какъ самъ шы, земнородной;
Только богъ богинѣ будешъ милъ!»

Бога шронулъ онъ любви тоскою;
Гнѣвный Богъ послышался грозою:
«Гордая! земная будь и шы!
При концѣ временъ тебя прощая,
Вновь судья враша ошверзешъ рая!
Знай: не ошверженье нисшей швари
Грѣхъ-своей познанье высошы!»

Digitized by Google

Вздрогнувъ замерла я; гасли силы;
Помню только: съ плечъ упали крылы,
Смолкнулъ хоръ, исчезъ Еговы тронъ!
Я проснулась въ узахъ... свѣтъ тюремный!
Для видѣній высшихъ очи немны,
И напрасно слухъ свой напрягаю:
Долетишь-ли долу райскій тонъ!

Кратко лѣто—и мѣшаютъ бури
Возноситься мыслямъ къ той лазури,
Къ прежней, милой родинѣ моей!
Но меня зефиръ лишь полелѣетъ
Горнихъ арфъ отзывомъ, то и взвѣетъ
Къ тѣмъ мѣстамъ надежду, гдѣ прекрасно
Пѣлъ при тронѣ Божьемъ соловей.

Мнѣ подобенъ будь ты чистотою;
Возносися свѣтлою душою,
Сердце вѣчной Вѣрой оживляй—
И родные мы въ своемъ паденьѣ,
Мы земной юдоли украшенье!
Испытанье минетъ.... возвратятъ намъ
Крылья наши, юность, прежній рай!

Всякаго съ меня листа срыванье,
Всякое при васъ сносней страданье,
Чисто-голубыя небеса!
Око ночи, горнія лампады!
Къ вамъ подъемлю радостные взгляды
Въ часъ таинственный, когда погибнетъ
Здѣсь моя смиренная краса!

Digitized by Google

Если вѣешь въ сердцѣ чарованье;
Если слышишь нѣкое шепшанье,
Будшо свыше друга гласъ свяшой;
Если видишь въ западѣ багряномъ,
Какъ въ чершогѣ неба злашо-рдяномъ,
Тѣнь родную, слезъ швоихъ шричину,
И вошще искомую шобой:

Знай, шогда сребристыми звѣздами
Я милѣй, чѣмъ дѣвы между вами:
Мной въ шебѣ рожденъ чудесный жаръ!
Для невѣсшы юной шы, мечшая,
Просишь блеска бѣлой дѣвы рая,
И въ груди свяшое шепчешь чувсшво:
«*О смиренье, Бога лучшій даръ!*»

Барокъ Розенъ.

АРФА.

Мнѣ говоряшъ, чшо арфа золошая,
Дрожащая подъ дланію моей,
О другъ, была Сирена молодая;
Звучала пѣснь красавицы морей,
День гасъ—она моря переплывала
И юношу на брегѣ ожидала!

Напрасно! онъ не понялъ сшрасши нѣжной,
Не разгадалъ небеснаго чела!
На локоны, бѣгущіе небрежно,
Она вошще пошоки слезъ лила!
Ея шоскѣ шогда лишь небо вняло —
И въ дѣвѣ все злашою арфой сшало!

Digitized by Google

Ея чело всегда цвѣшетъ улыбкой,
Какъ прежде грудь высокою волной!
И дѣвы станъ тогда согнулся гибкой!
Съ власовъ слеза струилась за слезой
И слезы тѣ струнами арфы стали,
Когда на длань жемчужную упали!

Ротчевъ.

На смерть А. П. Эссена.

Онъ палъ—и храбраго могила,
Какъ одинокій цвѣтъ степей,
Мрачна, печальна и уныла,
Одна, далеко отъ друзей.
Ахъ! не придутъ къ тебѣ съ слезами
Оплакать прахъ любезный твой;
Не будутъ жадными устами
Лобзать могилы роковой.
Напрасно мать, сестра съ тоскою
Въ степи пойдутъ тебя искать;
Не мраморъ пышный надъ тобою
Тамъ будетъ взоры удивлять,
Но черный крестъ въ пескѣ глубокомъ
Прахъ осѣняетъ милый твой,
И путникъ скажетъ съ тяжкимъ вздохомъ:
Да будетъ миръ съ твоей душой!

Ек. Т—ва.

Digitized by Google

Мегеммедъ.

Нисшелъ Пророкъ, посланникъ новый неба:
Богошворишъ его Аравіи народъ;
Эмина (*) видишъ въ немъ свой первый плодъ,
И вѣшвь цвѣшущую пошомсшва Мушалеба (**);
Но онъ плодомъ земныхъ себя не признаёшъ.

Онъ говоришъ: «Есшь Богъ, сыны восшока!
Для вѣрныхъ онъ меня на землю ниспослалъ;
Кшо прошивъ Бога и Пророка?
На небѣ громъ, а здѣсь!.... » онъ умолчалъ;
Но ярко мечъ въ рукѣ пророческой сверкалъ.

«Восшокъ! шебѣ на лонѣ Абраэма
Ошверзшы горнія, сапфирныя враша,
И вѣчный цвѣшъ любви подъ альмами Эдема
Гошовишъ сладкія объяшья и усша!»

Кшо не повѣришъ исшинамъ Корана,
Огонь и мечъ ему во слѣдъ!
Арабовъ, посреди воинсшвеннаго сшана,
Закону праведному учишъ Мегеммедъ.

А. Вельтманъ.

(*) Эмина—машь Мегеммеда.
(**) Мушалебъ—его дѣдъ.

Digitized by Google

Къ Помпею Вару (1).

O saepe mecum tempus in ultimum
Deducte, Bruto militiæ duce,
Quis te redonavit Quiritem
Dïis patriis, Italoque cœlo,
Pompei, meorum prime sodalium!
Horat. Lib. II. Ode 7.

Повѣдай мнѣ о, Варъ въ бояхъ товарищъ мой,
Дѣлившій бѣдствія на поприщѣ единомъ!
Кто возвратилъ тебя богамъ отчизны родной,
Достойнымъ чести гражданиномъ (2)?

Воспомни время то, какъ медленны часы
Съ тобою пѣнистымъ виномъ мы сокращали,
И ароматами облитые власы
Сирійскимъ нардомъ (3) мы вѣнчали.

При Филиппіяхъ (4) я съ тобой позоръ нашъ зрѣлъ:
Тамъ, бросивши мой щитъ (5) въ постыдной самой долѣ,
Я видѣлъ гибельный воителей удѣлъ,
Костьми усѣявшихъ равнно поле.

---

(1) Сей самый Помпей Варъ служилъ вмѣстѣ съ Горація̀емъ, подъ знаменами Брута и Кассія.

(2) Ибо онъ прежде былъ изгнанникомъ.

(3) Благовонное растеніе.

(4) Мѣсто, гдѣ Брутъ и Кассій побѣждены были Августомъ и Антоніемъ.

(5) Храбрость не всегда бываетъ удѣломъ великихъ умственныхъ способностей: Горацій сему примѣръ; онъ чистосердечно сознается своему другу въ своей трусости.

Digitized by Google

Меркурій не отдалъ меня во власть врагамъ;
Скрывъ облакомъ, унесъ изъ сѣчи той кровавой;
А ты, по бурнымъ вновь помчался, другъ, волнамъ,

Стремясь за смертью, иль за славой.

Устрой-же торжество, обѣщанно тобой
Зевесу сильному, водителю къ спасенью!
И утомленные ты члены успокой

Деревьевъ лавровыхъ подъ сѣнью.

Массійскимъ нектаромъ бокалы наполняй:
Потопимъ въ ней всю грусть и всѣ заботы наши,
И благовонія душистыя изливай

Изъ полной и обширной чаши!

Кто-жъ будетъ намъ вѣнки изъ миртовъ подносить?
Кому главою быть пріятельскаго круга?
Не услышусь самихъ Эдоновъ (*) больше пить,

Безцѣннаго увидя друга!

А. Кирѣевъ.

(*) Народъ Ѳракійскій, извѣстный въ древности необыкновенною склонностію къ пьянству. Прим. Пер.

Digitized by Google

Разбойники, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Шиллера; переводъ съ Нѣмецкаго. Москва, 1828 г.

« Вотъ, наконецъ мы имѣемъ въ переводѣ и « Разбойниковъ Шиллера, » скажетъ почитатель геніяльной Музы Германскаго поэта, не видавъ еще перевода. Но, шакъ обманчивы всѣ наши надежды и радости! Русскіе Разбойники на Шиллеровыхъ похожи столько же, сколько жоко похожа на человѣка. Правда: вы найдете тѣже имена дѣйствующихъ лицъ, тоже число дѣйствій; явленія другъ за другомъ слѣдуютъ въ томъ-же порядкѣ— и болѣе ничего. Дѣло въ томъ, какъ говорятъ эти дѣйствующія лица? Г. Переводчикъ въ семъ случаѣ поступалъ деспотически: онъ прибавлялъ, убавлялъ, перемѣнялъ, какъ ему приходило въ голову, и по всему можно замѣтишь, что онъ плохо владѣетъ языкомъ Русскимъ, и хотя знаетъ языкъ Нѣмецкій, но во многихъ мѣстахъ вовсе не понимаетъ глубокихъ мыслей Германскаго поэта. Скажемъ здѣсь мимоходомъ, что Разбойники, начатые Шиллеромъ въ Штутгардской школѣ (Karlsschule), и изданные имъ въ 1781 году, « плодъ геніяльной юношеской нетерпѣливости и суроваго воспитанія» были первымъ драматическимъ его твореніемъ. Любопытно слышать, какъ самъ Авторъ говоритъ о себѣ: » Наклонность къ поэзіи оскорбляла постановленія школы, въ которой я воспитывался, и противорѣчила намѣреніямъ ея учредителя. Восемь

Digitized by Google

лишь мой энтузіазмъ боролся съ военными привычками этой школы, но страсть къ поэзіи была и сильна, какъ первая любовь; то, что, казалось-бы, должно было погасить, болѣе и болѣе ее раздувало. Дабы избѣжать отношеній, которыя служили мнѣ пыткою, я улеталъ сердцемъ въ міръ идеальный, не вѣдая дѣйствительнаго, отъ котораго отдѣленъ былъ жезломъ желѣзнымъ, не зная людей, ибо четыреста человѣкъ, окружавшихъ меня, были *одно* существо, вѣрная отливка одной и той-же модели, отъ которой пластическая природа торжественно отказалась, незнакомое съ наклонностями свободныхъ, самимъ себѣ на произволъ оставленныхъ людей, потому, что здѣсь была только одна привычка, которую назвать не хочу. Всѣ прочія силы человѣка были угнетены одною, судорожною, напряженною силою: всякая особность, всякая непринужденность въ безчисленныхъ оттѣнкахъ играющей природы, погибала въ правильныхъ шемахъ господствующаго порядка. Незнакомый съ прекраснымъ поломъ, потому, что двери школы отворялись, какъ узналъ я послѣ, женщинамъ въ тѣхъ лѣтахъ, когда онѣ не имѣютъ уже ничего привлекательнаго, или, когда онѣ уже потеряли всю прелесть, незнакомый съ людьми, съ судьбою человѣка, очень естественно, не могъ я найдти средней линіи, проходящей между ангеломъ и демономъ, и нарисовалъ чудовищъ, которыхъ, по счастію, не видимъ въ природѣ, и которыхъ желалъ-бы я обезсмертить для того только, чтобы мое созданіе могло служить вѣчнымъ приме-

Digitized by Google

находится расположеніе духа, съ *движеніями машины*»; у Поэта читаемъ: »Какъ гармонически созвучно (wie treffend die Stimmungen des Geistes) расположеніе духа съ отправленіями организма (mit den Bewegungen der Machine zusammen lauten). У Переводчика: »Что если-бы кто *проложилъ* смерти *путь* въ царство жизни, сею еще не *обработанной дорогой*; въ подлинникѣ находимъ: »Что, если-бы кто умѣлъ уравнять смерти еще непроложенный путь въ замокъ жизни (wer es verstünde, dem Tod diesen ungebahnten Weg in das Schloss des Lebens zu ebnen)? Переводъ: «Какія чувства вооружить;» у Шиллера: »Которое-же изъ нихъ (т. е. ощущеній Empfindnissen) мнѣ выбрать (wählen).» Переводъ: »Какая страсть можетъ сильнѣе *терзать*»— въ подлинникѣ: »Которое-же изъ нихъ гибельнѣе для цвѣта жизни (welche wol den Flor des Lebens am grimmigsten anfeinden).— Переводъ: »Гнѣвъ? нѣтъ, это жадный *тигръ* (въ подл. *волкъ*), и т. д. »*Опасеніе— пресмыкается, какъ улитка*». — Совершенно не такъ! У Шиллера сказано: »Заботы (Sorge)—» но эти черви точатъ медленно (dieser Wurm nagt mir zu langsam).»—Далѣе: »Скорбь? *грызетъ*, но продолжительно.» Опять таки не такъ: »Скорбь! но эта эхидна пресмыкается тихо (diese Natter schleicht mir zu träge). »Страхъ — но надежда не даетъ ему овладѣть собою (die Hoffnung lässt sie nicht umgreifen).» Переводчикъ продолжаетъ: »Чего не можетъ произвесть *внезапный ужасъ*? (въ подл. *испугъ*, Schreck). Вѣра, надежда, разумъ, ничто не можетъ противиться *хладнымъ объятіямъ сего исполина*.» У Шил-

Digitized by Google

лера сказано: »И что умъ, религія предъ ледяными объятіями сего гиганта?»— Переводъ: »О, *тогда* придите ко мнѣ на помощь—*горесть*, и ты, адская Эвменида, *раскаяніе*!» Опять невѣрно: Jammer не горесть, а скорѣе *печаль*, или *тоска*; послѣ существительнаго: *раскаяніе*, у Г. Переводчика опять пропущено нѣсколько строкъ, а именно: »Раскаяніе, ты, роющаяся змѣя (grabende Schlange), »пережовывающая свою пищу и пожирающая собственное свое изверженіе (Koth), ты, вѣчно уничтожающая и возсоздающая ядъ свой.» — Далѣе: »И ты, ревущее самообвиненіе, опустошающее собственное свое жилище.»— Слово: *ревущее*, не точно; у Шиллера сказано: *завывающее* (heulende). Послѣ существительнаго: жилище, опять пропускъ— *и уязвляющее родную мать свою*. Потомъ читаемъ въ переводѣ: »Тихо улыбающееся *воспоминаніе*, и ты, цвѣтущая будущность, и улетая покажите ему всѣ радости неба.» Въ подлинникѣ тоже, да не то: »Тихо улыбающееся прошедшее, и ты, »переполненный рогъ Амалѳеинъ—цвѣтущая будущность, покажите ему въ зеркалахъ вашихъ радости неба, межъ тѣмъ, какъ легкими стопами »будете удаляться изъ скупыхъ его объятій» (sanftlächelnde *Vergangenheit*, und du mit dem überquellenden Füllhorn, blühende *Zukunft*, haltet ihm in euren *Spiegeln* die Freuden des Himmels vor, wenn euer fliehender Fuss seinen geitzigen Armen entgleitet).

Для доказательства довольно одного этого отрывка. Вотъ, кажется, главныя правила, которыми руководствовался Г. Переводчикъ: тамъ, гдѣ Шил-

Digitized by Google

леръ былъ для него непонятенъ, онъ ставилъ свое, или вовсе пропускалъ; если эпитетъ, употребленный поэтомъ, не клеился по Русски, онъ его замѣнялъ самымъ обыкновеннымъ и пошлымъ; словомъ: вездѣ передавалъ почти только смыслъ подлинника, устраняя нерѣдко всю метафорическую *образность* (Bildlichkeit, если позволятъ мнѣ это выраженіе), которая казалась слишкомъ неприличною и надутою для переводчика. Языкъ перевода вообще нечистъ, необработанъ и столько-же неровенъ, какъ дороги осенью. Можно сказать смѣло, что разбираемый нами переводъ станетъ на ряду съ старинными переводами Элоизы и Вертера. Мы слышали очень забавный анекдотъ объ одномъ начкунѣ, который рѣшался переводить Шиллера потому только, что этотъ Г. N. N. и Шиллеръ — были оба ученики Медицинскаго факультета: счастливое сходство! Ужь и нашъ Г. Переводчикъ не увлекался-ли такого рода сходствомъ?

М. Л-нъ.

Digitized by Google

Traité de Physiologie appliquée à la Pathologie, par J. V. Broussais. Paris. 1823 et 1824 (*Разсужденіе о Физіологіи, примѣненной къ Патологіи*, соч. Бруссе),

Traité de Physiologie—pathologique, par Bégin. Deuxième édition. Paris. 1828. (*Разсужденіе о Физіологіи Патологической*, соч: Бежена. 2-е изданіе).

Précis élémentaire de Physiologie, par Magendie. 2 vol. in 8. Deuxième édition. 1825 (*Учебное начертаніе Физіологіи*, соч. Мажанди. 2 ш. in 8. 2-е изд.) (*).

Всѣ науки, въ высочайшемъ значеніи своемъ, имѣютъ одну цѣль: познаніе истины. Истина обнажается передъ нами двумя способами: посред-

---

(*) Статья сія заимствована нами не изъ какого либо Медицинскаго сочиненія, но изъ журнала, просто посвященнаго современнымъ событіямъ и читаемаго во Франціи свѣтскими людьми. Вотъ почему мы думаемъ, что она не будетъ лишнею и въ Телеграфѣ. Только невѣжды могутъ чуждаться предметовъ, которымъ они не посвятили себя исключительно. Намъ кажется, что Литтераторъ, или свѣтскій человѣкъ, не имѣющій общаго понятія о Физіологіи или Анатоміи, будетъ похожъ на Медика, незнающаго Граммапики или Географіи. Французы понимаютъ это: у нихъ Литтераторы не лечатъ людей и Медики не преподаютъ курсовъ Литтературы, но тѣ и другіе не чуждаются взаимныхъ знаній своихъ. Доказательствомъ этому служитъ

Digitized by Google

ствомъ опытовъ и посредствомъ сужденій. Какою-бы наукою кто ни занимался, но это вездѣ одинаково: умъ человѣческій, неизмѣнный подъ тысячью различныхъ формъ, въ познаніи всегда дѣйствуетъ по законамъ своей природы и собственной своей сущности. Изъ сего слѣдуетъ, что во всякой наукѣ есть, необходимо, и независимо отъ частной ея стороны, собственно состоящей изъ описанія опытовъ, другая сторона, которую можно назвать *философическою*: къ ней-то особенно относится сужденіе. Она, сокращенно выражая всѣ частныя наблюденія подъ формою общаго ученія, оканчиваетъ напослѣдокъ въ той высшей области, гдѣ всѣ знанія человѣческія соединяются своими вершинами, гдѣ всѣ возвышенныя умствованія сходятся и сообщаются одно съ другимъ. Отсюда происходитъ то, всѣми ощущаемая и особенно

прекрасно написанная статья сія, сочиненная Г-мъ Ипп. Роайе-Колларомъ. Дай Богъ, чтобы наши Литтераторы такъ умѣли излагать свои мысли! Не можемъ судить объ ученомъ достоинствѣ выводовъ Г-на Роайе-Коллара, но увѣрены, что всякій умный человѣкъ прочитаетъ разсужденіе его съ любопытствомъ. Переводчикъ сей статьи, кстати припоминаетъ себѣ слова, слышанныя имъ отъ одного изъ знаменитѣйшихъ Русскихъ Физіологовъ: « Странное дѣло, что у насъ стыдятся не знать природы какой нибудь Американской или Индійской землицы, и безъ стыда сознаются что природа тѣла человѣческаго имъ вовсе неизвѣстна. » *Прим. Перев.*

Digitized by Google

принадлежащая эпохамъ высокаго просвѣщенія необходимость, установить между различными знаніями, къ какимъ способенъ нашъ умъ, отношенія ближайшія, существеннѣйшія, дабы соединить, такъ сказать, въ одинъ фокусъ всѣ отдѣльныя силы и со всѣми вмѣстѣ идти на завоеваніе истины. Съ сею цѣлью, съ симъ намѣреніемъ я хочу здѣсь, при объявленіи объ означенныхъ въ заглавіи сочиненіяхъ, изложить нѣсколько мыслей о всеобщей исторіи новѣйшей Физіологіи и о нынѣшнемъ состояніи сей науки. Это названіе нѣсколько темно: оно обѣщаетъ много и не выражаетъ ничего опредѣленнаго. Но если сообразишь, что статья сія назначается для разнообразнаго журнала, что для нея назначены тѣсныя границы, что она обращается ко многимъ читателямъ, то легко поймешь, что я не могу начертать здѣсь, и особенно въ сей первой статьѣ, полной картины многочисленныхъ мнѣній, съ нѣкотораго времени явившихся въ Физіологіи, ни разобрать подробно всѣхъ великихъ вопросовъ, возникавшихъ по временамъ; однимъ словомъ, что здѣсь я долженъ не блистать ученостью, но единственно судить о наукѣ въ общемъ объемѣ ея, въ общемъ ея ученіи; опредѣлить положительно, какой степени достигли трудные успѣхи ея, показать главныя причины, задерживавшія или еще задерживающія ходъ ея, и означить средства, которыя по мнѣнію моему удобнѣе могутъ вести ее путемъ вѣрнымъ и истиннымъ.

Прежде всего я замѣчу, что въ Физіологіи, такъ-же какъ и вездѣ, понятіе о настоящей эпохѣ

Digitized by Google

извлекается единственно изъ совершеннаго познанія эпохъ предшествовавшихъ. Не должно вѣрить повторяемымъ почти ежедневно словамъ, что Физіологическій міръ былъ (совсѣмъ не болѣе другихъ) преданъ произвольнымъ спорамъ людей, какъ циркъ, открытый для всѣхъ игръ ума и всѣхъ прихотей воображенія. Напротивъ, изучая исторію ученій, попеременно волновавшихъ Физіологію, легко можно видѣть, что во всѣхъ частяхъ сей продолжительной драмы существуетъ строгая послѣдовательность и необходимая связь. Дѣйствительно, среди всѣхъ измѣненій науки и безпрерывнаго прилива и отлива различныхъ мнѣній, въ основаніи ея всегда существуетъ одна и таже мысль, и мысль философическая; естественное раскрытіе оной ведетъ за собою и объясняетъ одно за другимъ слѣдовавшія измѣненія Физіологіи; съ нею всегда соединены даже тѣ событія, которыя кажутся самыми непредвидѣнными и ни сколько не зависѣвшими отъ какого-либо постояннаго и однообразнаго направленія. Не будемъ обманывать себя! пищетно науки, самымъ разнообразіемъ своихъ предметовъ, отдѣльны и различны одна отъ другой: онѣ всѣ идутъ подъ вліяніемъ одной общей причины, слѣдуютъ одному и тому-же закону, закону всеобщихъ успѣховъ ума человѣческаго, и если можно справедливо сказать, что Философія есть, нѣкоторымъ образомъ, сокращеніе всѣхъ наукъ, то исторія ея также должна быть, до извѣстной степени, сокращеніемъ всѣхъ исторій.

Не говоря о томъ, что происходило въ Физіологіи въ первобытное время ея, я только замѣчу,

Digitized by Google

что она, по временамъ, покорялась мнѣніямъ Геракліта, Пиѳагора, Эпикура, Платона и Аристотеля, и быстро перейду къ тому времени, когда геній Декарта произвелъ во всѣхъ направленіяхъ новую эру для ума человѣческаго. Сей великій человѣкъ, въ одно и то-же время создавалъ новую Философію, приуготовлялъ труды Портъ-Роялскихъ ученыхъ и вѣкъ Людовика XIV-го, и заставлялъ всѣ умы слѣдовать одному движенію; даже Физическія науки приняли въ этомъ участіе, и Физіологія подверглась сему-же всеобщему направленію.

Постараюсь, въ немногихъ словахъ, объяснить, какимъ образомъ Философическая система Декарта являлась, вполнѣ или только частію, въ различныхъ Физіологическихъ системахъ современниковъ его и послѣдователей. Въ Картезіанизмѣ должно различать двѣ вещи: ученіе и методу. Скажемъ сначала объ ученіи. Оно зиждется на одномъ, основномъ началѣ, а именно: что для человѣка явны только дѣйствія его сознанія. Потому Декартъ почитаетъ внѣшнія тѣла, и самое тѣло человѣческое, изображеніями, достовѣрными для насъ только какъ изображенія, имѣющими можетъ быть одно достоинство явленій, но могущими не имѣть безусловной и необходимой дѣйствительности. Однакожь онъ желаетъ вѣрить этому, зная благость Бога, вложившаго въ сердца наши сію увѣренность. Допустивъ существованіе тѣла человѣческаго, Декартъ видитъ оное въ существованіи всѣхъ естественныхъ тѣлъ, которыя для него

Digitized by Google

также не иное что, какъ фигуры, или различныя измѣненія протяженія; слѣдственно всѣ они подвержены однимъ законамъ, то есть чисто физическимъ и механическимъ законамъ вещества, смотря по различнымъ состояніямъ, въ какія можетъ переходить сіе вещество. Здѣсь должно особенно замѣтить, что Декартъ вводитъ въ область органическихъ отправленій не только дѣйствія и движенія нашихъ жидкихъ и твердыхъ тѣлъ, но и всѣ явленія памяти и воображенія, развивающіяся въ насъ и являющіяся посредствомъ извѣстныхъ, совершенно вещественныхъ дѣяній. Впрочемъ, онъ не видитъ никакого перехода отъ механической природы человѣка къ его духовной природѣ; ничто, рѣшительно ничто въ организаціи не объясняетъ ему происходящаго въ нашей душѣ. Изученіе одной нисколько не касается изученія другой, и поелику воля у него не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ движеніямъ тѣла человѣческаго, то необходимъ душа и тѣло управляются двумя системами законовъ, совершенно различными. Послѣ сего легко можно понять, въ какомъ смыслѣ справедливо, что Декартъ почиталъ животныхъ машинами. Онъ отнималъ у нихъ свойства смысла и нравственной свободы, принадлежащія, правда, только духовному человѣку; но онъ оставлялъ имъ, точно такъ-же какъ и вещественному человѣку, всѣ независящія отъ сего способности; онъ утверждалъ только, что одними понятіями о протяженіи и движеніи, можно объяснить всѣ сіи чисто органическія и чувственныя явленія. Таково было, какъ мнѣ кажется, общее ученіе Декарта. Мето-

Digitized by Google

да его была совершенно синтетическая. Онъ не набюдалъ прежде всего дѣйствій, дабы постепенно восходить до познанія причинъ, но сначала поставлялъ причину, дабы изъ нея вывести дѣйствія. Онъ полагаетъ законъ и съ перваго шага размышленъ вопросъ, не разрѣшая его продолжительнымъ анализомъ.

Изъ сего краткаго изложенія явно, что Картезіанизмъ представляетъ нашему вниманію три главныя обстоятельства: 1-е, онъ отличаетъ душу отъ тѣла, и, въ этомъ отношеніи, онъ есть собственно духовность; 2-е, всѣ органическія явленія онъ поставляетъ въ разрядъ явленій физическихъ и подвергаетъ одинакимъ законамъ жизнь и грубое неодушевленное вещество; 3-е, онъ дѣйствуетъ синтезомъ, и съ самаго начала старается похитить великую тайну, единую причину, долженствующую заключать въ себѣ всѣ другія.

Мнѣніе Декарта о вещественности жизни и жизненныхъ условіяхъ не могло быть принято неотлагательно. Это мнѣніе породило двѣ великія школы, часто противоположныя между собою, но равно славныя: школу ятро-химическую и школу солидистовъ или механическую. Въ первой блистали Виллисъ, Майу, Чарлетонъ, Крунъ, въ Англіи; Фаберъ, Кальметъ, Барбейракъ, Раймонъ Вьёсанъ, во Франціи, и Вириде, въ Женевѣ. Я не причисляю къ сему разряду Вангельмонта, во первыхъ потому, что онъ жилъ прежде Декарта нѣсколькими годами, и во вторыхъ потому, что это былъ

Digitized by Google

человѣкъ особенный: его система, впрочемъ столь-же обильная блестящими мнѣніями, какъ и грубыми заблужденіями, не имѣетъ ни съ какою другою ничего общаго. Школа механическая болѣе нежели гдѣ либо оказала успѣховъ въ Италіи: Борелли, Беллини, во Флоренціи, Донзеллини, въ Венеціи, и особенно Багливи, защищали ея ученіе, между тѣмъ какъ Гофманъ, въ Германіи, Пишкернъ и Боергавъ, въ Голландіи, и во Франціи Клодъ Перро, Додаръ, Бершенъ, Соважъ, и вся Монпельеская школа, страннымъ образомъ измѣняли оное, смѣшивая болѣе или менѣе съ ученіями анимистовъ и виталистовъ, собственно такъ называемыхъ. Анимисты признавали своимъ главою Шталя. По мнѣнію сего знаменитаго философа, всѣ одушевленныя тѣла управляются дѣятельнымъ и высшимъ началомъ, которое называетъ онъ *душою*. Изъ сего выходитъ, что душа Шталя не есть то, что значитъ это слово на обыкновенномъ языкѣ. У него это слово имѣетъ значеніе условное, и онъ равно могъ-бы сказать, съ Вангельмонтомъ, *архея*, и съ Монпельескою школою *жизненное начало*. Но въ системѣ его было особенное то, что мысль и воля происходили по ней такъ-же, какъ пищевареніе, какъ дыханіе, и тогда она уже не была Картезіанизмомъ.

Физіологи Монпельескіе слѣдовали движенію, данному Шталемъ; ихъ мнѣнія наиболѣе изложены въ сочиненіяхъ Дюмаса и Баршеза. Они противорѣчили, такъ-же какъ и Шталь, основной идеѣ Декарта, потому что находили въ человѣкѣ явленіе дѣятельности, приписываемое Декартомъ од-

Digitized by Google

ному Богу, но разнились съ Шталемъ въ томъ, что онъ подвергалъ дѣйствію души физіологическія явленія, тогда какъ они обращали особенное вниманіе на жизненное начало; одинъ одухотворялъ жизнь, другіе оживляли душу; а слѣдствіемъ сего было то, что основываясь на одинакихъ данныхъ, съ разныхъ сторонъ доходили до равнаго смѣшенія явленій. Причиною сего были совершенно различные выводы.

Но всего болѣе Декаршъ произвелъ великое вліяніе на судьбу Физіологіи своею методою. Всѣ слѣдовавшіе за нимъ, шли по дорогѣ имъ открытой, и съ его времени думали только о томъ, какъ объяснить однимъ дѣйствіемъ всѣ явленія организма. Здѣсь начало, если не археи Вангельмонтовой, то по крайней мѣрѣ души Шталевой, притяженія и отталкиванія Боергава, жизненнаго начала Барѳеза; отселѣ наконецъ двѣ жизни и жизненныя силы Биша.

Но методы живутъ въ нашемъ мірѣ долѣе нежели ученія, и потому, когда въ послѣдствіи Философія не могла объяснить всего міра однимъ явленіемъ мысли и пошла по стопамъ Локка, говорившаго новымъ языкомъ, она опять стала искать въ другомъ единомъ дѣйствіи, дѣйствіи чувствованія, разрѣшенія великой задачи, и Физіологія, всегда шедшая по слѣдамъ ея, сдѣлалась, изъ отвлеченной и гипотетической, чувственною и опытною. Галлеръ былъ величайшій человѣкъ сей школы. Никто не обладалъ въ столь высокой степени тѣмъ, что можно назвать геніемъ наблюдательно-

Digitized by Google

сти, ибо у Галлера способность сія возвышалась до генія. Никогда умъ болѣе смѣлый, болѣе строгій и основательный, не углублялся въ изученіе какой либо науки, и если Галлеръ не создалъ одного изъ тѣхъ общихъ ученій, при коихъ имя человѣка живетъ гораздо долѣе его заслугъ, но своими безмѣрными трудами онъ сдѣлалъ для науки болѣе нежели Вангельмонтъ, Баршезъ и самъ Шталь, блестящими и возвышенными ихъ теоріями. Къ несчастію, успѣхи Физіологіи были еще очень не велики, и потому она не могла имѣть особенной силы въ своихъ вѣрованіяхъ. Вскорѣ, увлеченная общимъ движеніемъ вѣка, она не замедлила впасть въ матеріялизмъ, за который въ послѣдствіи такъ много обвиняли ее, хотя это была вина не ея, но вина естественнаго развитія разума человѣческаго, гдѣ матеріялизмъ былъ слѣдствіемъ неизбѣжнымъ.

Изъ всѣхъ сихъ теорій, во множествѣ рожденныхъ волненіемъ умовъ, самая замѣчательная, болѣе всѣхъ достойная нашего вниманія, есть, безъ сомнѣнія, теорія Биша. Она была принята съ энтузіасмомъ, потому что была выраженіемъ потребностей своего времени, потому что она вдругъ приводила въ дѣйствіе всѣ мнѣнія и всѣ ощущенія: одна, сама собою, она была полною революціею. Въ самомъ дѣлѣ, пусть перенесутся мысленно къ тому времени, когда Биша вдругъ воздвигъ свой памятникъ въ наукѣ. Изъ книгъ и изъ среды школъ, философія матеріялистовъ перешла въ событія. При огромномъ возстаніи осьмнад-

Digitized by Google

нашаго вѣка прошивъ властей вообще, и прошивъ власти религіозныхъ вѣрованій въ особенности, болѣе всего отъ Физіологіи требовали оружія для ниспроверженія и матеріяловъ для новаго созданія. Будучи безсильна, она легко пускалась въ нападенія на другихъ, такъ-же какъ за сію лѣтъ пускалась въ защиту себя; будучи слаба, она сама по себѣ не могла составлять ничего; примѣняясь ко времени и къ людямъ, покоряясь теоріямъ химиковъ, презрительно вводившихъ въ нее всѣ свои изъясненія, болѣе или менѣе несовершенныя, она оставалась легкою жертвою того, кто хотѣлъ водворять въ ней порядокъ и направлять ее рукою сильною и могучею. Правила вѣка, сдѣлавшіяся виновными по несчастнымъ послѣдствіямъ, какія извлекли изъ оныхъ, распространились на всю массу людей. Но въ Физіологіи еще былъ памятенъ Галлеръ; метода, на опытѣ основанная, составлявшая ученіе сего великаго человѣка, вошла въ обычай у Физіологовъ и сдѣлалась первою ихъ потребностію. Въ такихъ обстоятельствахъ явился Бишя. Его слова были словами давно ожиданнаго человѣка. Его юность, пылкость, невѣроятная дѣятельность, съ какою занимался онъ въ одно время всѣми отраслями Медицины, его простой, увлекательный языкъ, его много-объемлющій и смѣлый приступъ къ дѣлу, все возвѣщало въ немъ человѣка геніяльнаго, явившагося пробудить Физіологію отъ сна и открыть ей пути, доколѣ невѣдомые. Казалось, что обладѣвъ наукою, онъ возвращалъ ей жизнь, на минуту утраченную. Сверхъ

Digitized by Google

сего, ученіе Биша соотвѣтствовало всѣмъ потребностямъ своего времени. Оно не только прекращало безпорядокъ, и, сбросивъ иго механизмовъ, призывало къ идеямъ, по наружности болѣе возвышеннымъ, умы, утомленные невѣжественнымъ матеріализмомъ словъ, звучавшихъ въ продолженіе цѣлаго вѣка въ ушахъ всѣхъ; но и сверхъ сего, оно принимало нѣкоторыя изъ оспоривавшихся тогда основаній, оно провозглашало превосходство наблюденій и опытной методы; оно изгоняло также гипотетическій духъ, которому столь живо сопротивлялись предшественники Биша. Однако-жъ, и это была только новая гипотеза; это опять была недостаточная синтетическая метода, которая создаетъ, а не изучаетъ человѣка. Въ существѣ, мало значило, чтобы произвольное единство было душа Шталя, жизненное начало Монпельеское, или чтобы оно являлось въ наружномъ раздѣленіи жизненныхъ силъ Биша: тѣмъ не менѣе оно было произвольно, и Биша тѣмъ не менѣе ошибался въ наукѣ. Тщетно восклицаетъ онъ, почти безпрерывно, что единое начало есть нелѣпость, отвлеченность безъ дѣйствительности; тщетно думаетъ онъ дать свободу наукѣ, раздѣливъ на многія дроби безусловное могущество, тяготѣющее надъ нею; онъ тѣмъ не менѣе остается въ теоріяхъ безусловности и недостатокъ у него только перемѣняетъ имя и форму. Таковы были главныя черты сего ученія, сдѣлавшагося въ свою очередь верховною мыслію нашихъ школъ, болѣе нежели на двадцать лѣтъ. Да не подумаютъ, что оно теперь совершенно оставлено нами! Да-

Digitized by Google

же и нынѣ вліяніе его продолжается; правда, болѣе по привычкѣ, нежели по убѣжденію; однакожь оно существуетъ: еще говорятъ его языкомъ, и жизненныя свойства вышли изъ вѣры, но донынѣ еще играютъ главную роль во всѣхъ физіологическихъ и патологическихъ изъясненіяхъ.

Остановимся на минуту при идеѣ жизненности, и посмотримъ, до какой степени можетъ она выдержать разсмотрѣніе. Происшедши отъ страннаго соединенія духовности и матеріялизма, она искажаетъ оба сіи рода Философіи. Она не можетъ свободно признать душу повелительницею тѣла и какъ-бы управляющею всѣми органическими дѣйствіями; это господство, если могу сказать такъ, духовнаго надъ свѣтскимъ, не могло болѣе покорить здраваго разсудка какого нибудь плебея, и слѣдовательно не могло еще болѣе явиться когда-либо въ какой нибудь системѣ; оно противилось-бы даже внутреннему сознанію всякаго теориста. Съ другой стороны, совершенно отнять у человѣка всякую дѣятельность, всякую свободу, сдѣлать изъ него настоящую машину, подвергнутую предопредѣленію физическихъ и химическихъ законовъ, двигающуюся въ вещественномъ быту такъ-же какъ планета, обращающаяся въ пространствѣ, значило-бы также лгать и предъ всеобщимъ и предъ своимъ собственнымъ сознаніемъ. Я не знаю ни одного физіолога, какъ-бы онъ ни былъ рѣшительно привязанъ къ матеріялизму, который-бы осмѣлился когда-либо простерть это ученіе до крайнихъ его послѣдствій; мы-бъ слишкомъ скоро дойдемъ до нелѣпости. Такимъ образомъ, находясь

Digitized by Google

между двухъ невозможностей, въ коихъ она не могла не сознаться, Физіологія рѣшилась, въ одну изъ нѣхъ минутъ когда робость даетъ умъ, совокупить ту и другую, и отселѣ произошла жизненность, ученіе незаконное, не осмѣливавшееся ни вполнѣ принять, ни вполнѣ отвергнуть свободы, и потому самовластно перемѣстившее оную и перенесшее въ грубую часть человѣка. Оно создало мнимую духовность вещества, или не знаю что-то, что называетъ оно *жизнью*, сокрытую силу, существо въ другомъ существѣ, причину и вмѣстѣ дѣйствіе организаціи; оно показываетъ намъ извѣстное число существъ, называемыхъ имъ *живущими*, совершенно однихъ, не имѣющихъ связи съ всемірнымъ порядкомъ, и нѣкоторымъ образомъ изгнанниковъ своего величія, отдѣльныхъ въ созданіи, какъ кольцо отдѣленное отъ великой цѣпи. «Начало жизненное» говорятъ намъ, «есть начало дѣятельное; силы жизни суть силы дѣятельныя.» Дабы надлежащимъ образомъ оцѣнить сіе положеніе, прежде всего должно съ точностію опредѣлить: что такое дѣятельность, что такое силы существенно дѣятельныя. Но, при малѣйшемъ размышленіи, можно видѣть, что существенно дѣятельное есть только то, что заключаетъ само въ себѣ начало своего дѣйствія, а не обязано получать оное извнѣ; только то, что, по волѣ и не имѣя нужды въ посторонемъ вліяніи, можетъ дѣйствовать или не дѣйствовать, начинать, продолжать, или прекращать свое дѣйствіе; слѣдственно, дѣятельное есть только то, что свободно, что сознаетъ свою свободу. Утвердившись

Digitized by Google

на этомъ, можно-ли сказать, что въ живомъ веществѣ есть подобное начало? Развѣ органы, какіе-бы то ни было, заключаютъ въ себѣ причину своихъ движеній? Могутъ-ли они по своему произволу двигаться или не двигаться? Могутъ-ли они начинать или прекращать свои движенія, какъ имъ вздумается? Есть-ли хотя одинъ изъ нихъ, который могъ-бы двинуться безъ побудительнаго впечатлѣнія? А получивъ впечатлѣніе, имѣетъ-ли онъ силу не повиноваться оному? Однимъ словомъ, всѣ, собственно жизненныя явленія, отъ самаго сильнаго до самаго слабаго, отъ поражающаго наши чувства, до остающагося сокрытымъ въ самыхъ незамѣтныхъ изгибахъ организма, развѣ не соединены одно съ другимъ постоянно, необходимо, такъ, что при тѣхъ-же условіяхъ, непремѣнно оказываются тѣ-же самыя дѣйствія? Правда, мы не всегда можемъ преслѣдовать сіе сцѣпленіе: возбудители столь многочисленны, столь различны, самая возбуждаемость столь разнообразна смотря по человѣку, возрасту, полу, органамъ и множеству другихъ обстоятельствъ, что часто намъ не возможно открыть послѣдовательнаго порядка, отъ котораго зависитъ то или другое явленіе; но если сей порядокъ иногда ускользаетъ отъ нашего вниманія, то тѣмъ не менѣе онъ существуетъ, и то, что мы видимъ въ семъ отношеніи, отвѣчаетъ намъ за то, чего мы не видимъ.

Пусть-же не говорятъ намъ о воображаемой дѣятельности жизни, о жизненныхъ силахъ, существующихъ только въ словахъ, выражающихъ оныя. Если

Digitized by Google

вы увѣрены въ ихъ дѣйствительности, то скажите намъ ясно, что такое онѣ и гдѣ находятся. Связаны-ли онѣ съ органами, и подвержены-ли законамъ, управляющимъ органами? Если да, то это уже не силы дѣятельныя: это сами органическія явленія, связанныя законами, отъ коихъ они не могутъ освободиться. Или онѣ внѣ органовъ, но повелѣваемъ ими? иногда это не иное что, какъ сама воля. Но если это воля, то куда-же дѣвалась мнимая жизненная дѣятельность, выдаваемая нами отдѣльною отъ воли? Что-бы ни говорили, но должно наконецъ признать одно изъ двухъ: или, съ школою спиритуалистовъ, что въ человѣкѣ существенно дѣятельна одна воля, или съ школою матеріялистовъ, что все, происходящее въ живыхъ существахъ, по природѣ своей преходяще и слѣпо. Первую изъ сихъ гипотезъ объяснить легко (да позволятъ мнѣ употребить слово *гипотеза*, говоря о спиритуализмѣ: употребляю его здѣсь въ духѣ терпимости). Тутъ ясно, что въ заблужденіе о мнимой органической дѣятельности можетъ вводить самое существованіе воли. Въ насъ дѣйствительно есть дѣятельная и свободная сила, служащая сама причиною, независимая отъ производимыхъ ею явленій, сила, безпрерывно развивающаяся въ насъ, и наконецъ безпрерывно нами признаваемая. Наши органы частію подвержены сей силѣ, частію независимы отъ ея дѣйствія; движенія наши бываютъ произвольны и непроизвольны, и поелику мы достовѣрно знаемъ, что произвольныя движенія наши происходятъ отъ силы, существенно дѣятельной, то, само собою разумѣется, мы должны заключать изъ сего, что

Digitized by Google

сила, также дѣятельная, но отличная отъ воли, служитъ причиною нашихъ непроизвольныхъ движеній. Совсѣмъ не наблюденіе надъ нашими непроизвольными движеніями заставляетъ насъ вѣрить существованію сей силы, ибо явно, что не въ ниѣ она заключается; но будучи одарены дѣятельною силою, зная, что сила сія производитъ часть нашихъ движеній, полагаемъ, что другая часть оныхъ происходитъ также отъ подобной силы; эту силу мы заимствуемъ, нѣкоторымъ образомъ, отъ насъ же самихъ, и по ложному выводу переносимъ ее въ наши органы и тамъ осуществляемъ. Но, повторяю, что выводъ нашъ ложенъ и необходимо ведетъ къ заблужденію или предразсудку. Это первое объясненіе. Напротивъ, если перейдемъ къ гипотезѣ матеріялистовъ, то не объяснимъ ничего, должны будемъ молчать или по крайней мѣрѣ довольствоваться полнымъ и безусловнымъ отрицаніемъ причинъ. Подобно клавесину, издающему и не издающему звуки, человѣкъ есть органическая машина, которой всѣ дѣйствія происходятъ случайно, отъ чуждыхъ соприкосновеній; въ немъ нѣтъ, ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ, никакой самопроизвольности; всѣ отправленія, органическія и животныя, нравственныя и умственныя, происходятъ прямо отъ вещества, двигающаго орудіями, совокупленными по закону матеріяльности; наконецъ, существуютъ условія человѣческія, но нѣтъ человѣка, такъ какъ понимаетъ его умъ толпы. Вотъ второе объясненіе. Принять то или другое, значитъ сдѣлаться партизаномъ: выбирайте, но тщетно будете вы стараться избѣжать сего двоя-

Digitized by Google

каго затрудненія: отъ одного можно избѣжать только приставши къ другому, потому что въ мірѣ существующъ, во всѣхъ людяхъ, только духъ и тѣло, только вещество и не вещество, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ однимъ вопросомъ, окончательно, ограничиваются всѣ другіе; отъ него не льзя убѣжать, его не льзя отклонить ухищреніемъ.

Изъ сего разсмотрѣнія ясно видно, что ученіе о жизненности не утверждено ни на какомъ существенномъ основаніи. Но это не все. Ученіе сіе не только ложно, но у Биша оно имѣетъ еще тотъ характеръ, что въ немъ заключаются двѣ, противорѣчащія одна другой идеи, ясно выраженныя въ знаменитомъ опредѣленіи жизни, сдѣланномъ имъ самимъ, на первой страницѣ своего сочиненія. « Жизнь, » говоритъ онъ, « есть совокупность отправленій, которая противится смерти. » Не явно-ли, что здѣсь соединены два совершенно различныя ученія? « Жизнь есть совокупность отправленій. » Слѣдственно, она не есть уже сила, частное начіе, отвлеченная причина: она есть совокупность дѣйствій. Здѣсь матеріялизмъ, потому что жизнь *овеществлена*. Но « она противится смерти. » Вотъ это другое. Сіи слова ясно показываютъ частное усиліе, произвольность, собственное дѣйствіе, свободу. Для чего Биша не послѣдовалъ своей первой идеѣ и не сказалъ, какъ Бюиссонъ, въ которомъ больше послѣдовательности, что жизнь есть состояніе бытія существъ органическихъ? Но этимъ, разумѣется, онъ отказался-бы отъ жизненности. Для чего, слѣдуя своей вто-

Digitized by Google

рой идетъ, не сказалъ онъ просто, что жизнь есть сила, сопротивляющаяся смерти? Вѣрно онъ такъ и думалъ, потому что это мнѣніе проглядываетъ во всѣхъ его сочиненіяхъ, но, покоряясь очевидности, и, всего болѣе, оставаясь человѣкомъ своего времени, онъ при первомъ взглядѣ видѣлъ въ жизни чистое явленіе, слѣдствіе, выраженіе, а сказать: сила, значило-бы для него, что жизнь есть совокупность отправленій. Вообще, кажется, все, въ это время сдѣланное въ наукѣ, носитъ на себѣ особенный отпечатокъ нерѣшительности и робости. Судя объ этомъ времени только по послѣдствіямъ, можно было-бы сказать, что Физіологическій міръ, находясь тогда между старыми повѣрьями и новыми потребностями, утомленный недостаточностью прошедшаго, и въ тоже время волнуемый безпокойствомъ о будущемъ, старался, осторожными переходами, ускользнуть отъ настоящаго и доставить себѣ, искуственно, преходящую, временную тишину, удалившись въ такія теоріи, гдѣ бывалыя привычки сохранились подъ покровомъ преобразовательныхъ ученій. Событіе замѣчательное! Въ Физіологіи происходило тоже, что въ обществѣ, гдѣ единственный геній одного человѣка употреблялъ себя во зло, вмѣсто того чтобы предоставить массамъ людей стремиться ко благу, по инстинкту простонародному, но основательному. Разительное доказательство, что во времени не бываетъ людей, даже тогда, какъ они кажутся болѣе всего отдѣльными въ своихъ дѣйствіяхъ, но существуетъ одинъ и тотъ-же духъ, который стремится и раскрывается, какъ-бы увле-

Digitized by Google

кась силою развитія, господствующею и двигающею имъ безъ собственнаго его участія.

Я съ нѣкоторою горячностію разсматривалъ всеобщее ученіе Доктора Биша, потому что почитаю его ложнымъ, непослѣдовательнымъ, потому что оно, по моему мнѣнію, поставило безчисленныя препятствія водворенію благоразумной методы и основательному изысканію истины. Но, да не подумаютъ однакожь, что я хотя одну минуту поколеблюсь отдать справедливость сему великому человѣку, безъ сомнѣнія одному изъ превосходнѣйшихъ геніевъ новаго времени. Не говоря о его многочисленныхъ открытіяхъ въ Анатоміи, о его опытахъ, столь разнообразныхъ и полезныхъ, не припоминая всѣхъ частныхъ явленій, ярко освѣщенныхъ имъ особенными, собственно ему принадлежащими изысканіями или сближеніями, новыми и богатыми по своимъ важнымъ послѣдствіямъ, поспѣшимъ сказать, что истинное право его на нашу признательность состоитъ въ раздѣленіи органическихъ тканей, образующихъ тѣло человѣческое: идея удивительная! Она можетъ быть сравниваема въ наукахъ только съ превосходнымъ Турнефоровымъ раздѣленіемъ въ Ботаникѣ, конечно несовершеннымъ, слишкомъ останавливающимся на внѣшнихъ формахъ, но обширнымъ и обильнымъ, заключавшимъ уже въ себѣ первыя начала естественной методы! Этимъ Биша сдѣлалъ для науки можетъ быть болѣе, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ, и нынѣ никто не станетъ оспоривать у него славы, раздѣляемой имъ съ Пинелемъ, славы безсмертной.

Digitized by Google

Первымъ послѣдствіемъ двоякаго ученія Биша долженствовало быть раздѣленіе его школы. Какъ скоро не стало учителя, ученики, сначала покорные, немедленно начали стремиться къ нѣкоторой независимости. Вскорѣ сдѣлалось ясно для всякаго проницательнаго ума, что вкусъ вѣка, на время удержанный геніемъ Биша, въ свою очередь покорившагося ему нѣсколько, продолжаетъ наводить большую часть ученыхъ на путь наблюденія и опытовъ. Но если-бы это и не принадлежало вѣку, то можетъ быть случилось-бы, по весьма простой причинѣ, а именно, что всегда бываетъ болѣе умовъ наблюдательныхъ, нежели созерцательныхъ. Толпа мало заботилась о томъ, что было метафизическаго въ новой теоріи; ей было гораздо удобнѣе принять готовую идею о семъ предметѣ изъ рукъ человѣка, старавшагося мыслить за нея; потому, необходимо она снова прилѣпилась-бы къ тому, что было положительнаго въ его ученіи, и слѣдственно рабочая часть науки была-бы опять изслѣдываема дѣятельно и съ отчетомъ. Этому влеченію и послѣдовали. Опытныя изысканія умножились, и на семъ пути, гдѣ занимались съ такимъ жаромъ и успѣхомъ, отличились, между прочимъ, Легаллуа, Листенъ, Шосье, Дюпюитренъ и особенно Г-нъ Мажанди, имѣющій не одно сіе достоинство въ Физіологіи; также Г-нъ Дютроше, особенно занимавшійся аналитическимъ изученіемъ органическихъ формъ, разложенныхъ на простые ихъ элементы. Практическая Анатомія пріобрѣла важность, какой доколѣ никогда въ ней не было. Медицинѣ учились при постеляхъ больныхъ,

Digitized by Google

и преподаваніе Клиники открыло новый источникъ твердаго и постояннаго познанія. Наука вездѣ склонялась къ вещественву, и при семъ общемъ движеніи, самымъ важнымъ событіемъ было образованіе науки, которую можно назвать новою: я разумѣю здѣсь Анатомію Патологическую. Эта вѣтвь, прибавившаяся нѣкоторымъ образомъ къ другимъ, была обрабатываема въ послѣдніе годы съ бо́льшимъ жаромъ, нежели всѣ остальныя, и не только Практическая Медицина многимъ одолжена сему изученію, но сама Физіологія получила отъ него великія пособія. Мы немедленно приступимъ къ разсмотрѣнію, точно-ли такова нынѣ Анатомія Патологическая, какою она должна быть, и должно-ли для пользы науки предоставить ее тому движенію, которое нынѣ увлекаетъ ее. Теперь мы говоримъ объ этомъ какъ о событіи, связанномъ съ исторіею Физіологіи; событіе сіе весьма важно, потому что въ немъ видимъ главный характеръ времени и общую наклонность умовъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1828-го года.

– *Чека.* Уральская повѣсть. Сочиненіе Ѳеодора Алексѣева. М. 1828 г., въ т. Театра, in 12, VII и 38 стр.

Счастье тому поэту, чье твореніе, еще до выхода на бѣлый свѣтъ, лелѣется ласковою рукою журналистовъ; по частямъ показывается публикѣ на атласистыхъ листкахъ альманаховъ; привѣтствуется шопотомъ ожиданія публики, счастье ему, по старинной пословицѣ: *не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ!* Часто, ничто кромѣ этого счастья не бываетъ причиною извѣстности новой поэмы. И будь поэтическое созданіе съ великими достоинствами, не уступай оно ни одному изъ произведеній модныхъ поэтовъ: безъ прихотливаго счастья оно лежитъ забытое въ пыли книжныхъ лавокъ; не читаемое, дурно напечатанное, идетъ на ряду съ *Киргизскими Плѣнниками*, *Донскими Эльвирами*, *Рыбаками*, *Куделями*, которыхъ конечно никакая сила не вытянетъ въ извѣстность.

Такъ думалъ рецензентъ, прочитавъ *Чеку*, небольшую поэму, написанную Г-мъ Алексѣевымъ. Уже нѣсколько мѣсяцовъ, какъ она напечатана, и нигдѣ въ нашихъ журналахъ ни словечка объ ней не было сказано. Не сомнѣваемся, что истинное достоин-

Digitized by Google

ство и безъ журнальнаго покровительства приобрѣтешъ себѣ голосъ просвѣщенныхъ знатоковъ; но тѣмъ не менѣе обязанность журналистовъ указывать на достойное замѣчанія, и незамѣчаемое въ толпѣ другихъ явленій Словесности. Многими примѣрами можно доказать, что безъ указанія, долго надобно дожидаться благосклонности публики тому творенію, которому счастливая судьба не дастъ извѣстности, иногда и до рожденія. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о новыхъ Русскихъ поэтахъ.

Общее, главное достоинство ихъ (говоримъ о замѣчательнѣйшихъ) есть легкое стихосложеніе. Наши хорошіе поэты такъ выучились теперь писать стихи, что кромѣ стиховъ Пушкина, весьма трудно различить стихи Баратынскаго, Подолинскаго, Языкова, Плетнева, Шишкова, и другихъ поэтовъ, извѣстныхъ гармоническими стихами. Пушкинъ исключеніе изъ всѣхъ. Онъ принялъ отъ Карамзина четырехъ-стопный ямбъ, усвоилъ его себѣ, пересоздалъ, и такъ владѣетъ имъ, что никто донынѣ изъ всѣхъ вышеозначенныхъ нами послѣдователей Пушкина не сравнился съ нимъ, и, вѣроятно, не сравнится, хотя всѣ поэты наши, также какъ Пушкинъ, приняли за главный тонъ пѣсней своихъ четырехъ-стопный ямбъ. Мы назвали новыхъ поэтовъ нашихъ послѣдователями Пушкина, и скажемъ, что имя это принадлежитъ имъ по многому. Писать стихи выучилъ ихъ Пушкинъ; кромѣ того, онъ первый явился у насъ представителемъ романтическихъ поэмъ Байрона, и увлекъ за собою всѣхъ. Только въ послѣднихъ сочиненіяхъ Баратынскаго является са-

Digitized by Google

новышность и отступленіе отъ формъ и стиховъ Пушкина. Можемъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ поэмовъ ожидать того-же, и въ семъ случаѣ съ особенною надеждою смотримъ на юный талантъ Подолинскаго; но донынѣ все это надежды, и едва-ли о комъ нибудь сказать можемъ, что онѣ уже рѣшительно исполнились. Принимая размѣръ стиховъ Пушкина, поэты наши принимаютъ и духъ, нѣ формы мыслей, коими доныне ознаменовывались всѣ его поэмы. Отъ сего главные недостатки: однообразіе духа, въ какомъ изображаются герои поэмъ; забвеніе формъ, подъ коими должна-бы являться національность и частность героевъ и героинь. Прибавимъ къ этому неполноту плана, слабую завязку, на которой обыкновенно держатся новыя поэмы, оставленіе въ тѣняхъ многихъ частей, и отдѣлку только нѣкоторыхъ, отъ чего поэма бываетъ только рядомъ картинъ, часто худо связанныхъ; къ этому ведетъ и самое дѣленіе поэмъ на книги, а книгъ, или главъ, на строфы или куплеты. Замѣтимъ, что Пушкинъ съ каждою поэмою удаляется отъ такихъ недостатковъ: *Цыганы* его были уже весьма чужды ихъ, а *Мазепа*, какъ говорятъ, есть твореніе полное новой жизни и совершенной самобытности. Вступленіе, напечатанное при 2-мъ изданіи Руслана и Людмилы, Утопленникъ, извѣстныя намъ сцены изъ Бориса Годунова, показываютъ, какъ хорошо понимаетъ Пушкинъ національность, мѣстность, въ которую должны облекаться дѣйствующія лица каждаго изъ его твореній. О послѣдователяхъ его ни объ одномъ еще не льзя сказать этого; но ска-

Digitized by Google

жемъ, что это и не отнимаетъ у нихъ правъ на шаланшъ, а у насъ надежды. Всякому своя доля. Пушкиныхъ и вездѣ немного: это геній; но охотно сознаваясь въ этомъ, думаемъ, что и Г-нъ Алексѣевъ, вмѣстѣ съ другими поэтами нашими, можетъ объявить свои нѣкоторыя права на почетное мѣстечко въ новой Русской Словесности.

Онъ подражатель Пушкина, неоспоримо. Но принявъ форму поэмы, расположеніе частей, и самый образъ стихосложенія Пушкина, отдѣлкою частей и стихами своими Г-нъ Алексѣевъ показываетъ, что онъ владѣетъ поэтическимъ языкомъ, что душа его есть душа поэта. Невольно думаешь: люди, ему подобные, сознавая шаланшъ свой въ высшей степени, не подражая, мысля сами, изучая не Пушкина, а душу свою и природу, могли-бы создавать творенія самобытныя, разнообразныя. Впрочемъ, всякій платитъ дань вѣку и обстоятельствамъ, въ которыхъ живетъ, и геній долженъ увлекать за собою шаланшы, стоящіе ниже его, особливо у насъ; разгадка этого въ нашемъ образованіи, въ нашемъ воспитаніи, а примѣры — Пушкинъ, и всѣ окружающіе его наши новые стихотворцы.

Такимъ образомъ, не ищите и въ *Чекѣ* сильнаго, самобытнаго, огромнаго созданія. Поэтъ избралъ героемъ поэмы своей Ивана Чеку, начальника Яицкихъ бунтовщиковъ, который погибъ отъ меча правосудія. Предметъ богатъ, и могъ быть обработанъ въ обширныхъ объемахъ; но въ поэмѣ Г-на Алексѣева мы не видимъ Чеки; этотъ казакъ походитъ на извѣстныхъ романическихъ разбойниковъ,

Digitized by Google

мечтаетъ о славѣ, о свободѣ; не видимъ и товарищей его, ни была казацкаго, ни истинной картины событій. Перемѣнивъ имена, можете перенесть дѣйствіе поэмы на берега Твиди, Рейна, По, и ни мало не потерпитъ отъ этого поэма, такъ какъ Кавказскій Плѣнникъ могъ быть Рускій, Англичанинъ и Французъ. Авторъ Чеки, кажется, незнакомъ съ исторіей героя своего: онъ незнаетъ даже, что имя *Урала* явилось послѣ бунта, и что Казаки Уральскіе назывались прежде *Яицкими*, а послѣ бунта названы *Уральскими*, такъ какъ и *Яикъ Уралъ*. Природы Уральской нѣтъ слѣдовъ.

Но разсматривая содержаніе Чеки, просто какъ событіе, которое случилось *гдѣ-то* и *когда-то*, мы найдемъ много истинно-изящнаго. Вотъ содержаніе поэмы:

Чека идетъ въ условленное мѣсто, гдѣ должно вспыхнуть возмущеніе; товарищи ждутъ его; все готово къ бунту; онъ прощается съ подругою своею и даритъ ей кинжалъ. Завѣтное преданіе говорило, что въ отсутствіи обладателя кинжала, онъ показываетъ его участь:

Я живъ—кинжалъ и чистъ и ясенъ;
Умру—и кровь на немъ пробьетъ,

говоритъ Чека. Поэтъ обращается къ оставленной подругѣ бунтовщика:

Есть думы, черныя, какъ туча;
Ихъ ядъ, какъ гладная змія,
Мертвитъ грозой своей могучей

Digitized by Google

Земныя чувства бытія;
И не спасутъ живую младость
Ни гласъ надежды, ни любовь:
Какъ легкій дымъ исчезнетъ младость. . .

Бѣдная Казачка груститъ и тоскуетъ. Одна надежда ея—*вѣра;* одно утѣшеніе—*слезы.*

Когда-же ранняя зарница
Златитъ лазурный неба сводъ,
И надъ равниной сонныхъ водъ
Проснется бурная станица;
Она задумчиво идетъ
На дальній холмъ, и въ отдаленье
Глядитъ въ таинственномъ волненьѣ.
Темна, мрачна нѣмая даль,
Темнѣй, мрачнѣй ея печаль;
Она зоветъ, она вздыхаетъ,
Съ чужбины вѣсти страшной ждетъ,
Но все молчитъ; лишь ропотъ водъ
На зовъ печальный отвѣчаетъ.

Прекрасное изображеніе, какихъ исполнена поэма Г-на Алексѣева; прекрасные стихи, какими почти вся она написана! Настала зима; мятель на дворѣ, и печаль Казачки усилилась: нѣтъ вѣсти, нѣтъ для нея и радости. Она въ своей свѣтлицѣ, груститъ, тоскуетъ —

Увы! бушуй мятель, бушуй,
Тоскуй душа моя, тоскуй!

повторяетъ она. Однажды, тайное чувство заставляетъ ее содрогнуться; ей страшно: сердце

Digitized by Google

предрекаетъ бѣду; несчастная хочетъ взглянуть на прощальный даръ друга:

Она идетъ, она дрожитъ,
На даръ пророческій глядитъ...
Съ кинжала чернаго, сверкая,
Катится капля роковая...

Тушъ дошелъ въ спаницу слухъ о разбитіи Чеки; о томъ, что онъ пойманъ, и что ему готовится казнь. Дѣйствіе поэмы измѣняется. Поэтъ переноситъ насъ въ темницу, гдѣ заключенъ злодѣй, гдѣ онъ, ожидая смерти,

... Какъ безумный, грызъ и рвалъ
Полузаржавленныя цѣпи.

Описавъ ужасное состояніе Чеки, поэтъ превосходно изображаетъ ужасную память совѣсти его:

Такъ трепеща въ цѣпяхъ убійца,
Въ раздумьи мрачномъ сохъ и плѣлъ,
И сквозь окно тюрьмы глядѣлъ,
Какъ тѣнь, иль хладная гробница;
Ужасный рядъ минувшихъ дѣлъ
Въ немъ разжигалъ и мучилъ совѣсть;
Ему въ ночной безсонный часъ
Шепталъ неумолимый гласъ
Убійствъ взтверженную повѣсть.
Не разъ въ лѣсу дремучемъ онъ
Съ ножемъ на путника бросался,
И, презирая вопль и стонъ,
Невинной кровью обливался.
Не разъ преступною рукой
Онъ жегъ и грабилъ храмъ святой;

Digitized by Google

Дыша безумной мести жаромъ,
Онъ рѣзалъ дѣвъ и старцевъ,
Снималъ покровы съ мертвецовъ,
И села обносилъ пожаромъ.
Его прозванье старъ и младъ
Произнести въ семьѣ страшились,
Лишь къ небесамъ подъемля взглядъ,
И трепетали и молились.
Раздастся-ль гулъ во тмѣ ночной—
И всѣ тревогою объяты;
Опъ страха смолкъ дыша грудной,
Перекрестилась мать прикрасы,
Бѣгутъ... ихъ шумъ, ихъ скорбь вой,
Родныя слезы, вопль моленья,
Разлуки отзывъ роковой
И дружней ласки утѣшенья—
Ужасный видъ!... Но все молчитъ,
Не мчатся всадники толпою,
Лишь поздній вѣтръ порой шумитъ,
Качая вѣтлы надъ рѣкою,
Лишь поздній вранъ, свистя крыломъ,
Кричитъ и вьется надъ крестомъ.

Мы могли-бы выписать такое-же прекрасное описаніе луннаго вечера, когда въ душѣ поэта

... дни былые воскресаютъ
Съ ихъ неотглядной красотой;

описаніе побѣга Чеки, вторичной поимки его, и проч., что все отдѣлано мастерски. Но полагаемъ, что довольно и сдѣланныхъ нами выписокъ, дабы ознакомить читателей съ юнымъ поэтомъ. Поэма оканчивается описаніемъ могилы, гдѣ скрытъ прахъ

Digitized by Google

Казачки, подруги злодѣя Чеки. Судьба его была рѣшена:

. . . Рать безумная смирилась,
Какъ шумной вольности молва,
И—роковая голова
Съ кровавой плахи покатилась!

Холмъ на берегу Урала есть то мѣсто, гдѣ успокоилась несчастная его подруга. Не можемъ пропустить здѣсь прекрасной черты въ описаніи могилы:

. . . въ часъ полуночи глубокой,
Въ сей часъ, какъ говоритъ молва,
Вокругъ могилы одинокой
Кружится мертвая глава;
Безъ слезъ, безъ вздоховъ, безъ привѣта,
Она блуждаетъ до разсвѣта,
И исчезаетъ. . . только слѣдъ
Кровавый видѣнъ, кто придетъ. . .
И дивенъ сей курганъ молвою:
Онъ полонъ тайной не-земною,
И дѣвы бранной тѣй земли
Сей холмъ *кровавымъ* нарекли.

Заключимъ: поэму Г-на Алексѣева, не смотря на всѣ ея недостатки, мы должны причислить къ числу поэтическихъ прекрасныхъ созданій, или намъ надобно будетъ гораздо съ большею строгостію судить творенія другихъ поэтовъ нашихъ, и многимъ отказать въ правахъ на вниманіе, потому, что почти всѣ они носятъ на себѣ признаки недостатковъ, какіе мы находимъ въ Чекѣ.

Digitized by Google

Это уже недостатокъ общій нашей современной Русской Поэзіи; объ немъ говорить можно многое, но не въ библіографической статьѣ, которою рецензентъ желалъ познакомить только читателей Телеграфа съ поэмою Г-на Алексѣева.

S***

— *Бригадиръ*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. М. 1828 г., въ т. Университ., in 12, 110 стр.

Книги 1829-го года.

— *Недоросль*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. М. 1829 г., въ т. Университ., in 12, 156 стр.

— *Дворянскіе выборы*. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. М. 1829 г., въ т. П. Кузнецова, in 12, 197 стр.

Комедія была началомъ Драмы въ Россіи. Въ половинѣ XVII столѣтія начали у насъ въ духовныхъ училищахъ *тѣшить* посѣтителей *комедіею*, и царствованіе Алексія Михайловича ознаменовано было введеніемъ при Русскомъ Дворѣ комедій, съ *музыкіею* и *пѣніемъ* въ интермедіяхъ. Умный Царь и бояре его полюбили театральныя позорища. Первыя комедіи Русскія были смѣсь духовныхъ мистерій съ комическимъ, какъ и вездѣ. *Комедія о Блудномъ Сынѣ* начиналась стихами:

Благословенъ Богъ, отъ нынѣ и до вѣка,
Иже отъ земли создалъ человѣка.

Потомъ представляемъ былъ отъѣздъ Блуднаго Сына; пированье его, при чемъ пѣли *многія лѣта*, играли въ зернь, и обирали шалуна на сценѣ. На-

Digitized by Google

конецъ, онъ бѣднѣлъ, нанимался пасти свиней, и на сцену выходило стадо поросятъ. Будучи голоденъ, Блудный Сынъ отнималъ у свиней кормъ, и за то передъ зрителями *ведутъ Блуднаго за завѣсу и бьютъ плетьми, а онъ кричитъ: ой! государь! пощади.* Комедія оканчивалась возвращеніемъ Блуднаго Сына къ отцу; актеръ говорилъ *эпилогъ*, который заключался слѣдующею просьбою къ зрителямъ:

Мы въ сей притчѣ аще согрѣшихомъ,
Ей! огорчити ни кого мыслихомъ;
Обаче молимъ: извольте простити,
А насъ въ милости Господней храните,
За что хранени будете отъ Бога,
Въ милости Его на лѣта премнога!

Ту всѣ изшедше поклонятся, а музыкія запостъ, и *тако разыдутся гости.* Не будемъ смѣяться надъ вкусомъ нашихъ прадѣдовъ, и вспомнимъ, что была начальная Комедія повсюду. Въ Россіи вскорѣ исчезли и слабые начатки Комедіи. Преобразованіе Россіи Петромъ Великимъ обратило умы къ другому; Петръ хотѣлъ *общественности*, и нѣкогда было ему думать о Русскомъ Театрѣ: онъ охотнѣе заводилъ *ассамблеи*. Важное обстоятельство, происшедшее изъ новаго порядка дѣлъ, устранило образованіе Русской Комедіи на долгое время: это было принятіе всего чужеземнаго, безъ разбора и вполнѣ, а потомъ явилось у нашихъ литтераторовъ желаніе стать поскорѣе на литтературныя ходули, и не шутить, а важничать. Они почитали Комедію занятіемъ маловажнымъ, думая, что смѣшить прилично шуту, а не литтератору, и

Digitized by Google

бросились къ Трагедіи, гдѣ громкія фразы лучше удовлетворяли младенчествующее ихъ воображеніе, точно такъ, какъ изъ другихъ родовъ Поэзіи *Ода* была предпочтена всѣмъ. Къ несчастію, не Испанская и не Англійская Трагедія были образцомъ для Русской (нашъ Сумароковъ не зналъ Лопеца-де-Веги и Кальдерона; *Шакеспира*-же называлъ — *непросвѣщеннымъ*), а Французская, и въ ней, замѣтимъ еще, нравились нашимъ трагикамъ бомбастъ, пухлость, театральныя нечаянности, а не то, что составляетъ душу Французской Трагедіи. Присовокупите къ этому странную мысль, явившуюся у Русскихъ Писателей, что можно передѣлывать иностранныя творенія на Русскіе нравы, перемѣняя только имена и мѣсто дѣйствія. Зрителямъ-же въ Комедіи нравилось только нелѣпо-смѣшное. Такимъ образомъ, сперва завели въ Россіи Нѣмецкій театръ, потомъ Итальянскій и Французскій, а Русская Драма, отъ мистерій XVII-го вѣка перешла въ Трагедію. Явился Сумароковъ, съ *Хоревомъ*, *Семирою*, *Артистоною*; играли Французскія и Нѣмецкія комедіи и Итальянскія оперы, а на Русскомъ театрѣ трагедіи Сумарокова, перемѣшивая ихъ кое-когда съ фарсами, переведенными съ иностраннаго, или сочиненными Сумароковымъ, единственнымъ тогда драматическимъ писателемъ и Директоромъ единственнаго въ Россіи Русскаго театра. Въ 1757-мъ году репертуаръ Русскаго театра состоялъ изъ 4-хъ трагедій, 2-хъ фарсовъ и двухъ небольшихъ оперъ: все работы Сумарокова, и переводовъ: *Скупаго*, *Лекаря по неволѣ* и *Скапиновыхъ обмановъ*.

Digitized by Google

Успѣхъ Сумарокова возбудилъ соревнованіе многихъ; онъ, ни много, ни мало, величалъ себя Русскимъ Расиномъ; соотечественники ему вѣрили, и по слѣдамъ его пошли всѣ писатели Русскіе. Ломоносовъ, Херасковъ, Княжнинъ и множество другихъ принялись за Трагедію. Другіе безъ разбора переводили иностранныя комедіи; прочіи сочиняли фарсы, несносные, пустые, сколки съ чужаго, нелѣпо примѣненнаго къ Русскому. *Подьячій* крадетъ нѣсколько копѣекъ у *Гарпагона*, а *Скапинъ*, или *Криспинъ*, бьетъ подьячаго, когда какой-нибудь *Клеантъ* или Аристъ *резонируютъ*: вотъ нѣкоторыя изъ главныхъ положеній, на которыхъ вершѣлись многія Русскія комедіи.

Императрица Екатерина видѣла нелѣпость всего этого, недовольна была одними переводами, и хотѣла видѣть *Русскія* произведенія. Тогда, при Графѣ Панинѣ, служилъ молодой человѣкъ, съ талантомъ необыкновеннымъ: это былъ *фонъ-Визинъ*. На девятнадцатомъ году возраста, въ 1763-мъ году, онъ вздумалъ написать оригинальную Русскую комедію, и понялъ, что для этого надобно удалиться отъ избитой стропы, надобно облагородить комическій фарсъ, взять предметъ изъ Русскихъ нравовъ, и выборъ его палъ на то, что было всего ближе къ нему: онъ рѣшился обратить въ смѣхъ жалкую смѣсь Русскаго аристократства съ невѣжествомъ и модною полуобразованностью, и написалъ *Бригадира*, первую Русскую комедію. Современники ф. Визина гнали его, и, видя очень недалеко, принялись однакожь подражать ему. Такова несчастная участь подражателей, что они никогда

Digitized by Google

не понимаютъ истинныхъ красотъ своего образца. Что, думаете вы, почитали достойнымъ подражанія въ комедіи Ф. Визина? Смѣсь Французскихъ словъ съ Русскими въ рѣчахъ Иванушки, и грубыя шутки Бригадирши! Таланшовъ не было, и Комедія не двигалась впередъ. Напрасно Екатерина задавала темы для Русскихъ комедій, напрасно сама писала ихъ: не можемъ указать ни на одну, достойную какого-нибудь вниманія, до самаго появленія *Недоросля*, гдѣ фонъ-Визинъ, послѣ восмнадцатилѣтняго молчанія, показалъ менѣе прежняго знанія Комедіи, и болѣе умѣнья списывать съ природы. *Недоросль*, какъ вѣрный списокъ нравовъ — неподражаемъ; какъ комедія онъ слабъ, и въ этомъ отношеніи Бригадиръ гораздо его выше. Фонъ-Визинъ не писалъ ничего болѣе, и послѣ Недоросля Русская Комедія засѣла на одномъ мѣстѣ донынѣ. Были явленія, выходившія нѣсколько изъ круга обыкновеннаго; но, все это весьма незначительно, и мы—ждемъ еще Комедіи своего вѣка, ибо не льзя не сказать, что творенія фонъ-Визина хороши, какъ начало только. Репертуаръ Русской Комедіи донынѣ состоялъ, и теперь состоитъ изъ слѣдующаго:

1. *Грубые фарсы.* Ихъ началъ Сумароковъ, и всѣхъ удачнѣе продолжаетъ въ наше время Князь Шаховской. *Приданое обманомъ*, Сумарокова, гдѣ окормивши ботвиньею опекуна, принуждаютъ его подписать рядную, и *Ссора или два сосѣда*, Князя Шаховскаго, гдѣ за яичницею мирятся два непримиримые соперника, суть творенія одного разряда: это арлекинады Комедіи.

Digitized by Google

2. *Переводныя комедіи.* Онѣ начаты были до Сумарокова, и съ 1757-го года, когда было у насъ всѣхъ на все переводовъ только три перевода Мольеровыхъ комедій, донынѣ, переведено ихъ нѣсколько сотъ. Вкусъ къ переводамъ былъ въ разныя эпохи различный. Сначала переводили Нѣмцовъ, Французовъ, Итальянцовъ, Англичанъ, безъ разбора: Мольера, Голберга, Реньяра, Лессинга, Дешуша, Вольтера, Дидеро, Буасси, Гольдони, и проч. и проч., дурною прозою и стихами шяжкими. Въ началѣ XIX-го вѣка Коцебу завоевалъ было театръ Русскій; теперь мы держимся за однихъ Французовъ. Въ послѣдніе годы явилось нѣсколько переводовъ хорошихъ. Изъ числа такихъ назовемъ *Мизантропа* и *Школу женщинъ*.

3. *Передѣлки.* Это самыя жалкія и несчастныя созданія. Мысль нелѣпая, что переставивши имена и мѣсто дѣйствія, можно *обрусить* твореніе Нѣмца, Француза, Англичанина, есть основная мысль передѣлокъ. Водевилисты довели передѣлку чужаго до послѣдней крайности, а передѣлки для бенефисовъ, кажется, рѣшительно отучатъ публику отъ этихъ литературныхъ уродствъ.

4. *Оригинальныя комедіи.* Ихъ было у насъ донынѣ очень много; но, къ сожалѣнію, основныя мысли девяти изъ десятка Русскихъ комедій не принадлежатъ нашимъ сочинителямъ, а если и принадлежатъ имъ, то бываютъ такъ мѣлки, стары, что съ 1764 г., т. е. эпохи появленія Бригадира, едва-ли десять Русскихъ комедій можемъ мы насчитать, въ коихъ мысль была-бы оригинальна, не слѣдствіе подражанія, являла предметы, до-

Digitized by Google

спойные труда писателя. Вотъ, по нашему мнѣнію, на что можно указать: *Бригадиръ* и *Недоросль*, фонъ-Визина; *Модная лавка*, И. А. Крылова; *Ябеда*, Капниста; *Горе отъ ума*, Грибоѣдова; *Добрый малый*, Г. Загоскина. Не всѣ сіи пьесы одинаковаго достоинства; но замѣтимъ, что во всѣхъ сихъ пьесахъ основное достоинство составляетъ оригинальность мысли, или новость изложенія предмета, происходившая отъ того, что авторъ бралъ краски не изъ Французскаго репертуара, но въ своемъ умѣ, въ обществѣ, въ Русскихъ нравахъ: здѣсь матеріялы для созданія нашей Комедіи. Мы не умѣемъ еще ими пользоваться, и фонъ-Визинъ и Грибоѣдовъ не умѣли, изъ собранныхъ ими матеріяловъ, строить зданія совершенно изящныя; но матеріялы выбирали они мастерски. Оставляя цѣпи Классицизма и разрабатывая рудникъ народности нашей, мы конечно успѣемъ создать Комедію Русскую.

Что за странность у нашихъ комиковъ: вертѣться въ одномъ кругу, очерченномъ предшественниками! Даже къ названіямъ привязываются они, и не могутъ не подражать. Былъ *Урокъ дочкамъ*; надобно *Урокъ женатымъ*, *Урокъ холостымъ*, *Урокъ мужьямъ*, *Урокъ кокеткамъ*! Отъ *Мѣщанина во дворянствѣ*—явились *Полубарскія затѣи*, *Богатоновъ въ столицѣ*, *Богатоновъ въ деревнѣ*, *Чванство Транжирина*! Отъ *Ученыхъ женщинъ*—сколько Русскихъ комедій: *Вечеринка ученыхъ*, *Писатели между собою*, и проч. Сколько уже разъ выводили на сцену плаксивыхъ Ахалкиныхъ, глупа журналиста, прожектера, кокетку, подьячаго, шалуна гусара, педанта, промотавшагося

Digitized by Google

игрока, и все тѣже и одни лица, тѣже и одни характеры, даже однѣ и тѣже шутки, манеры: однообразіе скучное и утомительное! Подумаешь, что комики наши обязались ткать Пенелопину ткань. Что-же имъ дѣлать? спросишь насъ. Бросишь нынѣшнюю свою дорогу, взяться за дѣло, какъ брались за него Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ. Пусть посмотрятъ они, съ какимъ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаемъ мы каждый шагъ къ оригинальности, и особливо къ составленію *Русской Комедіи;* говорятъ: *мы,* ибо публика подтверждаетъ съ нами это мнѣніе, и *Дворянскіе выборы*, новая комедія неизвѣстнаго Автора, которой въ недѣлю раскуплено нѣсколько сотъ экземпляровъ, показываетъ нашимъ комикамъ, какъ рада публика простить всѣ недостатки, лишь-бы Авторъ удалился хоть сколько нибудь отъ надоѣдающихъ повтореній одного и того-же, къ чему мы приглядѣлись и прислушались въ нашемъ театрѣ.

Дворянскіе выборы, комедія весьма несовершенная. Она писана въ прозѣ — это-бы еще ничего, но въ дурной прозѣ — вотъ что плохо. Завязка ея слаба; основные характеры почти всѣ не выдержаны; по слогу, по разговорамъ, она принадлежитъ къ эпохѣ 1764-го года. Но что-же заставляетъ насъ хвалить ее, и указывать на нее, обходя комедіи, писанныя очень недурными стихами, лучше связанныя, лучше расположенныя? Вотъ что.

Авторъ взялъ предметъ совершенно новый, оригинальный. Онъ обращаетъ въ смѣхъ одно изъ ужасныхъ золъ современнаго общества нашего; онъ

Digitized by Google

выводитъ на комическую сцену людей, которыхъ мы знаемъ, заставляетъ ихъ говорить и дѣйствовать, какъ они говорятъ и дѣйствуютъ въ самомъ дѣлѣ. Тутъ смѣшатъ насъ не причуды ошкупщика, который гордится нюхая Французскій табакъ; не хвастовство провинціяла, который ищетъ *Петербургской* палки, думая, что ничѣмъ другимъ не долженъ онъ колотить слугу; не насмѣшки надъ Французскимъ болтаньемъ, сто разъ слышанныя на сценѣ театра нашего: нѣтъ! Тутъ толпа свѣжихъ характеровъ, взятыхъ съ подлинника, является забавлять собою; комикъ бросаетъ перчатку пороку, гибельному, опасному, и причетъ комическихъ злодѣевъ на сценѣ кипитъ жизнію.

Авторъ представляетъ намъ общество дворянъ, съѣхавшееся на выборы. Бездѣльникъ и ябедникъ хочетъ попасть въ Предводители. Все, что употребляется въ подобныхъ случаяхъ, выведено наружу: подкупные голоса, *запасные* (техническое слово), заговоръ, попойка, стараніе завлечь добрыхъ людей въ свои плутни, все это видимъ въ комедіи, и сцены, гдѣ Авторъ списываетъ, а не выдумываетъ — превосходны. Комическое является тутъ само собою. Все 7-е явленіе 2-го дѣйствія не можете читать безъ смѣха и безъ негодованія, такъ-же какъ сцену обученія Запасныхъ, и многія другія, дѣлающія честь наблюдательному уму и оригинальности Автора.

Повторяемъ, что совсѣмъ не думаемъ мы выставлять *Дворянскихъ выборовъ* за *образцовую* комедію нашимъ комикамъ; она показываетъ только имъ богатство матеріяловъ, которые у нихъ подъ рукою, которыхъ они не видятъ, а потому не льзя не ска-

Digitized by Google

жешь, что Авторъ *Дворянскихъ выборовъ* заслуживаетъ истинную благодарность желающихъ добра нашей Словесности, и что его должно извинишь во всѣхъ недостаткахъ.

Да не подумаетъ кто-либо, что мы хотимъ унизить прежнихъ и нынѣшнихъ комиковъ нашихъ; совсѣмъ нѣтъ! Они слѣдовали и слѣдуютъ направленію, какое дали имъ начало комедіи въ Россіи, и обстоятельства, въ какихъ она развивалась. Не отвергаемъ и того, что, какъ между прежними были, такъ и въ числѣ нынѣшнихъ комиковъ нашихъ есть люди съ талантомъ; но если мы повторимъ, что Комедія наша, со временъ фонъ-Визина весьма мало подалась впередъ, это будетъ сущая правда, а за правду сердиться не должно. Наша Комедія имѣла Ломоносова въ фонъ-Визинѣ, но Карамзинъ для нея еще не являлся, и если есть что-либо хорошее въ ней, то это находится въ такомъ точно отношеніи къ другимъ отраслямъ Словесности, какъ стихи Петрова относятся къ стихамъ Пушкина. Но въ Лирической Поэзіи Державинъ существовалъ до Пушкина; не было-ли Державина и въ Русской Комедіи? Богъ знаетъ, а кажется не было.

Новымъ изданіемъ *Бригадира* и *Недоросля* мы одолжены новому Цензурному Уставу, которымъ свободно дозволено печатать всякія сочиненія и переводы, по прошествіи 25-ти лѣтъ отъ времени кончины Автора или Переводчика. Позволеніе совершенно справедливое, ибо, безъ него сочиненія и переводы, дѣлаясь собственностію книгопродавцовъ, наслѣдниковъ, или казенныхъ мѣстъ, доводили многія книги до безмѣрной цѣны, и не давали средства

Digitized by Google

публикѣ имѣть ихъ въ разныхъ изданіяхъ, по разнымъ цѣнамъ. А. С. Ширяевъ, напечатавъ вновь *Бригадира* и *Недоросля*, если не ошибаемся, первый воспользовался дозволеніемъ Цензурнаго Устава, и его примѣру, вѣроятно, не замедлятъ послѣдовать и другіе Г-да Книгопродавцы. Желательно, чтобы вновь были напечатаны, отдѣльно, Кантемиръ, избранныя сочиненія Ломоносова, Богдановича, Княжнина, и чтобы читатели получили чрезъ то удобство покупать не всѣ томы каждаго изъ сихъ Авторовъ, и не такъ дорого платить за нихъ, какъ угодно какому-нибудь издателю, который, Богъ знаетъ когда доставши право на ту или другую книгу, хочетъ быть вѣчнымъ откупщикомъ ума чужаго.

— *Цефей.* Альманахъ на 1829-й годъ. М. 1829 г., въ т. А. Семена, in 16, 255 стр.

На сей годъ предвѣщали намъ множество альманаховъ; донынѣ мы видѣли ихъ немного. Въ Москвѣ, кромѣ *Вѣнка Грацій*, не являлось еще ни одного литературнаго: Цефей дополняетъ сей недостатокъ. Если названіе: *Цефей*, покажется читателямъ непонятно, они могутъ просить у Астрономовъ истолкованія. Только *три* Автора, изъ помѣстившихъ свои произведенія въ этомъ альманахѣ, сказываютъ свои имена: Г-да *Григорьевъ*, *Ламьеръ* и *Стройскій*; другіе *восьмеро* скрыли свои имена подъ сокращеніями и знаками: *Ж—въ*, *К.*, *Степ—овъ*, *Стр.—*, *Ш—ій*, *Ю.*, *N. N.*, ***. Имена Издателей не объявлены. Полагаемъ, что это собраніе сочиненій и переводовъ юныхъ литераторовъ; но въ немъ есть пьесы достойныя вниманія. Таковы, напримѣръ,

Digitized by Google

при стихотворенія Г-на К. Жаль только, что они весьма распѣянны. Переводъ одной сцены изъ Шиллеровой трагедіи: *Марія Стуартъ*, того-же Автора, очень хорошъ. Въ *Мысляхъ, выпискахъ и замѣчаніяхъ* Г-на N. N., точно есть мысли и остроумныя замѣчанія; статья: *О Классицизмѣ и Романтизмѣ*, Г-на ***, показываетъ, что Авторъ ея знакомъ съ настоящими понятіями объ Изящныхъ Искусствахъ. Желаемъ успѣха Гг-мъ Издателямъ Цефея. Жаль только, что магическое слово: *Альманахъ*, придало и Цефею предорогую цѣну другихъ альманаховъ—*десять рублей*.

СМѢСЬ.

Въ № XI Журнала мануфактуръ и внутренней торговли, помѣщены двѣ весьма важныя статистическія статьи: Обозрѣніе Россійскихъ мануфактуръ въ началѣ 1828 года, и Обозрѣніе Нижегородской ярмарки за 1828 годъ.

Хотя этого обозрѣнія мануфактуръ никакъ не льзя почесть полнымъ и достаточнымъ, по причинѣ несовершенства сбиранія вѣдомостей отъ фабрикантовъ (къ улучшенію чего принимаются Правительствомъ дѣятельныя мѣры); но изъ него видны однакожь приблизительныя счисленія. Вообще мануфактуръ, подлежащихъ завѣдыванію Мануфактурнаго Департамента, считается въ Россіи до

Digitized by Google

6000, а числю рабошниковъ, на оныхъ занимающихся, простирается до 300 т. человѣкъ. Сюда не причислены мѣлкія фабричныя рукодѣлья, домашнее крестьянское производство, цѣховыя производства, заводы казенные, рудоплавные и горные. Главныя въ числѣ упомянутыхъ 6000 фабрикъ и заводовъ, сушь: кожевенные, коихъ до 2000; бумажныхъ издѣлій, коихъ до 500; суконныхъ до 400; салотопенныхъ и мыловаренныхъ до 700; свѣчныхъ до 300; Фламскихъ полотенъ до 200; поташныхъ до 200; хрустальныхъ и стеклянныхъ до 166; стальныхъ, игольныхъ, инструментальныхъ до 182; шелковыхъ издѣлій до 220.

На Нижегородскую ярмарку 1828 г. привезено было вообще товаровъ на 108 милльоновъ рублей; въ томъ числѣ отечественныхъ произведеній на 72 милльона; Китайскихъ на 15 милльоновъ; Персидскихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ на $1\frac{1}{2}$ слишкомъ; иностранныхъ, Европейскихъ и колоніяльныхъ, почти на 14, Бухарскихъ и Киргизскихъ почти на $4\frac{1}{2}$ милльона.

Споры о чести изобрѣтенія не новость. Французы, Нѣмцы, Англичане, и даже Русскіе, оспориваютъ другъ у друга честь изобрѣтеній: то книгопечатанія, то пороха, или магнитной стрѣлки, очковъ, конной артиллеріи, и проч. и проч. Въ то-же время Оріенталисты стоятъ за честь Восточныхъ народовъ, увѣряя, что у нихъ Богъ знаетъ когда были уже извѣстны новости Европей-

Digitized by Google

скія, что на Востокѣ стрѣляли порохомъ до Бартольда Шварца, и печатали книги до Гуттенберга. Антикваріи возстаютъ съ другой стороны, ищутъ слѣдовъ изобрѣтеній у Грековъ, Римлянъ, Египтянъ, Финикійцовъ: есть цѣлыя книги, гдѣ опибиваютъ честь изобрѣтенія и открытія едвали не всего, чѣмъ гордится Исторія Математики, Физики, Химіи и Механики новыхъ Европейцовъ. Страннѣе всего, что часто новый изобрѣтатель, и не слыхивавшій о Діодорѣ или Плиніи, у которыхъ есть четыре, пять темныхъ строчекъ о томъ, надъ чѣмъ думалъ онъ полвѣка, отъ чего терпѣлъ нужду и гоненія, умираетъ бѣдный, неизвѣстный, а изобрѣтеніе его остается, увеличивается, совершенствуется, дѣлается источникомъ славы и богатства отечества, и споровъ между народами и учеными людьми.

Это мы говоримъ мимоходомъ, желая сказать читателямъ, что слава изобрѣтенія паровыхъ машинъ теперь оспорена у Англичанъ Французами. Донынѣ полагали, что Маркизъ Уорчестеръ, помѣстившій въ какой-то своей книгѣ описаніе паровой машины въ 1663 г., былъ *первымъ* ихъ изобрѣтателемъ. Напротивъ, Французами найдено, что ихъ соотечественникъ Соломонъ Ко (Caus), за 48 лѣтъ до Маркиза Уорчестера, т. е. въ 1615 г., въ книгѣ своей: Les raisons des forces mouvantes, avec diverses machines tant utiles que plaisantes, говорилъ о приложеніи пара къ Механикѣ, и *первый* предложилъ устроивать паровыя машины. Сіи машины такъ нынѣ сдѣлались важны, что имена совершен-

Digitized by Google

ствовавшихъ приложеніе пара въ Механикѣ должны быть сохраняемы Исторіею. Извѣстно, что первыя приложенія практически сдѣланы были Папиномъ въ 1690 году; послѣ сего знаменитаго ученаго дѣло шло медленно до Англичанина Ватта, котораго должно почитать настоящимъ устроителемъ паровыхъ машинъ. Англичане помнятъ и уважаютъ имя его, наравнѣ съ именами другихъ великихъ людей Англіи.

Въ Прибавленіяхъ къ Телеграфу прошедшаго года, мы писали о новоизобрѣтенномъ способѣ дѣлать всякія ткани непроницаемыми, посредствомъ пропитыванія ихъ каучукомъ, такъ, что ткань становится непроницаемою даже для воздуха, и не измѣняетъ притомъ своего цвѣта и вида. Важное изобрѣтеніе это перенято уже Французами отъ Англичанъ, и въ Парижѣ дѣлаютъ непроницаемыя шинели, плашья; постели, подушки, набиваемыя воздухомъ. Не знаемъ, это-ли самое изобрѣтеніе перенесено теперь въ Петербургъ; но крайней мѣрѣ, Г-нъ Юнкеръ, содержатель Магазина на Невскомъ Проспектѣ, объявилъ въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ *о новомъ изобрѣтеніи, посредствомъ ввода цилиндрами каучука, придавать всякимъ тканымъ товарамъ свойство непринимать влажности и не пропускать воздуха.* Онъ беретъ по 4 рубля асс. за отдѣлку квадратнаго аршина непроницаемой ткани. Дорого! Но зная ловкость

Digitized by Google

Русскихъ промышленниковъ, съ какою перенимаютъ они всѣ изобрѣтенія иностранцовъ, и умѣютъ подешевить ихъ, можемъ надѣяться, что Русскія издѣлія изъ непроницаемыхъ воздухомъ тканей скоро появятся у насъ повсюду и дешево будутъ продаваться. Только начать какое-бы то ни было дѣло сами Русскіе промышленники не мастера, а впрочемъ иностранцамъ никакъ за ними не угоняться.

Россійское Страховое отъ огня Общество публиковало свой отчетъ за прошедшій 1828-й годъ. Изъ онаго видно, что Обществомъ получено страховыхъ денегъ съ владѣльцовъ застрахованныхъ имѣній 917,878 руб. 97 к., изъ поелику изъ оныхъ положено было въ теченіе года болѣе 700 т. въ Банкъ, то Общество приобрѣло симъ распоряженіемъ еще 22,355 р. 39 к., да съ Акціонерскаго капитала, *двухъ милліоновъ рублей*, получено процентовъ 119,328 р. 22 к. Всего-же годовой доходъ Общества составлялъ 1,059,562 р. 58 к.—Изъ него израсходовано было на содержаніе конторъ, комиссіонеровъ, и проч. 114,546 р. 86 к.; за пожарные же случаи заплачено *только* 74,474 *р.* 22 *к.*; *чистой прибыли* Обществу остается—870,541 р. 50 к., т. е. *болѣе* 40 *процентовъ* на капиталъ. Общество, получивъ исключительную привиллегію, конечно не можетъ ожидать соперничества, и слѣдственно, имѣетъ полную надежду, что предпріятіе его наградится и въ послѣдующіе годы такими-же,

Digitized by Google

и еще большими барышами. Они основаны на вѣрномъ, математическомъ разсчетѣ.

Въ № 3-мъ Телеграфа напечатанъ былъ отрывокъ изъ перевода Гетевой Трагедіи: *Ифигенія въ Тавридѣ*. Мы забыли при семъ случаѣ извѣстить читателей, что переводъ сей трагедіи Г-мъ Лихонинымъ совсѣмъ конченъ, и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ печать.

Отдавая читателямъ нашимъ отчетъ о книгѣ Г-на Гуслистаго, мы находили, что время, назначаемое имъ для наученія дѣтей грамотѣ, совсѣмъ не мало, и что слѣдовательно метода Г-на Гуслистаго едва-ли можетъ назваться *ускоряющею* обученіе дѣтей грамотѣ. Теперь, прочитавъ въ № 58 Прибавленій къ С.Петербургскимъ Вѣдомостямъ объявленіе Г-на Сошкова (Никифора Алексѣевича), мы не можемъ удержаться, чтобы не изъявить нѣкотораго сомнѣнія объ успѣшности его методы, по причинѣ противной: скорости, съ какою Г-нъ Сошковъ берется выучить читать. Онъ говоритъ, что «въ три урока, люди незнающіе грамотѣ, получатъ отъ него такое понятіе, что послѣ сами собою могутъ пріобыкнуть къ чтенію книгъ.» Онъ объявляетъ притомъ, что описаніе методы его напечатано. Мы не видали этого описанія, и думаемъ, что если Г-нъ Сошковъ довольствуется только показаніемъ отношенія

Digitized by Google

согласныхъ буквъ къ гласнымъ въ складахъ, послѣ чего всякій конечно можетъ уже самъ разбирать склады, що все *трехъ уроковъ* для этого мало. Желательно-бъ было, чтобы любители просвѣщенія, живущіе въ Петербургѣ, обратили вниманіе на методу Г-на Сошкова, и если она въ самомъ дѣлѣ такъ хороша и легка, що, почему не распространить ее, и не вознаградить почтеннаго изобрѣтателя за трудъ его, полезный и достохвальный, всякимъ ободреніемъ?

Въ *Сѣверной Пчелѣ* (Марта 16-го № 33-й) напечатано извѣстіе о необыкновенномъ происшествіи въ Китайской Литературѣ. Просимъ извиненія у Гг-дъ Издателей Сѣверной Пчелы въ *перепечаткѣ* изъ ихъ газеты: мы не умѣемъ читать Китайскихъ оффиціяльныхъ газетъ и не имѣемъ иного средства доставить нашимъ читателямъ свѣдѣніе о семъ любопытномъ событіи.

Въ Пекинской оффиціяльной Газетѣ 15 числа III луны, напечатано слѣдующее любопытное рѣшеніе Китайской Палаты Церемоній: « Въ 9-й годъ правленія *Дао-Гуанъ*, 10 числа III луны. Въ засѣданіи Высокостепенной Палаты *Да-ли-сы* (*), послѣ разсужденія о пяти добродѣтеляхъ, шести обязанностяхъ и семи приличіяхъ, Высокопочтенные *Дзины*, *Гу-сы-джины* и *Дзо-сы-джины*,

---

(*) Такъ называется Палата Церемоній.

Digitized by Google

т. е. Предсѣдатели и Засѣдатели правой и лѣвой стороны, слушали представленіе Высокопочтеннаго *Ды-дy-сіо-джина* Южной Столицы (*), который изъясняетъ слѣдующее: Младшій братъ *Ды-дy-сіо-джинъ* Южной Столицы Небесной Имперіи, долгомъ поставляетъ представить старшимъ своимъ братьямъ, присутствующимъ въ Палатѣ Церемоній Сѣверной Столицы, что предсѣдательствуемая имъ Палата стиховъ и прозы исправно печется о соблюденіи въ Южной Столицѣ правилъ пяти добродѣтелей, шести обязанностей и семи приличій, и старается согласовать между собою противоборствующія дѣйствія матеріи движущейся и матеріи неподвижной, изъ коихъ состоятъ всѣ предметы вещественнаго міра. Но Палата стиховъ и прозы не можетъ никакъ управиться съ Журналистами Южной Столицы, у коихъ всѣ матеріи такъ перемѣшаны, что отъ сего вскорѣ воспослѣдуетъ совершенный хаосъ въ головахъ ихъ читателей. Журналистъ *Чунъ-пхунг-жyй-гл-юань-гунъ-шн-дзы*, напечаталъ на Журналиста *Гай-ганъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-лн* жестокую критику, въ которой доказываетъ, что сей послѣдній ничего не знаетъ, ничего хорошаго не сочинилъ и потому не имѣетъ никакого права на довѣріе читателей къ стран-

(*) *Ды-дy-сіо-джинъ* есть главный чиновникъ по ученой части въ областяхъ Китайской Имперіи, въ коей имѣются двѣ столицы, т. е. *Пе-кинъ*, или Сѣверная столица, и *Нан-кинъ*, или Южная столица. *Прим. Сост.*

Digitized by Google

нымъ мнѣніямъ, провозглашеннымъ отъ него въ издаваемомъ имъ Журналѣ. Журналистъ *Гай-ганъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-лн* есть, какъ извѣстно, мандаринъ третьей степени и членъ *Хань-линя*, ученаго сословія Южной Столицы Небесной Имперіи. Обидясь сими смѣлыми замѣчаніями Журналиста *Чунъ-пхунъ-жуй-га-юань-гунъ-ши-дзы*, Журналистъ-мандаринъ *Гай-ганъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-лн* внесъ въ собраніе *Хань-линя* жалобу на дерзость своего противника, и въ доказательство того, что онъ все знаетъ и имѣетъ неоспоримое право на довѣріе публики къ его мнѣніямъ, представилъ собранію золотой шарикъ своей мандаринской шляпы, четыре жалованныя ему павлиньи пера и двѣнадцать большихъ пуговицъ съ изображеніемъ дракона. Кто осмѣлится противорѣчить столь яснымъ доказательствамъ ума мандаринова? Собраніе *Хань-линя* заключило единогласно, что золотой шарикъ, украшающій верхушку остроконечной шляпы почтеннаго *Гай-ганъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-лн*, его павлиньи перья и большія вызолоченныя пуговицы совершенно удостовѣряютъ, что онъ все знаетъ, имѣетъ право судить обо всемъ, какъ ему угодно, и всѣ обязаны безпрекословно вѣрить ученымъ его приговорамъ; что слѣдовательно противникъ его *Чунъ-пхунъ-жуй-га-юань-гунъ-ши-дзы*, обидѣвъ сими укоризнами личную честь мандарина и достоинство его золотыхъ шариковъ, павлиньихъ перьевъ и большихъ позолоченныхъ пуговицъ, нарушилъ тѣмъ самымъ правила пяти добродѣтелей, шести обязанностей и семи приличій, и, по законамъ Не-

Digitized by Google

бесной Имперіи, заслуживаетъ наказаніе 80 ударами бамбуса по пятамъ. Въ слѣдствіе сего собраніе *Хань-линя* требуетъ отъ Палаты стиховъ и прозы, чтобы оная приняла мѣры къ наказанію дерзнувшихъ утверждать передъ лицемъ всей Небесной Имперіи, что можно быть невѣждою, нося золотой шарикъ на шляпѣ, павлиньи перья за ухомъ, и пуговицы съ изображеніемъ дракона, на кафтанѣ. И дѣйствительно, это заслуживаетъ наказаніе. Палата стиховъ и прозы признаетъ мнѣніе собранія *Хань-линя*, достойнымъ уваженія; ибо говоритъ, что золотой шарикъ на остроконечной шляпѣ не означаетъ ума, противно ненарушимымъ законамъ вещественнаго міра и дѣйствію двухъ матерій, движущейся и неподвижной. Но *Сянгунъ*, одинъ изъ засѣдателей лѣвой стороны сей Палаты, полагаетъ, что мнѣніе ученаго собранія *Хань-линя* неосновательно, и что можно быть набитымъ невѣждою, нося золотые шарики, не только на верхушкѣ шляпы, но и на концѣ носа и на оконечностяхъ всѣхъ двадцати пальцевъ, имѣя сверхъ того все тѣло покрытое павлиньими перьями. Это совершенно непонятно! Далѣе *Сянъ-гунъ* изъясняетъ, что мудрое правленіе *Дао-Гуанъ*, начертавъ благоразумныя правила для Палаты стиховъ и прозы, имѣло только въ виду удержать писателей въ предѣлахъ осторожности, и ошнюдь не дало сей Палатѣ права порабощать свободу мыслей; напротивъ того, споспѣшествуя потребностямъ просвѣщенія и вѣка, оно старается сими правилами способствовать успѣхамъ разума, и же-

Digitized by Google

лая совѣшованіься съ общественнымъ мнѣніемъ и съ мыслящими писателями, само вызываетъ ихъ разсуждать о предметахъ, относящихся къ просвѣщенію и торговлѣ, о сочиненіяхъ издаваемыхъ отъ казенныхъ мѣстъ, и слѣдственно писанныхъ мандаринами съ золотыми шариками и съ павлиньими перьями, и проч. и проч.—Теперь неизвѣстно, что дѣлать? Подлинно, трудно рѣшить сей столь важный вопросъ. Почему Палата стиховъ и прозы Южной Столицы, по правиламъ семи приличій, семь разъ нижайше покланяясь въ стихахъ и въ прозѣ предъ высокостепенною Палатою Церемоній Сѣверной Столицы, испрашиваетъ рѣшенія ея въ семъ дѣлѣ. Сверхъ сего, замѣчая, что Журналисты Китайскіе, въ издаваемыхъ ими сочиненіяхъ, ругаютъ другъ друга безъ церемоній, покорнѣйше проситъ высокостепенную Палату Церемоній предписать на будущее время правила, основываясь на коихъ, можно было-бы въ извѣстныхъ случаяхъ остановить сію журнальную брань, столь безполезную для Словесности, и противную духу десяти тысячь церемоній, искони существующихъ въ Небесной Имперіи. Палата Церемоній, по зрѣломъ соображеніи всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, опредѣлила отвѣчать Палатѣ стиховъ и прозы Южной Столицы, что она совершенно согласна съ мнѣніемъ засѣдателя лѣвой стороны *Сянъ-гуна*, и что въ замѣчаніяхъ Журналиста *Чунъ-пхунъ-жуй-га-юанъ-гунъ-ши-дзы*, на Журналиста-мандарина *Гай-чанъ-тунъ-пхинг-хой-бу-бо-лн*, относящихся единственно къ его литературнымъ

Digitized by Google

заняшіямъ, оно неусматриваетъ ничего оскорбительнаго, какъ для личной его чести, такъ и для его шариковъ, перьевъ и пуговицъ; что-же касается до жестокой брани нѣкоторыхъ Китайскихъ Журналистовъ, то раздѣляя съ Палатою стиховъ и прозы желаніе, чтобы вообще литературная полемика приняла въ Небесной Имперіи тонъ приличнѣйшій и благороднѣйшій, Палата Церемоній, не находя въ законахъ никакого воспрещенія Журналистамъ говорить взаимно себѣ грубости и колкости, полагаетъ, что исправленіе сего недостатка надобно предоставить успѣхамъ просвѣщенія и общему вкусу публики; если-же нынѣшняя Китайская публика столь мало имѣетъ онаго, что покупаетъ подобныя ругательства и брани, то пускай и читаетъ оныя. Почитайте сіе.»

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Au spectacle de la Cour, une dame avait un *chapeau Cardinal* en velours cerise, orné de sept plumes blanches, dont cinq en dessus et deux en dessous. Sur le chapeau d'une autre dame était un bouquet de plumes d'autruche bleues, comme sa robe.

Les coeffures ornées de fleurs, quoique fort élevées, paraissaient basses auprès de celles qui étaient surmontées de plumes. Les fleurs n'étaient point éparses ; mais disposées en cordon, en guirlande.

Les robes si décolletées que beaucoup de femmes avaient les épaules presque entièrement en dehors de leur robe : la mantille de blonde diminuait cette nudité.

Avec une robe bleue, des plumes bleues ; avec une robe rose, des plumes couleur de rose ; plus généralement, des plumes blanches, même avec des robes bleues, couleur de rose, cerise, etc.

Les petites manches de Cour les plus nouvelles étaient en *béret*, à gros tuyaux ou plis comme brisés dans leur milieu, de manière à monter vers l'épaule et à descendre vers le poignet.

(*) До 5 Марта (н. с.) 1829 года.

Digitized by Google

Le dernier concert du Wauxhall n'était pas le plus remarquable, sous le rapport du chant surtout.

Toilettes dans la salle :

Le rose vif, en coeffures surtout, dominait à tel point que d'abord les yeux ne se reposaient que sur cette couleur.

Mad. T. avait une robe de velours noir, et un boa en ventre de marabout ; un chapeau de crêpe-crêpé blanc, orné d'un saule blanc, et de blonde blanche, tandis que la robe était garnie de blonde noire.

Des robes moins habillées, en vert de toutes les nuances, en bleu, en gris, avaient une poche, à droite. Cette poche dans laquelle une élégante met la main de tems à autre, semble être de rigueur pour les robes qui ne sont pas de grande toilette.

Manches *à la mameluck*, avec croissant froncé à mille plis au bas de l'épaule.

Dans les bals de la Cour on a vu des robes et des coleretes garnies d'une sorte de blonde, appelée *blonde-gaze*, qui est travaillée au métier de Cachemire.

Le grand genre, au concert et au bal, quand une dame ne danse pas, est d'avoir une robe de gourgouran blanc broché à fleurs blanc sur blanc, ou bleue à fleurs de diverses nuances, disposées en colonnes. Ces robes ont un corsage drapé et des manches courtes.

Digitized by Google

On citera longtemps, pour la quantité de plumes et de pierreries, les toilettes qui garnissaient, le 23 février, la salle de l'Opéra.

Plusieurs dames avaient sur le milieu du front, une plaque gothique en pierres de couleur, et, dans les cheveux, un oiseau de paradis ou un héron.

La plus riche de toutes les coeffures, était sans contredit la suivante: Peigne à triple rang de brillans, deux papillons en diamans, enfin chatons en diamans, formant bandeau, et faisant, en outre, deux fois le tour d'une natte de cheveux.

Une dame avait dans les cheveux deux flèches en or. La fusée que ces flèches traversaient, était extrêmement haute.

Les chapeaux *à l'espagnole*, en velours, ne sont pas les seuls dont le dessus de la forme soit plissé en coquille; on plisse de la même façon les chapeaux habillés ordinaires.

Придворный спектакль. Въ одномъ изъ придворныхъ спектаклей замѣчены слѣдующія моды:

Кардинальская шляпка, изъ вишневаго бархата, убранная семью бѣлыми перьями, изъ коихъ пять вверху, два внизу шляпки.—На другой дамѣ была шляпка съ букетомъ строусовыхъ перьевъ голубаго цвѣта, подъ цвѣтъ платья сей дамы.—Уборки головъ съ цвѣтами, хотя и весьма высоки, но все кажутся низкими при уборкахъ съ перьями; цвѣты не разбрасываются нынѣ по головѣ, но располагаются цѣпями, и гирляндами.—Платья дамскія дѣлаются шакъ ошкрыты, что у многихъ дамъ

Digitized by Google

плеча совершенно обнажены, и только блондовая обшивка уменьшаетъ нагошу груди и спины. — Съ голубымъ платьемъ и перья носятъ голубыя, съ розовымъ розовыя; но всего болѣе видно бѣлыхъ перьевъ, даже съ цвѣтными платьями, голубыми розовыми, вишневыми, и ш. д.—Маленькіе рукавчики у платьевъ придворныхъ, самые новые, дѣлаются *беретные*, огромными дудками, или складками, какъ будто переломленными въ срединѣ, такъ, что одна половина ихъ идетъ къ плечу, другая къ локтю.

Концертъ въ Воксалѣ. Послѣдній воксальный концертъ былъ не замѣчателенъ, особливо касательно пѣнія.

Замѣченныя моды:

Яркій розовый цвѣтъ, особенно въ головныхъ уборкахъ, преимуществовалъ до такой степени, что при первомъ взглядѣ, казалось, только и видишь этотъ цвѣтъ въ дамскихъ нарядахъ.

Г-жа Т. была въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ *боа* изъ марабу; шляпка бѣлая, крепъ-креповая, украшенная бѣлою *ивою*, и бѣлыми блондами, хотя платье и было убрано черными блондами.

Не столь нарядныя платья, цвѣта зеленаго, всѣхъ оттѣнковъ, также голубаго, сѣраго, были съ карманами на правой сторонѣ. Такой карманъ, въ который дама отъ времени до времени кладетъ руку, кажется, входитъ въ моду, для всѣхъ платьевъ не составляющихъ большаго наряда.

Digitized by Google

Мамелюкскіе рукава, съ полумѣсяцомъ, сложеннымъ въ множество складокъ ниже плеча.

Модныя платья. На придворныхъ балахъ нѣкоторыя изъ дамъ являлись въ платьяхъ и колерешкахъ, убранныхъ особеннымъ родомъ блондъ, называемымъ *блонды-газъ*, которыя шкутся на манеръ кашемировыхъ шканей.

Если дама не танцуетъ на балѣ, то приличія высшаго тона требуютъ, чтобы она одѣта была въ бѣлое гургурановое платье, съ бѣлыми цвѣтами, или голубое, съ цвѣтами разныхъ оттѣнковъ, расположенными въ колонны. Такія платья надѣваютъ и въ концертъ; корсажъ у нихъ бываетъ драпированный и рукава коротkіе.

Головныя уборы. Долго будутъ говорить дамы о нарядахъ, замѣченныхъ въ Оперномъ спектаклѣ 23 Февраля; щегольскія головныя уборки были многочисленны. Головной уборъ нѣкоторыхъ дамъ состоялъ въ слѣдующемъ: на срединѣ лба, Готической формы бляха, изъ цвѣтныхъ дорогихъ каменьевъ, и съ райскою птичкою, или цаплею, въ волосахъ. Самая богатая уборка, безъ сомнѣнія, была слѣдующая: гребенка, съ тремя рядами бриллiантовъ, двѣ алмазныя бабочки, и наконецъ, алмазная нитка въ видѣ повязки, два раза обогнувшая плешушку волосовъ.

У одной дамы были на головѣ двѣ золотыя стрѣлы; пукъ волосовъ, сквозь который онѣ проходили, отличался вышиною.

Не однѣ *Испанскія* бархатныя шляпки дѣлаются со складками на верхней сторонѣ полей, въ видѣ

Digitized by Google

раковины; такимъ образомъ дѣлаютъ теперь поля у обыкновенныхъ нарядныхъ шляпокъ.

ПАРИЖСКІЯ ВѢСТИ

для

Читателей и читательницъ модъ.

Вѣсти важныя и любопытныя! Какая надобность, что во Французской Палатѣ Депутатовъ начались споры о государственныхъ предметахъ; что Французы стали жаловаться на усиленіе овцеводства въ Россіи, и просятъ запретить ввозъ Русской мериносовой шерсти: читатели и читательницы модъ, конечно требуютъ *не такихъ* вѣстей. Поговоримъ о Парижскихъ бездѣлкахъ.

Недавно у Герцога Орлеанскаго данъ былъ великолѣпный балъ; гостей явилось болѣе 1200. Герцогиня Ангулемская пробыла на балѣ до 2-го часа по полуночи, а Герцогиня Беррійская возвратилась въ Тюльери въ 5 часовъ утра; танцовали въ трехъ залахъ. Наряды дамъ были великолѣпные и изящные; каковы-же были наряды, которые и въ этомъ блескѣ замѣчены? Вотъ два отличнѣйшіе наряда:

1-й. Платье изъ Норвичскаго крепа, яркаго розоваго цвѣта; выше колѣнъ была у него рисованная гирлянда, представляющая дубовыя вѣтви, съ золотымъ шитьемъ; къ этому дубовая гирлянда въ волосахъ: такая уборка головы называется à la

Digitized by Google

druidesse (*); букетъ изъ дубовыхъ вѣнокъ на боку платья, вмѣсто букета цѣпочку; поясъ кружевной.

2-й. Платье изъ бѣлаго крепа, съ рисованною гирляндою выше колѣнъ, составленною изъ колокольчиковъ, пурпуровыхъ и оранжевыхъ съ золотомъ, и голубыхъ съ серебромъ, съ прибавленіемъ зеленыхъ листьевъ, вышитыхъ золотомъ. Гирлянды на головѣ и букетъ на груди также изъ колокольчиковъ.

Въ Венгерской кадрили, дамы были въ желтыхъ полусапожкахъ со шпорами, которыми били онѣ въ извѣстныхъ промежуткахъ музыки.

Мужчины, большею частію, были въ синихъ и темныхъ фракахъ; въ жилетахъ шелковыхъ, яркихъ цвѣтовъ, съ золотомъ и серебромъ, въ огромныхъ бѣлыхъ галстухахъ, и—важное обстоятельство! — у многихъ, кончики рубашки не были выставлены изъ подъ-галстуха. Шляпы клаки, орѣхъ-угольныя, съ стальнымъ вишкомъ.

Вотъ новости для охотниковъ до десерта. У Парижанъ вошло въ моду ставить на столъ арфы, у которыхъ низъ составляетъ померанцовое, а края миндальное печенье; струны дѣлаются изъ жженаго сахара. Далѣе: ставятъ на столъ сахарныя мѣльницы, и скрытый внутри ихъ механизмъ заставляетъ колеса или крылья мѣльницъ вертѣть-

(*) *Уборка Друидъ.* Друидъ, Друида: имена жрецовъ и жрицъ древней Галліи. *Примѣчаніе для дамъ.*

Digitized by Google

ся; шары сахарные, полупрозрачные, у которыхъ внутри горитъ свѣчка, такъ, что если шаръ оранжевый, онъ кажется заходящимъ солнцемъ; голубой — полною луною; бѣлый—снѣжнымъ шаромъ; красный— клубомъ огня.—Фрукты подаютъ нынѣ на огромныхъ виноградныхъ листьяхъ, которые дѣлаются изъ бумаги.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Газовое платье, убранное золотомъ; корсажъ драпированный; на груди булавка, съ пряжкою *Севинье.*

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 5. *Мартъ* 1829.

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

ИСКУСТВА УКРАШАТЬ САДЫ.

Уже около пятидесяти лѣтъ прошло съ того времени, какъ явилась мода на живописные сады: нынѣ, только они и въ модѣ у Европейцовъ. Въ каждой странѣ еще сохраняютъ, правда, по привычкѣ, по уваженію къ старинѣ и къ основателямъ, три, четыре королевскихъ сада, устроенныхъ по прежнему вкусу, поддерживаютъ ихъ, и щадятъ отъ разрушенія. Но сіи древніе свидѣтели временъ минувшихъ не имѣютъ уже приверженцовъ: мы любимъ, мы разводимъ только Англійскіе парки, или, выражаясь новѣйшимъ образомъ, *живописные сады*. Нынѣшній вкусъ нашъ въ садоводствѣ дошелъ до такой степени нетерпимости, которой не найдемъ примѣровъ и въ Изящныхъ Искусствахъ. Мы позволяемъ, если кому хочется, быть приверженцомъ старинной музыки; поз-

Digitized by Google

воляемъ, если кому вздумается, предпочитать Гольбейна и Перуджина, не только Давиду и Жироде, но Тиціану и самому Рафаэлю; наконецъ, если кому угодно, шотъ можетъ, безъ всякой опалы на вкусъ свой, предпочитать старинные переплеты, старинные мебели и Севрскій фарфоръ всему новому въ сихъ предметахъ. Но сохранишь сколько нибудь привязанности къ старинным регулярнымъ садамъ, изъявишь объ нихъ, хошь малѣйшимъ словцомъ, сожалѣніе, никто изъ насъ конечно не посмѣетъ и не подумаетъ. Согласимся впрочемъ, что сады чисто-симметрическіе, особливо сады Французскіе, съ весьма малыми исключеніями, такъ были странны, такъ смѣшны даже, что объявишь себя ихъ защитникомъ, значишь показать гораздо болѣе дурнаго вкуса, нежели смѣлости. Потому, да не подумаютъ читатели наши, что мы хотимъ заступаться за старинные сады, хотимъ уговаривать опять обратиться къ нимъ; нѣтъ, мы далеки отъ желанія возстановить старинные сады наши; но, присоединяясь къ приверженцамъ торжествующаго нынѣ вкуса, мы хотимъ только, для пользы-же нынѣшнихъ садовъ нашихъ, разсмотрѣть забытое дѣло двухъ соперниковъ, и, можетъ быть, укажемъ на выгоды, какія нынѣшній вкусъ можетъ позаимствовать отъ прежняго, оставленнаго всѣми. Наша страсть есть практика о разгра-

Digitized by Google

ченія взаимныхъ владѣній, договоръ съ добрымъ намѣреніемъ придумываемый.

Послѣ каждаго волненія люди ступаютъ шагъ впередъ: это равно справедливо въ исторіи садовъ, и въ исторіи человѣчества. Такимъ образомъ, какъ ни самовольна, какъ ни насильственна была революція, низвергнувшая владыку садовъ Ленотра, и провозгласившая преемницею его, и единственною законною владычицею садовъ, Природу, мы не хотимъ жаловаться на эту революцію. Она ниспровергла липовыя стѣны, грабиновыя вырѣзки, буксовыя фигуры; она избавила отъ ширанской власти серпа и ножницъ всѣ несчастныя деревья, которыя обрѣзывали, коверкали, спригли раза по три въ годъ: она возвратила имъ свободное расположеніе ихъ вѣтвей, листовъ, формъ естественныхъ и надлежащихъ; безспорно, это все ея благодѣянія; но для чего всегда, попавши однажды на дорогу нововведеній, людямъ такъ трудно остановиться вспати и во время? Для чего не можемъ мы измѣнить даже какой нибудь бездѣлицы безъ того, чтобы не хотѣлось намъ измѣнить все совершенно; для чего осуждены мы всегда впадать изъ одной крайности въ другую? Основаніе старой системы было *архитектурное*; основаніе новой сдѣлалось исключительно *живописное*. Прежде, одной Архитектурѣ отданы были, какъ ея

Digitized by Google

собственность, при основныя стихіи садовъ: земля, вода, деревья, и она располагала ими по своей волѣ, обходилась съ ними, какъ съ каменьями, заставляла ихъ уравниваться, шечь, расти по неумолимой симметріи и линіямъ. Все это утомило насъ; прекрасно! Мы возстали, мы освободились; но для чего-же? Чтобы подпасть власти другаго деспота, еще болѣе Зодчества прихотливаго и самовластнаго. Ландшафтная живопись располагаетъ теперь у насъ каждымъ деревцомъ, каждою струйкою воды, каждымъ клочкомъ зелени. Мы рабы ландшафтовъ; мы не смѣемъ подумать отступить отъ законовъ ландшафтности, и если прежде сады наши были *архитектурныя перспективы*, теперь они *поддѣльные ландшафты*. И никто не вспомнитъ о бѣдной Архитектурѣ: она изгнана; о возвращеніи ея никто не думаетъ позаботиться на будущее время, никто не помыслитъ о примиреніи и соглашеніи! Мы увѣрены, что настало время подумать о несправедливости нашей. Нынѣ, когда *эклектизмъ* (т. е. соединеніе и соглашеніе различныхъ мнѣній) въ такой модѣ, за чѣмъ не попытаться быть эклектиками и въ садахъ? Не ужели въ садахъ нашихъ нѣтъ уже мѣстечка, на которомъ-бы, не нарушая законовъ Живописи, не оскорбляя друзей природы, Архитектура могла усладить наше зрѣ-

Digitized by Google

ие своими правильными размѣрами, своими величественными дѣйствіями (effets grandioses), своею поэзіею? Кажется, ничего не можетъ быть легче, и это, постараемся мы показать здѣсь. Можетъ быть читатели наши согласятся, что не подвергая линейкѣ и циркулю деревья, растѣнія и луга, не надобно также и объявлять рѣшительной войны камню и мрамору; что террасы, срѣзы, откосы (rampes) и балюстрады могутъ соединяться съ вольнымъ произрастаніемъ и неправильнымъ насажденіемъ; что изъ соединенія противоположностей должны явиться сильныя дѣйствія, и что, можетъ быть, тогда только избавятся сады наши отъ прозаическаго единообразія, сдѣлавшагося нынѣ неизбѣжнымъ недостаткомъ нашей системы живописныхъ садовъ.

Мы сказали, что еще не прошло и полувѣка тому, какъ Архитектура лишена во Франціи своего владычества надъ садами; въ Англіи такая перемѣна совершилась лѣтъ пятдесятъ прежде. Если спросить о правахъ Архитектуры у Исторіи, то, конечно, давность утвердитъ сіи права неоспоримыми, и можно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ сады въ мірѣ, законы Архитектуры всегда первенствовали при ихъ устройствѣ. Изъ этого исключимъ мы развѣ одинъ только Эдемъ. Эдемъ былъ, конечно, первый въ мірѣ

Digitized by Google

садъ: и какъ рады этому наши охотники до живописныхъ садовъ! Они ссылаются на Эдемъ, какъ на старую грамату ихъ первенства: тамъ, говорятъ они, началась система нашихъ садовъ. Но развѣ Эдемъ былъ неправильный садъ? Вѣроятно, хотя и нѣтъ доказательствъ. Впрочемъ, мнѣ случилось видѣть старую Голландскую картину, на которой древо познанія добра и зла изображено было на прелестной террасѣ, окруженное стриженными аллеями. Правда, Мильтонъ и здравый смыслъ ставятъ его совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ; но кто-же мнѣ увѣритъ, если аллеи Эдема не были прямы и обстрижены, что онѣ были круглыя, угловатыя? Скорѣе соглашусь, что въ Эдемѣ совсѣмъ не было аллей, или, говоря тоже иначе, Эдемъ былъ не садъ, такъ, какъ и Туренъ не садъ, хотя и зовутъ его садомъ Франціи. Словомъ: Эдемъ не рѣшаетъ преимуществъ ни того ни другаго рода садовъ.

Тоже скажемъ мы и о Гесперидскихъ садахъ, хотя и есть кой-какія доказательства, по которымъ можно предположить ихъ нѣсколько неправильными. Во первыхъ: тамъ были померанцы; слѣдовательно, не всѣ деревья были тамъ обстрижены на манеръ пирамидъ и шаровъ; во вторыхъ, всѣ поэты увѣряютъ, что Гесперидскіе сады были живописные. Но вѣришь ли поэтамъ? Мало-ли въ чемъ они увѣ-

Digitized by Google

ряютъ, а дѣло о садахъ Гесперидскихъ презапутанное, и если скажутъ, что Геспериды были *среднимъ садомъ*, между правильными и неправильными, мы охотно согласимся.

Но когда явилось въ мірѣ Искуство, когда однажды начало оно создавать статуи, портики, колонады, то оно вмѣшалось и въ устройство садовъ, и тутъ всѣ сомнѣнія въ сторону. Друзья природы и неправильности садовъ говори, что имъ угодно: мы указываемъ на сады Семирамиды, а съ ними трудно будетъ уладить живописнымъ садамъ. Не входимъ въ ученое изслѣдованіе о славныхъ садахъ Вавилонскихъ: были-ль они дѣйствительно повѣшены на воздухѣ, какъ орлиные гнѣзда? или они были только цвѣточныя корзины (jardinières), поддерживаемыя тысячью колоннъ? Скорѣе, не были-ль они просто нѣсколько-этажныя террассы, поставленныя одна на другую, какъ Изола-Белльскія на озерѣ Маджіорскомъ? Не смѣемъ ничего рѣшить; но, какъ-бы то ни было, утверждаемъ, что въ садахъ Семирамиды, все дѣлала Архитектура: это очевидно.

Если съ Востока, мы завернемъ въ Грецію, опять порядокъ и согласіе являются намъ первымъ закономъ въ искуствѣ украшенія садовъ. Начиная съ полей Алкиноя до садовъ Эпикура, съ философическихъ сѣней Академіи, до восхитительныхъ боскетовъ Фринеи, въ Греціи

Digitized by Google

все подчинено было правиламъ вѣчной красоты, изящнымъ размѣрамъ, которые Каллимахи, Сконисы, и ихъ сподвижники, открыли и утвердили. Не забудемъ, что Греки, обладавшіе изящнѣйшимъ чувствомъ приличія и вкусомъ, никогда не рѣзали своихъ прекрасныхъ деревьевъ, чтобы образовывать изъ нихъ арки и стѣны: у нихъ не найдете вы никакого слѣда несносной растительной Архитектуры (*végétale*), если можно такъ выразиться. Яворы Академіи осѣняли храмъ Музъ, и брызжущіе у корней своихъ фонтаны, вѣтвями столь-же свободными, сколь онѣ были величественны.

Напротивъ, Римляне, у которыхъ холодный основательный умъ никогда не умѣлъ нѣжно и со вкусомъ переводить къ себѣ созданія Грековъ, Римляне, подражавшіе великимъ твореніямъ Греціи только для того, чтобы сдѣлать ихъ тяжелыми и увеличенными, обезобразили изящное расположеніе Греческихъ садовъ множествомъ неизящныхъ украшеній, и между прочимъ стриженными, изваянными кустарниками. Читайте мѣлочное описаніе, какое оставилъ намъ Плиній о своемъ любимомъ садѣ: вы не войдете въ аллею сада его безъ того, чтобы на право и на лѣво не было у васъ прямыхъ стѣнокъ кустарника, гладко обрубленнаго, чисто обчесаннаго, чтобы не встрѣтились вамъ сфинксы, грифоны, и другія животныя, раз-

Digitized by Google

ставленныя спорожами отъ одного мѣста до другаго: вы точно будете, какъ будто перенесены въ какой нибудь Элизій госпожи Помпадуръ. Правда, что во времена Плиніи искусства мало по малу шли уже къ упадку. Уже близилось время, когда безобразная масса двора въ Спалатро должна была явить совершенное забвеніе Греческихъ формъ, когда возстановляя храмъ ставили колонны его внизъ верхомъ. Можемъ полагать, что сады Лукулла и Сенеки присоединяли, безъ сомнѣнія, къ изяществу Плиніева сада, украшенія болѣе прекрасныя, болѣе достойныя Грековъ.

Переносясь теперь въ средніе вѣки, найдемъ-ли мы симметрическія формы изгнанными изъ садовъ? Воспоминаніе Германскихъ лѣсовъ внушало-ль нашимъ предкамъ вкусъ къ извивистымъ дорожкамъ, къ уравненіямъ земли странымъ и неправильнымъ? Нѣтъ; посмотрите въ старыхъ замкахъ на полосу земли, воздѣланную мощными руками рабовъ, и стѣсненную между толстыми стѣнами, прикрытыми огромными бастіонами, и зубчатыми хоромами, съ узкими угловатыми окнами: тутъ, въ правильныхъ квадратахъ росли огородные овощи, кое-какіе фрукты, и нѣсколько грубыхъ цвѣтовъ: вотъ садъ среднихъ вѣковъ! По волѣ или по неволѣ, аллеи такихъ садовъ были прямыя, ибо онѣ шли по протяженію рвовъ; вѣрно не было

Digitized by Google

путь живописныхъ видовъ и самыхъ украшеній было очень мало: развѣ, далеко одна отъ другой, подъ тѣнью сѣнъ и бассіоновъ, торчали бесѣдки. Много вѣковъ прошло, пока искусство садоводства освободилось изъ сей тѣсной тюрьмы. Наконецъ, нравы смягчились: не всякій уже казался другому врагомъ; не всякій домъ, по необходимости, дѣлался крѣпостью. Подкрѣпляемые своими вассалами, покровительствуемые сильными союзниками, владѣтели замковъ осмѣлились пробить свои стѣны, и—вотъ открылось имъ сообщеніе съ сосѣднимъ полемъ; вскорѣ это поле обработали, загородили, превратили въ лугъ. Тутъ еще не все: замѣтили, что ближній лѣсъ обилуетъ дичью, которая составляетъ завидное лакомство; надобно было сберечь этотъ лѣсъ отъ воровъ дичины, и—палисады окружили лѣсъ. Вотъ начало парковъ; паркъ соединился съ лугомъ, лугъ съ замкомъ. Такова исторія почти всѣхъ увеселительныхъ домовъ XVI вѣка.

Подобныя соединенія замковъ съ лугами и парками, какъ мы видимъ, были рѣшительно дѣло случая: планы садовъ составлены были первоначально обстоятельствами; но вскорѣ такіе планы сдѣлались закономъ вкуса. По естественному дѣйствію подражанія (чему есть много примѣровъ), владѣтели замковъ,

Digitized by Google

устроивавшіе для себя вновь сады, нарочно принимали въ образецъ старые сады, устроенные постепенно и безъ предварительнаго плана. Сдѣлалось обычаемъ: между лѣсомъ и замкомъ, т. е. между областью Природы и Архитектуры, непремѣнно оставлять частицу пространства средняго, гдѣ Архитектура сохраняла еще часть своихъ правъ, а Природа начинала, такъ сказать, испытывать свои права. Украшать это посредствующее мѣсто кустами, цвѣтами, и другими естественными уборами, но въ тоже время обрисовывать ихъ очерки балюстрадами, красиво изваянными, раздѣлять на этажи неровность земли, помощію террасъ и съѣздовъ: таковъ былъ обычай вѣка возрожденія искусствъ и вкуса. Украшенные луга, или почетные дворы (Cours d'honneur) были, и преддверіемъ лѣса, и продолженіемъ замка. Это было средство сблизить, соединить, слить воедино, нечувствительною постепенностью, два рода мѣстоположеній, которыя нынѣ представляются намъ непріятелями несогласимыми. Такимъ образомъ, искусство садоводства, едва начинаясь, рѣшило уже задачу трудную, и касалось своего совершенствованія, ибо оно вступило, безъ сомнѣнія, на самую широкую дорогу — дорогу *эклектизма*, съ которой, къ сожалѣнію, не замедлило сбиться. Оно начинало почерпать для себя средства,

Digitized by Google

производишь впечатлѣнія (ses moyens d'effet) въ истинномъ источникѣ, то есть, въ противоположностяхъ Искусства съ Природою, и въ томъ счастливомъ смѣшеніи Идеальнаго съ Дѣйствительнымъ, безъ коего нѣтъ истинно-Изящнаго.

Шантильи, Ане, Экуанъ, Шаноисо, и множество другихъ дворцовъ и увеселительныхъ домовъ во Франціи, были устроены по симъ началамъ, и долго свидѣтельствовали превосходство ихъ. Одинъ Шаноисо пережилъ другіе: извѣстно, что это, можетъ быть, единственный замокъ во Франціи, въ которомъ донынѣ сохранились старинная меблировка и первобытныя украшенія, единственный, который не изуродовала революція своею гибельною рукою. Шаноисо есть Помпея XVI вѣка: мебели, рѣзьба, обои, соблюдены въ немъ такъ рачительно, все находится съ такою точностью на своемъ старомъ мѣстѣ, что Генрихъ II, и любовница его даже, если-бы могли придти въ прежнее свое убѣжище, съ трудомъ нашли-бы какую нибудь перемѣну. Къ несчастію, сады Шаноисскіе не были такъ уважены, какъ внутренность замка; впрочемъ, они никогда и не были устроены въ большомъ размѣрѣ. Однакожъ, окружность замка сбережена хорошо, и для насъ это весьма важно. Сихъ остатковъ достаточно, дабы дашь намъ живое понятіе о смѣшенномъ родѣ

Digitized by Google

садовъ, поперю коего мы выше его оплакивали: можно понять здѣсь, какъ выше былъ этотъ смѣшенный родъ двухъ исключительныхъ родовъ, за нимъ послѣдовавшихъ; какъ была прелестна, важна, и истинно художественна смѣсь богатствъ архитектурныхъ, съ свободною, оставленною самой себѣ, живописною расширительностію.

Но, намъ должно оставить Францію, если мы хотимъ перенестись въ золотой вѣкъ садовъ. Шанонсо, Ане, Экуань, Шантильи были дѣтскія игрушки, въ сравненіи съ чудесами, какія являлись тогда въ Италіи: намъ должно искать отчизны изящныхъ садовъ, также какъ и изящной Живописи. Итальянская природа сама по себѣ представляетъ такой высокой стиль, столько благородства, столько чистоты въ формахъ; предметы группируются и дѣлятся тамъ такъ хорошо линіями и этажами, что почти безъ принужденія природы весьма легко подводить ихъ къ архитектурнымъ пропорціямъ. Генію художниковъ немного надобно было сдѣлать, дабы найдти искусный переходъ отъ правильнаго къ живописному. Посмотрите въ знаменитыхъ Римскихъ *виллахъ*, особенно въ виллѣ Панфили, въ виллѣ Альдобрандини, съ какимъ волшебнымъ искусствомъ, по мѣрѣ того, какъ вы удаляетесь отъ жилищъ, архитектурная симметрія и строгость линій

Digitized by Google

уменьшается, изглаживается, теряется въ неправильныхъ формахъ ландшафта. Вы не заперты въ шнуркѣ зелени; вы не вдругъ брошены въ такъ называемую, *совершенную деревню* (pleine campagne), которая не представляетъ ни формъ, ни силя, ни характера; напротивъ: Природа у васъ въ перспективѣ, а Искуство у ногъ вашихъ, и вокругъ васъ, какъ великолѣпная рама картины. Не утверждаемъ, чтобы въ сихъ удивительныхъ садахъ не льзя было сыскать ни какихъ пятенъ на чистомъ вкусѣ. У Итальянцовъ есть пороки, безобразящіе не только ихъ Ваніе и Архитектуру, но даже костюмы жителей, поэзію ихъ, и самые религіозные обряды. Таковы: страсть къ привѣскамъ, роскошь на щипье, излишекъ украшеній въ частяхъ. Но въ идеѣ главной, въ соединеніи частей, расположеніи, уравненіи массъ, сады Итальянскіе выдержатъ критику самую холодную, самую разсудительную, и могутъ почесться неподражаемыми образцами. Что же дѣлаетъ ихъ особеннымъ предметомъ нашего удивленія? Это чувство ими внушаемое, свободное чувство Изящнаго, а не тотъ выродокъ чувства, который мы называемъ впечатлѣніемъ сельской природы. Впечатлѣнія сельской природы хороши, очень хороши; но въ полѣ, а не тогда, какъ мы гуляемъ въ загородкѣ, отъ которой ключъ у насъ въ карманѣ, пространство кото-

Digitized by Google

рой вымѣрянно нашими цапами. Не лучше-ли будутъ здѣсь огромныя, гармоническія формы, великое развитіе силы, явное торжество ума надъ вещественностью, словомъ: все то, что пишешь, возбуждаетъ чувство Изящнаго?

Таково было, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, состояніе искусства украшать сады: Италія показала великіе образцы, а Франція, хотя издали, слѣдовала по слѣдамъ ея. Вдругъ родился въ Парижѣ человѣкъ, долженствовавшій все ниспровергнуть. Онъ былъ одаренъ великимъ геніемъ; но два чувства были у него господствующими: страсть къ геометрической правильности, и презрѣніе къ красотамъ живописнымъ. Въ рукахъ такого человѣка, чѣмъ сдѣлался тогдашній эклектизмъ? Ничтожностью; пресѣклась всякая возможная связь между Искусствомъ и Природою: Искусство все похитило. Геній Ленотра, въ искусствѣ украшать сады чувствовалъ такую-же потребность единства, какую ощущалъ повелитель его въ государственномъ правленіи. Должно быть одно начало; все прочее есть его послѣдствія: таково было основное правило Ленотра. Посмотрите-же, что онъ дѣлалъ съ бѣдною Природою. Онъ разторгалъ всякое сообщеніе между ею и садами, оставлялъ Природу за садовою рѣшеткою, и запирая зелень между четырьмя стѣнами, гордо принимался вы-

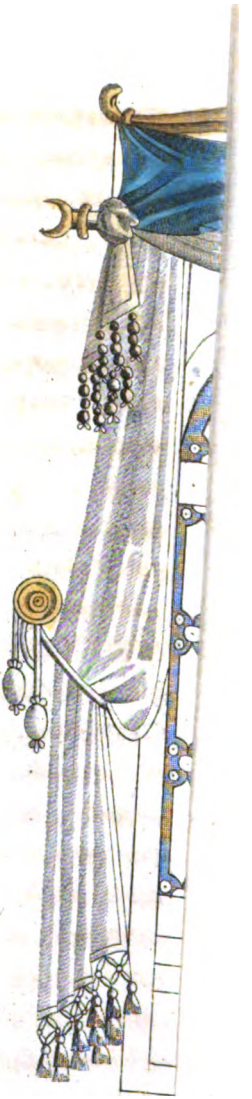
816987
Digitized by Google

тягиваешь свои линіи, подчиняя все своему циркулю, все, до послѣдняго листочка. Изъ такой системы, какъ изъ всего исключительнаго, казалось-бы ничего не могло произойдти другаго, кромѣ несноснаго единообразія. Таковъ однакожъ былъ геній художника, что изъ среды сего однообразія, онъ умѣлъ извлекать самыя огромныя, самыя величественныя дѣйствія.

(Окончаніе въ слѣдующемъ N°)

Къ сему N° Прибавленія приложено *изображеніе Парижской драпировки оконъ, въ Турецкомъ вкусѣ.*

Digitized by Google



Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

№ 6. Мартъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ДОПОЛНЕНІЕ

къ статьѣ: 1828й годъ, въ отношеніи къ Народному Просвѣщенію въ Россіи.

Взглядъ мой на 1828 годъ въ отношеніи къ постепенному образованію Россіи уже находился въ Москвѣ, когда здѣсь, въ Симферополѣ, получены первыя удовлетворительныя свѣдѣнія о слѣдующихъ двухъ предметахъ, вновь и въ полной мѣрѣ свидѣтельствующихъ о благотворной попечительности Правительства по части наукъ и распространенія полезныхъ знаній, отъ чертоговъ Царскихъ до смиренной хижины вѣрноподданнаго крестьянина, и въ полной же мѣрѣ требующихъ отъ насъ чистосердечной признательности и готовности всѣми силами содѣйствовать къ достиженію человѣколюбивыхъ намѣреній Высшаго Начальства.

Первый изъ сихъ предметовъ есть *Уставъ Гимназій и училищъ Уѣздныхъ и Приходскихъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Университетовъ: С. Петербургскаго, Мо-*

Digitized by Google

сковскаго, Казанскаго и Харьковскаго, который Высочайше утвержденъ 8 Дек. минувшаго 1828 года.

Оставляя безъ особеннаго вниманія измѣненіе въ учебныхъ предметахъ Гимназій и другихъ низшихъ училищъ, послѣдовавшее по распоряженію Главнаго Правленія училищъ въ Маршѣ мѣсяцѣ 1819 года (1), сличимъ, хотя мелькомъ, сей новый Уставъ съ Уставомъ, свободною-же рукою начершаннымъ и Высочайше утвержденнымъ 5 Ноября 1804 года (2).

Въ отношеніи къ *предметамъ ученія* замѣчаемъ, что въ Гимназіяхъ нынѣ противъ прежняго, по избытку въ числѣ сихъ предметовъ, опущены: *Философія, Изящныя науки* и *Политическая Экономія* (3), такъ-

---

(1) См. Журн. Департ. Народн. Просв. ч. 1, с. 311 и д.

(2) См. въ Періодич. Сочин. о успѣхахъ Народн. Просв. N. VIII, с. 6—78. *Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ Университетамъ.*

(3) *Логику* (слѣдственно и начальныя основанія *Психологіи*, безъ коей нѣтъ Логики) преподаетъ учитель Россійской Грамматики и Словесности. *Всеобщая же Грамматика, Нравоученіе, Эстетика* и *Права Естественное* и *Народное*, такъ-же какъ и *Политическая Экономія*, по справедливости предоставлены Университетамъ.

Digitized by Google

же *Естественная Исторія* (1) и *начальныя основанія наукъ относящихся до Торговли и Технологіи*, вмѣсто чего усилено ученіе *Латинскому языку*, а отчасти и *Греческому* (въ Гимназіяхъ С. Пешербургской, Московской, Казанской, Слободско-Украинской и Кіевской).

Въ Уѣздныхъ училищахъ изъ числа предметовъ ученія исключены: *Должности Человѣка и Гражданина* и *Начальныя правила Технологіи*, съ тѣмъ однако-же, что дозволяется открывать дополнительные курсы для обученія тѣмъ наукамъ, коихъ знаніе наиболѣе способствуетъ успѣхамъ въ оборотахъ торговли и въ трудахъ промышленности (2). Прибавлено въ Уѣздныхъ училищахъ преподаваніе *Церковной Исторіи*.

Въ Приходскихъ училищахъ уже не предписывается читать книгу: «*Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣчес-*

(1) Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе о Природѣ и главныхъ ея царствахъ и свойствахъ долженъ будетъ дать ученикамъ своимъ тотъ, кто будетъ преподавать имъ *Физику*.

(2) Сіи дополнительные курсы могутъ относиться преимущественно до *познанія Судопроизводства, Коммерческихъ наукъ, основаній Механики, Сельскаго Хозяйства и Садоводства*.

Digitized by Google

«*каго тѣла и вообще о средствахъ къ «предохраненію здоровья*;» но введено чтеніе *по рукописямъ* и преподаваніе *Священной Исторіи* (1).

Дѣвицамъ дозволяется обучаться вмѣстѣ съ мальчиками только въ Приходскихъ училищахъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и то токмо до одиннадцати-лѣтняго возраста (2).

Способъ взаимнаго обученія дѣлается нынѣ главнымъ въ низшихъ училищахъ, а въ Уѣздныхъ училищахъ, гдѣ въ совокупности, т. е. въ одномъ классѣ, должны бы учиться

---

(1) Слѣдственно и Древней Географіи (?), какъ необходимаго для оной пособія.

(2) Нельзя не вспомнить здѣсь о умилительныхъ словахъ Высочайшаго Плаката отъ 17 Маія 1828 года, касательно назначенія дня моленія (Klage Tag) въ В. К. Финляндскомъ, по случаю кончины *Е. В. Императрицы Маріи Ѳеодоровны*. Въ ономъ въ полной мѣрѣ признана была важность первоначальнаго домашняго воспитанія и безпредѣльнаго вліянія *просвѣщенныхъ матерей* на всю будущую жизнь дѣтей своихъ. Отъ нихъ преимущественно зависитъ участь какъ дочерей, такъ и сыновей, а съ сими и самыхъ государствъ, и доколѣ, гдѣ бы то ни было, дѣти не имѣютъ еще образованныхъ родительницъ, дотолѣ нельзя ожидать основательныхъ и прочныхъ успѣховъ просвѣщенія. См. St. Petersburgische Zeitung 1828, №. 99, S. 1232.

Digitized by Google

болѣе 40 учениковъ, классъ сей дѣлится на разряды.

Гимназіи, вмѣсто 4хъ классовъ, дѣлятся на 7, и учителей при нихъ, вмѣсто 8ми, положено имѣть 11, а тамъ, гдѣ преподается и Греческій языкъ, таковыхъ будетъ 12. Поелику же первые три класса Гимназіи равняются тремъ классамъ Уѣздныхъ училищъ (и даже въ отношеніи къ предметамъ ученія нѣсколько превышаютъ оные), то и явствуетъ, что отнынѣ число Уѣздныхъ училищъ вдругъ умножается 48-ю новыми, и что въ каждомъ губернскомъ городѣ нынѣ таковыхъ училищъ будетъ два, вмѣсто одного.

Въ Уѣздныхъ училищахъ курсъ ученія, вмѣсто *двухъ* лѣтъ, будетъ продолжаться *три* года, и вмѣсто 2хъ или 3хъ учителей, положено штатъ имѣть таковыхъ не менѣе 5ти.

О преподаваніи *Словенскаго языка* хотя и не упомянуто въ числѣ предметовъ Гимназическаго ученія, но оно разумѣется само по себѣ, ибо неминуемо должно быть связано съ преподаваніемъ теоріи Россійскаго языка и его Словесности (1).

---

(1) О томъ, что въ Университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ принята будетъ въ Руководство Словенская Грамматика пок. Аббата Добровскаго, см. Моск. Вѣстн. 1828, N 23, с. 366 и 367.

Digitized by Google

Для Нѣмецкаго языка въ Гимназіяхъ назначено болѣе часовъ нежели для *Французскаго*, что и весьма естественно. Изъ господствующихъ въ Европѣ языковъ Словенскаго, Латинскаго и Нѣмецкаго племени, каждый разрядъ и безъ того уже нынѣ въ училищахъ нашихъ имѣетъ одного представителя. Къ тому же замѣтишь должно и то еще, что преподаваніе Французскаго языка въ казенныхъ училищахъ сдѣлалось общимъ, кажется, только съ 1804 года, ибо Государыня Екатерина II, при разсмотрѣніи составленнаго Янковичемъ-де-Міріево и представленнымъ Коммиссіею объ учрежденіи училищъ предположеніи объ учебныхъ предметахъ, утвердила оный 27 Сент. 1782 года съ тѣмъ, чтобы: «ученіе *Французска-*«*го* языка оставить домашнему воспитанію «по собственной каждаго волѣ, и въ народ-«ныхъ училищахъ онаго не вводить; языкъ *Ла-*«*тинскій* изъ училищъ сихъ не исключать; «*Греческій* завести по крайней мѣрѣ въ гу-«берніяхъ Кіевской, Новгородской и Азовской; «*Арабской* въ губерніяхъ къ сторонѣ Ташар-«ской, Персидской и Бухарской, а языкъ *Ки-*«*тайскій* въ губерніяхъ Иркутской и Об-«ласти Колыванской.»

Можно надѣяться, что дарованныя Гимназіямъ преимущества послужатъ къ вящшему распространенію въ Россіи просвѣщенія и наипаче

Digitized by Google

къ умноженію числа учащихся. Преимущества, коими пользовались воспитанники С. Петербургскаго высшаго училища и Кіевской Гимназіи, основаются въ своей силѣ только для тѣхъ, кои нынѣ уже обучаются въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ (1).

Учреждаемые при Гимназіяхъ *Пансіоны*, открывая Дворянству возможность воспитывать сыновей нѣкогда въ своихъ губерніяхъ, не ссылая оныхъ въ дальныя мѣста, съ тѣмъ вмѣстѣ подаютъ и надежду, что со временемъ могутъ быть въ нихъ образуемы на казенный счетъ еще до 300 бѣдныхъ дѣтей родовыхъ или личныхъ дворянъ.

Должно замѣтить, что при Гимназіяхъ прибавлены Помощники Директоровъ училищъ, подъ именемъ *Инспекторовъ*, равно какъ и *Почетные Попечители*. Обязанности первыхъ, права и выгоды послѣднихъ — значительны.

---

(1) Преимущества, дарованныя симъ уставомъ учителямъ, нынѣ умножены еще тѣмъ, что Высочайше утвержденнымъ 19 Дек. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и *младшіе* учители Гимназій и Уѣздныхъ училищъ освобождаются при производствѣ въ чинъ Коллежскаго Ассесора отъ положеннаго для гражданскихъ чиновниковъ испытанія. См. Сенатскихъ Вѣдомостей 1829, N 3, с. 148 и § 232 новаго Устава.

Digitized by Google

Въ губерніяхъ Сибирскихъ учебная часть подчинена Гражданскимъ Губернаторамъ, при чемъ назначено открыть новую Гимназію (Енисейскую) въ Красноярскѣ.

Весьма важно и то, что изъ небольшихъ библіотекъ, долженствующихъ учредиться при училищахъ Приходскихъ, дозволяется и посторонним лицамъ, каждому безъ исключенія грамотному крестьянину, пользоваться книгами для чтенія у себя на дому.

Касательно доходовъ своихъ, училища, подвѣдомыя Университетамъ, симъ новымъ Уставомъ поставлены въ первобытное состояніе (1804 года), пострадавшее было отъ перемѣны курса на ассигнаціи. Доказываетъ сіе слѣдующая сравнительная таблица:

Было назначено

Въ концѣ 1804 года		Въ концѣ 1828 года.	
На 43 Гимназіи	259,450	На 48 Гимназій	1,276,870
На 422 Уѣздн. училища. . . .	586,680	На 315 Уѣздн. училищъ . .	1,534,195
		На училища въ Области Кавказской и въ Землѣ Черноморскаго Войска.	39,600
		На 2 Прих. уч. въ СПб. Губерніи.	2,480

Digitized by Google

На Коммерческую Гимназію въ Одессѣ . . .	6,500	Сверхъ сего: Въ продолженіе 20 лѣтъ на усиленіе пенсіоннаго капитала, ежегодно по . .	50,000
		На отдѣленіе для образованія Татарскихъ учителей при Таврической Гимназіи. . . .	8500
итого	852,630	итого	2,911,645.

Число всѣхъ казенныхъ училищъ (подвѣдомыхъ Университетамъ), о коихъ упомянуто въ семъ Уставѣ, есть слѣдующее:

Гимназій	48
Уѣздныхъ училищъ	315
Высшее уѣздное училище въ Ставрополѣ	1
Уѣздныхъ училищъ въ Кавказской Области и въ Землѣ Черноморскаго Войска	4
всего	368

Въ показанное здѣсь число не вошли Гимназія и Уѣздныя училища, существующія въ Землѣ Войска Донскаго, потому что оныя состоятъ на содержаніи сего войска.

Для училищъ *Грузіи* обѣщано особое постановленіе, которое, вѣроятно, будетъ рас-

Digitized by Google

пространено и на *училища прочихъ Закавказскихъ областей.*

Другое достопамятное событіе для Исторіи Русскаго просвѣщенія въ 1828 году, (о коемъ теперь только дошли свѣдѣнія до южныхъ предѣловъ Имперіи), есть *Археографическое путешествіе П. М. Строева по Россіи*, коего планъ, будучи одобренъ И. Академіею Наукъ, Высочайше утвержденъ 14 Іюля минувшаго года. По примѣру Академика Миллера, смотрѣвшаго Сибирскіе архивы въ 1733 и 1734 годахъ, Г. Строевъ съ начала весны сего 1829 года, предполагаетъ въ продолженіе 7 лѣтъ объѣхать большую часть (преимущественно Сѣверной, Средней и Западной) Россіи, для разбора и описанія монастырскихъ, соборныхъ и другихъ библіотекъ, въ коихъ могутъ хранишься Историческіе, Палеографическіе и другіе памятники, и потомъ года 2 или 3 употребитъ на приведеніе въ порядокъ и изданіе собранныхъ имъ матеріяловъ.

Какой ученый, какой образованный Россіянинъ не порадуется сему полезному предпріятію, возымѣвшему начало уже почти за сто лѣтъ предъ симъ, подъ покровительствомъ той-же Академіи, которая нынѣ, для приведенія онаго въ дѣйство, назначила изъ доходовъ

Digitized by Google

своихъ достаточный капиталъ, для обезпеченія въ продолженіе десяти лѣтъ цѣлой *Археографической Экспедиціи*.

Стану-ли послѣ сего говорить еще о нѣкоторыхъ другихъ пріятныхъ явленіяхъ по части учебной, относящихся къ 1828му году, какъ на пр. о *классѣ Сельскаго Хозяйства и Скотолеченія* при Военномъ училищѣ у Казаковъ на Сибирской линіи, о *училищѣ Пчеловодства*, устроенномъ Г. Прокоповичемъ въ селѣ Мипченкахъ (Конотопскаго повѣта Черниг. губ., не въ дальнемъ разстояніи отъ Башурина) и т. п. (1)? — Умолчу о нихъ и заключу статью сію желаніемъ, чтобы кому либо и за текущій 1829 годъ возможно было представить столь же обильное по предметамъ своимъ, какъ и въ семъ году, исчисленіе благотворныхъ дѣйствій Начальствъ по части отечественнаго просвѣщенія!

П. К.

Симферополь.
14 Февр. 1829.

(1) См. Journal de St. Pétersbourg. 1829, N 12, p. 46.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ВОИНАМЪ.

Впередъ, друзья! Скорѣй впередъ!
Звучитъ ужь пушка вѣстовая!
Васъ честь на подвиги зоветъ —
И грянетъ сѣча роковая!
Воспомните своихъ отцовъ,
Ихъ славу, ихъ дѣянья
И гордость дерзкую враговъ —
И прямо въ пламень безъ роптанья!

Препоны-ль храбрыхъ устрашатъ?
Для васъ всѣ рѣки не глубоки,
Скалы пути не преградятъ:
Для васъ хребты ихъ не высоки.
По гласу родины святой,
Въ рукахъ съ булатными мечами,
Вы радостно стремитесь въ бой —
И смерть предъ вашими рядами!

И такъ, друзья! Скорѣй впередъ!
Несите ко врагамъ отмщенье!
Тому блаженство, кто падетъ;
Живымъ побѣды упѣшенье.
Впередъ! Вашъ Царь взываетъ къ вамъ;
Васъ родина благословляетъ.
Ура, друзья! Скорѣй къ мечамъ!
Васъ честь, васъ слава ожидаетъ.

Волковъ.

Digitized by Google

КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ.

По случаю кончины роднаго его брата.

Ты скорбью пораженъ; ты сѣтуешь о брашѣ....
Ахъ! мнѣ-ли горькихъ слезъ твоихъ не понимать?
Я самъ ихъ проливалъ; но въ тяжкой сей утратѣ
Отчаянью себя не должно предавать.
Утѣшься: у тебя еще есть здѣсь родные;
Они безцѣнны всѣмъ и вѣчно не умрутъ:
То пѣсней сладкій звукъ и доблести прямыя;
Они изъ вѣка въ вѣкъ къ безсмертью перейдутъ.

Волковъ.

Къ А. С. Пушкину.

Поэтъ-племянникъ, справедливо
Я названъ классикомъ тобой.
Все что умно, краснорѣчиво,
Все что написано съ душой,
Мнѣ нравится, меня плѣняетъ.
Твои стихи, повѣрь, читаетъ
Съ живымъ восторгомъ дядя твой.
Лаконы сына ты любимецъ;
Тебя онъ вкусомъ одарилъ;
Очаровательль и счастливецъ,
Сердца ты наши полонилъ
Своимъ талантомъ превосходнымъ,
Всѣ мысли выражать способнымъ.

Digitized by Google

Русланъ, Кавказскій Плѣнникъ швой,
Фонтанъ, Цыганы и Евгеній
Прекрасныхъ полны вдохновеній!
Они всегда передо мной,
И не для кришики пустой,
Я ихъ швержу—для наслажденья.
Тацита нашего шворенья
Читаешъ журналистъ иной,
Чшобъ славу очернишь хулой!
Зоилъ досшоинъ сожалѣнья;
Онъ позабылъ, чшо не вредна
Гранишу бурная волна.

В. Пушкинъ.

ПѢСНЯ.

Какъ эхо флейшы ошдаленной
Въ вечерній сумракъ надъ рѣкой;
Какъ пѣсни родины священной
Для плѣнника въ сшранѣ чужой;
Какъ узнику съ душой унылой
Вѣсшь первая свободы милой:
Такъ мнѣ, о другъ души моей!
Ошраденъ звукъ швоихъ рѣчей.

Какъ сшраннику въ шѣни желанной
Подъ небомъ знойнымъ свѣшлый ключъ;
Какъ кораблю изъ мглы шуманной
Попушнаго свѣшила лучъ;
Какъ, послѣ долгаго мученья,
Слѣпцу внезапный мигъ прозрѣнья:

Digitized by Google

Такъ мнѣ, о другъ души моей!
Отраденъ блескъ твоихъ очей.

Какъ сладость тихаго мечтанья
Младенческихъ, игривыхъ сновъ;
Какъ вздохъ невольный упованья
На непорочную любовь;
Какъ память о судьбѣ минувшей,
Прямою радостью мелькнувшей:
Такъ ты, о другъ безцѣнный мой!
Мила плѣнительной душой.

Каверзневъ.

П. И. Барону Д***му.

Ты помнишь-ли ту ночь мечтанья,
Когда мы ѣхали вдвоемъ?..
Ты помнишь-ли луны сіянье
Сквозь лѣсъ, на небѣ голубомъ?
Она, безцвѣтная, уныло
Одна горѣла въ небесахъ;
Въ ней что-то сердцу говорило
О прошлыхъ, невозвратныхъ дняхъ,
О дняхъ любви давно минувшей,
О миломъ взорѣ красоты —
И вновь въ душѣ моей уснувшей
Будило прежнія мечты!
Ты вспомнилъ, другъ! о дѣвѣ нѣжной
И объ улыбкѣ неземной,
Сравнивъ сводъ неба безмятежной
Съ челомъ красавицы младой,

Digitized by Google

И съ томностью свѣтила ночи
Элизы голубыя очи!...
Тогда душой ты къ ней летѣлъ!
Тебѣ надежды лучъ свѣтилъ!...
Но, милый другъ! *вторая дѣва*,
Которой сладкаго напѣва
Я не забуду никогда!...
Она души моей звѣзда!
Прекрасная, какъ утро Мая,
Какъ взоръ невинности мила,
Какъ цвѣтъ благоуханный рая,
Она роскошно расцвѣла!
Что я сравню съ ея очами,
Какъ опишу ея уста,
Ея улыбку?.... Но межь нами
Есть недоступная черта!...—

Всходило солнце за горою
И разлило лучи свои;
Исчезли съ мракомъ и луною
Надежды и мечты мои....
Такъ, другъ! исчезнутъ дни младые.
Лови-жь восторги жизни сей,
И дѣвы очи голубыя
Пусть будутъ радостью твоей!

В. Астафьевъ.

25 Февраля.
Торжокъ.

Digitized by Google

МѢДНЫЙ ГОРОДЪ (*).

Халифъ Абдалмелекъ, сынъ Мервана, изъ фамиліи Омміадовъ, утвердившій свое пребываніе въ Дамаскѣ, занимался однажды съ своими придворными разговоромъ о великомъ и дивномъ могуществѣ Царя Саломона, который покорилъ своей власти людей и животныхъ и заключилъ духовъ, какъ плѣнниковъ, въ мѣдные сосуды, запечатанные его печатью.

Талибъ, сынъ Села, разсказывалъ между прочими странными похожденіями, что когда-то во время путешествія своего, которое онъ совершалъ въ Индію, корабль его брошенъ былъ бурею въ нѣкую неизвѣстную страну; страна

(*) Изъ новыхъ сказокъ: *Тысяча одна ночь*, переведенныхъ съ Арабскаго на Нѣмецкій языкъ Г-мъ Гаммеромъ, и изданныхъ во Французскомъ переводѣ Г-мъ Требютьеномъ, подъ названіемъ: Contes inédits des Mille et une Nuits (Парижъ, 1828 г. 3 т. in-8.) Конечно, всѣмъ читателямъ нашимъ извѣстны сказки, переведенныя съ Арабскаго Галланомъ и Казо; Гаммеръ перевелъ остальныя сказки. Желая удовлетворить любопытству Русскихъ читателей, представляемъ одну изъ нихъ. *Пер.*

Digitized by Google

эта населена была черными дикарями, которые разбѣжались при видѣ корабля, потому что никогда не видали другихъ людей. Скоро однакожъ возвратились они съ подарками и съѣстными припасами. Люди, пріѣхавшіе на кораблѣ, сошли на землю и вздумали прогуляться на островѣ. Они встрѣтили двухъ рыбаковъ, изъ коихъ одинъ въ сѣтяхъ своихъ вытащилъ мѣдный сосудъ, запечатанный печатью Саломона. Когда снята была крышка съ сосуда, то вышелъ изъ него черный дымъ и раздался голосъ, произнесшій слова: »Прости! прости! Пророкъ Божій.» Дымъ тотчасъ же образовался въ огромнаго великана, который исчезъ въ облакѣ. Путешественники, пораженные ужасомъ, безъ чувствъ упали на землю; но черные не находили ничего удивительнаго въ этомъ происшествіи. По ихъ словамъ, Саломонъ заключилъ возмутившихся духовъ въ сосуды и бросилъ потомъ въ морѣ. Когда они освобождались въ подобныхъ этому случаяхъ, то просили Пророка Божія о прощеніи.

Халифъ Абдалмелекъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ разсказъ сей и наконецъ изъявилъ великое свое желаніе видѣть такой сосудъ, запечатанный печатью Царя Саломона. »Ничего нѣтъ легче, возразилъ Талибъ, сынъ Села. Страна черныхъ, куда мы брошены были послѣ нашего кораблекрушенія, находится посреди Африки, между Египтомъ и Могрибомъ; стóитъ только

Digitized by Google

дать повелѣніе своимъ правителямъ спхъ двухъ провинцій, чтобы они отыскали такихъ сосудовъ.» »Ты правъ, Талибъ, сказалъ Царь, и я возлагаю на тебя самого это порученіе.» — Потомъ онъ написалъ два письма, одно къ брату своему Абдализису, Намѣстнику Царскому въ Египтѣ, а другое къ Муссѣ, сыну Нассирову, Намѣстнику Царскому въ Могрибѣ, въ которыхъ онъ повелѣвалъ имъ лично сопутствовать Талибу при отысканіи сосудовъ, и не щадить для того ни трудовъ, ни казны. Въ то же время назначилъ онъ дать Талибу великое количество денегъ и многочисленную свиту, съ которою тотъ и отправился въ Египетъ. Абдализисъ, братъ Халифа и Намѣстникъ въ Египтѣ, прочитавъ письмо, приложилъ его къ головѣ своей въ знакъ повиновенія. Онъ ожидалъ только прибытія Муссы, сына Нассирова и Намѣстника Царскаго въ Западной Африкѣ, чтобы предпринять разысканія, о которыхъ было повелѣніе. Наконецъ, когда пріѣхалъ и послѣдній, то начали заботиться о томъ, чтобы найдти опытнаго проводника.

Въ Государственномъ Совѣтѣ, который былъ созванъ по этому поводу, выбранъ былъ Шейхъ Абдосъ-Самедъ-Бенъ-Алкодосъ-Алмасуди, который всю многолѣтнюю жизнь свою посвятилъ спрашиваніямъ по различнымъ землямъ. Его призвали и, объявивъ желаніе Халифа, просили помочь своими свѣдѣніями въ этомъ предпріятіи.

Digitized by Google

» Путь очень дологъ и не многіе въ него пускаются » , возразилъ Шеихъ. Владыка Египта спросилъ, сколько нужно дней для совершенія его. » Два года и одинъ мѣсяцъ , отвѣчалъ Шеихъ , чтобъ дойдти туда, но чтобы возвратишься , то потребно еще болѣе времени ; сверхъ того должно подвергаться тысячѣ опасностей, и вамъ нужно принять вѣрныя мѣры для сохраненія общаго покоя въ продолженіе вашего отсутствія. »

Абдализисъ ввѣрилъ бразды правленія сыну своему Гаруну , молодому Царевичу , одаренному характеромъ твердымъ и способному вѣрною рукою владѣть кормиломъ Царства. Обезопасивъ такимъ образомъ благосостояніе страны своей, онъ приготовился къ отплытію. » Повелите навьючить тысячу верблюдовъ, сказалъ Шеихъ Абдосъ Самедъ , мѣдными сосудами, наполненными водою, потому что мы должны проѣзжать пустыней, величиною на сорокъ дней ѣзды , гдѣ безъ всѣхъ средствъ доспать воды , мы будемъ подвергаться знойнымъ порывамъ Самума (*). Сверхъ того

(*) Почти всѣ путешественники , посѣщавшіе Востокъ, говорятъ объ этомъ вѣтрѣ , которому пустынные Арабы дали названіе—*Самума* , означающее *ядъ* по причинѣ гибельныхъ отъ него послѣдствій. Жаръ , имъ производимый , нерѣдко причиняетъ смерть : онъ бываетъ столь силенъ , говоритъ Вольней, что не испытавши, трудно вообразить его себѣ

Digitized by Google

велите навьючить шестьсот других верблюдов съестными припасами и возьмите плотников и кузнецов, потому что они могут быть нам полезны; но не берите других животных, кроме верблюдов, ибо только одни они могут перенести трудности такого пути.» Таким образом во имя Божие они отправились. Ехавши целый год, однажды Шеих Абдос Самед воскликнул: »Велик Бог! но мне кажется, что я сбился с настоящей дороги, потому что не вижу ничего знакомаго въ этой стороне. Господь поведет нас, будем продолжать путь, и возложим на Него веру нашу.» Они прибыли на обширную равнину, гладкую, как море, когда оно бывает спокойно. Посреди-же равнины уви-

---

въ такой степени; впрочемъ ощущеніе, которое онъ производитъ, можно сравнить съ чувствомъ жара отъ печи, когда вынимаются хлѣбы. Горе путешественникамъ, которыхъ такой вѣтеръ застигаетъ на пути, далеко отъ убѣжища! Они подвергаются всему его вліянію, причиняющему иногда смерть. Опасность особенно бываетъ во время порывовъ; тогда быстрота его увеличивается до такой степени, что убиваетъ мгновенно, производя странныя иногда явленія: то поражается одинъ человѣкъ между двумя другими, которые остаются здоровыми; то, чтобы спастись, достаточно только бываетъ закрыть платкомъ ноздри, или уткнуть носъ въ песокъ, какъ дѣлаютъ верблюды, или пуститься скакать,—къ послѣднему средству прибѣгаютъ Арабы.

Digitized by Google

дѣли какъ будто дымное облако и что-то блестящее, куда и направили путь свой.

Это были великолѣпные чертоги, покрытые досками изъ чернаго дерева, съ золотыми вставками. Ворота изъ Китайской стали ослѣпляли глаза, столпы чертоговъ были по четыре тысячи шаговъ въ окружности, и что путешественники приняли за дымъ, то былъ куполъ изъ чернаго свинца. Впрочемъ, не встрѣчалось ни какихъ живущихъ существъ, кромѣ совъ и вороновъ, имѣвшихъ тамъ гнѣзда и наполнявшихъ воздухъ дикимъ крикомъ. »Нѣтъ Бога кромѣ Бога! воскликнулъ Эмиръ Мусса, пораженный удивленіемъ. О чертоги! Кто теперь ваши жители? Они спятъ сномъ смертнымъ, какъ будто никогда и не существовали! Гдѣ великолѣпіе вельможъ и царей, обитавшихъ въ стѣнахъ вашихъ? Господь разсѣялъ ихъ, какъ вѣтръ разноситъ легкую солому! Пойдемъ — вступимъ сюда! » продолжалъ онъ, обращаясь къ Шеиху Абдосъ-Самеду, который произнесъ слѣдующія слова Корана: » Вы можетъ быть обратитесь въ тылъ отъ того, что̀ будетъ вамъ благодѣяніемъ. Хвала Господу за всѣ безчисленные дары Его и безпредѣльное милосердіе!» —»Зачѣмъ произнесъ ты сію молитву,» спросилъ его Эмиръ Мусса.—»Радуйся, Царь, сказалъ ему Эмиръ Шеихъ: теперь, пройдя пустыню, намъ нечего уже болѣе страшиться дикихъ звѣрей. Хотя и никогда я не бывалъ въ этой странѣ,

Digitized by Google

но она мнѣ извѣстна по описанію, сдѣланному мнѣ однимъ путешественникомъ. Онъ отправился, какъ и мы, въ Мѣдный городъ, но также заблудившись дорогою, пришелъ къ этому зданію. Отсюда остается еще четыре мѣсяца до того мѣста въ морѣ, гдѣ хранятся сосуды, которые мы отыскиваемъ.»—»Не можешь ли ты сказать намъ, спросилъ Эмиръ Мусса, кому принадлежатъ сіи черепки?» — »Нѣтъ, отвѣтствовалъ Шехъ, я объ этомъ ничего не знаю, но думаю, что они принадлежали Александру.»—Разговаривая такимъ образомъ, путешественники приближились къ зданію, котораго ворота были заперты. Они вошли на передній дворъ, гдѣ всѣ стѣны были украшены золотомъ и драгоцѣнными каменьями; на воротахъ начертана была слѣдующая Греческая надпись:

»Вступи сюда—да познаешь бытіе тѣхъ, которые были нѣкогда Владыками земли. Они прешли, какъ торопливые странники, и едва-ли имѣли время для отдохновенія.»

Эмиръ Мусса былъ тронутъ до слезъ. Онъ вошелъ во внутреннія покои, которые были еще великолѣпнѣе. На одной изъ дверей прочтена была надпись:

»Какая многочисленная толпа людей двигалась нѣкогда подъ сими сводами; теперь смотри, что они съ теченіемъ времени!»

Digitized by Google

Эмиръ Мусса пролилъ слезы, читая слова сіи. Онъ прошелъ съ Эмиромъ Абдализисомъ и другими товарищами странствія огромные покои, всѣ уже покинутые и хранившіе молчаніе глубокое. Войдя въ комнату, покрытую куполомъ, они увидѣли четыреста саркофаговъ, изсѣченныхъ изъ мрамора и гранита. Эмиръ Мусса, знавшій по Гречески, прочелъ на одномъ изъ саркофаговъ, такую надпись:

» Сколькихъ событій я былъ свидѣтелемъ!

» Какою славою блистательною, какою именитою извѣстностью я пользовался!

» Сколько городовъ покорилъ я! сколько далъ я законовъ!

» Храни свою душу: наслаждайся жизнію, пока смерть не придетъ её у тебя похитить!

» Завтра же она увлечетъ тебя, и тѣмъ, которые воззовутъ къ тебѣ, будетъ отвѣтствовать: *онъ* умеръ! »

Надпись сія у всѣхъ присутствовавшихъ исторгла изъ очей слезы. Они подошли къ комнатѣ, имѣвшей видъ молельницы и находившейся по срединѣ купола: двери ея вышесаны были изъ сандаловаго дерева и покрыты надписями изъ алмазныхъ буквъ. Прочтено было слѣдующее:

» Упоеніе наслажденій прешло какъ бредъ горячки. Смерть ринулась на меня, и я не могъ

Digitized by Google

отразить ея; ни войска мои, ни мои придворные не могли защитить меня.

» Не предавайся міру, если онъ во всей пышности предстанетъ взорамъ твоимъ. Смотри, что дѣлаетъ онъ съ тѣми, кто ему служитъ!»

Сія надпись исторгла новыя слезы изъ очей странниковъ. Они вступили въ молельницу и увидѣли дивный гробъ, на которомъ Шеихъ Абдосъ-Самедъ прочелъ слѣдующую надпись:

» Во имя Бога единаго, вѣчнаго, непремѣннаго, нерожденнаго, неродшаго, не имѣющаго себѣ равнаго.

» Во имя Господа, Владыки силы и могущества! Во имя Господа, невѣдающаго смерти! Научись странникъ, проходящій мѣста сіи, научись по примѣру моему не гордиться міромъ и величіемъ его! Это свѣтъ обманчивый, пустой сонъ, невѣрный призракъ, поселяющій жажду мучительную въ тѣхъ, кто преслѣдуетъ его, какъ источникъ чистой воды. Не ослѣпляйся блескомъ его видѣній: они низвергаютъ въ пропасть того, кто имъ предается.

» Я имѣлъ въ спойлахъ моихъ тысячу бѣгуновъ благородныхъ. Я держалъ въ объятіяхъ моихъ тысячу плѣнительныхъ красавицъ крови царской, которыя сдѣлали меня отцемъ тысячи князей, подобно львамъ мужественныхъ. Я прожилъ тысячу лѣтъ, владѣлъ сокровищами безмѣрными, на-

Digitized by Google

родами безчисленными. Я вѣрилъ, что могущество мое вѣчно продолжится на землѣ, когда вдругъ раздался страшный голосъ и возвѣстилъ мнѣ непремѣнныя судьбы Господа. Каждый день смерть удвояла свои хищенія и пожинала мои народы: тогда я велѣлъ начертать надписи, которыя читалъ ты при входѣ въ сіе зданіе и на саркофагахъ моихъ служителей. Чертоги мои сдѣлались убѣжищемъ смерти и никѣмъ не были обитаемы, кромѣ могильщиковъ.

» Тогда я собралъ войско мое: тысяча тысячъ всадниковъ сѣли на коней своихъ, вооруженные булатомъ блестящимъ и ужасными копьями. Защитите меня, храбрые воины, сказалъ я имъ, защитите отъ непрестанныхъ враждованій смерти. Возможно ли это намъ, отвѣтствовали они, когда всѣ, переступающіе порогъ чертоговъ, дѣлаются ея добычею? Тогда я повелѣлъ взять тысячу сундуковъ изъ казны моей, изъ которыхъ каждый содержалъ въ себѣ по тысячѣ сотъ фунтовъ золота, серебра и камней многоцѣнныхъ. Смотрите: вотъ богатства, сказалъ я опять, они принадлежатъ вамъ, если вы купите мнѣ хлѣба хотя на одинъ только день; но никто не хотѣлъ переступить порога.

» Тогда я предался судьбѣ моей и встрѣтилъ мой послѣдній часъ. Имя мое: Кушъ, сынъ Шедада, сына Ада Великаго. »

Digitized by Google

Эмиръ Мусса и спутники его не могли воздержаться отъ слезъ и рыданій: столько они были пронуты сими разительными и высокими истинами! Продолжая осматривать чертоги, они пришли въ комнату, гдѣ стоялъ столъ наборной работы, на которомъ прочтено было слѣдующее:

» Нѣкогда за столъ сей каждый день садились тысяча Царей слѣпыхъ и тысяча Царей зрячихъ: теперь ни слѣпые, ни зрячіе ничего не видятъ въ гробѣ! »

Эмиръ Мусса списалъ слова сіи на памятныя доски свои и ничего не вынесъ изъ чертоговъ, кромѣ стола, за которымъ каждый день обѣдали двѣ тысячи Царей. Потомъ присоединившись къ каравану, онъ опять продолжалъ путь свой. По истеченіи трехъ дней они прибыли къ огромному памятнику, на которомъ воздвигнутъ былъ *мѣдный* всадникъ со *стальнымъ* копьемъ; на наконечникѣ копья написано было чёткими буквами слѣдующее:

» Странникъ! если почему нибудь ты не знаешь дороги въ Мѣдный городъ, то поверни меня силою руки твоей и слѣдуй путемъ, къ которому, остановившись, я обращусь лицемъ. »

Эмиръ Мусса толкнулъ рукою истуканъ, который повернулся съ быстротою молніи и потомъ вдругъ остановился лицемъ къ противоположной сторонѣ дороги, которую они выбрали. Стран-

Digitized by Google

ники перемѣнили направленіе и находясь потомъ уже на пути, которымъ должны были слѣдовать, они день и ночь продолжали идти далѣе. Идучи такимъ образомъ, они встрѣтили столбъ изъ чернаго мрамора, къ которому приковано было нѣкоего рода чудовище о двухъ крыльяхъ, двухъ рукахъ и двухъ лапахъ. Жесткіе волосы его походили на конскую гриву; два глаза его блистали какъ горящіе угли, а третій, бывшій во лбу, выбрасывалъ искры. Оно воскликнуло гремящимъ голосомъ: »Хвала Богу, моему Господу, возложившему на меня наказаніе сіе до дня суднаго!» Караванъ, пораженный ужасомъ, хотѣлъ воротиться, но Эмиръ Мусса повелѣлъ Шеиху Абдосъ Самеду приблизиться къ сему странному существу и вопросить его. » Я духъ, изъ поколѣнія Геніевъ, отвѣтствовало чудовище; имя мнѣ—Демшъ, сынъ Аламешевъ. Я прикованъ по случаю необыкновенному и одинъ Господь знаетъ, долго-ли я здѣсь останусь.»—Повѣдай намъ этотъ дивный случай, продолжалъ Эмиръ Мусса.— Нѣкогда былъ я, отвѣтствовалъ Геній, стражемъ истукана, изваяннаго изъ оникса и принадлежавшаго одному Царю морскому, который повелѣвалъ многочисленнымъ войскомъ Геніевъ, заключая ихъ въ этомъ истуканѣ. Они съ Царемъ своимъ всѣ возмутились противъ Саломона. Царь этотъ имѣлъ рѣдкой красоты дочь, о которой Саломону я говорилъ однажды; послѣдній просилъ ее у Царя себѣ въ супру-

Digitized by Google

жество и въ тоже время повелѣвалъ ему разбить свой ониксовый истуканъ и признать, что нѣтъ другаго Бога кромѣ Бога, и что Саломонъ Пророкъ его. Царь собралъ Совѣтъ свой, чтобы представить ему на судъ предложеніе Саломона и спросилъ: должно-ли его опасаться? » Чего опасаться, отвѣтствовали совѣтники; островъ твой неприступенъ и защищенъ легіономъ Геніевъ, всегда готовыхъ сразиться съ Саломономъ. Всѣ предпріятія его будутъ тщетны противъ твоего могущества; однако-же спросимъ генія ониксоваго истукана—посмотримъ, какой дастъ онъ совѣтъ. » Проливъ кровь жертвенную, Царь простерся предъ истуканомъ и представилъ ему затрудненіе, въ которомъ онъ находился. Я ему отвѣтствовалъ изъ внутренности истукана: » Не опасайся ничего! пренебреги всѣмъ! я увѣряю тебя въ успѣхѣ! » Убѣжденный таковымъ прорицаніемъ, Царь велѣлъ бить посланнаго Саломономъ и потомъ отправить его къ своему Владыкѣ, чтобы онъ извѣстилъ его обо всемъ. Саломонъ, вознегодовавъ за такое оскорбленіе, собралъ войско свое, составленное изъ Геніевъ, людей, звѣрей и птицъ. Демиратъ, Царь Геніевъ, повелѣвалъ духами въ числѣ семидесяти тысячъ, а Визирь Ассафъ, сынъ Барахіи—людьми, коихъ числомъ было столько-же.

» Это огромное войско выступило на островъ и овладѣло имъ во всемъ его пространствѣ. Сало-

монъ, всегда великодушный, отправилъ къ Царю другаго посла, который сдѣлалъ ему тѣже предложенія, какъ и первый, предлагая прощеніе за все прошедшее, если только Царь согласится отдашь Саломону дочь свою и внидетъ въ вѣру его. Но Царь, упорный въ мысляхъ своихъ, изготовился къ защитѣ: онъ собралъ тысячу тысячь Геніевъ со всѣхъ острововъ и морей земныхъ. Саломонъ поставилъ войско свое въ строй: онъ по концамъ помѣстилъ животныхъ, а птицамъ, какъ стражамъ, повелѣлъ занять высоты воздуха, чтобы онѣ клёвами своими вырывали глаза у непріятелей. Самъ же возсѣлъ на Престолѣ великолѣпномъ, поставивъ съ правой стороны повелителя людей, а съ лѣвой — повелителя Геніевъ.

» Я начальствовалъ передовыми нашего войска и первый лично напалъ на строй Геніевъ Саломоновыхъ и на Царя ихъ Демираша. Онъ приблизился въ образѣ волкана, изрыгающаго огненные потоки, и силился задушить меня своимъ пламенемъ. Долго защищался я съ мужествомъ, но наконецъ, не могши противиться болѣе, обратился въ бѣгство. Саломонъ повелѣлъ войску своему преслѣдовать насъ и въ одно мгновеніе мы были со всѣхъ сторонъ окружены Геніями, людьми, четвероногими и птицами, повергавшими насъ на землю, раздиравшими насъ когтями и клёвами своими вырывавшими у насъ глаза. Царь Демирашъ хотѣлъ овладѣть мною; въ продолженіе

Digitized by Google

трехъ мѣсяцовъ бѣжалъ я предъ нимъ, но наконецъ онъ меня настигнулъ и приковалъ къ этому столбу. »

Когда Геній кончилъ разсказъ свой, странники наши оставили его и прибыли наконецъ къ Мѣдному городу. Въ самомъ дѣлѣ стѣны его всѣ были изъ мѣди; но всего страннѣе было то, что не видно было воротъ. Тогда раскинуты были палатки и Талибъ, сынъ Села, отправился въ обходъ кругомъ города, чтобы посмотрѣть, не ниже-ли были стѣны съ другой стороны. Онъ шелъ три дня и наконецъ возвратившись, извѣстилъ своихъ спутниковъ, что стѣны со всѣхъ другихъ сторонъ были еще выше. Тогда два Эмира и Шейхъ Абдосъ-Самедъ взошли на ближнюю гору. Тамъ они поражены были удивленіемъ, увидѣвъ огромность чертоговъ, великолѣпіе куполовъ, изящество садовъ и каналовъ, находившихся въ городѣ: но не замѣтно было въ сихъ дивныхъ мѣстахъ ни одного существа, похожаго на человѣка; совы и коршуны были единственными ихъ обитателями. Шейхъ и оба товарища его сошли съ горы, чтобы обойдти вокругъ города: они увидѣли въ одномъ мѣстѣ четыре мраморныя доски, на коихъ начертаны были надписи, заключавшія въ себѣ мудрыя правила и наставленія благочестивыя. На первой прочтено было:

» О сынъ человѣческій! не надѣйся на будущее,

Digitized by Google

ибо близокъ часъ смерти. Оно есть божество, разсѣявшее народы и низводящее Царей изъ обширныхъ чертоговъ ихъ въ тѣсное убѣжище гроба. Гдѣ могучіе Владыки, сильные земли? Когда пробудились, тогда они были уже только горсть пепла и праха!»

Какое высокое изящество! они пробудились послѣ смерти; ахъ! какъ это разительно! воскликнулъ Эмиръ Мусса. Потомъ онъ взялъ чернилъ и бумаги, чтобы списать сіи прекрасныя мысли. Между тѣмъ Шеихъ Абдосъ-Самедъ разбиралъ вторую надпись, которая состояла въ слѣдующемъ:

»О сынъ человѣческій! какъ можешь ты ввѣряться міру? Или ты не знаешь, что онъ жилище непрочное и преходящее?

»Гдѣ Цари, воители, Владыки Ирака и Хорассана? гдѣ Хозрои?

»Они прешли, какъ будто-бы никогда и не жили!»—Эмиръ Мусса списалъ и эту надпись и подошелъ къ третьей, которой таково было содержаніе:

»О сынъ человѣческій! равнодушно смотришь ты, какъ пробѣгаютъ дни твоей жизни и не думаешь о томъ днѣ, когда ты предстанешь предъ Господомъ, чтобы отдать отчетъ въ дѣлахъ своихъ!

Digitized by Google

»Что теперь обладатели Китая, Индіи, Нубіи и Абиссиніи? Дыханіе смерти ихъ уничтожило и могущество власти ихъ не защитило.»

Эмиръ Мусса оросилъ слезами бумагу, списывая надпись сію, и перешелъ къ четвертой мраморной доскѣ, на которой прочиталъ:

»Сынъ человѣческій! Ты низвергаешься въ бездну удовольствій, не помышляя о томъ, что смерть на плечахъ твоихъ. Возложи вѣру твою на Господа и взирай на міръ, какъ на ткань паука. Гдѣ основавшіе государства огромныя, гдѣ ихъ завоеватели? Они могилами замѣнили чертоги свои, населенные теперь совами.»

Между тѣмъ какъ Эмиръ Мусса списывалъ и эту прекрасную надпись, другіе изъ его спутниковъ разсуждали о средствахъ, какъ проникнуть въ городъ. »На что вы рѣшились? спросилъ ихъ Эмиръ.»—Мы думаемъ, отвѣтствовалъ Талибъ, сынъ Села, что должно употребить лѣстницы, потому что воротъ нѣтъ въ городъ.—» Средство превосходное, сказалъ Эмиръ Мусса; я о немъ давно уже думалъ, запасаясь плотниками и кузнецами.» Послѣдніе тотчасъ принялись за работу и не менѣе какъ въ мѣсяцъ была готова лѣстница, удивительная по своей твердости. Когда она была кончена, Эмиръ Мусса сказалъ: »Кто изъ васъ взлѣзетъ первый?— Я, отвѣтствовалъ одинъ изъ плотниковъ.—Онъ взлѣзъ по лѣстницѣ, но до-

Digitized by Google

спигнувъ послѣдней ступени, испустилъ крикъ и съ высоты стѣны упалъ въ городъ. » Вотъ чудная вещь ! »вскричалъ Эмиръ Мусса. « Не мудрено, чтобы того-же не было и со вторымъ, что случилось съ первымъ. По мнѣ, едва-ли не лучше всего оставить этотъ Мѣдный городъ и возвратиться. » Но плотники и кузнецы такъ воспламенились, что хотѣли непремѣнно попытать своего счастія одинъ послѣ другаго. Двѣнадцать изъ нихъ взлѣзали по очереди и всѣ имѣли одну участь. » Вижу наконецъ, сказалъ Шеихъ Абдосъ-Самедъ, что только я могу взлѣзть. « Эмиръ Мусса употребилъ всѣ средства, чтобы отвратить его отъ такого предпріятія, но Шеихъ былъ упоренъ въ своемъ намѣреніи. Онъ подошелъ къ лѣстницѣ, произнося слова: » Во имя Господа ! » и на каждой ступени читалъ новую молитву. Взошедъ на верхъ, онъ продолжалъ молиться и воскликнулъ наконецъ : » Не бойтесь ничего ! Я внѣ всякой опасности искушенія ; мнѣ видны отсюда двѣнадцать плѣнительныхъ красавицъ, на которыхъ бывшіе здѣсь прежде меня бросали взоры, исполненные преступныхъ желаній. — Вотъ причина ихъ гибели ; но меня онѣ не введутъ въ искушеніе. » Потомъ онъ пошелъ по стѣнамъ отъ одной стороны къ другой и достигъ мѣста между двухъ башенъ, гдѣ думалъ найдти ворота и гдѣ въ самомъ дѣлѣ былъ ходъ внизъ. Шеихъ увидѣлъ истуканъ всадника,

Digitized by Google

державшаго въ рукѣ яблоко, на которомъ были написаны слова:

» Вынь гвоздь изъ подковы моей лошади и потри его двѣнадцать разъ, если ты хочешь, чтобы дверь для тебя отворилась. »

Шейхъ поспѣшно вынулъ гвоздь двѣнадцать разъ и ворота съ шумомъ, грому подобнымъ, повернулись на петляхъ своихъ. Шейхъ чрезъ ворота сіи, которыя съ высокимъ спѣхомъ вели въ городъ, прошелъ внизъ, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли какого нибудь средства впустить туда и слугъ своихъ, которые были еще за спѣною. Онъ пошелъ въ укрѣпленія подъ валомъ и увидѣлъ тамъ множество мертвыхъ воиновъ въ полномъ вооруженіи, съ щитами на рукахъ, обнаженными саблями, копьемъ впередъ и натянутымъ лукомъ, какъ будто-бы они только что готовились напасть на непріятеля. » Вѣрно это стражи города, подумалъ Шейхъ, и вѣрно ключи должны быть у одного изъ нихъ. » Потомъ онъ подошелъ къ старику, который казался привратникомъ, и весьма обрадовался, замѣтивъ въ самомъ дѣдѣ ключи на его поясѣ. Ворота были загорожены и заставлены рогатками. Но Шейхъ превозмогъ наконецъ всѣ препятствія и отворилъ ихъ, къ великому удовольствію ожидавшихъ за спѣною. Для предосторожности, Эмиръ Мусса велѣлъ войдти только половинѣ людей сво-

Digitized by Google

ихъ, для того, чтобы остальные стерегли снаружи. Прежде всего они отыскали шёлк плотниковъ, упавшихъ со стѣны. Потомъ въ полномъ порядкѣ пришли они на городское торжище, гдѣ лавки были еще наполнены товарами; люди всѣ были мертвые, но они сохраняли то положеніе, которое прилично продавцамъ и покупающимъ и протягивали другъ другу изсохшія свои руки. Путешественники, прошедши торжище, гдѣ продавались драгоцѣнные камни, оружія и шелковыя матеріи, подошли наконецъ къ огромному зданію, которого дворъ наполненъ былъ различнаго рода оружіями, подвѣшенными на золотыхъ цѣпяхъ. Здѣсь въ одной изъ комнатъ находился тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ, вокругъ котораго сидѣла толпа людей, обратившихся въ совершенныя муміи. Эмиръ Муса не могъ наглядѣться на красоту и богатство зданія. Вокругъ, по верхней части карниза была надпись золотыми буквами по голубому полю. Она содержала въ себѣ правила нравственности въ стихахъ; стихи сіи не были ни менѣе высоки, ни менѣе разительны въ сравненіи съ тѣми, которые прочтены были на мраморныхъ доскахъ. Смыслъ этой надписи былъ почти таковъ:

»Странникъ! Разсмотри мѣста сіи, прежде нежели пойдешь далѣе. Путникъ! помысли, что ты не болѣе, какъ простой путникъ.

Digitized by Google

» Запаситесь добрыми дѣлами и не забудьте, что никто надолго не оставался въ этомъ временномъ жилищѣ.

» Они соорудили зданія. Къ чему они послужили имъ? Они скопили сокровища. Какую отъ нихъ получили они пользу?

» Гдѣ сіи красавицы, которыхъ прелести вошли въ пословицу? Онѣ цвѣли подобно розѣ: блистательный румянецъ ихъ обратился въ цвѣтъ пепла. Онѣ почили озаренныя блескомъ и свѣжестью, и проснулись подобныя мумiямъ! »

Ахъ! *Онѣ проснулись подобныя мумiямъ!* воскликнулъ Эмиръ Мусса. Какъ справедлива эта мысль! какъ она разительна!

Потомъ вошли они въ другую комнату, въ четырехъ углахъ которой было по отдѣленію. Посреди нѣ находилось огромное водохранилище, высѣченное изъ мрамора и украшенное водометомъ, надъ которымъ простертъ былъ шатеръ изъ самой богатой ткани, гдѣ золото не болѣе попажено было, какъ и на другихъ украшеніяхъ комнаты. Вода текла въ хранилище по четыремъ каналамъ и въ каждомъ имѣла особенный цвѣтъ: дно перваго было изъ краснаго гранита, втораго изъ изумруда, третьяго изъ алебастра, четвертаго изъ чернаго мрамора. Путешественники вошли прежде въ первое отдѣленіе, въ которомъ было множество золота, серебра, жемчуга и

Digitized by Google

драгоцѣнныхъ каменьевъ. Во второмъ нашли они богатыя оружія, шлемы, щиты, украшенные золотомъ, Индійскіе булаты, кольчуги Давида и множество другихъ подобныхъ вещей. Въ третьемъ стѣны были обставлены шкафами, закрытыми шелковыми занавѣсами съ золотымъ шитьемъ; отдернувъ ихъ, они увидѣли куски богатыхъ матерій всякаго рода. Наконецъ въ четвертомъ отдѣленіи находились золотые и серебряные сосуды и все потребное для убора вельможи: сосуды изъ серебра и золота, изъ фарфора и горнаго хрусталя, оникосовыя и агатовыя чаши; каждый бралъ, сколько могъ только унести. Идучи назадъ той же дорогой, они замѣтили еще большую дверь, набранную слоновою костью и чернымъ деревомъ и прикрытую шелковымъ занавѣсомъ съ золотомъ. Она заперта была серебряными запорами и отворялась не ключемъ, а скрытою пружиною, которая тотчасъ уступила покушеніямъ Шеиха Абдосъ-Самеда. Они вошли въ залу, украшенную великолѣпнымъ ковромъ, на которомъ представлены были всякаго рода четвероногія и птицы, всякаго рода деревья и цвѣты, видимые въ природѣ. Недалеко оттуда находилось еще небольшое отдѣленіе, мраморныя стѣны котораго были такъ гладки, что казались стальными. Оно наполнено было множествомъ жемчуга, рубиновъ и превосходныхъ изумрудовъ. Странники наши такъ присшально смотрѣли на сіи сокровища, что мо-

Digitized by Google

жешь спаться вѣчно-бы не сошли съ мѣстъ своихъ, если-бы Эмиръ Мусса не попросилъ Шеиха разрушить очарованіе и опвести его спутниковъ. Послѣ этого пришли они подъ огромный куполъ изъ краснаго гранита, которато красивость превосходила все, что они до тѣхъ поръ ни видѣли. Посреди купола была комната, въ родѣ опочивальни или молельницы, изъ которой окна были на всѣ стороны главнаго покоя; въ отверстія оконъ были вдѣланы изумрудныя рѣшетки, осыпанныя алмазами. Посреди этой комнаты столъ золотой ткани наметъ, поддерживаемый золотыми же столбами; на каждомъ изъ столбовъ сидѣло по птицѣ съ изумрудными перьями и рубиновымъ клёвомъ. Подъ намстомъ видно было ложе, осыпанное алмазами и дорогими каменьями; на немъ лежала молодая женщина, которая красотою своею затмила-бы блескъ солнечный. Ее украшали золотой вѣнецъ, жемчужное ожерелье, алмазный поясъ и повязка, блескомъ своимъ ослѣплявшая всѣхъ, хотѣвшихъ взглянуть на нее. Эмиръ Мусса былъ внѣ себя отъ этой небесной красоты; онъ подошелъ къ ней и поклонился съ глубокимъ почтеніемъ. « Она не станетъ отвѣчать на этотъ поклонъ, сказалъ Талибъ, сынъ Селовъ, потому что давно уже умерла. Розы и лиліи на лицѣ своемъ она сохраняетъ потому, что набальзамирована искусною рукою; а сіи блестящія очи, которыя кажутся исполненными

Digitized by Google

жизни, одушевляемся движеніемъ рѣчи — для чего достаточно самаго легкаго вѣтра, котораго вѣетъ вокругъ нее.» Въ ногахъ этой красавицы на не большомъ ложѣ, стоявшемъ на возвышеніи, находились два раба, которые также казались живыми: такъ искусно были они набальзамированы! Одинъ изъ рабовъ былъ бѣлый, а другой черный; первый держалъ стальное копье, а другой обнаженный булатъ. Между ними находился столъ, на которомъ прочтена слѣдующая надпись:

»Во имя Бога милосердаго и милующаго! Во имя Господа вѣчнаго и непремѣннаго! Во имя Господа, Владыки началъ и судебъ! О сынъ человѣческій! какъ безумны тщеславныя надежды твои. Или ты не вѣдаешь, что смерть всегда сторожитъ тебя? Гдѣ Адамъ, праотецъ смертныхъ? Гдѣ Ной? Гдѣ Цари Индіи и Цари Ирака? Гдѣ Хозрои и Цезари? Амалекиты и Фараоны? Цари Аравіи и Персіи? Гдѣ могучіе Владыки земли? Гдѣ Гаммамъ? Гдѣ Гаруны? Гдѣ Шедадъ, сынъ Аадовъ, и сыны Хананейскіе? По повелѣнію Господа они оставили землю. Имъ наступитъ время отдашь отчетъ въ дѣлахъ своихъ въ день судный.

»Сынъ человѣческій! Если ты меня не знаешь, то я повѣдаю тебѣ, кто я. Я Тадморь, дочь Царя Амалекитскаго. Я владычествовала со славою и правотою надъ странами, которыя были обширнѣе всѣхъ прочихъ, принадлежавшихъ дру-

Digitized by Google

гимъ Царемъ. Подданные мои благоденствовали. Я жила въ лонѣ могущества и счастія до шѣхъ поръ, пока голодъ, продолжавшійся цѣлыя семь лѣтъ, не поразилъ моего царства. Послѣ того, какъ бичъ этотъ постигъ насъ, въ земляхъ моихъ не оставалось болѣе средствъ къ пропитанію. Животныя, потребныя для воздѣлыванія земли, были истреблены и дни моей жизни должны были прекратиться. Напрасно расточала я всѣ свои сокровища: я не могла получить за нихъ ни одного куска хлѣба. Голодъ пожралъ моихъ подданныхъ такъ-же, какъ и меня; Ангелъ смерти принялъ души наши, и мы остались, какъ ты видишь, примѣромъ для будущихъ вѣковъ.»

Эмиръ Мусса пролилъ потоки слезъ, читая сіи глубокія слова, и растроганный—продолжалъ далѣе:

»Страхъ Божій есть начало премудрости. Все кончится наконецъ смертію. О сынъ человѣческій! Примѣромъ твоихъ предшественниковъ научись быть мудрымъ. Не ожесточай твоего сердца и не возгоржайся твоимъ могуществомъ. Я вопросила уже тебя, и вопрошаю еще: Гдѣ тираны вѣковъ протекшихъ? Фараоны, Нимвроды, двурогіе Александры? Они погибли и съ племенами своими—местію Бога, Владыки земли.

»О странникъ, достигшій сего города! Не предавайся міру и суетнымъ его радостямъ. Рас-

Digitized by Google

кайся въ погрѣшеніяхъ твоихъ, бойся Бога, твори благо и собери жатву добрыхъ дѣлъ своихъ въ день судный. Тотъ, кому Господь благоволилъ проникнуть въ городъ сей, можетъ взять отсюда все, что ему угодно. Но да не коснется моего тѣла и да сохранитъ завѣтъ цѣломудрія, даже и въ отношеніи къ мертвымъ. Тотъ-же, кто осмѣлится нарушить его, кто, увлекаясь моею красотою, вожделѣніями страсти, осмѣлится вознести на меня преступную руку свою, тотъ въ одно мгновеніе получитъ казнь за свое безразсудство. Вотъ, о путникъ! что я должна была тебѣ повѣдать.»

Эмиръ Мусса гласъ былъ задохнуться отъ своихъ рыданій; пришедши-же нѣсколько въ себя, прежде всего поспѣшилъ тщательно списать сію надпись на памятныя доски свои. Потомъ повелѣлъ онъ спутникамъ, съ нимъ бывшимъ, взять золота и жемчуга столько, сколько они могли, и строго запретилъ касаться ложа и одеждъ Царевны. »Стыдно было-бы однакожъ, сказалъ Талибъ, сынъ Селовъ, для сокровищницы Халифа не унести этого алмаза, ослѣпляющаго очи. — Развѣ ты не читалъ угрозъ, изъясненныхъ въ этой надписи? возразилъ Эмиръ. — Пустяки! продолжалъ Талибъ; этимъ не обижаются и во время жизни, тѣмъ менѣе послѣ смерти. — Сказавъ слова сіи, онъ хотѣлъ ступить на ложе Царев-

Digitized by Google

ны; какъ вдругъ оба раба вскочили, одинъ съ копьемъ, другой съ своимъ булатомъ, и поразили его въ голову и въ спину, такъ что тотъ мертвый упалъ на мѣстѣ. » Господи! помилуй его душу! воскликнулъ Эмиръ. Вотъ что бываетъ съ ненасытными! Въ чертогахъ столько богатствъ, сколько желать можно. » Каждый взялъ, что хотѣлъ, и караванъ, богато навьюченный, оставивъ Мѣдный городъ, продолжалъ далѣе путь свой.

Онъ прибылъ наконецъ къ высокой горѣ, въ которой изсѣчены были пещеры; пещеры сіи служили жилищемъ для племени Черныхъ людей, которые вмѣсто одежды покрывали тѣло свое рогожами. По приближеніи каравана, мужчины разбѣжались, а женщины и дѣти, удержанныя любопытствомъ, остались при входѣ въ пещеры. Верблюды были развьючены и поставлены были палатки. Вскорѣ послѣ того Царь Черныхъ сошелъ съ горы и поклонившись Эмирамъ, спросилъ ихъ: кто они, люди или геніи? »Мы люди, отвѣтствовалъ Эмиръ Мусса, а вы вѣрно поколѣніе геніевъ.— Нѣтъ, возразилъ Царь Черныхъ, мы отъ племени Хама, сына Ноева, и живемъ на берегахъ сего моря, которое называется моремъ *Плѣна*. —»Такъ вы не имѣли откровенія отъ Господа и Пророка его?— Не правда, отвѣтствовалъ Царь: однажды изъ средины этого моря поднялся человѣкъ съ лицемъ лучезарнымъ и воскликнулъ такимъ голосомъ, что

Digitized by Google

онъ былъ вездѣ услышанъ: » Дѣти мои! спрашивешь того, который видишъ васъ, не будучи самъ видимъ вами! Изреките: нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Мугаммедъ Пророкъ его! Я, говорящій вамъ, я сынъ Хизра, стража при источникѣ жизни. » Кромѣ того каждую пятницу ночью видимъ мы свѣтъ, сходящій на землю, и слышимъ поющіе голоса: » Хвала, слава Владыкѣ Ангеловъ и духовъ! Вся милость отъ Бога, вся сила и могущество въ немъ Великомъ! »

Мнѣ очень ушѣшительно это слышать, отвѣтствовалъ Эмиръ Мусса; насъ-же повелитель вѣрующихъ и Владыка правовѣрныхъ, Халифъ Абдалмелекъ, сынъ Мервана, отправилъ для отысканія мѣдныхъ сосудовъ, находящихся въ этомъ морѣ, въ которыхъ заключены геніи со временъ Саломона. Мы были-бы вамъ очень благодарны, если-бы вы могли намъ достать нѣсколько такихъ сосудовъ. Царь велѣлъ тотчасъ призвать мастеровъ опускаться на дно морское, которые и принесли оттуда двѣнадцать сосудовъ, запечатанныхъ печатью Саломона. Эмиръ Мусса сдѣлалъ великолѣпные подарки Царю Черныхъ, который съ своей стороны далъ ему двухъ прекрасныхъ морскихъ дѣвицъ, вынутыхъ вмѣстѣ съ мѣдными сосудами. Эмиръ Мусса былъ въ восторгѣ отъ такого подарка, ибо думалъ, что сіи дивныя существа понравятся Халифу болѣе даже сосудовъ Саломоновыхъ.

Digitized by Google

Онъ простился съ Царемъ Черныхъ и благополучно возвратился въ Дамаскъ, проѣхавъ внутренность Африки и Египта. Халифъ выслушалъ съ великимъ удовольствіемъ повѣствованіе о его путешествіи и весьма сожалѣлъ, что самъ въ немъ не участвовалъ. Онъ велѣлъ открыть одинъ послѣ другаго двѣнадцать привезенныхъ сосудовъ, откуда поднимались геніи, восклицая: »Прости, Пророкъ Божій! теперь мы не отложимся болѣе отъ тебя!» и потомъ исчезали. Такія чудеса весьма поразили изумленіемъ Халифа и весь дворъ его.

Что-жъ касается до морскихъ дѣвицъ, то онѣ пущены были въ большое водохранилище, гдѣ однако погибли отъ зноя Самума. Халифъ далъ по почетной шубѣ всѣмъ участвовавшимъ въ путешествіи; ибо сокровищъ и безъ того они довольно вывезли изъ Мѣднаго города.

»Хвала Господу! сказалъ Халифъ. Только одному Саломону благоволено было дать такое могущество!» Эмиръ Мусса, желая написать все видѣнное имъ во время странствованія, не хотѣлъ снова принять на себя дѣлъ правленія и просилъ Халифа передать сыну его то достоинство, въ которое прежде онъ самъ облеченъ былъ. Послѣ чего онъ удалился въ Іерусалимъ и умеръ въ уединеніи, посвятивъ всѣ часы досуговъ сему истинному повѣствованію своего странствованія.

(*Съ Франц.*)

Digitized by Google

Traité de Physiologie appliquée à la Pathologie, par J. V. Broussais. Paris. 1823 et 1824.

Traité de Physiologie-pathologique, par Bégin. Deuxième édition. Paris. 1828.

Précis élémentaire de Physiologie, par Magendie. 2 vol. in 8. Deuxième édition. 1825.

(*Окончаніе.*)

Между тѣмъ какъ большая часть Физіологовъ безотчетно слѣдовала стремленію къ опытности, нѣкоторые отдѣлялись отъ нея и шли путемъ противоположнымъ. Школа Монпельеская и особенно Гг. Бераръ и Лорда, искуснѣйшіе изъяснители оной, не переставали защищать устарѣлыя ученія спиритуалистовъ, не оставляя и Баршезова жизненнаго начала; но все это они измѣняли, каждый по своимъ частнымъ идеямъ, такъ что Физіологія, послѣ столькихъ перемѣнъ и послѣдовательныхъ переворотовъ, оставалась смѣшанною, неопредѣленною и казалась какъ-бы плававшею между двумя теоріями, діаметрально противоположными. Невѣрная въ своемъ движеніи, она повиновалась каждому дуновенію ученій и безпрерывно переходила отъ одной крайности къ другой. Биша оставилъ ее въ томъ состояніи, которое можно назвать приготовительнымъ: за нимъ необходимо должны были слѣдовать разномысліе и несогласія; слѣдственно, Физіологія неминуемо долженствовала подвергнуться продолжительнымъ колебані-

Digitized by Google

ямъ, прежде вступленія на прямой путь истины. Потому-что нынѣшняя Физіологія, излагаемая въ нашихъ книгахъ и преподаваемая въ нашихъ училищахъ, есть только уцѣлѣвшій обломокъ ученія Биша: это памятникъ, мѣстами подновленный снаружи, но разрушенный въ основаніи. Нынѣ по должности, но безъ вѣры говорятъ о жизненныхъ свойствахъ. Послѣ сего не будемъ удивляться, что въ послѣднее время наука сдѣлала не много существенныхъ успѣховъ въ своей общности, или, лучше сказать, что въ ней совсѣмъ нѣтъ общности: таково было время, что надлежало заниматься болѣе подробностями. Въ подробностяхъ сдѣлано множество открытій; но только два человѣка пытались дать Физіологіи общее направленіе, толкнувъ ее, каждый со своей стороны, на пути совершенно противоположные.

Одинъ изъ нихъ, Г. Бруссе, рѣшительный партизанъ виталізма, простеръ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ быть далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Здѣсь я смотрю на Г-на Бруссе не какъ на Медика и Патолога; забываю на минуту безчисленныя, оказанныя имъ заслуги, дающія ему столько правъ на нашу признательность, и не входя даже ни въ малѣйшій разборъ идей, выведенныхъ имъ, думаю, что дабы настоящимъ образомъ судить о немъ какъ о Физіологѣ, надобно забыть на время его труды и разсматривать его вообще. Тогда, мнѣ кажется, увидимъ, безъ всякаго предубѣжденія къ его общимъ и частнымъ ученіямъ, что Физіологія его, въ томъ видѣ какъ она есть, осуждаетъ себя уже самымъ своимъ про-

Digitized by Google

исхожденіемъ, потому что онъ шелъ въ Медицинѣ не отъ нея, но, напротивъ, вывелъ ее изъ своей практики. Г. Бруссе, прежде всего занимался практикою; онъ былъ одаренъ рѣдкою проницательностью для изученія и наблюденія болѣзней; послѣ сего, самымъ наблюденіемъ будучи приведенъ къ изъясненію причинъ того, что видѣлъ, и желая соединить всѣ болѣзненныя явленія въ одномъ всеобщемъ началѣ, онъ нашелъ его въ одномъ словѣ: раздражительность. Но это не все. Относя всѣ болѣзни единственно къ раздражительности, Г-нъ Бруссе вызывался отыскать и въ здоровомъ состояніи тоже самое явленіе, равно единое, равно способное для всѣхъ изъясненій. Къ несчастію, оно было недостаточно. Тщетно существовало, по обстоятельствамъ большее или меньшее раздраженіе, или раздраженіе преображенное: оно оказывалось слишкомъ кратко; должно было, чтобы симпатія, съ ея измѣняющимися формами и безчисленными дѣйствіями, помогла заблуждавшейся теоріи и послужила, нѣкоторымъ образомъ, основаніемъ зданія, напередъ выстроеннаго. Нѣтъ сомнѣнія, что симпатія существуетъ, но не такая, какую создалъ намъ Г. Бруссе. Онъ былъ принужденъ увеличить ея могущество, дабы извлечь изъ нея то, чего въ ней нѣтъ, а это завлекло его въ странныя предположенія. Здѣсь онъ палъ. Сей мнимый догматикъ оказался такимъ-же эмпирикомъ, какъ и другіе: эмпирикомъ конечно удивительнымъ, но и ни чѣмъ болѣе. Вскорѣ, никакое искусство человѣческое не могло скрывать, даже отъ простолюдиновъ-наблюдателей, ужаснаго безпорядка, ко-

Digitized by Google

порый господствовалъ во всемъ его ученіи, гдѣ Физіологія явилась послѣ практики. Если-бы теперь потребовали нашего мнѣнія объ основаніи Физіологическихъ идей Г-на Бруссе, то мы были-бы принуждены изъявить совершенно противоположное его мнѣнію. Сколько искуснымъ и разсудительнымъ почитаемъ мы Г-на Бруссе въ его медицинской практикѣ, столько-же онъ кажется намъ далекимъ отъ истины въ своей Физіологіи. Во первыхъ, онъ собственно вивадистъ, а уже одно это несогласимо съ нашимъ образомъ мыслей, и послѣ этого, пусть думаетъ онъ такъ или иначе о частныхъ предметахъ науки, гдѣ онъ не рѣдко можетъ быть правъ, но все это не важно въ настоящемъ случаѣ: мы не можемъ идти съ нимъ одною дорогою; мы говоримъ не однимъ языкомъ; мы въ здѣшнемъ мірѣ судимъ объ умѣ другихъ только своимъ собственнымъ умомъ, и потому просимъ позволить намъ высказывать свое мнѣніе со всѣмъ прямодушіемъ, какое должно управлять критикою.

Г. Мажанди пошелъ путемъ противоположнымъ и, напередъ можно сказать, болѣе вѣрнымъ. Не бывши еще медикомъ, онъ сдѣлался физіологомъ. Будучи отъявленнымъ непріятелемъ вивализма, опровергаемаго его умомъ и оспориваемаго его опытами, онъ отбросилъ всѣ преданія сей школы, изгнавъ изъ науки весь грузъ словъ, которыя загромождали ее, не объясняя ничего; опираясь на свидѣтельство чувствъ, онъ прибѣгалъ къ опытамъ, потому что почиталъ ихъ единственнымъ средствомъ, ведущимъ къ познанію истины. На-

Digitized by Google

конецъ, онъ призывалъ въ помощь себѣ всѣ свѣдѣнія, какія безпрерывно представляли ему постоянные успѣхи въ наукахъ Физическихъ, и стараясь утвердить Терапевтику на семъ-же основаніи, онъ особенно занялся химическими свойствами медикаментовъ. Такимъ образомъ, изъ опытности воздвигалось ученіе, и потому Г-нъ Мажанди дѣйствительно шелъ въ Физіологіи своимъ путемъ. Галлеръ и Биша конечно произвели уже множество опытовъ надъ живыми животными, но одинъ Г-нъ Мажинди производилъ оные съ общею цѣлію. Не говоря здѣсь о всѣхъ частныхъ трудахъ сего превосходнаго Физіолога, не споря даже объ истинѣ ученій, которыя онъ старался утвердить, я замѣчу только, что даже потому единственно, что онъ оставался въ событіяхъ, онъ принялъ уже хорошую методу; что развитіе идей его было совершенно благоразумно и правильно, и что если-бъ было даже доказано, что иногда онъ употреблялъ во зло Физику и Химію, примѣняя ихъ слишкомъ прямо къ изученію органическихъ тѣлъ, то и тогда его услуги Физіологіи были-бы не менѣе велики, въ томъ, что онъ безпрерывно сближалъ означенныя науки, съ жаромъ таланта и силою разсудка поражалъ вишализмъ новыхъ школъ, и, что всего важнѣе, приучалъ умы къ терпѣливому наблюденію явленій и къ опытному изысканію причинъ въ дѣйствіяхъ. Если-бы онъ даже заблуждался въ заключеніяхъ, выведенныхъ имъ изъ собственныхъ своихъ трудовъ, то усилія его были-бы не потеряны, и явленія, которыя онъ открылъ и утвердилъ, тѣмъ не менѣе остались-бы

Digitized by Google

утвержденными явленіями для науки, пріобрѣтшей оныя. Должно изслѣдовать только, до какой степени опыты надъ живыми животными могутъ вести къ заключеніямъ относительно человѣка, и особенно человѣка, находящагося въ здоровомъ состояніи: вопросъ важный, требующій продолжительнаго развитія и потому здѣсь мы не можемъ останавливаться на оном.

Я говорилъ подробно о Гг. Бруссе и Мажанди, не столько для того, чтобы отдать дань уваженія ихъ истинно-высокому достоинству, сколько для яснѣйшаго показанія двойственнаго направленія, какое со времени Биша во Франціи приняло изученіе Физіологіи. Я напередъ объяснилъ это раздѣленіе на двѣ школы, показавъ провозглашаемыя ими ученія соединенными въ сочиненіяхъ Биша, и замѣтивъ, что они были сообразны съ духомъ вѣка, слѣдственно долженствовали быть вмѣстѣ и приняты живымъ представителемъ онаго, Биша. Но какъ изъ двухъ противоположныхъ силъ, дѣятельной и неподвижной, послѣдняя непремѣнно должна уступить первой, такъ школа витализмовъ не могла выдерживать соперничества опытной школы; даже народные успѣхи Г-на Бруссе были явнымъ доказательствомъ сей истины. Не должно и думать, что въ послѣдніе годы общее вниманіе было обращено на догматы Г-на Бруссе о раздражительности; большею частію о нихъ и не заботились, или безотчетно принимали его мнѣніе о раздражительности; главнымъ дѣломъ было ученіе о размѣщеніи болѣзней въ органахъ и новая важность, придаваемая Патологической Анатоміи

Digitized by Google

пищеварительной системы, однимъ словомъ, разрушеніе того, что Г-нъ Бруссе называлъ *Медицинскою Онтологіею*, къ несчастію только замѣненною имъ, по мнѣнію нашему, другою Онтологіею, отличною отъ первой. Теперь, когда система Г-на Бруссе отжила свой вѣкъ, когда всѣ догматическія и эмпирическія мнѣнія сего знаменитаго учителя перешли, такъ сказать, черезъ горнило критики и обнажены отъ всего ложнаго и преувеличеннаго, теперь у него остается слава неотъемлемая; но мы думаемъ, что ею онъ болѣе одолженъ своимъ трудамъ, нежели мнѣніямъ. Въ этомъ случаѣ вкусъ настоящаго таковъ, что общественная справедливость доходитъ до неблагодарности. Сила ума, употребленная на составленіе превосходнѣйшихъ системъ, ставится ни во что: людямъ надобно только вещественнаго! Они отвергаютъ даже очевидность, если она не касается самыхъ грубыхъ чувствъ, и кто рѣшится заслужить благоволеніе общества, тотъ долженъ все описывать, не стараясь ничего объяснять: описывать Анатомію, описывать Физіологію, описывать болѣзненные признаки, описывать патологическія измѣненія, описывать самые медикаменты и яды. Толпа, составляющая медицинскій народъ, никакъ не можетъ понять, что наблюденія сами по себѣ безплодны, если имъ не помогаетъ на всякомъ шагу размышленіе, руководствующее наблюдателя, или помогающее ему въ употребленіи собранныхъ имъ свѣдѣній. Скажемъ наконецъ, что у насъ опытная метода дошла уже до злоупотребленія, ибо мы никакъ не позволяемъ раз-

Digitized by Google

мышленію вмѣшиваться въ наши опыты. Угодно-ли видѣть разительный примѣръ этой наблюдательной неподвижности, за которую мы укоряемъ Медицину? Ни одна часть нашей науки не запечатлѣна столь рѣзко симъ характеромъ, какъ Патологическая Анатомія, о которой мы недавно говорили: мы и должны заняться здѣсь ею, ибо въ ней также есть своя Физіологія, составляющая часть общей Физіологіи тѣла человѣческаго.

Вы признали правиломъ, что изученіе различныхъ состояній патологическихъ надъ трупами, есть лучшее средство достигнуть къ познанію болѣзней; это совершенно справедливо, совершенно основательно. Слѣдуя сему правилу, вы съ величайшимъ вниманіемъ изслѣдовали всѣ разстройства или поврежденія, представляющіяся вамъ въ формѣ, цвѣтѣ и объемѣ органовъ; каждое изъ поврежденій отличено, названо особеннымъ именемъ, сравнено съ другими, и причислено къ тому или другому болѣзненному признаку, наблюдаемому въ живомъ человѣкѣ. Все это знаешь очень хорошо, но, къ несчастію, все это весьма недостаточно. Когда вы говорите: «Вотъ ракъ, вотъ воспаленіе, вотъ полипъ,» въ существѣ, лучше-ли вы узнали свойство болѣзни? Что значатъ слова: *ракъ, воспаленіе, полипъ?* Не ужели вы думаете, что употребляя сей языкъ, вами созданный, вы понимаете себя? Я также употребляю его ежедневно, хотя и съ отвращеніемъ, но объявляю рѣшительно, что мнѣ онъ не даетъ никакого понятія о сущности предметовъ, да и для всякаго,

Digitized by Google

кому угодно будетъ объ этомъ помыслить, какъ сбивчива, неопредѣленна идея, оставляемая въ умѣ сими выраженіями! Истинно удивительное дѣло эта легкость, съ какою въ Медицинѣ отдѣлываются словами, и между тѣмъ, можетъ быть нѣтъ ни одной науки, въ которой слова имѣли-бы менѣе опредѣленное значеніе. Читая наши книги, можно подумать, что Медицина сначала была воспѣта поэтами, и что потомъ уже о ней стали говорить писатели. Каждый предметъ разрисованъ странными красками: это совершенно метафорическій слогъ, весь составленный изъ образовъ. На примѣръ, щека тѣла покраснѣла и больной чувствуетъ въ ней жаръ; желая выразить ощущаемое имъ, онъ говоритъ, что щека воспалилась. Слово: *воспаленіе*, отъ больнаго переходитъ къ медику и остается въ наукѣ. Но послѣ, когда начинаютъ отдѣльно и со вниманіемъ изучать явленія воспаленій, тогда не понимаютъ другъ друга, не понимая значенія слова: одни видятъ воспаленіе, другіе отказываются видѣть его. Это и не удивительно. Все затрудненіе происходитъ отъ того, что однимъ, неопредѣленнымъ, неказательнымъ словомъ хотѣли выразить цѣлый рядъ измѣняющихся, не постоянныхъ явленій. Воспаленіе не одно, составныя въ немъ измѣняются, не измѣняется только выраженіе; словомъ, воспаленіе есть метафора, и вся Медицина зиждется на метафорѣ.

«Но,» скажутъ намъ, «Патологическая Анатомія не ограничивается только тѣмъ, что распредѣляетъ болѣзненныя измѣненія и означаетъ

Digitized by Google

ихъ особенными названіями: она тщательно списываетъ оныя, изучаетъ ихъ формы, измѣряетъ, взвѣшиваетъ, разсѣкаетъ ихъ, представляетъ ихъ намъ въ рисованныхъ или живописныхъ изображеніяхъ, показываетъ вылѣпленными изъ воска, изъ алебастра, или приготовляетъ особенными способами и хранитъ цѣлыя собранія оныхъ въ кабинетахъ; она исчисляетъ всѣ черныя пятна желтой горячки и заставляетъ васъ видѣть каждую выпуклость, каждое углубленіе. « Это справедливо, но, повторяю, къ чему ведутъ всѣ эти изысканія и описанія? Что объяснище вы такимъ образомъ? Чему научите вы меня, напримѣръ, касательно различныхъ свойствъ разныхъ родовъ рака, когда скажете мнѣ съ Лаэннекомъ: « Этотъ ракъ есть *ракъ клейкій*, а вотъ этотъ *ракъ мозговидный*. » То есть, что первый походитъ на клей, а второй на мозговое вещество? Но мнѣ стоило-бы только посмотрѣть на сіи предметы въ анатомическомъ кабинетѣ, и я узналъ-бы столько-же, сколько извѣстно о нихъ въ наукѣ. Не въ этомъ состоитъ истинная Патологическая Анатомія. Покуда не будутъ сближать продуктовъ болѣзненныхъ съ продуктами здороваго состоянія, покуда не будутъ изучать однихъ такъ-же какъ другихъ, и послѣднихъ не будутъ изучать въ ихъ внутреннемъ составѣ, въ ихъ химическихъ свойствахъ, въ ихъ органо-генезическомъ развитіи, въ ихъ физіологическихъ отправленіяхъ, въ ихъ отношеніяхъ къ остальной экономіи тѣла, однимъ словомъ, покуда ихъ не будутъ сравнивать, дабы имѣть возможность судить, дотолѣ вся наука ваша будетъ

Digitized by Google

безплодна; ваши кабинеты Патологической Анатоміи будутъ похожи на тѣ мнимыя библіотеки, гдѣ находятся однѣ спинки книгъ, съ наклеенными заглавіями, но нѣтъ настоящихъ книгъ, которыя можно было-бы раскрыть. Циркуль, вѣски, кисть колориста, воскъ или гипсъ модельщика, не научатъ васъ ничему, совершенно ничему касательно болѣзней, и еще менѣе касательно средствъ къ излеченію оныхъ.

Говоря объ этомъ швердымъ голосомъ, я хочу показать, что ограничиваясь изученіемъ наружныхъ формъ, худо понимаютъ Анатомію Патологическую, ибо въ этомъ образѣ воззрѣнія и изученія, опять, мнѣ кажется, я узнаю тотъ-же духъ, о которомъ было говорено сію минуту: онъ господствуетъ и нынѣ; онъ особенно состоитъ въ томъ, что допускаетъ въ науку только самое вещественное и грубое; онъ, по инстинкту, предпочитаетъ Анатомію всѣмъ другимъ отраслямъ Медицины, единственно потому что она, въ строгомъ смыслѣ, обходится безъ сужденія. Въ Анатоміи онъ всего болѣе обращаетъ вниманіе на кости и на мускулы, но поражаетъ ее именемъ *умозрительной Анатоміи*, какъ скоро она обращается къ наблюденію тонкихъ и нѣжныхъ частей организаціи; онъ отвергаетъ употребленіе микроскопа, потому только, что предметовъ, усматриваемыхъ черезъ сей инструментъ, не льзя ни отрѣзать анатомическимъ ножемъ, ни отдѣлить бистуріемъ; онъ не вѣритъ нервнымъ струямъ и электрическимъ вліяніямъ въ тѣлѣ человѣческомъ, потому что ихъ не льзя ни ощупать,

Digitized by Google

ни схватишь пальцами; онъ помѣщаетъ душу въ мозговую матерію, и думаетъ, что такимъ образомъ онъ лучше пойметъ ее, потому что матерію онъ видитъ, а души не видитъ; онъ конечно назвалъ-бы химерою изученіе газовъ въ Химіи, въ то время, когда ими занимались въ первый разъ; наконецъ онъ презираетъ всякое сужденіе, сердится на всякую теорію и означаетъ презрительнымъ именемъ *Метафизики* все, что ускользаетъ отъ чувства осязанія, или хоть зрѣнія послѣдняго изъ нашихъ студентовъ. Надобно согласиться, что это чрезвычайно дурное направленіе, и хотя въ настоящее время оно сдѣлалось общимъ, но я долгомъ почитаю осуждать его еще сильнѣе потому, что главное слѣдствіе онаго есть стѣсненіе умовъ и осужденіе разума человѣческаго къ полному бездѣйствію.

Къ счастію, это важное неудобство происходитъ, о чемъ я также упомянулъ, единственно отъ злоупотребленія превосходнаго основанія: отъ злоупотребленія наблюдательнаго духа, то есть въ существѣ духа свободы въ наукѣ, который заключаетъ въ себѣ и самое исправленіе; слѣдственно, въ немъ болѣе добра, нежели зла, какое могли причинить уклоненія онаго. Зло искореняется конечно съ трудомъ, особенно когда оно овладѣло всѣми, и напротивъ добро, обыкновенно нисходящее отъ высшихъ умовъ къ нисшимъ, бываетъ еще незамѣтно и тогда, какъ существованіе и даже успѣхи его уже неоспоримы. Это происходитъ нынѣ въ нашей Медицинской наукѣ. Въ то время какъ почти всѣ кажутся неподвижными и закоснѣлыми въ

Digitized by Google

цѣпяхъ своихъ невѣрныхъ ученій, въ то время когда преподаваніе въ Медицинскихъ факультетахъ повсюду кажется слабымъ, безсильнымъ, несоотвѣтствующимъ потребностямъ умовъ; когда Профессоры почти вездѣ отстали отъ учениковъ своихъ—въ ишинѣ, почти никѣмъ незамѣчаемо, возрастаетъ нѣсколько человѣкъ, болѣе или менѣе неизвѣстныхъ, которые можетъ быть почитаютъ себя неспособными схватить бразды могучею рукою и направить колесницу на истинный путь, но понимаютъ, что-бы должно было дѣлать. Имъ грустно при взглядѣ на нынѣшній ходъ вещей; имъ желательно увидѣть наконецъ перемѣну на лучшее; они съ вѣрою ожидаютъ возрожденія науки и той минуты, когда можно будетъ наконецъ слышать языкъ разсудка и говорить на этомъ языкѣ. Конечно, у этихъ нововводителей (потому что донынѣ ихъ все еще такъ называютъ) можно было-бы оспоривать правоту сужденія, которую предоставляютъ они только себѣ и которой нѣтъ, по ихъ мнѣнію, въ старой школѣ, вскорѣ долженствующей угаснуть; но, слава Богу! въ то время какъ мы едва осмѣливаемся говорить объ истинныхъ началахъ, они уже давно приложены къ дѣлу въ сосѣдственной намъ землѣ. Соединеніе наблюдательности, собирающей матеріялы, съ мысленіемъ, пользующимся ими, уже много лѣтъ назадъ существуетъ въ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, не замѣчательное-ли событіе, что на нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ поприщъ ума, напримѣръ въ Юриспруденціи, въ Филологіи, въ Археологіи, въ Философическихъ наукахъ, этотъ народъ нынѣ

Digitized by Google

опередилъ всѣ другіе образованные народы? Въ Физіологіи особенно, какое разстояніе между ими и нами! Самъ Галлеръ, о которомъ столько говорятъ во Франціи и котораго никто не читалъ, у Галлеръ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо далѣе нежели мы, въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи. Въ Нѣмцахъ иногда встрѣчаемъ соединенными два качества ума, кажется совершенно противоположныя: съ одной стороны, богатое воображеніе сѣверныхъ народовъ, часто теряющееся въ неопредѣленности, но по крайней мѣрѣ никогда не удовлетворяющееся произведеніемъ, живущее въ системахъ, которыя порождаетъ оно съ удивительною легкостію; съ другой стороны, трудолюбивая терпѣливость, не ужасаемая ни сложностію явленій, ни медленностію опытовъ, ни малымъ успѣхомъ первыхъ изысканій: устремивъ глаза на одинъ и тотъ-же предметъ, она безпрерывно и внимательно разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ составныхъ его частяхъ. Не льзя повѣрить, какая сила образуется изъ соединенія сихъ двухъ способностей; но, какъ все не бываетъ дано однимъ и тѣмъ-же людямъ, такъ и у Нѣмцовъ нѣтъ того вѣрнаго, методическаго ума, который назначаетъ каждой вещи существенную цѣну и безъ котораго все бываетъ сбивчиво и неопредѣленно.

Если-бы я не былъ принужденъ заключить сію статью въ тѣсныя границы, то могъ-бы здѣсь распространиться о всѣхъ различныхъ ученіяхъ, занимавшихъ Германію въ послѣднее время: о Гомеопатіи Ганнемана, о полярности, наконецъ о

Digitized by Google

номъ ученіи, которое называли Натуральною Философіею и Теллуризмомъ. Почти всѣ сіи ученія имѣютъ тотъ недостатокъ, что они преувеличены, слѣдственно неполны и слѣдственно исключительны; но, по закону всѣхъ систематическихъ созданій ума человѣческаго, каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ бо́льшее или мѣньшее число важныхъ истинъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, во Франціи никто и не подозрѣвалъ того, что происходитъ за границею. Не знали даже именъ Меккеля, Тревирануса, Прохаски, Грюйтгюйзена, Дёллингера, Крейсига и многихъ другихъ, давно и далеко оставившихъ за собою всѣхъ блѣдныхъ и невѣжественныхъ изъяснителей Общей Анатоміи Биша. Первые Гг. Бекларъ и Бленвиль распространили во Франціи, между медицинскою публикою, Германскія идеи. Послѣдній изъ сихъ мужей, исполненный рвенія и пылкости, одаренный живымъ и гибкимъ воображеніемъ, совершенно сходившимся съ тѣми авторами, которыхъ онъ переводилъ на нашъ языкъ, особенно обладалъ удивительною способностію сливаться, нѣкоторымъ образомъ, съ вдохновеніемъ другихъ и превращать его въ свое собственное вдохновеніе. Любовь къ наукѣ, желаніе убѣдить, безпрестанно волновавшее его и являвшееся во всѣхъ словахъ, движеніяхъ и даже въ слогѣ его, отрывистомъ и часто неправильномъ, все въ лекціяхъ его способствовало къ потрясенію слушателей. Сначала его почитали мечтателемъ, поэтомъ въ Физіологіи; потомъ привыкли къ его языку, и вскорѣ избранные ученики толпились вокругъ каѳедры его и

Digitized by Google

жадно вслушивались въ его теоріи. Бекларъ былъ замѣчателенъ совершенно различными съ нимъ качествами. У него совсѣмъ не было воображенія, совсѣмъ не было того, что Французы называютъ умомъ, и ничего оригинальнаго; но въ замѣну сего у него были свѣтлыя идеи, необыкновенная точность сужденія, рѣдкая способность къ труду, удивительная память, наконецъ даръ изложенія, развитый до высокой степени. Въ изустныхъ лекціяхъ своихъ онъ отличался слогомъ не блестящимъ, но всегда удивительно яснымъ; изложеніе у него было совершенно методическое; въ издаваемыхъ имъ сочиненіяхъ онъ вообще писалъ дурно, но имѣлъ искуство говорить только то, что должно, если не все что должно; переводя слово въ слово цѣлыя страницы изъ Нѣмецкихъ авторовъ, онъ едва означалъ источники свои, но по крайней мѣрѣ онъ передавалъ намъ Нѣмцовъ, закрывая своимъ именемъ и покровительствуя своею извѣстностью мнѣнія, которыя были-бы безъ изслѣдованія отвергнуты за одно свое происхожденіе, когда-бы оно было извѣстно публикѣ, принимавшей ихъ отъ Беклара и вѣрившей его словамъ. Впрочемъ, изъ этого происходила еще та безмѣрная выгода, что идеи, иногда странныя, въ коихъ истина перемѣшана съ заблужденіями, переходя черезъ его чрезвычайно вѣрный и строгій умъ, принимали характеръ болѣе простой и положительный. Посему ранняя смерть Беклара была невознаградимою потерею для науки, ибо никто столько какъ онъ, не былъ способенъ усвоить намъ чужеземную мысль и дать ей право гражданства, не-

Digitized by Google

обходимое для того чтобы мысль сія была принята у насъ безъ отвращенія. Благодаря двухъ названныхъ мною человѣкъ, и въ послѣдствіи усердными стараніями Гг-дъ Бреше и Журдана, основанія различныхъ Нѣмецкихъ школъ перешли къ намъ черезъ наши школы. Общая и Патологическая Анатомія Меккеля и его-же Сравнительная Анатомія, ученыя диссертаціи Тидемана о развитіи нервныхъ центровъ, разныя сочиненія Земмеринга, были одно за другимъ переведены на Французскій языкъ, и по слѣдамъ сихъ-то искусныхъ Физіологовъ мы обратились въ послѣднее время съ такимъ жаромъ къ изученію Сравнительной Анатоміи.

Величайшій изъ Французскихъ Анатомовъ, Викъ д'Азиръ, первый увидѣлъ всю важность сего изученія и первый пустился на сіе поприще, послѣ него со славою и въ чрезвычайно обширномъ объемѣ пройденное Г-мъ Кювье, знаменитымъ его послѣдователемъ. Гг-да Дюмериль, Фридрихъ Кювье, и особенно Жоффруа Сентъ-Илеръ и Бленвиль, безпрерывно обогащали науку. Но, должно признаться, Германія имѣла предъ нами то преимущество, что въ ней Сравнительная Анатомія сдѣлалась всеобщимъ, народнымъ ученіемъ, когда какъ у насъ она была заключена въ тѣсный кругъ Сада Растеній и Факультета Наукъ. Потому, не говоря о людяхъ высокихъ, каковы Окенъ, Карусъ, Майеръ, Гейзингеръ, и многіе другіе, тамъ было столько-же Естествоиспытателей, сколько Медиковъ; потому-то Естественная Исторія съ одной стороны и Медицина съ другой, изумительнымъ образомъ распространялись

Digitized by Google

свои границы, заимствуя одна отъ другой всѣ открытія, и безпрерывно освѣщаясь своимъ взаимнымъ свѣтомъ. Наконецъ и во Франціи начинаютъ чувствовать необходимость подобныхъ сближеній. Въ этомъ отношеніи замѣтно движеніе умовъ, и, что обѣщаетъ хорошія послѣдствія отъ онаго, это движеніе происходитъ между людьми молодыми, или еще неизвѣстными въ ученомъ свѣтѣ.

Впрочемъ, донынѣ сія дѣятельность обращалась особенно на внимательное изученіе развитія зародышей человѣка и животныхъ: но посредствомъ множества сближеній между явленіями, дотолѣ отдѣльными и худо извѣстными, Физіологія обогатилась уже драгоцѣннѣйшими трудами. Отселѣ родилась и та великая идея, столь обильная послѣдствіями и ежедневно подтверждаемая новыми наблюденіями, что существа возвышеннѣйшія на лѣствицѣ животныхъ, представляютъ во время первой своей организаціи не иное что, какъ преходящій образъ всегдашняго состоянія существъ самыхъ нижшихъ. Однимъ словомъ, движеніе дано: мы исполнены надеждъ, и для сего столь живаго и столь всеобщаго стремленія нужно только благоразумное направленіе. Конечно, всѣ перенесенныя изъ Германіи во Францію идеи еще весьма неопредѣленны и сбивчивы, однакожь, сквозь облака, закрывающія будущность науки, мы можемъ провидѣть яркій свѣтъ, который вскорѣ долженъ блескомъ своимъ освѣтить мракъ Физіологіи и распространить невѣдомый дотолѣ свѣтъ на Патологическую Анатомію, на Терапевтику и даже на самую практику Медицины.

Digitized by Google

Вотъ нынѣшнее наше состояніе!

Но что-же наконецъ должно заключить изъ сего состоянія науки Физіологической? Не видимъ-ли мы ясно, что наука сія, испытавъ столько измѣненій въ ходѣ своемъ, все еще находится въ томъ-же неопредѣленномъ состояніи, въ какомъ остаются всѣ науки, не осіянныя методами? Это справедливо, потому что для всякаго знанія бываетъ двѣ эпохи: первая, когда каждый идетъ безъ направленія, безъ правилъ, безъ существенной цѣли, собираетъ хуже или лучше наблюдаемыя явленія и спѣшитъ выводить изъ оныхъ послѣдствія, если несовершенно ложныя, то всего чаще слишкомъ поспѣшныя. Эта первая эпоха бываетъ не безполезна для науки, но она не сопровождается никакими общими послѣдствіями; она только собираетъ матеріялы, гдѣ хорошее смѣшано съ худымъ, истина съ ложью. Но послѣ настаетъ вторая эпоха, эпоха методъ, гдѣ всѣ собранные матеріялы приводятся въ порядокъ, гдѣ умъ, болѣе скупой на выводы, начинаетъ прежде всего утверждать дѣйствительность явленій и принимаетъ ихъ только условно, если они сами не возвѣщаются и не объясняются другими явленіями. Только въ эту эпоху можно сказать, что существуетъ наука. Но, не явно-ли послѣ сего, что Физіологія нынѣ еще въ младенчествѣ? Каждый управляется съ нею и обрабатываетъ ее по своему. Она мягка, какъ воскъ въ рукахъ художника; она принимаетъ, одно за другимъ, различныя впечатлѣнія, переходя изъ однихъ рукъ въ другія; слѣдственно, наука остается шаткою, непрочною, мнимою наукою, которой ничто-

Digitized by Google

ность явно обличается самою покорностью ея; воображеніе господствовало въ ней слишкомъ часто, а на событія обращали слишкомъ мало вниманія, ибо событія не измѣняемы и не истребляемы; въ нихъ никогда не можетъ быть благосклонной уклончивости, поддѣлывающейся ко всѣмъ гипотезамъ и примѣняющейся ко всѣмъ ученіямъ.

Но, послѣ столькихъ уклоненій и возвратныхъ движеній, скоро-ли настанетъ для Физіологіи время правильнаго движенія, и скоро-ли присоединится наука сія къ общему успѣху разума человѣческаго? Я думаю, скоро. Но какъ достигнуть сего? Однимъ средствомъ: ввести въ Физіологію духъ методы. Только этимъ можно водворить въ ней единство, первое и необходимое правило всякаго созданія ума.

Утвердившись на этомъ, мы немедленно приступаемъ къ главнѣйшему затрудненію: какую методу должно принять въ ученіи Физіологіи? Методы бываютъ двухъ родовъ: *естественныя* и *искуственныя*. Послѣднія суть только пригоповительныя; онѣ бываютъ болѣе или менѣе превосходны, часто сталкиваются съ истиною, но, рано или поздно, уступаютъ новымъ потребностямъ ума. Методы естественныя, единожды открытыя, продолжаются вѣчно, ибо онѣ выражаютъ только то, что существуетъ. Но есть-ли вѣрное средство открыть естественную методу? Безъ сомнѣнія: должно слѣдовать естественному ходу ума человѣческаго, дѣйствовать анализомъ. Всякая неконченная наука должна быть аналитическою, то есть должна сначала наблюдать явленія, дабы вывести изъ нихъ

Digitized by Google

ученіе. Явленія держатъ на себѣ ученіе, какъ дерево плоды, какъ фундаментъ зданіе; посему должно знать явленія, а ученія придутъ сами собою.

Примѣнимъ это общее правило къ Физіологіи; начнемъ, сколько возможно, нашими чувствами, и мы окончимъ нашимъ умомъ.

Не выступая на сцену, какъ всегда дѣлывали донынѣ, съ положительными аѳоризмами о жизни, о жизненныхъ силахъ, объ отличительныхъ свойствахъ существъ органическихъ, что непремѣнно должно быть послѣднею точкою, послѣднимъ выводомъ науки, прежде всего изслѣдуемъ явленія, посредствомъ коихъ тѣла обнаруживаютъ свое существованіе. Пусть Физіологія, сначала наблюдая дѣйствія, постепенно возвышается къ познанію причинъ, вмѣсто того чтобы всегда нисходить отъ воображаемой причины къ вѣроятнымъ слѣдствіямъ; пусть она правильно идетъ впередъ, и оставляя въ сторонѣ отвлеченности, идеальныя общности, коими наполняются всѣ промежутки, изучаетъ явленія, по мѣрѣ того какъ представляются они ей, и описываетъ ихъ съ строгою точностью; пусть сравниваетъ ихъ съ другими, равно достовѣрными явленіями; пусть показываетъ, какимъ образомъ многія изъ нихъ заключаются въ одномъ, а сіе въ другомъ, еще болѣе общемъ, дотолѣ, пока наконецъ всщрѣтитъ она границу сего продолжительнаго ряда причинъ и откроетъ ту причину, которая должна быть началомъ всѣхъ другихъ, и гдѣ останавливается умъ человѣческій. Когда всѣ наши свѣдѣнія будутъ приведены къ концу, и въ этомъ состояніи взглядъ нашъ будетъ смущаться, знанія наши

Digitized by Google

оставлять насъ, тогда, пусть желающій приметъ какое-либо начало частное, начало жизненное, для тѣхъ умовъ, кои хотятъ идти далѣе явленій; пусть назоветъ его жизнію, археей, τὸ θεῖον, это значитъ немного: это начало невѣдомое, и настоящее имя дано будетъ ему тогда, когда люди откроютъ его!

Вотъ единая, истинно правильная метода. Она такъ вѣрно единая, основательная, что, кажется, принявъ ее, мы поступимъ весьма просто, естественно, такъ, что иначе не льзя и поступишь; однакожь, поставивъ это правиломъ для Физіологіи, мы сведемъ новость, и, кто-бы повѣрилъ? сдѣлаемъ совершенно противное тому, что дѣлалось донынѣ. Вотъ до какой степени справедливо, что къ естественнымъ средствамъ прибѣгаютъ послѣ всѣхъ другихъ.

Наконецъ, скажемъ однимъ словомъ, что должно быть первымъ преобразованіемъ въ общемъ направленіи ученій Физіологическихъ. Физіологія должна быть аналитическою. Такъ должно быть, если хотятъ, чтобы Медицина была когда-либо существенною, положительною наукою. Конечно, тотъ былъ-бы непостижимо дерзокъ, кто-бы вообразилъ, что одинъ онъ имѣетъ въ рукахъ ключъ къ наукѣ и свѣтильникъ, долженствующій озарить всѣ глубины оной. Къ счастію, обыкновенный разсудокъ можетъ оправдать насъ и показать, что мы не имѣемъ этого смѣшнаго требованія. Дѣло идетъ не о такомъ предметѣ, для котораго потребенъ геній, или даже опытность, приобрѣтаемая необыкновенною силою ума и продолжи-

Digitized by Google

тельнымъ, тяжелымъ трудомъ. При первомъ взглядѣ на науку, можно тотчасъ видѣть въ ней безмѣрный промежутокъ, и послѣ этого всякій вѣрный умъ самъ собою стремится къ изысканію средствъ, коими можно дополнить сей недостатокъ. Наукѣ надобно правило здраваго смысла, а на это весьма естественно отваживаться.

Съ Франц.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литература.

Книги 1828 года.

— *Начертаніе древней Исторіи Бессарабіи.* Съ присовокупленіемъ историческихъ выписокъ и *карты*, сочиненное Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитаномъ Вельтманомъ. М. 1828 г. въ т. С. Селивановскаго, in 8, XVI и 74 стр.

Сію книгу можно причислить къ составляющимъ хорошіе матеріялы для Исторіи. Авторъ, съ особеннымъ тщаніемъ, перебралъ множество древнихъ и новыхъ писателей, и извлекъ изъ нихъ все, что касается до исторіи области, называемой *Бессарабіею*, и нынѣ принадлежащей Россійскому Скипетру. Само по себѣ разумѣется, что въ *древней Исторіи* Бессарабіи, не столько мѣ-

Digitized by Google

ства должна занимать небольшая частица земли, въ послѣдствіи Бессарабіею наименованная, сколько исторія народовъ, переходившихъ черезъ сію частицу земли, или заселявшихъ обширныя пространства окрестъ ея. Авторъ начинаетъ съ самыхъ первыхъ извѣстій, Киммеріянами и Скиѳами; потомъ изображаетъ Греческія поселенія по Сѣверному берегу Чернаго моря, излагаетъ исторію Гетовъ, Бастарновъ, Готѳовъ, Гунновъ, Аваровъ, Булгаръ, Славянъ, Угровъ, Печенѣговъ, Узовъ, образованіе Молдавіи и Валахіи, поселенія Генуезцовъ, и съ появленіемъ именъ *Бессарабіи и Буджака*, прекращаетъ *древнюю Исторію Бессарабіи* и книгу свою. — Въ окончаніи оной слѣдуютъ выписки (pièces justificatives) подлинныхъ словъ изъ сочиненій Иппократа, Трога-Помпея, Аррiана, Схимна, Тацита, Амміана-Марцеллина, Помпонія-Мелы, Плинія, Птолемея, Страбона, Кл. Вописка, Зосимы, Пейтингера, Географа Равенскаго, Іорнанда, Менандра, Малтебрёна, также книгъ Графа Потоцкаго и Сестренцевича-Богуша. Кажется, въ самомъ расположеніи своей книги Авторъ взялъ въ руководство извѣстное сочиненіе Графа Потоцкаго: Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves (Брауншвейгъ, 1795 г. 3 т. in 4). Предлагая однакожъ извѣстія и выписки, Авторъ входитъ и въ критическія изслѣдованія: въ числѣ ихъ особеннаго вниманія достойны мнѣнія Автора о Траяновыхъ валахъ (статья сія помѣщена была въ Телеграфѣ, 1828 г. № IV, стр. 568). Допустъ судя о сихъ ошибкахъ древности на угадъ, по слухамъ,

Digitized by Google

географы и историки думали видѣть въ нихъ работу Римлянъ, и полагали, что Императоръ Траянъ ограждалъ границы Римскія отъ варваровъ валами, сохранившими его имя (*). Г-нъ Вельтманъ, тщательно обозрѣвъ остатки валовъ, и сообразивъ на мѣстѣ положеніе ихъ, рѣшительно, и, какъ намъ кажется, совершенно справедливо, опровергаетъ это мнѣніе, и утверждаетъ, что напротивъ Траяновы валы должны были служить защитою обитателямъ Бессарабіи (можетъ быть *Бастарнамъ*) отъ Римлянъ.

Намъ пріятно думать, что занятіе военною службою не навсегда отвлечетъ Г-на Вельтмана отъ занятій Исторіею, и что со временемъ можемъ мы надѣяться увидѣть дальнѣйшіе труды его; изданная имъ книга, какъ начало, подаетъ намъ надежды, что въ немъ Литература Русская можетъ увидѣть достойнаго сподвижника на поприщѣ Исторіи.

При книгѣ Г-на Вельтмана приложена историческо-географическая карта Бессарабіи, литографированная въ Тульчинѣ.

— *Землеописаніе извѣстнаго Древнимъ свѣта*, изъ разныхъ источниковъ составленное, С.П.бургскаго Унив. Ад. Профессоромъ *Александромъ Брутомъ*.

(*) Но точно-ли слово: *Траянъ* означаетъ *Императора Траяна*? Нѣтъ-ли подобозвучнаго слова у туземцовъ, которое показало-бы намъ совсѣмъ другую этимологію сего названія?

Digitized by Google

Ч. 1. СПб. 1828 г. въ ш. Мед. Деп. Мин. вн. дѣлъ, in 8, VI и 308 стр.

Года четыре тому, говоря о переводѣ Ничева сочиненія о Древней Географіи (Тел. ш. IV, стр. 17), мы довольно подробно изложили наше мнѣніе о томъ, *какъ* должно вообще представлять себѣ Древнюю Географію, сообразно новымъ понятіямъ объ Исторіи и Исторической Критикѣ, и о томъ, какъ должно, по нашему мнѣнію, издать учебную книгу Древней Географіи для Русскихъ. Съ 1825 г. Древняя Географія не получила у насъ на свою долю ни одного сочиненія, ни одного перевода. Честь Г-ну Бруну, что онъ рѣшился дополнить чувствительный недостатокъ въ нашей литературѣ; еще болѣе благодарности за то, что его книга показываетъ собою болѣе предшествовавшихъ ей книгъ совершенства въ понятіяхъ о наукѣ; но все мы не можемъ похвалить книги Г-на Бруна безусловно, и принуждены сказать, что для Древней Географіи, и послѣ изданія новаго сочиненія, на нашемъ языкѣ мы не имѣемъ удовлетворительныхъ пособій.

Самое названіе книги: *Землеописаніе извѣстнаго Древнимъ свѣта*, показываетъ, что Авторъ берется передать намъ только то, *что Древніе знали* о земномъ шарѣ. Слѣдовательно: мы не должны ожидать свѣдѣній о томъ, *что въ самомъ дѣлѣ былъ*, или *могъ быть* земной шаръ, для чего должно-бы соображать извѣстія не однихъ Грековъ и Римлянъ, но и Восточныхъ Писателей, Скандинавовъ, Арабовъ, новѣйшія изслѣдованія,

Digitized by Google

нынѣшнее состояніе странъ и племенъ народныхъ. Авторъ берется передать намъ только *то, что знали Греки и Римляне* (подъ именемъ *Древнихъ*, онъ разумѣетъ сіи два народа).

Какъ жаль, что мы, Русскіе, никакъ не можемъ приучиться къ высшимъ воззрѣніямъ на науки, открытымъ въ новѣйшія времена. Подумаете, что на границахъ литтературы нашей устроена таможня, черезъ которую позволяютъ провозить только тѣ умственные товары, которые произведены до половины прошлаго вѣка. Ограниченіе Географіи Исторической составленіемъ сборниковъ, подъ именами: *Географіи Священной*, *Географіи Грековъ*, *Географіи Римлянъ*, принадлежитъ къ понятіямъ стараго времени. Число такихъ сборниковъ можно умножить до безконечности, и ничего не выиграть. Какихъ не бывало этому примѣровъ! Иной ученый выберетъ названія всѣхъ растеній изъ пяти книгъ Моисея, и издаетъ книгу: *Ботаника Пророка Моисея*; другой описаніе поваренныхъ снарядовъ изъ Иліады, и предлагаетъ: *Историческое изслѣдованіе о кухнѣ Грековъ во времена Троянской войны*. Такъ и въ Древней Географіи: выберутъ вамъ номенклатуру земель и народовъ изъ Омира, Геродота, Ѳукидида, Тацита, Птолемея, Страбона, расположатъ по странамъ, и думаютъ, что Древняя Географія готова. Какъ не догадаться, что подобная книга представляетъ смѣсь безпорядочную, и что Древняя Географія не можетъ быть излагаема такъ, какъ новѣйшая; что необходимо для нея *историческое* изложеніе, ибо Омировы свѣдѣнія въ Гео-

Digitized by Google

графіи совсѣмъ не то, что Геродотовы, а Тацитовы не то, что Страбоновы, и какъ упорно держаться Ничей, Маннершовъ, Данвилей, которые были, безспорно, ученѣйшіе люди, но все компиляторы, не болѣе, когда уже послѣ того писали Шлецеры, Риттеры и Малтебрёни?

Г-нъ Брушъ держится старой методы. Отдадимъ полную справедливость его *Введенію*, гдѣ говоритъ онъ *о состояніи Землеописанія въ древніе вѣки*, излагая ходъ географическихъ познаній отъ Омира до Юлія Гонорія или Эѳика (начала 5-го вѣка по Р. Х). Если-бы онъ также исторически расположилъ и самое Землеописаніе, или по эпохамъ Географіи, какъ Малтебрёнъ, или раздѣливъ весь міръ, извѣстный Древнимъ, на части, какъ Риттеръ сдѣлалъ это съ Географіею Африки, и каждую часть проходилъ *исторически*, мы ничего не могли-бы сказать въ осужденіе его книги. Судя по знаніямъ, какія видны въ книгѣ Г-на Бруша, мы имѣли-бы тогда превосходное руководство къ *Географіи Грековъ и Римлянъ*, которое, излагаясь въ таблицахъ при концѣ книги, замѣнило-бы и то, чѣмъ наполнилъ всю книгу свою Г-нъ Брушъ. Теперь будемъ мы имѣть два тома о Географіи Грековъ и Римлянъ, изъ коихъ одинъ уже изданъ, а вскорѣ будетъ изданъ и другой; но какая будетъ отъ нихъ замѣна Ничевой книгѣ, которую въ предисловіи (стр. IV) называетъ Авторъ *неудовлетворительнымъ руководствомъ*? Никакой.

Намъ стоило-бы разобрать описаніе одной какой-либо страны, чтобы доказать, какъ сбивчива

Digitized by Google

и неудовлетворительна метода, послѣдуемая Авторомъ, даже и для того, чтобы свѣдѣнія Грековъ и Римлянъ представить яснѣе и точнѣе. Не говоримъ уже о томъ, что географическія свѣдѣнія *только Грековъ и Римлянъ* не даютъ надлежащаго понятія о Древней Географіи, и что слѣдовательно ихъ недостаточно.

При *второй* части будутъ приложены карты. — Не льзя не замѣтить, что правописаніе именъ въ книгѣ Г-на Бруна вездѣ весьма исправно; но, мы не понимаемъ: почему, въ иныхъ мѣстахъ, старался онъ Латинское: æ, выражать по Русски буквою э, отъ чего вышли странныя для насъ слова: *Эгипетъ, Птоломэй, Палэстина, Тимэй, Гэтулія*? И въ то-же время читаемъ: *Кэсарія, Виѳинія, Лидія.*

— *Дамская Энциклопедія*, или письма о дамскомъ туалетѣ. Соч. Г-жи Элизы Воярш. Вольный переводъ съ Французскаго. М. 1828 г. въ т. Рѣшетникова, in 18, 208 стр.

Г-жа Вояршъ, вмѣстѣ съ Г-жами Кампанъ и Гизо, почитается нынѣ во Франціи отличною писательницею *для дамъ*. Мы недавно читали во Французскихъ журналахъ громкія похвалы книгѣ ея: Six amours. Изъ *Дамской Энциклопедіи* дамы могутъ занять много добрыхъ, истинно полезныхъ наставленій, не о томъ, какъ надѣвать модные чепчики, модныя ленты, но какъ сберегать свою красоту безъ притираньевъ, простыми, естественными средствами сохранять свѣжесть лица, одѣваться мило и просто, и не думать, что все

Digitized by Google

модное хорошо. Въ книгѣ Г-жи Вояртъ могутъ онѣ также узнать исторію корсетовъ, прическъ, румянъ, бѣлилъ, и проч. и проч. Конечно не всякой дамѣ пристанетъ щегольство ученостью; но какъ будетъ хорошо, если иная дама загонятъ Профессора археографическими познаніями о дамскомъ туалетѣ! Для этого надобно только прочитать Дамскую Энциклопедію Г-жи Вояртъ. Тутъ всему туалету полная исторія, начиная съ Греціи и Рима.

КНИГИ 1829 ГОДА.

Описаніе водяныхъ сообщеній между С.Петербургомъ и разными Россійскими губерніями. Соч. Д. Кафтырева. СПб. 1829 г. въ т. А. Смирдина, in 8, 45 стр. съ картою.

Книга, которая можетъ быть ручною для занимающихся судоходствомъ, и справочною для географа и статистика Русскаго государства. Авторъ исчисляетъ всѣ рѣки и каналы, составляющія систему водныхъ сообщеній между Петербургомъ и другими мѣстами Россіи; именуетъ пристани, мѣста складокъ, пороги, протяженіе каналовъ и рѣкъ, прибавляя и краткія статистическія замѣчанія. Весьма-бы любопытно было видѣть тутъ-же и количество судоходства по разнымъ направленіямъ и въ разные годы, что можно составить изъ печатныхъ свѣдѣній.

Водныя сообщенія, какъ жилы въ человѣкѣ для кровообращенія, необходимы для обращенія произведеній въ государствѣ. Эшѣ *ходящія дороги*,

Digitized by Google

по выраженію Монтаня, есть одинъ изъ тѣхъ предметовъ, на которые ни правительству, ни частнымъ людямъ не должно жалѣть расхода, ибо свободное обращеніе произведеній есть необходимое условіе богатства народнаго, и гдѣ нѣтъ свободнаго обращенія, тамъ нѣтъ жизни: въ одномъ углу будетъ гнить хлѣбъ, когда въ другомъ люди будутъ умирать съ голода. Изъ числа-же сообщеній ни одно такъ не важно, какъ водное. Взглянемъ на Англію, и подивимся, какъ умѣли Англичане понять важность водяныхъ сообщеній. Франція ежегодно откладываетъ на каналы и пути сообщеній отъ 30 до 40 милліоновъ франковъ; изъ 5,453 миріаметровъ, составляющихъ пространство Франціи, пользуется сообщеніями по каналамъ *пятая* часть (975 мир.) и протяженіе каналовъ на квадр. миріаметръ составляетъ 1127 мет.—Судите-же о преимуществѣ Англіи потому, что въ ней изъ 1,507 мир. составляющихъ все пространство государства, *болѣе половины* прорѣзано уже каналами (801 мир.), и каналы составляютъ на квадр. миріаметръ 4,823 *метра*! Въ Россіи далеко еще не сравнялись мы, не только съ Англіею, но даже съ Франціею. Исполинскій геній Петра видѣлъ важность каналовъ, и можно-ли довольно оцѣнить величіе подвиговъ сего безсмертнаго генія, когда вспомнимъ, что онъ, за сто лѣтъ до нашего времени, при бѣдныхъ финансахъ, среди разорительныхъ войнъ, мыслилъ о томъ, о чемъ и нынѣ мы еще не смѣемъ мыслить: онъ предполагалъ соединеніе Дона съ Волгою, и въ землѣ, едва покоренной, началъ Ладожскій каналъ, на 104 версты простирающій-

Digitized by Google

ся. « *Деньги тратить не жалѣйте, только-бы дорогъ не шли онѣ,* » говаривалъ Петръ Великій; опредѣлялъ милліонъ рублей на каналъ, и обѣщалъ повѣсить того, кто украдетъ изъ милліона копѣйку. Мы видимъ и нынѣ, какъ благодѣтельное наше Правительство стремится повсюду оживить каналами безжизненныя пространства земель, обширнѣйшихъ и лишенныхъ взаимнаго живительнаго сообщенія. Пожелаемъ, чтобы духъ общественности скорѣе возмужалъ въ частныхъ людяхъ, и чтобы они приняліись ревностно содѣйствовать со своей стороны попеченіямъ Правительства. Напрасно думать о трудностяхъ и издержкахъ: Англичане пробили горы, заставили течь воду рѣкъ черезъ другія рѣки, по водопроводамъ, рылись подъ рѣками, а не ограничивались выпрямленіемъ путей водяныхъ, проложенныхъ уже до человѣка самою природою. Къ чему-же умъ человѣка, которому все повинуется? Къ чему деньги, этотъ молотокъ, которымъ можно разбить гранитныя горы и сбить въ море цѣлыя стѣны земли, чтобы море сердилось и не смѣло переступить за предѣлъ, указанный ему человѣкомъ?

— Poezye Adama Mickiewicza *(Стихотворенія Адама Мицкевича)*. 2 части. *Новое, дополненное изданіе*. СПб. 1829 г. въ т. К. Крайя, in 16, XXXIV, 284 и 300 стр.

Бывали примѣры, въ нашей литтературѣ, и у другихъ народовъ, славы литтературной, казалось, огромной, изумлявшей современниковъ, но мгновенной, перелетной, дѣлавшейся въ послѣд-

Digitized by Google

ствіи, даже и не у позднаго потомства, шуткою и притчею. Вспомнимъ у Французовъ Ронсара, у насъ Сумарокова и Хераскова. Не писали-ль о Сумароковѣ, что онъ *Русскій Расинъ*, что въ *баснях превзошелъ* онъ Лафонтена? Хераскова не называли-ль *Омиромъ?* И гдѣ *нашъ Расинъ, нашъ Омиръ?* — Послѣ сего можемъ-ли мы надѣяшься на прочную славу современниковъ, которыхъ называемъ *великими, славными поэтами?*

Вопросъ кажется затруднительнымъ, но рѣшеніе его не невозможно.

Не говоря о тѣхъ людяхъ, которыхъ слава должна становиться всеобщѣе и свѣтлѣе съ каждымъ вѣкомъ, о людяхъ, покорявшихъ своему вліянію человѣчество, творцахъ, создававшихъ новые роды поэзіи, новый міръ мышленія человѣческаго, мы должны мѣрять каждаго поэта по его вѣку, отношеніямъ и обстоятельствамъ, и тогда ни что достойное не останется безъ заслуги, никто замѣчательный не будетъ рѣшительно презрѣннымъ въ глазахъ нашихъ, всякому отдастся его мѣсто. Это понятіе открыто намъ новѣйшими мыслителями, и съ нимъ легко намъ оцѣнять вѣрно и справедливо славу и предка и современника.

Далѣе, скажемъ смѣло, что мы, нынѣ, лучше можемъ судить, нежели судили нами предки. Тутъ нѣтъ ни хвастовства, ни желанія унизить предшественниковъ нашихъ. Все преимущество состоитъ въ томъ, что мы родились *позднѣе*, и слѣдовательно, *должны быть опытнѣе*, ибо человѣчество идетъ впередъ и совершенствуется съ каждымъ поколѣніемъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, чѣмъ далѣе отступимъ мы къ началу образованія каждаго народа, тѣмъ болѣе найдемъ дѣтскаго. Увеличеніе, надутость выраженій всегда были принадлежностью младенчества народовъ. Когда Ронсара называли *Княземъ поэтовъ*? Въ XVI вѣкѣ, въ дѣтствѣ Французской литературы. Когда Сумарокова и Хераскова называли Расиномъ и Омиромъ? Въ дѣтствѣ Русской литературы, едва начавшейся, едва переступавшей на помочахъ Французскихъ. Votre lettre et vos ouvrages sont une grande preuve que le génie et le goût sont de tout pays, написалъ Вольтеръ къ Сумарокову, хотя въ томъ-же письмѣ прибавилъ: Je ne sais pas un mot de votre langue. Какъ-же было *не повѣрить Вольтеру*, что *Сумароковъ геній*, хотя Вольтеръ и не понималъ ни слова въ трагедіяхъ Сумарокова? Посмотрите на Французскую литературу послѣ Ронсара, посмотрите теперь у насъ въ литературѣ. Французы хвалили и Расина, и Вольтера, и Мольера, но кто называлъ кого нибудь изъ нихъ царемъ, княземъ поэтовъ? Кто у насъ теперь о неподражаемомъ Крыловѣ скажетъ, что онъ *выше Лафонтена*, и кто Пушкина поставитъ на ряду съ Байрономъ? Это показываетъ совершенствованіе. Чѣмъ мужественнѣе становится народъ, тѣмъ тяжеле получитъ онъ него титло князя, барона или маркиза поэтовъ. Въ наше время для сего собирается цѣлый сеймъ народовъ, и рѣшаетъ дѣло.

Слѣдовательно, при большей точности, опытности, вѣрности въ сужденіяхъ нашихъ, нынѣ потомки надежнѣе для современниковъ, нежели похвалы прежнимъ поэтамъ отъ ихъ современни-

Digitized by Google

ковъ. Мы даже впадаемъ въ противоположность: *мало хвалимъ*, потому, что *вообще отвыкли хвалить*, и холодную недовѣрчивость считаемъ мудростью. Такъ и должно быть нынѣ, ибо важная аксіома Критики: «*все хорошо и худо по отношеніямъ времени и обстоятельствъ, въ какихъ кто живетъ*,» въ шоже время приняша за основаніе сужденій о поэшахъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, и даешъ намъ средсшва къ справедливой оцѣнкѣ досшоинсшва каждаго. Ошъ шого шакъ высоко ставимъ мы поэзію современнаго намъ Байрона, а пашріошизму Французовъ ошказываемъ во всеобщей славѣ Делавиня. «Байронъ былъ эхо Исшоріи всемірной начала XIX вѣка,» говоримъ мы; «Делавинь, какъ предсшавишель духа своего народа, послѣ паденія воинской славы Французовъ, и при колебавшемся переворошѣ новаго порядка дѣлъ, ведикъ для Франціи, но для насъ онъ поэшъ слишкомъ часшный, односшоронній: въ немъ мы не видимъ предсшавишеля цѣлаго міра.»

Послѣ Байрона, міръ еще не ошзывался своимъ поэшомъ, и, можешъ бышь, долго еще не ошзовешся. Причина видна: народы не сброшены шеперь въ одну общую пучину; они ошдѣлены одинъ ошъ другаго, и шумъ бурь на берегахъ каждаго изъ нихъ, можешъ бышь уподобленъ мѣсшнымъ ураганамъ. Теперь, каждый изъ народовъ возсѣдишъ на развалинахъ прошедшаго, и созидаешъ свою народносшь. Люди обмѣнялись мнѣніями и поняшіями; они раздѣлили умсшвенное наслѣдіе вѣковъ, и *эклектическій* умъ сдѣлался умомъ всѣхъ и каждаго изъ нихъ. Ошъ шого шеперь вцолнѣ поня-

Digitized by Google

мают идею *народности* въ Изящныхъ Искусствахъ, и во всемъ; ошъ того стремится теперь изыскательный умъ человѣка познать особность каждаго народа, дорожитъ вѣрною передачею Санскритскаго, Арабскаго, Могиканскаго, Исландскаго, Шотландскаго, Русскаго духа, называетъ поэта въ отношеніи къ его народу поэтомъ великимъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе выражаетъ поэтъ особность, народность свою. Но надъ сими частными стремленіями, какъ небо надъ землею, распространяется великая идея человѣчества, по которой протекали солнцы всемірной поэзіи: въ мірѣ древнемъ—*Омиръ*; въ мірѣ среднемъ — *Данте* и *Шекспиръ*; въ мірѣ новомъ — *Гёте* и *Байронъ*. Мѣра стремленія къ симъ идеаламъ поэзіи опредѣляетъ мѣру генія поэта. Чѣмъ болѣе духъ общности, выражаемый вѣкомъ, проницаетъ созданіе какого либо поэта, чѣмъ сильнѣе, дѣйствительнѣе можетъ онъ выразить болѣе народностей, чѣмъ лучше можетъ онъ пересоздать себя въ тѣ формы, въ какихъ хочетъ высказать душу свою, тѣмъ онъ болѣе въ глазахъ нашихъ, тѣмъ огромнѣе. Здѣсь понятно, что только самобытность, народность, естественность могутъ быть свидѣтельствомъ великости поэта; здѣсь открывается и ничтожность подражанія, и оскорбленіе вкуса, какое причиняетъ невѣрное выраженіе природы, или предмета, который изображаетъ поэтъ.

Могли-ль сіи понятія принадлежать предкамъ нашимъ? Никакъ; они плодъ опытности новаго

Digitized by Google

вѣка, когда взоръ нашъ обнимаетъ весь небосклонъ поэзіи человѣчества, когда онъ по вѣрному размѣру опредѣляетъ достоинства поэтовъ, и уступаетъ имъ славу съ боя, который долженъ выдержать поэтъ прошивъ холоднаго, разсудительнаго ума нашего времени.

За то слава поэта въ наше время надежнѣе, за то она быстро пролетаетъ отъ одного конца міра до другаго. Вѣнокъ лавровый въ наше время дается не съ приговора земляковъ, но, какъ мы выше сказали, съ приговора народовъ; за то вѣнка славы не долго дожидаться нынѣ человѣку геніяльному: пусть только подвиги его будутъ велики; изъ бездѣлокъ, лѣность, холодность нашего вниманія не захочетъ и взглянуть пристально на пѣвца.

Мы съ радостнымъ удовольствіемъ обращаемся здѣсь къ нашему Мицкевичу. Когда въ 1822 году, въ Вильнѣ, вышли двѣ книжечки его стихотвореній, которыхъ книгопродавцы не смѣли взять отъ юноши, боясь убытка, кто знавшій тогдашнюю неизвѣстность Мицкевича, и нынѣшнюю славу его, не скажетъ съ нами, что въ такое время сдѣлать такой шагъ, можетъ только великій поэтъ, и что удивленіе наше могло быть куплено только великими подвигами. Здѣсь не учтивая фраза какого нибудь Француза, но вѣрное убѣжденіе заставляетъ насъ вѣрить прочности славы поэта, котораго мы называемъ великимъ, не младенческое удивленіе, но строгій голосъ критики отдаетъ ему лавровый вѣнокъ безсмертія.

Digitized by Google

Въ новомъ изданіи стихотвореній Мицкевича помѣщены всѣ прежнія, всѣ послѣ 1822 года явившіяся его сочиненія, и нѣсколько неизвѣстныхъ; къ сему присовокуплены и переводы.

Въ 1-й части напечатаны: *Конрадъ Валленродъ*, поэма; *Гражина*, Литовская повѣсть; мѣлкія стихотворенія. Между сими послѣдними замѣтимъ новыя пьесы: стихи *на Греческую комнату Княгини З. А. Волконской*; *Новый годъ* (мысль Ж. Поля); *Сонъ* (изъ Байрона); *Фарисъ* и *Шанфарій*, двѣ Арабскія кассиды (*первая* собственное созданіе Мицкевича, *вторая* переводъ съ Арабскаго); *Прощаніе Чайлдъ-Гарольда* (Байрона); *Уголино* (изъ Данте); *Мракъ* (Байрона); *Путешественникъ* (Гёте); *Воспоминаніе* (переводъ стиховъ Пушкина) и *Сербскую пѣсню*.—Во 2-й части находятся прежнія и новыя баллады и романсы; *Праотцы*, поэма; *Сонеты*; остальныя мѣлкія пьесы.

Вотъ права Мицкевича на славу, права великія, при сличеніи твореній его съ твореніями другихъ современныхъ поэтовъ. Когда умолкъ Гёте, когда нѣтъ Байрона, Мицкевичъ—будемъ гордиться этимъ—не только *первый* поэтъ Польши, но, едва-ли не *первый* изъ существующихъ нынѣ поэтовъ. *Валленродъ*, *Праотцы*, *Сонеты*, *Фарисъ*, суть созданія творческаго воображенія, которымъ ни одинъ изъ существующихъ нынѣ поэтовъ Англіи, Германіи, Франціи и Италіи, ничего противопоставить не можетъ. Да благословитъ Провидѣніе полетъ юнаго орла, который устремился

Digitized by Google

къ небесамъ; будемъ слѣдовать за полетомъ его, радуясь, что онъ *нашъ*, эпотъ гордый сынъ неба!

Мелкія сочиненія и переводы Мицкевича былибы достаточны для того, чтобы доставить ему почетное мѣсто между Польскими поэтами. Но *Прилоцы* (ихъ отчасти знаютъ уже Русскіе читатели по переводу Г-на Вронченки, въ *Невскомъ Альманахѣ* сего 1829 года) показали самобытность Мицкевича и геній выше обыкновенныхъ. Суевѣріе народное одушевилъ онъ огнемъ поэзіи; непонятнымъ символамъ простонародныхъ обрядовъ далъ жизнь и значеніе. За тѣмъ слѣдовали *Сонеты*. Русскимъ читателямъ они уже извѣстны, хотя также не вполнѣ, однакожь столько, что они имѣютъ достаточное понятіе. Здѣсь поэтъ, казалось, истощилъ природу Востока и дышалъ сладкимъ воздухомъ Италіи. Но Мицкевичъ готовилъ твореніе, совершенно противоположное двумъ первымъ. Въ *Валленродѣ* воскресилъ онъ дикій бытъ Литвы, и показалъ всю силу генія своего. Читайте послѣ сего *Фарися*, и скажите: когда воображеніе Европейца горѣло пламеннѣе огнемъ восточнаго неба? Фарисъ, кажется, могъ быть вдохновенъ только пламеннымъ солнцемъ Аравіи; но онъ созданъ среди снѣговъ Сѣвера, и только показываетъ величіе поэта, котораго съ вѣрною надеждою осмѣливаемся мы называть *первымъ* изъ существующихъ нынѣ.

Мицкевичъ оставляетъ теперь Россію и ѣдетъ въ Италію. Тамъ, на развалинахъ Рима и гробницахъ безсмертныхъ людей, ждутъ его новыя вдо-

Digitized by Google

новенія. Далекіе соотечественники, далекіе друзья, мы будемъ ждать новыхъ пѣснопѣній его, и надѣемся, что онъ явитъ намъ новыя великія творенія. Кто знаетъ, гдѣ остановится поэзія Мицкевича, подкрѣпляемая необыкновенными его свѣдѣніями во всѣхъ литтературахъ, его необыкновеннымъ просвѣщеніемъ?

Чуть не забыли мы сказать, что при новомъ изданіи стихотвореній Мицкевича, о которомъ извѣщаемъ читателей, приложено разсужденіе подъ заглавіемъ *о критикахъ и рецензентахъ Варшавскихъ*. Здѣсь Мицкевичъ, не отвѣчавшій ни на одну критику, ни на одну рецензію, безпрерывно выходившія въ Польшѣ, за одинъ разъ отдаетъ отчетъ въ своихъ понятіяхъ о Литтературѣ Польской, о Классицизмѣ, Романтизмѣ, и о критикахъ Польскихъ. Превосходное произведеніе это желательно-бы видѣть въ Русскомъ переводѣ. Оно пригодилось-бы для нашихъ классиковъ-критиковъ. Этотъ народъ видно вездѣ на одну стать: тѣже замашки, тѣже нелѣпости, таже ограниченность взгляда, таже закоснѣлость въ старыхъ предразсудкахъ. И какъ одна шутка ума свѣтлаго, необыкновеннаго, сбиваетъ съ ногъ этихъ классическихъ рашоборцевъ, это мелкое племя мѣряльщиковъ таланта и генія! Смѣшно и жалко смотрѣть на нихъ, цѣпляющихся въ паденіи за Посланіе къ Пизонамъ и Пиитику Буало.

— *О выставкѣ Россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій*, имѣвшей открытіе въ Маѣ мѣсяцѣ 1829-го

года. СПб. 1829 г., въ т. Эксп. заготовленія государ. бумагъ, in 8, 12 стр.

— *Разборъ отвѣтныхъ сочиненій на задачу по части Политической Экономіи*, предложенную Императорскою С. Петербургскою Академіею Наукъ въ 1826-мъ году. СПб. 1829 г., въ т. Академіи Наукъ, in 8, 37 стр.

— *Отчетъ о дѣйствіяхъ* Императорскаго *Вольнаго Экономическаго Общества за* 1828-*й годъ*. СПб. 1829 г., въ т. Главн. Управл. путей сообщенія, in 8, 30 стр. и 4 таблицы.

— *О пользѣ соединенія съ земледѣліемъ мануфактурной и заводской промышленности*. Читано въ собраніи Вольн. Экон. Общества Професс. Щегловымъ. СПб. 1829 г., in 8, 15 стр.

— *Обозрѣніе важнѣйшихъ изобрѣтеній по части промышленности*, сдѣлавшихся извѣстными *въ* 1827 *году*, соч. и чит. въ собраніи Вольн. Экон. Общества Професс. Щегловымъ. СПб. 1829 г., in 8, 54 стр.

Истинный сынъ отечества не можетъ не порадоваться, замѣчая, что годъ отъ году болѣе и болѣе начинаетъ появляться у насъ книгъ, касательно практической жизни общества. Ремесла, художества, искуства, приложенія наукъ и теорій къ практикѣ, Политическая Экономія, практическая Статистика, находятъ безпрерывно новыхъ дѣлателей и сподвижниковъ. Еще ихъ немного, еще далеко не достаетъ до потребнаго числа; но прежде вовсе не было; теперь они уже есть, и — довольно. Все будетъ со временемъ: привычатся и практики слушать теоретиковъ, и теоретики устремлять

Digitized by Google

вниманіе на практику. Благія послѣдствія такого порядка дѣлъ неизбѣжны, и подобное стремленіе для Россіи, въ настоящемъ состояніи ея, необходимо.

Отдадимъ прежде всего справедливую похвалу мудрому попеченію Правительства: оно прежде всѣхъ понядо пользу практической дѣятельности прежде всѣхъ начало передавать намъ свѣдѣнія статистическія, говорить, писать, дѣйствовать. Оно предприняло журналы: Военный, Горный, Морской, Инженерный, Мануфактурный, Коммерческій; старалось возбуждать соревнованіе производителей, дѣлателей, которые, въ свой чередъ, стали заводить общества, писать, издавать книги и журналы. Теперь духъ практической дѣятельности проникаетъ повсюду. Не встрѣтите книжки почти ни одного журнала, гдѣ-бы не являлся онъ болѣе или менѣе.

Обращаясь къ дѣйствіямъ Правительства, касательно промышленности мануфактурной, мы находимъ въ прошломъ 1828-мъ году, три особенно замѣчательныя событія, отъ коихъ можно ожидать важныхъ пользъ. Это суть: учрежденіе въ С. Петербургѣ *Практическо-Технологическаго Института*, какъ средства воспитывать въ Россіи мастеровыхъ; учрежденіе *Мануфактурнаго Совѣта* въ С. Петербургѣ, съ Отдѣленіемъ въ Москвѣ и Губернскими Комитетами и Корреспондентами, какъ особаго рода правительственнаго постановленія, могущаго быть посредствующимъ между Правительствомъ и производителями; наконецъ, установленіе *выставки Россійскихъ издѣлій*.

Digitized by Google

О сей выставкѣ было уже повѣщаемо въ Вѣдомостяхъ, Журналѣ Мануфактуръ и Коммерческой Газетѣ. Теперь издано особенною брошюркою это повѣщеніе, чтобы Г-да фабриканты и заводчики могли удобнѣе получить полныя свѣдѣнія.

Цѣль выставокъ всякаго рода бываетъ двоякая: ознакомленіе производителей съ публикою и Правительствомъ, и возбужденіе соревнованія. Гдѣ, если не въ одномъ назначенномъ мѣстѣ, въ извѣстное время, собранные образцы издѣлій могутъ лучше показать взаимныя отношенія потребителей и производителей, ихъ потребности, нужды, способы, труды? Соревнованіе также важное дѣло. Это не зависть — страсть подлая и низкая — но чувство благородное, побуждающее къ совершенствованію, къ взаимной борьбѣ соперниковъ, слѣдствіемъ коей бываетъ общая ихъ польза. Установленіе различныхъ публичныхъ выставокъ есть одно изъ древнѣйшихъ общественныхъ установленій, ибо законодатели издревле поняли пользу его, узнали его въ самыхъ первоначальныхъ зачаткахъ. Израильтяне три раза въ годъ должны были предстоять предъ лицо Бога, съ плодами полей своихъ; въ Греціи, Римѣ, Венеціи, по временамъ бывали выставки для произведеній Изящныхъ Искусствъ, и иногда для произведеній искусствъ вообще. Но мысль учрежденія постоянныхъ выставокъ мануфактурныхъ издѣлій принадлежитъ Франціи. Тамъ, въ 1819-мъ году, въ первый разъ осуществилась счастливая идея почтеннаго вельможи Французскаго Франсуа-Нёшато. Донынѣ было въ Парижѣ *три* выставки, ибо онѣ установлены че-

Digitized by Google

рез четыре года. По примѣру Французской, теперь учреждены выставки въ Америкѣ, Австріи, Пруссіи, Баваріи, Богеміи.

Съ каждымъ полезнымъ дѣломъ соединяется и неудобство. Въ выставкахъ мануфактурныхъ неудобство состоитъ въ томъ, что многіе стараются пощеголять только, сдѣлать на показъ бездѣлку, и бездѣлка эта привлекаетъ иногда удивленіе зрителей, когда полезное лежитъ забыто. Въ Парижской выставкѣ 1827-го года находился коверъ изъ строусовыхъ перьевъ: онъ составленъ былъ изъ 4000 перьевъ, и стоилъ двухъ лѣтъ работы; публика дивилась ему болѣе, нежели деревяннымъ башмакамъ (sabot, обувь Французскихъ поселянъ) лучшей формы, которыя спасутъ, можетъ быть, жизнь нѣсколькихъ тысячь человѣкъ поселянъ, въ нынѣшнихъ неловкихъ башмакахъ подверженныхъ болѣзнямъ и смерти.

Правительство объясняетъ нашимъ мануфактуристамъ, что не блескъ, а полезность будетъ оно цѣнить дороже. «Желательно (такъ сказано въ объ-«ленія), чтобы отъ каждой фабрики присланы бы-«ли наилучшія издѣлія: тогда можно было-бы вѣр-«нѣе судить, въ какомъ родѣ и до какой степени «совершенства доведена у насъ фабрикація. Впро-«чемъ, не одни только отличнѣйшія произведенія «будутъ допускаемы на выставку: самыя простыя «и обыкновенныя, но по добротѣ своей дешевыя, «и потому наиболѣе полезныя и имѣющія самый «удобный и вѣрный сбытъ въ большихъ количе-«ствахъ, будутъ принимаемы и уважены по до-

Digitized by Google

« спокойству. Укажемъ на одинъ примѣръ: у насъ « дѣлаются бумажныя шабакерки, хотя весьма про- « стыя, но чистой отдѣлки и хорошей доброты, « кои продаются *по два рубля дюжина;* такія, и « подобныя имъ издѣлія могутъ смѣло явиться на « судъ публики. Мы весьма-бы желали, чтобъ и у « насъ, подобно, какъ во Франціи, дѣлались часы, « довольно вѣрные и прочные, цѣною за 10 рублей. « *Торжество мануфактурной промышленности со-* « *стоитъ въ томъ, чтобы дѣлать какъ можно лучше,* « *и вмѣстѣ какъ можно дешевле.* »

Что̀ должно составлять выставку? Таковъ вопросъ многихъ. Отвѣчаемъ: *все, что производятъ* промышленность заводская и фабричная, ремесла, художества, и даже *все то, изъ чего* онѣ производятъ. Въ выставку Французскую допущены были образцы шерсти и форшепіяны, химическія произведенія и мебели, кожи и литографическіе рисунки, паровыя машины и переплеты книгъ. Для нашей выставки такое-же разнообразіе предположено правиломъ, ибо въ ней можетъ быть « *все, что* « *составляетъ предметъ заводскаго, фабричнаго и* « *ремесленнаго производства,* отъ великолѣпнѣйшихъ « мериносовыхъ тканей до добротнаго солдатска- « го и ливрейнаго сукна, и самой шерсти разныхъ « сортовъ; отъ тончайшихъ батистовъ и кисей до « скромной холстинки, равендука, Фламскаго по- « лотна и нитокъ; отъ драгоцѣннѣйшей парчи и « глазета до простой шелковой матеріи; отъ бу- « латныхъ саблей и дорогаго оружія до гвоздей, « долотъ и сѣнокосныхъ косъ; отъ великолѣпной « бронзы и галантерейныхъ вещей изящнѣйшей от-

Digitized by Google

«дѣлки до булавокъ; отъ роскошнаго фарфора и «хрусталя до простой, но добротной стеклянной, «фаянсовой и глиняной посуды; отъ прекраснѣй- «шихъ сафьяновъ, до простой кожи и юфти; отъ «тончайшихъ физическихъ и хирургическихъ инстру- «ментовъ до перочинныхъ ножичковъ, бритвъ и «иголокъ, и проч. и проч. Въ выставку допуска- «ются также и домашнія мануфактурныя и иску- «ственныя издѣлія, обращаемыя на продажу, какъ- «то: Архангелогородскія и, такъ называемыя, гос- «подскія полотна, нитки, пряжа, ковры тканые и «вышитые, вышивки золотомъ, серебромъ, шелками, «или бумагою, разныя точеныя и рѣзныя вещи: ко- «стяныя, роговыя, деревянныя и металлическія; «шерсть разныхъ сортовъ и ленъ, какъ первые ма- «теріялы суконныхъ и полотняныхъ фабрикъ, и «проч. и проч.»

Новость дѣла, краткій срокъ (выставка будетъ въ Маѣ), непривычка нашихъ производителей, даже трудность доставки, по причинѣ пространства Имперіи, конечно будутъ важными препятствіями для совершенства первой выставки Русской мануфактурной промышленности, но все совершенствуется со временемъ. Правительство поощряетъ въ семъ случаѣ всякими пособіями, назначаетъ особое, прекрасное зданіе для выставки, усердіе и стараніе фабрикантовъ будутъ вознаграждены знаками отличій. Повторимъ здѣсь слова Правительства: «Европа обращаетъ взоры на успѣхи сего важнаго «учрежденія. Отъ патріотическаго усердія Г-дъ «заводчиковъ и фабрикантовъ зависѣть будетъ, «чтобы сіи выставки сдѣлались блистательнѣй-

Digitized by Google

«шимъ и любопытнѣйшимъ торжествомъ отече-«ственной мануфактурной промышленности.» Будемъ ожидать, что надежды Правительства оправдаются дѣломъ, и съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ извѣстій о выставкѣ: они важны для каждаго просвѣщеннаго гражданина.

Но если предполагаемая выставка обращаетъ на себя общее наше вниманіе, то для наблюдателя просвѣщеннаго, для желающаго блага общественнаго, важна и брошюрка, изданная Академіею Наукъ: это отчетъ Г-дъ Академиковъ Шторха и Германа о рѣшеніяхъ задачи по части Политической Экономіи, которую Академія предложила въ 1826-мъ году. Здѣсь видны успѣхи нашего просвѣщенія: ученое общество предлагаетъ задачу, касающуюся важнѣйшихъ частей государственнаго хозяйства; ее рѣшаютъ публично, и получившій награду за лучшее рѣшеніе, есть чиновникъ, занятой службою (*А. И. Осокинъ*, контролеръ въ Департаментѣ разныхъ податей и сборовъ). Кромѣ того было прислано въ Академію *семь* отвѣтовъ, изъ коихъ *два* удостоились благосклоннаго отзыва Академіи (отвѣтъ Г-на *Д'Изарна*, бывшаго офицера Французской службы, и отвѣтъ *Г-на Мантейфеля*, Эстляндскаго помѣщика). Желательно, чтобы рядъ такихъ радующихъ явленій продолжался далѣе; чтобы наша публика приняла съ участіемъ и задачу, и рѣшенія, и судъ Академіи о рѣшеніяхъ. Нашимъ политическимъ экономамъ и нашимъ публицистамъ не должно молчать. По крайней мѣрѣ, Издатель Телеграфа почитаетъ долгомъ представить на судъ просвѣщенной публики свое мнѣніе. Подробная рецензія *Разбора отвѣтныхъ со-*

Digitized by Google

ственій будетъ помѣщена въ 8-й книжкѣ Телеграфа.

Обращаемъ вниманіе читателей еще на важный предметъ: отчетъ Вольнаго Экономическаго Общества. Общество сіе, основанное 63 года назадъ, оказало донынѣ важныя заслуги отечеству. Книги, имъ изданныя, доказываютъ трудолюбіе членовъ его, съ самаго основанія. Имѣя въ распоряженіи своемъ довольно огромные капиталы, оно въ 1828-мъ году дѣйствовало ими рачительно и дѣятельно, какъ мы видимъ изъ отчета. Изъ дѣйствій его, кромѣ приведенія въ лучшій порядокъ библіотеки (къ чему способствовали усердіе и дѣятельность почтеннаго библіотекаря Общества, К. И. Зейделя) музеевъ и кабинетовъ, важнѣйшимъ дѣломъ Общества должно почесть стараніе его о распространеніи прививанія коровьей оспы. Оно напечатало наставленія объ оспопрививаніи на девяти языкахъ (между прочимъ на Эстскомъ, Латышскомъ, Чухонскомъ, Грузинскомъ, Армянскомъ и Татарскомъ), разослало сотни тысячъ инструментовъ для прививанія оспы, и со времени поступленія сей части въ вѣдѣніе Общества—1992 человѣка выучены оспопрививанію, и привита оспа болѣе нежели 2-мъ милліонамъ младенцовъ. Дѣла, достойныя благословенія!

Насъ изумило только одно въ дѣйствіяхъ Общества: ревностное участіе, какое приняло оно въ С. Петербургской Земледѣльческой Компаніи. Общество, изъ своего капитала, положило взять 100 акцій Компаніи, на 25,000 рублей. Кажется, что предпріятіе, при настоящихъ обстоятельствахъ не могущее принесть такихъ пользъ, какихъ можемъ

Digitized by Google

ожидать отъ предпріятій другаго рода, не должно было привлекать къ себѣ столь огромной части капиталовъ Вольнаго Экономическаго Общества, которые могли обратиться на предметы, болѣе существенной пользы въ себѣ заключающіе. Впрочемъ, да не причтется мнѣніе наше къ мнѣніямъ противниковъ новаго предпріятія. Желаніе добра было основною мыслію Земледѣльческой Компаніи, и съ желаніемъ добра, мы осмѣливаемся излагать свою мысль. Дѣйствія и дѣла Компаніи должны разрѣшить всѣ, даже и малѣйшія сомнѣнія.

Основательность мнѣнія нашего можетъ подтвердить превосходная диссертація, читанная Н. П. Щегловымъ, въ засѣданіи Вольнаго Экономическаго Общества, 8-го Декабря 1828-го г., и изданная Обществомъ, подъ названіемъ: *О пользѣ соединенія съ земледѣліемъ мануфактурной и заводской промышленности*. Здѣсь ученый Профессоръ указываетъ намъ на нѣкоторые предметы, которые должны обратить на себя общее вниманіе сельскихъ хозяевъ, преимущественно предъ земледѣліемъ. Мы остановимся только на одномъ изъ нихъ: выдѣлываніи сахара изъ отечественныхъ произведеній. Свекловичный сахаръ былъ для Европейской промышленности однимъ изъ тѣхъ благъ, которыя доставила ей континентальная система Наполеона. Теперь мы видимъ уже въ ней важную отрасль промышленности, которая, уменьшивъ у насъ въ Россіи безмѣрную производимость хлѣба, можетъ избавить насъ отъ тяжкой подати иностранцамъ, и милліоны рублей оставить въ отечествѣ. Вѣрными разсчетами, Г-нъ Щегловъ доказываетъ, что

Digitized by Google

обративъ только 25,000, изъ 60-ти милліоновъ десятинъ, обращенныхъ въ сельское хозяйство, мы выдѣлаемъ *милліонъ пудовъ сахара*, ежегодно получаемый въ Россіи. Вотъ предметъ, который долженъ быть внимательно разсмотрѣнъ нашими сельскими хозяевами, и не льзя не благодарить тѣхъ, которые ревностно принялись теперь за свекловичный сахаръ. Тутъ частная и общая польза, такъ очевидны, что безполезно было-бы входить въ дальнѣйшія доказательства.

Рекомендуемъ Русскимъ производителямъ и другую диссертацію, читанную Г-мъ Щегловымъ въ Собраніи Вольнаго Экономическаго Общества 29 Января 1829 года. Онъ обозрѣваетъ важнѣйшія изобрѣтенія по части промышленности, сдѣлавшіяся извѣстными въ Европѣ въ 1827-мъ году. Содержа въ себѣ техническія подробности, это сочиненіе Г-на Щеглова будетъ подробно изложено въ одномъ изъ слѣдующихъ N° Прибавленія къ Телеграфу. Распространеніе подобныхъ свѣдѣній есть обязанность каждаго изъ насъ, желающихъ блага отечеству. Мы не можемъ не сказать, что въ семъ отношеніи Г-нъ Профессоръ Щегловъ дѣйствуетъ, какъ истинный патріотъ; пожелаемъ, чтобы и другіе Профессоры наши рѣшились слѣдовать похвальному его примѣру. Къ сожалѣнію, какъ многіе изъ нихъ думаютъ, что проговоривши старое съ каѳедры, и перекликавши своихъ студентовъ, они исполнили долгъ свой отчизнѣ, и заслужили то жалованіе, которое издерживаетъ на нихъ Правительство, заслужили и ту честь, какую даетъ имъ почтенное званіе ихъ въ народномъ мнѣніи. Профессоръ, кромѣ

Digitized by Google

своихъ лекцій, долженъ быть полезнымъ гражданиномъ; и если взоръ публики и слухъ знатоковъ не проницаетъ толстыхъ стѣнъ аудиторій профессорскихъ, это не даетъ никому изъ профессоровъ права думать, что имъ можно дѣлать что угодно. Общественное мнѣніе можетъ показать такимъ людямъ, какою бѣдною славою они пользуются, а у насъ наступило уже то время, когда и сидя за каѳедрою, можно подорожить общественнымъ мнѣніемъ.

СМѢСЬ.

По ревизіи, сдѣланной со всевозможною тщательностью, число жителей въ Парижѣ, въ 1817 году, простиралось до 713,966 человѣкъ; въ томъ числѣ было 56,794 человѣка, живущихъ безъ своего хозяйства (9,484 въ гостинницахъ; 15,549 въ военныхъ заведеніяхъ; 17,296 въ больницахъ и богадѣльняхъ; 3,223 въ тюрьмахъ, и 11,332 въ разныхъ заведеніяхъ), 657,172 жили хозяйственнымъ образомъ; въ семъ числѣ было муж. пола 305,247 и женскаго 351,925; народонаселеніе это занимало 26,801 домъ и составляло 224,922 хозяйства (ménages). Все пространство Парижа состоставляетъ 3,440 гектаровъ (гектаръ = 2209 кв. саж.), изъ коихъ домы и зданія занимаютъ 1941, остальное занимаютъ площади, улицы, каналы, сады, буль-

Digitized by Google

ары, рѣка, и т. д. Домы въ Парижѣ многіе есть въ семь этажей; вся окружность Парижа 23,754 метра (метръ = 22,5 вер.), и на немъ находится 58 заставъ.

Истребленіе нищенства всегда и вездѣ составляло особенный предметъ стараній попечительныхъ правительствъ. Политическая Экономія рѣшила уже важный вопросъ: полезно-ли безъ разбора учреждать благотворительныя заведенія для пропитанія нищихъ, и по всякой возможности, каждому просящему подавать милостыню? Къ сожалѣнію людей благотворительныхъ, она говоритъ: Нѣтъ! Учрежденіе кассъ для бѣдныхъ, прокормленіе бродягъ, и сборы для нищихъ, только умножаютъ зло. Если разсмотрѣть нищенствующихъ, то найдемъ ихъ три рода: свободные бродяги и тунеядцы; люди, коихъ обязаны кормить владѣльцы, и наконецъ—точно безпомощные люди: бѣдные старики, старухи, увѣчные, сироты. Само по себѣ разумѣется, что для послѣднихъ общество должно жертвовать частію избытка, учреждать больницы и богадѣльни, и призрѣвать старость и бѣдствіе. Но все это должно быть дѣлаемо съ великимъ разсмотрѣніемъ и общественно; притомъ, этотъ классъ людей, самый малочисленный, и не составляетъ язвы общества: два другіе класса суть истинное его зло. Здѣсь одно средство: *дать работу*, а отнюдь не подавать милостыни. Если владѣлецъ не въ состояніи прокормить подвластнаго ему человѣка, онъ долженъ лишиться правъ на владѣніе имъ, пото-

Digitized by Google

му, что уже съѣлъ его трудъ; если-же работа нищаго будетъ столько пропитывать бѣдняка, давать ему теплую одежду и насущный хлѣбъ, то общество уже выигрываетъ, потому, что ничего не теряетъ. Изъ числа многихъ средствъ, коими можно произвесть благотворное прекращеніе нищенства, особенно важно средство, употребленное нынѣ въ Нидерландскомъ Королевствѣ. Тамъ, съ 1818 года осуществлено уже благодѣтельнѣйшее предпріятіе: *колоніи бѣдныхъ*. Генералъ *Фанъ-Денъ-Бошъ* первый далъ мысль объ оныхъ, и *Общество Благотворенія*, основанное подъ предсѣдательствомъ Принца Фридриха, втораго сына Короля, начало и довело теперь ихъ до цвѣтущаго состоянія. Собраны были изъ всѣхъ Нидерландовъ не имѣющія пропитанія и работы семейства и бродяги, поселены на дикомъ мѣстѣ въ Дрентѣ, не далеко отъ Утрехта, и, при небольшомъ пособіи, въ 1822 году уже существовалъ въ Нидерландахъ новый городокъ, *Фридриxово селеніе*, гдѣ 3500 человѣкъ обоего пола были призрѣны, одѣты, обуты, сыты, и составили собою 3500 человѣкъ полезныхъ гражданъ. Тогда-же начатъ былъ другой городокъ, который нынѣ также представляетъ картину умѣреннаго довольства, и черезъ нѣсколько лѣтъ нищенство и бродяжничество совершенно истребятся въ Нидерландскомъ Королевствѣ, умноживъ производительныя силы государства. Это событіе заслуживаетъ особенное вниманіе каждаго просвѣщеннаго гражданина, въ каждомъ просвѣщенномъ государствѣ.

Digitized by Google

Содержатель Парижской Итальянской Оперы объявилъ, что не смотря на 20,000 франковъ Королевскаго пособія, и огромные сборы, онъ не можетъ имѣть Итальянскаго театра въ Парижѣ цѣлый годъ, и обязывается содержать его только полгода; остальные шесть мѣсяцовъ хочетъ онъ употребить на спектакли въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ, дабы дополнить недостатокъ доходовъ. Можно судить о томъ, чего стоитъ въ Парижѣ содержаніе Оперы Итальянской, если узнаемъ, какое жалованье получаютъ главные пѣвцы и пѣвицы. Г-жа Малибранъ, *первая пѣвица*, получаетъ 75,000 франковъ и бенефисъ; дѣвица Зонтагъ 35 т., два мѣсяца отпуска и бенефисъ; дѣвица Пизарони 42 т., Г-жа Блазисъ 36 т., Г-нъ Донзелли 37 т., Г-нъ Барбаджа, первый теноръ, 50 т., Зукелли 26 т., Бордоньи 25 т., Г-нъ Зуколи 23,000 франковъ.

Изволите чѣмъ нибудь испугать людей! Въ прошломъ году, когда разнесся слухъ, что въ 1832 году комета толкнетъ нашу землю, отъ чего вода подымется въ ровень съ высочайшими горами, люди заговорили, испугались, струсили; но надолго ли? Теперь такъ-же мало говорятъ и думаютъ о толчкѣ кометы, какъ о прошлогодней модѣ на шляпки. Мы хотѣли перевесть для нашихъ читателей статью, которая, изъ *Ежемѣсячной Переписки* (Monatliche Correspondenz, т. XXII), издававшейся лѣтъ двадцать тому, перепечатана была въ *Астрономическихъ извѣстіяхъ* (Astronom. Nachrichten, Beilage zu № 128) Барона Цаха,

но побоялись математическими вычетами испугать читателей. Статья эта писана астрономомъ Ольберсомъ, и онъ доказываетъ, что одна изъ комет *непремѣнно должна встрѣтиться съ землею.* Но когда, и какъ? вотъ вопросъ! Г-нъ Ольберсъ доказываетъ, что комет, проходящихъ черезъ нашу солнечную систему, должно быть 439 милльоновъ, и что *въ теченіе* 219,631,150 *лѣтъ одна изъ комет должна встрѣтиться съ землею.* «Чего-жь и думать? Есть время подождать!» скажутъ многіе. Извините, ММ. ГГ. дѣло идетъ о землѣ нашей, и тутъ не велика важность 70 или 100 лѣтъ, которые вы предполагаете прожить. Важно то, что *когда нибудь* комета толкнетъ нашу землю. Въ 1770 году, одна изъ такихъ гостей подошла къ землѣ на шесть такихъ разстояній, въ какомъ находится мѣсяцъ отъ земли, а по вѣрному вычету, въ теченіе 88,000 лѣтъ одна комета будетъ отъ земли такъ-же близко, какъ мѣсяцъ. Впрочемъ, кому какая надобность, что будущее поколѣніе разсмотритъ какую нибудь комету лучше нашего, или что какая нибудь комета даже и задѣнетъ его! *Что было то видѣли, что будетъ то увидимъ,* прекрасное правило! Одному только-бы хотѣлось выиграть процессъ; другому продать товаръ, третьему додержать безъ убытка откупъ, четвертому не быть обойдену при наградѣ крестомъ. Счастливые люди! Недавно давали въ Москвѣ Гайденово *Сотвореніе міра*, и тутъ были слушатели — спокойно спавшіе. Скажемъ-ли имъ: «*счастливые* люди?» Не сказать-ли лучше: «зачѣмъ вы приходили въ концертную залу?» И послѣ

Digitized by Google

этого можетъ быть кое у кого придется спросить: за чѣмъ-же ты называешься: *человѣкъ*, т. е. твореніе, одаренное разумомъ? Спавшіе слушатели Гайденовой Ораторіи, вѣроятно, отвѣтятъ всемогущимъ словомъ: *такъ*! Что, если и на вопросъ: *для чего* ты называешься *человѣкомъ*, будутъ отвѣчать: *а мы почему знаемъ? Такъ*!

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Un gros de Naples tout nouveau, fond chamois à raies vertes et violettes, espacées de trois doigts, sert à faire des chapeaux et des capotes. La passe des chapeaux est étroite des côtés et large du devant: le dessus de la forme est plissé en coquille. On met sur ces chapeaux des plumes vertes et des plumes violettes. La garniture des capotes consiste en longues boucles de rubans verts et violets placées sur la forme et sous la passe.

Les chapeaux de crêpe crêpé jaune citron ou bleu anglais, sont très à la mode; on fixe au bas de leur forme, avec une rosette de ruban de gaze, une branche de lilas à trois grappes. La direction de cette branche est verticale: en dessous, une haute blonde fait le tour de la passe.

Pour la promenade en voiture et pour les soirées, ce sont des chapeaux, dits *à la François Ier*, dont la passe large est recoquillée du devant et laisse voir une très longue plume, qui, dans sa partie inférieure, touche les cheveux.

Le dessus de forme des chapeaux de grande parure est plissé en coquille.

Quelques capotes de gros de Naples vert anglais ont une

(*) До 15 Марта (н. с.) 1829 г.

Digitized by Google

ruche de blonde noire au bord de la passe, et de plus un demi-voile de blonde.

Vendredi de la semaine dernière, plusieurs élégantes profitant d'un beau soleil, étaient descendues de leurs voitures, et se promenaient dans la contre-allée du bois de Boulogne. Elles avaient, toutefois gardé leurs robes de velours, leurs boas et leurs manchons.

Les hommes étaient en redingote brune ou bleu de roi, à double rangée de boutons, gilet blanc ou d'étoffe de soie brune, pantalon gris-jaunâtre, et bottes à talons hauts.

Les parures en pierres de couleur ne sont plus nommées *arlequines*, mais *écossaises*. Au lieu d'un *collier-arlequin*, c'est une *chaîne-écossaise* que désire une jeune mariée. Les boucles d'oreilles, les bracelets, l'épingle *à la Sévigné*, la boucle de ceinture à pendeloques pour mettre par devant, ou la boucle de ceinture en carré long à placer par derrière, les bagues, tout cela en pierres alternativement rouges, bleues, jaunes, vertes, violettes, blanches, de couleurs foncées ou de nuances tendres, de nature opaque ou transparente, porte le nom de *bijoux écossais*. Le complément est un papillon, ou bien trois fleurs qui vacillent.

On met quelquefois des boutons d'acier sur un gilet de soie. Sur un gilet de petit velours, les boutons sont en or.

Les cravates noires ne sont plus en taffetas, mais en satin.

Головные уборы. Совершенно новый гроденапль, цвѣта берны, съ зелеными и фіолетовыми полосками, отстоящими одна отъ другой на три пальца, употребляется на шляпки. Поля такихъ шляпокъ узки по обѣимъ сторонамъ и широки спереди; верхъ тульи дѣлается раковиною; ихъ убираютъ зелеными и фіолетовыми перьями. Шляпки-капоты изъ сего гроденапля убираютъ длинными банпами изъ

Digitized by Google

зеленыхъ и фіолетовыхъ лентъ, которые находятся на тульѣ и подъ полями.

Шляпки изъ крепъ-крепе, цвѣтовъ желтаго-лимоннаго и голубаго, называемаго bleu Anglais, въ большой модѣ. Внизу тульи такихъ шляпокъ, розетною изъ газовыхъ лентъ утверждаютъ вѣшку сирени: она должна быть поставлена прямо; внизу, вокругъ полей, идутъ широкія блонды.

Для прогулокъ въ каретѣ и на вечера надѣваютъ шляпки *Франциска* 1-го, у которыхъ поля широкія, спереди согнутыя, и длинное перо.

Верхъ тульи у нарядной шляпки дѣлается раковиною.

Нѣкоторые изъ гроденаплевыхъ шляпокъ-капотовъ, цвѣта зеленаго, называемаго vert-anglais, убираются рюшемъ изъ черныхъ блондъ по краямъ полей, и блондовымъ полу-вуалемъ.

Костюмы для прогулокъ. Въ пятницу на прошедшей недѣлѣ, многія щеголихи, пользуясь ясною погодою, вышли изъ каретъ и прогуливались въ аллеяхъ лѣса Булоньскаго. Онѣ были въ бархатныхъ платьяхъ, съ боа, и съ муфтами.

Мужчины были въ темныхъ, или синихъ (цвѣта называемаго bleu de roi) сюртучкахъ, съ двумя рядами пуговицъ, въ бѣлыхъ, или изъ темной шелковой матеріи жилетахъ; панталонахъ, цвѣта сѣро-желтопатаго; въ сапогахъ, съ высокими каблуками.

Модныя мѣлочи. Галантерейныя вещи изъ цвѣтныхъ камней называютъ уже нынѣ не *Арлекинами*, но *Шотландскими*. Вмѣсто *ожерелья-Арлекина*, молодая супруга требуетъ у мужа своего *Шотландской цѣпи*. Серги, браслеты, булавки à la Sévigné,

Digitized by Google

пряжки поясныя съ подвѣсками, застегиваемыя спереди, пряжки поясныя, продолговатыя, четырехъугольныя, застегиваемыя сзади шалін, перстни, все это, если оно пестро, сдѣлано изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ, красныхъ, голубыхъ, желтыхъ, зеленыхъ, фіолетовыхъ, бѣлыхъ, темныхъ цвѣтовъ и нѣжныхъ оттѣнковъ, прозрачныхъ или тусклыхъ каменьевъ, называется — bijoux écossais. Прибавьте къ этому и бабочку, или лучше сказать, три цвѣтка, на дрожащемъ стебелькѣ.

Мужскія моды. На шелковые жилеты ставятъ иногда стальныя пуговицы, а на бархатные жилеты пуговицы золотыя. — Черные галстухи дѣлаютъ атласные.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама.* Бархатная шляпка; платье изъ кашемирской шали, вышитое шелкомъ; шумаковое боа.

2. *Мужчина.* Пуховая шляпа; суконный сюртукъ и суконные панталоны; гургурановый жилетъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Марта 23 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 6. *Мартъ* 1829.

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

ИСКУСТВА УКРАШАТЬ САДЫ.

(Окончаніе).

Но у Ленотра не было-ли соперниковъ? Природа и друзья оной не возставали-ль на него? Если усиливается, какая-бы то ни было, исключительная система, всегда начинается и противодѣйствующая система, и если уже существуетъ она, то долженъ быть и какой-нибудь представитель, провозвѣстникъ оной; такъ и противъ Ленотра долженствовалъ явиться какой-нибудь соперникъ. Дѣйствительно, онъ явился. Кто-же онъ былъ? Никто другой, какъ одинъ изъ каммердинеровъ Короля. Всѣ знаютъ комедіи Дюфреня; но не всякій знаетъ, что этотъ умный человѣкъ былъ способенъ ко многимъ родамъ занятій, и имѣлъ дарованія ко всѣмъ Изящнымъ Искуствамъ. Не зная Музыки, онъ сочинялъ аріи для оперъ и пѣлъ ихъ Грандвалю, который клалъ ихъ на ноты. Онъ

Digitized by Google

умѣлъ вырѣзывать фигурки, и составлялъ прекрасные ландшафты изъ клочковъ эстамповъ, которые онъ разрѣзывалъ и наклеивалъ на картоны. Слава объ его искуствѣ и дарованіяхъ была такъ велика, что Аббатъ Пажо, другъ его, имѣвшій прекрасный домъ подлѣ Венсана, вмѣсто того, чтобы отнестись къ Ленотру, или его ученикамъ, просилъ Дюфреня составить ему планъ сада. Взглянувъ на мѣстоположеніе, неровное и странное, Дюфренъ вдругъ началъ думать о нововведеніяхъ, и отбросивъ линейку и вашерпасъ, онъ устроилъ садъ совершенно неправильный. Въ немъ не было ни одной прямой аллеи, ни газоновъ, ни деревьевъ, расположенныхъ группами; словомъ: это было маленькое сокращеніе ландшафтовъ.

Такая новость надѣлала много шуму; толпами пріѣзжали смотрѣть садъ Аббата Пажо. Нѣкто Миньо, и другіе, послѣдовали примѣру Аббата, и ввѣрили сады свои Дюфрену. Наконецъ, успѣхи его были такъ велики, система его пріобрѣла такую довѣренность, что чрезъ нѣсколько времени, когда надобно было строить Версаль, и устроивать тамъ сады, Дюфренъ осмѣлился соперничать съ Ленотромъ, и представилъ Королю свой планъ. Сей планъ состоялъ въ томъ, что Дюфренъ хотѣлъ превратить въ обширное поле все пространство, занимаемое нынѣ паркомъ и Тріанонами, и надѣлать тутъ разныхъ

Digitized by Google

живописныхъ явленій, болѣе или менѣе искуственныхъ и странныхъ; тушъ хотѣлъ онъ еще настроить (какъ украшенія ландшафта) тамъ и сямъ церквей, деревень, ущесовъ, развалинъ.

Всего необыкновеннѣе было въ семъ случаѣ, что Король колебался. Его великолѣпіе не было оскорблено тѣмъ, что̀ заключалось сельскаго, мѣщанскаго въ этомъ планѣ: нововведеніе было столь смѣло, что возбудило его вниманіе; онъ назначилъ пенсіонъ Дюфрену, но Ленотру препоручилъ устройство Версальскихъ садовъ; да по совѣсти Людовикъ XIV и не могъ измѣнить Ленотру, какъ послѣдователю системы порядка и симметріи, бывшихъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій Людовика XIV.

Что касается до системы Дюфрена, удача ея была непродолжительна. Выборъ Монарха сдѣлался указомъ Двору. Тотчасъ забыли нововводителя и его самовольныя выдумки, и начали удивляться только Версали и Ленотру. Садъ Аббата Пажо сдѣлался даже смѣшнымъ, и никто уже, не боясь прослыть самовольникомъ или дуракомъ, не смѣлъ устроить себѣ что нибудь подобное. Самъ Дюфрень, не столько любившій свои понятія о садахъ, сколько свое спокойствіе и удовольствія, остерегался вступать въ борьбу, и признавалъ себя побѣжденнымъ. Его подвижное воображеніе внушило уже ему новое занятіе: онъ от-

Digitized by Google

казался отъ садовъ, отъ придворной жизни, и началъ въ Парижѣ писать комедіи.

Но система его, изгнанная изъ Франціи, удалилась въ землю менѣе неблагодарную. Въ то время Англія, не такъ какъ материкъ Европы, испытала уже революціи, и привыкла къ нимъ. Она ласково встрѣтила идеи нашего беззаботнаго нововводителя, и онѣ такъ понравились Англіи, что она присвоила даже себѣ начало ихъ. И то правда, что Англія, какъ будто была предназначена къ живописной системѣ садовъ: и въ садахъ и въ Поэзіи, отечество Шекспира долженствовало быть врагомъ Французскаго вкуса. Между тѣмъ, Французскій вкусъ владычествовалъ въ Англіи: Стуарты ввели его, и до самаго паденія ихъ, онъ былъ въ модѣ. Но вмѣсто того, чтобы остаться вѣрными строгому, величественному стилю Ленотра, Англійскіе садовники прежде всего переняли у Французовъ всѣ пустяки, всѣ ребячества ихъ садовъ. Они только и знали, что прильяжи, бесѣдки изъ зелени, вырѣзки и фестоны деревьевъ. Но когда къ этому первому водворенію дурнаго вкуса начали еще присовокуплять обрѣзанныя площадки, угольники, зигзаги, и другія симметрическія мѣлочи, привезенныя Королемъ Вильгельмомъ изъ Голландіи, то клики негодованія раздались со всѣхъ сторонъ, и мода на живописные сады явилась у Англичанъ во всей силѣ. Бриджеменъ и Эйръ первые подали голосъ

Digitized by Google

въ пользу ихъ, Броунъ послѣдовалъ примѣру и помогалъ усильно; Кентъ нанесъ послѣдній ударъ противному вкусу. Кентъ, какъ нашъ Ленотръ, былъ одинъ изъ тѣхъ строгихъ людей, которые, оградившись одною системою, не подаются ни на какія уступки въ пользу другой. Онъ положилъ въ основаніе мысль, что Природа есть обширный садъ; что она одна представляетъ образецъ садовъ, и что слѣдственно, дабы устроить искуственный садъ, есть одно средство, именно: должно списывать Природу, списывать черта въ черту, и вполнѣ, то есть безъ выбора. Садъ, незаключающій въ себѣ образчика всѣхъ главныхъ измѣненій Природы, не есть настоящій садъ, ибо не походитъ на обширный образецъ садовъ, а представляетъ только неполное сокращеніе. Такимъ образомъ, Кентъ началъ подражать Природѣ, и довелъ точность подражанія до самаго страннаго мѣлочничества. Не довольно было ему ввести въ сады свои необработанныя земли, пески, дикіе кустарники, полуразрушившіеся домы, полусгорѣвшія хижины: въ садахъ Кензингтонскихъ, онъ насадилъ даже сухихъ деревьевъ, чтобы придать своему ландшафту самый вѣрный характеръ образца.

Сія роскошь подражанія была впрочемъ необходимымъ слѣдствіемъ начала, отъ коего пошелъ Кентъ, то есть: исключительности живописной

Digitized by Google

системы. Когда вы не хотите прибѣгать къ искусству, когда смотрите, какъ на преступленіе, на всякую уборку, всякое облагороженіе природы, вы трудитесь не для того, чтобы нравиться; вы будете имѣть цѣлью совсѣмъ другое: быть истиннымъ: цѣль, какъ намъ кажется, недостаточная. Но Англія удовольствовалась ею. Англія такъ нетерпѣливо хотѣла выйдти изъ своихъ зеленѣющихъ оградъ, освободиться отъ своихъ стриженыхъ деревъ, и дышать внѣ своихъ скучныхъ бесѣдокъ, что съ восторгомъ приняла все предложенное ей нововводителями. Одни, подобно Кенту, осуществляли систему подражанія природѣ во всей ея строгости; другіе не старались о точнѣйшемъ подражаніи природѣ, но не переставали быть вѣрными неправильности. *Не надобно симметріи, какова-бы ни была она, хороша или дурна*: таково было правило нашихъ сосѣдовъ, и донынѣ они ни сколько не перемѣнили его.

Но между тѣмъ, какъ всѣ парки Англійскіе были такимъ образомъ въ движеніи и въ революціи, что̀ дѣлала Франція? Она оставалась неподвижною, остановившеюся. Напрасно память о славѣ Ленотра измѣнялась безпрестанно; напрасно правильный стиль дѣлался страннымъ, манернымъ, смѣшнымъ: Ленотръ все былъ обожаемъ; тѣнь его все еще держала скипетръ садоводства. Тогда было у насъ время продолжительности мнѣ-

Digitized by Google

вій. Вспомните о музыкѣ Люлли: на 70-мъ году бывшія сей музыки, точно какъ и при началѣ оной, число удивлявшихся ей не уменьшалось; посмотрите на всѣ другія искусства: одинаковое долголѣтіе! Можно было сказать, что въ этомъ отношеніи не существовала Французская легкость. Но очарованіе приходило къ концу. Буйнымъ, безпокойнымъ шагомъ приближалась Философія; въ полголоса начинали говорить во Франціи о Природѣ, о независимости садовъ, а это не обѣщало добра спряженымъ деревьямъ и обрубленнымъ кустарникамъ. Еще не наступалъ часъ ихъ; еще не смѣли явно проповѣдывать любви къ безподмѣсной Природѣ, и только толковали о любви къ пастушеству, о сельскихъ добродѣтеляхъ. Философія, еще робкая, одѣвалась въ крестьянку. Остроты слова Коласа, или Мапюрена, и сентенціи Колеты служили предисловіемъ, предуготовленіемъ къ *Эмилю* и *Рѣчи о неравенствѣ состояній*. Что-же? Ничто не мѣшало усвоить пастушество симметрическимъ садамъ. Глиняный Мапюренъ, съ посошкомъ въ рукѣ, и Колета съ прялкою, образовывали прелестную фигуру подлѣ писовъ, обстриженныхъ на подобіе овецъ, охраняемыхъ собачкою, выстриженною изъ газона.

Благодаря пастушеству, переворотъ отдалился еще на нѣсколько лѣтъ; но онъ загремѣлъ наконецъ, съ шумомъ, съ громкимъ воплемъ прошивъ человѣчества, искусствъ, наукъ и граждан-

Digitized by Google

ской образованности. *Да здравствуетъ Природа! Да здравствуетъ первобытный человѣкъ!* восклицали Риторы—и эхо залъ откликалось въ свой чередъ: «*Да здравствуетъ человѣкъ, житель лѣсовъ! да здравствуютъ дѣвственные лѣса! да здравствуютъ матери, не пеленающія дѣтей своихъ! да здравствуютъ садовники, которые не стригутъ деревьевъ!* Завитыя, напудренныя, напомаженныя головы, одна передъ другою, спорили о томъ, кто скорѣе объявитъ себя варваромъ и первобытнымъ человѣкомъ, кто лучше придетъ въ умиленіе при одномъ имени Природы. Достаточно было, разумѣется, и этой сантиментальной лихорадки, дабы съ корнемъ ниспровергнуть всѣ большія и малыя Версали, коими усѣяна была Франція. Но когда къ этому пропиво-симметрическому порыву присоединился еще жестокій припадокъ *Англолюбія*, сопровождавшійся вскорѣ введеніемъ во Францію многочисленнаго количества иностранныхъ деревьевъ, нѣжные, прелестные листья коихъ отказывались отъ оскорбленія и обиды ножницъ и рѣзца; когда, наконецъ, самая политика присоединилась, казалось, къ бѣшеному заговору противъ несчастныхъ правильныхъ садовъ, какъ будто-бы они были сообщники и подпоры стариннаго порядка дѣлъ, между тѣмъ какъ соперники ихъ, неправильные сады, казались залогомъ Англійской свободы и символомъ Англійскихъ

Digitized by Google

Парламентовъ, страсть къ реформѣ совершенно вышла изъ предѣловъ: это былъ общій приступъ на издыхающую систему; повсюду застучали топоры, и безъ жалости изрублены были прямыя аллеи, боскеты, бесѣдки: все падало и сокрушалось, какъ стѣны Іерихонскія. Таково зрѣлище, которое представляетъ намъ исторія садовъ во Франціи, лѣтъ за шестьдесятъ до нашего времени.

Но едва явилась между нами *живописная система* садовъ, какъ внутреннее междоусобіе началось между ея послѣдователями. Съ одной стороны принялись за вкусъ Китайцовъ; съ другой пристрастились ко вкусу Англичанъ. Въ сей мимолетной борьбѣ, кажется, что за Китайцами остался тогда выигрышъ; впрочемъ: узнать, за ними-ли именно, дѣло невозможное, ибо Китайскій и Англійскій вкусъ въ садоводствѣ Французовъ разнились между собою весьма мало. *Англійскимъ* называли у насъ тогда вкусъ, не имѣвшій никакого отношенія къ системѣ Кента; это совсѣмъ не было подражаніе явленіямъ природы, но самая нелѣпая роскошь на искривленныя дорожки, змѣистыя аллеи, лабиринты и улитокъ. Что такое почитаютъ своимъ вкусомъ Китайцы, мы не знали, и Французскіе послѣдователи Китайцовъ употребляли сей вкусъ предлогомъ только для устройства кривыхъ дорожекъ. Такимъ образомъ, поборники обѣихъ сторонъ ребя-

Digitized by Google

чились: одни разсыпали въ садахъ кривыя бесѣдки, подъ названіемъ пагодовъ, кіосковъ, зонтиковъ и колоколовъ; другіе тратили деньги на устройство утесовъ изъ крашенаго алебастра, постройку храмовъ и развалинъ, и обдѣлку мостиковъ съ одного клочка газона на другой, по сухому мѣсту.

Друзья Природы возстали противъ всѣхъ такихъ шалостей, и сильными спорами подвергли опасности всю систему нововведеній. Имъ удалось насмѣшками обратить многихъ къ старинной симметріи; желая болѣе успѣховъ, они принялись писать. Сперва перевели книги Уателея и Горація Вальполя; потомъ Вателе написалъ свое разсужденіе. Жирарденъ, щедро заплатившій свой долгъ живописной системѣ въ устройствѣ Эрменонвиля, издалъ любопытную брошюрку; наконецъ архитекторъ Морель написалъ два тома, отчасти на тонъ элегіи, отчасти на тонъ диѳирамба. Но полчища прозаиковъ, казалось, все еще недостаточно: для предводительства ихъ надобенъ былъ поэтъ, и къ сему подвигу вызвался Аббатъ Делиль. На дудочкѣ, которую называлъ онъ лирою, очень мило проиграны были имъ четыре огромныя пѣсни, въ честь естественныхъ садовъ. Делилева поэма, какъ извѣстно, долго была единственнымъ руководствомъ въ садоводствѣ, для обитателей Парижскихъ гостиныхъ: средство сильное, которое могло ввести въ до-

Digitized by Google

ѣренность и благосклонность превосходные уроки, въ поэмѣ Делиля заключающіеся.

Когда Поэзія однажды призвана была на помощь, живописная система не могла не восторжествовать. И то правда, что, можетъ быть, еще болѣе убѣдительныя доказательства явились тогда въ ея пользу. Эрменонвиль, Мулень-Жоли, Прюней, Ле-Ринси, Меревилль и множество другихъ великолѣпныхъ парковъ, какъ будто очарованіемъ устроившихся окрестъ Парижа, были доказательствами вкуса публики, гораздо сильнѣйшими всѣхъ дидактическихъ фразъ Делиля. Сіи сады пріобрѣли успѣхъ необыкновенный, и надобно сказать, что по многимъ отношеніямъ они достойны были своей знаменитости, особливо достойны ея нынѣ, когда растительность вполнѣ развила въ нихъ свои величественныя формы. Въ нихъ находимъ мы картины, превосходно составленныя, и ландшафты, почти естественныя: кажется, больше этого нѣчего сказать въ похвалу. Пусть-же защитники ихъ согласятся съ нами и въ томъ, что самыя маленькія мѣлочи и игрушки разсыпаны въ нихъ съ довольнымъ изобиліемъ. Вы видите въ сихъ садахъ не только грошы, пустыни, гробницы, но и деревни безъ жителей, мызы безъ мызниковъ, и хижины, выстроенныя какъ будто для смѣха: это чистое ребячество; это значитъ играть Природою, какъ маленькія дѣвочки играютъ въ дамы. Но еще болѣе смѣшна

Digitized by Google

роскошь на надписи, сенпенціи, нравственныя и романическія фразы, которыя встрѣчаете вы повсюду, которыя вездѣ загораживаютъ вамъ дорогу. Вамъ не позволяютъ самому думать; вамъ надуваютъ въ уши безпрерывно чужія мысли. Кажется, что владѣтель сада безпрестанно ходитъ съ вами и шепчетъ вамъ на ухо: «*Здѣсь, сударь, надобно немного помечтать; тамъ, подлѣ ручья, прошу васъ вздохнуть; когда вы подойдете къ водопаду, придите въ восхищеніе.*» Присоедините еще къ этимъ пустякамъ, болѣе нежели дѣтское смѣшеніе памятниковъ всѣхъ вѣковъ, и со всѣхъ частей свѣта: феодальный замокъ подлѣ Греческаго храма; Русскую избушку подлѣ Швейцарскаго шалаша, и урну Петрарка подлѣ гробницы Капитана Кука.

Будемъ впрочемъ справедливы; съ двадцати, а особливо съ десяти послѣднихъ лѣтъ, живописцы-садовники отказались отъ фальшивой шумихи, послѣдней развалины Англо-Китайскаго вкуса. Сады, насажденные съ сей послѣдней эпохи, почти не представляютъ намъ слѣдовъ изысканности, ни украшеній, слишкомъ выисканныхъ; напротивъ: простота, которую можно назвать благоразумною, кажется, руководствовала при ихъ расположеніи. Воображенію и чувствамъ сдѣланъ рѣшительный отпускъ. Трава, деревья, кусты, едва нѣсколько цвѣтовъ: и вотъ весь садъ вполнѣ. Если есть строенія, то ихъ немного, и

Digitized by Google

они не для того только поставлены, чтобы обманывать зрѣніе: это павильоны для занятій, для отдыха, молочни, хлѣвы, голубятни. Зрителя все еще иногда обманываютъ, но уже не по прежнему грубо. Тщательно скрыть стѣну, помощію группы деревьевъ искусно разсчисленныхъ, замѣнить здѣсь или тамъ огородки рвами или канавами, и такимъ образомъ соединить съ садомъ сосѣднее поле и деревню; разбить аллеи, легко искривленныя, но никогда не перегибать ихъ, и иногда дѣлать аллеи просто прямыя; наконецъ дать неровностямъ земли неправильность, но не излишнюю неправильность: таковы нынѣ старанія искусства, такова послѣдняя граница, до которой достигла живописная система садовъ.

Но послѣдняя-ли это граница искусства украшать сады? Не думаемъ; нѣтъ сомнѣнія, что сей родъ украшенія садовъ, простой, легкій, пристойный, заслуживаетъ наше уваженіе. Уже и то много значитъ, что мы отказались отъ изысканнаго и ложнаго; значитъ и то что-нибудь, если мы сдѣлались бережливы на уборы, и наконецъ, можетъ быть, много садовъ, которымъ только нынѣшній, простой вкусъ, приличенъ. Когда жилища наши строятся нынѣ просто и естественно, ничто вокругъ ихъ не должно быть черезъ чуръ изукрашено: искусство не имѣетъ тутъ права показываться; ему надобно прятаться. Если такъ, то не думайте, что вы разводите садъ;

Digitized by Google

показывайте видъ, что вы хотите оставить Природу, какъ она есть; это всего лучше. Но, если уже вы хотите создать предметъ Искусства, если вы хотите дать жилищу вашему друга, его достойнаго, т. е. благороднаго, изящнаго, величественнаго, и если я вижу, что для достиженія сей цѣли, вы, съ большими издержками вашими, довольствуетесь подражаніемъ въ вашей загородкѣ тому, что дѣлается внѣ оной, и вмѣсто поэтическихъ, изящныхъ украшеній, садите, какъ Кентъ, сухія деревья, позвольте мнѣ остановить васъ, и показать вамъ, сколь пошло, ложно, недостаточно и неполно мнимое Искусство, или, лучше сказать, искусничанье, взятое вами въ руководство. Что̀ хотите вы сдѣлать? Обманъ для зрѣнія? Вы хотите плутовать противъ друзей, которыхъ поведете въ свой паркъ? Хотите наслаждаться ихъ обманомъ и вашею мѣлочною ловкостью? Но, прежде всего скажу вамъ, что вы ихъ не обманете: будьте въ этомъ увѣрены; да если и обманете, какое-же бѣдное то искусство, которое за величайшее себѣ достоинство поставляетъ обманывать людей! Гораздо лучше его будетъ Искусство такое, которое, не надѣвая маски, умѣетъ нравиться намъ и обольщать насъ. И такъ: прочь лицемѣрство; повѣрьте, что это всего лучше; скажите откровенно, что вы устроиваете садъ, и потомъ постараемся сдѣлать его изящнымъ.

Что̀ такое *садъ*? Опредѣленіе сего слова не-

Digitized by Google

сомнительно: это мѣсто, предназначенное для прогулки, и расположенное въ тоже время для увеселенія зрѣнія. Соглашаемся, что путь еще ничто не прошибился вамъ взять за образецъ просто деревню, потому, что мы съ наслажденіемъ прогуливаемся въ поляхъ и лѣсахъ, и зрѣніе наше часто бываетъ развлечено тамъ весьма пріятно. Но не позабудемъ важной статьи: садъ есть собственно принадлежность жилища; онъ служитъ ему товарищемъ, окруженіемъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ, это лишняя комната, прибавокъ къ дому. Какимъ-же образомъ Искусству, построившему и украсившему домъ, отказать въ правѣ вмѣшаться въ устройство и уврашеніе внѣшняго дома? Не надобно-ли согласить этотъ внѣшній съ настоящимъ домомъ? Ваятель обдѣлываетъ не одну только статую: онъ обрисовываетъ ее внѣшнимъ образомъ, онъ обдѣлываетъ и пьедесталъ оной. Уважьте-же границы, которыя мы начертали для сада. Пусть за ними все подражаетъ чему угодно, оставьте все, какъ оно есть; пусть Природа будетъ въ своемъ шлафрокѣ; это хорошо, прекрасно! Но окрестъ жилища, которое не выросло безпорядочно на своемъ мѣстѣ, какъ дикое дерево, которое своими фризами, карнизами, линіями, колоннами переноситъ меня въ область Искусствъ, дозвольте свободно дѣйствовать Искусству, дайте ему безъ закрытія выказать свои уборы, свое богатство, свое изящество.

Digitized by Google

Тайна вкуса вся состоитъ въ выборѣ украшеній, коими скрываютъ переходъ отъ Искусства къ Природѣ; отъ того изъ сада должно дѣлать родъ преддверія, приличнаго стилю обиталища. Архитектура, или, по крайней мѣрѣ, камень и мраморъ, не всегда бываютъ шутъ необходимы. Если фасадъ вашего жилища простъ, если комнаты ваши болѣе удобны, нежели блестящи, болѣе изящны, нежели богаты: изобилію цвѣтовъ, группированныхъ этажами, на достаточномъ пространствѣ, расположенныхъ корзинами, купами, амфитеатрами, можетъ быть, доставитъ вамъ самое вѣрное средство соединить произведеніе Зодчества съ произведеніемъ ландшафтной Живописи.

Но, если я вижу фасадъ богатаго, украшеннаго стиля, если вижу въ залахъ вашихъ размѣры величественные и огромные, тогда чего бояться нагородить каменьевъ подлѣ дома? Вашему зданію надобенъ огромный пьедесталъ. Противоположность будетъ слишкомъ поразительна, если вы заставите меня изъ вашихъ величественныхъ залъ перепрыгнуть прямо въ поле, или на сельскій лужокъ. Я хочу сойдти въ садъ вашъ по широкому, величественно проложенному уклону; на дорогѣ мнѣ надобно видѣть болѣе цвѣтовъ, кустовъ, расшѣній, дорогихъ, обольщающихъ меня своими оттѣнками, различіемъ формъ, продолжающихъ для меня богатство меблировки вашихъ залъ. Не уравнивайте подъ ногами моими уклона, и не ведите

Digitized by Google

меня обманчивыми изворотами на долину; мнѣ пріятнѣе остановишься у васъ на величественной террасѣ, которую купы деревьевъ искусно вѣнчаютъ своею тѣнью, когда въ тоже время ниже ея видны мнѣ длинныя прошяженія балюстрадъ, по которымъ зрѣніе мое съ удовольствіемъ скользитъ, какъ по узору драгоцѣннаго кружева. Благодаря симъ созданіямъ Искусства, въ садѣ своемъ вы дадите вашему жилищу согласнаго съ нимъ повараща, который увеличитъ красоту его. Но это еще не все; сойдите сами въ совершенно-дикую часть вашего парка, обратитесь къ вашему жилищу, и посмотрите: какое волшебное дѣйствіе произвели вы своими архитектурными линіями! Посмотрите, какъ все ихъ окружающее приняло характеръ благородный, гордый, торжественный. Линіи, въ отношеніи къ Природѣ, тоже, что мѣра и ритма къ поэтической мысли: онѣ облагораживаютъ, онѣ совершенствуютъ поэзію ландшафтовъ.

Такъ, надобно признаться: этой-то поэзіи и нѣтъ въ новѣйшихъ садахъ нашихъ; не споримъ, что такой недостатокъ не мѣшаетъ имъ быть прелестными, и великіе успѣхи ихъ вѣрные этого доказательства. Можетъ быть, прозаическая простота ихъ, то, что мы осмѣливаемся называть ихъ недостаткомъ, даже есть главная причина ихъ успѣховъ, ибо она поставляетъ ихъ въ соотвѣтственность съ нынѣшнимъ вкусомъ публи-

Digitized by Google

ки во всемъ, съ холоднымъ, разсудительнымъ расположеніемъ нынѣшнихъ умовъ. Живописная система садовъ, такая, какова она нынѣ, совершенно соотвѣтствуетъ тому, что въ литтературѣ называютъ *школою дѣйствительности*, школою, у которой мы, менѣе всякаго другаго, рѣшимся оспоривать достоинство, и то, что она явилась очень кстати. Но какъ-бы благосклонно ни принимала публика новыя комедіи, разсчитанныя по дѣйствительной, неукрашенной природѣ, какъ-бы ни любила она всѣ сіи собранія сценъ политическихъ, историческихъ, комическихъ и всякихъ, которыми наводнена наша литтература въ послѣдніе два или три года, съ нами конечно согласятся, что если не вредя истинѣ — главному достоинству сихъ твореній—мы найдемъ простое, легкое и скорое средство, ввести въ нихъ нѣсколько болѣе возвышенности, поэзіи, *идеальнаго*, такъ сказать, это будетъ новый и чистый барышъ для публики и сочинителей. Такое средство предлагаемъ мы для живописныхъ садовъ: пусть они уступятъ немного вліянію Архитектуры, и ихъ *проза* исчезнетъ. Будемъ надѣяться, что садовники-поэты согласятся на такую прибыльную уступку, и тутъ рѣчь не объ одной только прибавкѣ изящества: это средство, единственное, можетъ быть, средство обезопасить сады наши отъ прихотей новой моды, и упрочить ихъ будущность, ибо все исключительное не-

Digitized by Google

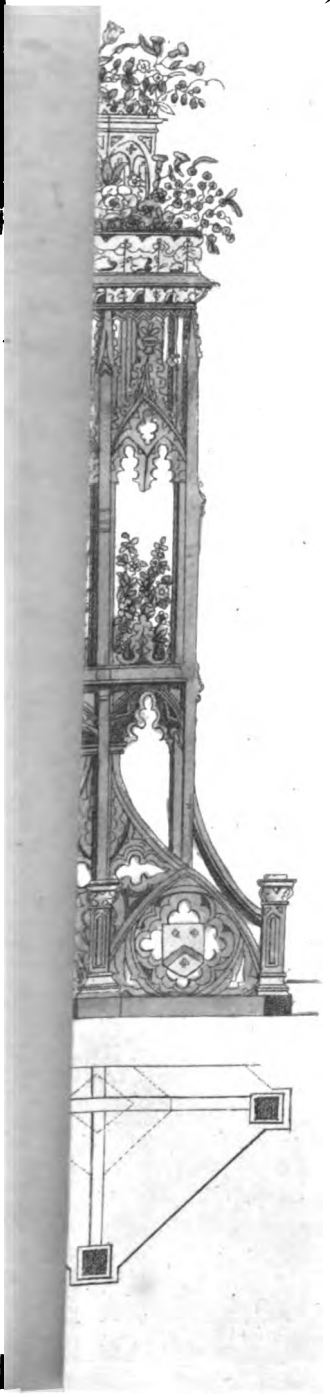
продолжительно, и необходимо носитъ въ самомъ себѣ зародышъ разрушенія. Остережемся быть въ садахъ нашихъ только естественными; будемъ нѣсколько поэтами, соединимъ въ нихъ порядокъ съ свободою. Если-же мы не хотимъ этого, то независимость наша непрочна, и вскорѣ, можетъ быть, мы дождемся новой революціи, бѣшеной, слѣпой, исключительной въ свою очередь, которая ниспровергнетъ наши подражанія Природѣ, и замѣнитъ ихъ однообразными и тяжелыми темницами старинныхъ симметрическихъ садовъ.

(Съ Франц.—Соч. Вите.)

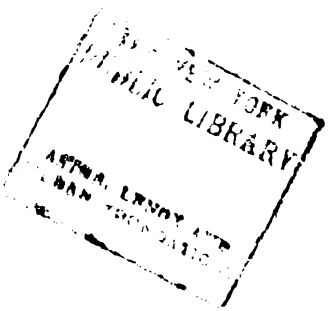
При семъ № Прибавленія приложены изображенія *Англійской ново-модной цвѣточницы, въ Готическомъ вкусѣ, и новомодной Парижской улыбальницы.*

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google



Digitized by Google

№ 7. Апрѣль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ

новыхъ народовъ. Соч. Барона Экштейна.

Статья 1-я.

I. Во всѣхъ странахъ, во всѣхъ званіяхъ общества должна была явиться потребность въ великихъ развлеченіяхъ и общественныхъ забавахъ, послѣ того какъ прекратились блистательныя празднества и турниры, осіявающіе нѣкоторые, отдаленные уже вѣка нашихъ лѣтописей такимъ-же блескомъ, какой разливаютъ на героическія времена древней Греціи общественныя, блестящія ея игры. Къ сей общей потребности всѣхъ странъ, равной для народовъ всѣхъ исповѣданій, у Протестантовъ присоединилась необходимость замѣстить отмѣненныя празднества и великолѣпныя церемоніи Католической церкви. Напротивъ въ странахъ, оставшихся при своихъ древнихъ вѣрованіяхъ, сценическія представленія естественно произошли отъ религіозныхъ обрядовъ, потому что у христіанъ, такъ-же какъ

Digitized by Google

древле у Грековъ и Индійцовъ, первымъ началомъ театральныхъ игрищъ были мистеріи; вѣрованія облекались и украшались всѣми своими символами, дабы раскрывать, среди общественныхъ торжествъ, свой величественный характеръ.

Для народовъ, достигшихъ зрѣлости въ образованіи, Поэзія Драматическая есть тоже, что Эпическая Поэзія была для народовъ въ вѣка героическіе: эпопъ ходъ ума человѣческаго можно замѣтить и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ. При началѣ искуства, Драматическая Поэзія, такъ же какъ и Эпопея, не различала родовъ трагическаго и комическаго. Общественная жизнь была еще не разъединенною: она заключала подъ одною оболочкою и, если смѣю такъ выразиться, въ одномъ, неразвернувшемся цвѣткѣ, и сладкое и горькое. Важное соединялось съ пародіею, и изъ сихъ противоположностей родилась иронія, дѣйствіе высокаго и безпристрастнаго разума: она состоитъ въ удержаніи равновѣсія между всѣми умственными силами. Иронія является легкою улыбкою при видѣ боренія страстей и нравственныхъ силъ; она бываетъ достояніемъ того, кто высшимъ умомъ проникаетъ въ сильное и слабое предметовъ, кто судитъ объ основаніяхъ, не останавливаясь на внѣшнихъ образахъ.

Начало театра бываетъ вездѣ одинаково, если

Digitized by Google

только оно не основывается на подражаніи чужеземному, то есть если оно родилось у того народа, гдѣ мы видимъ его развитіе. У Грековъ и у Индійцовъ, единственныхъ народовъ древности, имѣвшихъ самобытныя зрѣлища, находимъ два особенные элемента оныхъ. Одинъ строгій и трагическій; другой веселый, насмѣшливый, шутливый, выводящій изъ перваго значеніе, умѣряющій смыслъ онаго и осѣняющій цѣлое созданіе легкою ироніею, которая придаетъ ему особенное единство, превосходящее единство цѣлаго рода. Трагическій и комическій элементы сихъ сочиненій имѣютъ источниками своими символы, миѳы и обряды религіи. Сіи различныя начала выражаютъ противоположныя свойства природы человѣческой, иногда живописуя мрачными, ужасающими красками генія зла, являющагося во всей силѣ своего могущества, или, въ очеркахъ болѣе нѣжныхъ, такъ сказать, невольно выказывающаго свою злобу; иногда выводя на сцену благаго генія природы человѣческой, въ борьбѣ величественной, или въ легкой шуткѣ, въ играхъ, касающагося невинныхъ удовольствій жизни.

Такимъ образомъ, въ началѣ своемъ театръ былъ откровеніемъ нашей умственной природы: не принимая на себя догматическаго тона проповѣдниковъ, онъ обращался къ сердцу человѣка со своими глубокими нравственными истинами.

Digitized by Google

Онъ естественно склонялся къ идеальному искусству, являясь свободнымъ и очищеннымъ отъ всякаго близкаго примѣненія предмета къ событіямъ обыкновенной жизни. Развязка совершалась при посредничествѣ добраго или злаго могущества, обнимавшаго всю басню поэмы и соединявшаго земныя событія съ высшими опредѣленіями Божества, дабы незамѣтнымъ образомъ согласить ихъ съ таинственною природою вещей.

Если въ началѣ своемъ драматическія сочиненія представляли только грубые очерки, то тѣмъ не менѣе въ нихъ заключалось зерно самаго идеальнаго совершенства. Вы узнаете это состояніе литературы у Грековъ, гдѣ оба рода, сначала соединенные, вскорѣ раздѣлились, и видите его у Индійцовъ, у коихъ они продолжали вспомоществовать одинъ другому. У сихъ народовъ, первые опыты игрищъ трагическихъ и комическихъ устремлены были къ иносказательному изображенію борьбы мнимыхъ боговъ, изъ коихъ одни старались уничтожать, другіе поддерживать хаосъ, до того времени, когда Деміургъ сошелъ въ бездну и принудилъ непріязненныя могущества склониться подъ одинъ, общій законъ. Потому сотвореніе, слѣдствіе борьбы, послѣдуемое общимъ миромъ между двумя состязавшимися сторонами, было первою задачею Драматической Поэзіи, выражалось въ послѣдовательныхъ аллегоріяхъ и было изображаемо

Digitized by Google

труппою мимовъ, въ маскахъ и котурнахъ. Въ тоже время, сіи созданія ума являлись пародированными въ сатирическихъ представленіяхъ, гдѣ также употреблялись маски и пантомимы, и гдѣ лицами были, у Эллиновъ сатиры и циклопы, у Индійцовъ люди-обезьяны, управляемыя Гануманомъ, Паномъ ихъ Миѳологіи. Сіи аллегорическія существа забавлялись иногда надъ порядкомъ сотворенія, надъ богами, и иногда надъ человѣкомъ и всею природою; они смѣшнымъ образомъ подражали движеніямъ и дѣйствіямъ боговъ и титановъ; они передразнивали ихъ борьбы и оканчивали сіи представленія шутливымъ подражаніемъ ихъ торжественнымъ процессіямъ.

Въ позднѣйшее время, въ сіи сценическія игры, вполнѣ сосмоявшія изъ Миѳологіи, введены были слогъ и мысли болѣе изысканные: пантомима была согнана со сцены; герои и народъ въ свою очередь явились на театрѣ Древнихъ и замѣнили боговъ и сатировъ, принявшихъ такимъ образомъ форму человѣческую, но въ тоже время оставшихся невидимыми властителями событій, дабы сохранить онымъ характеръ идеальной возвышенности. На Греческомъ театрѣ народъ составлялъ хоръ въ трагедіяхъ; но на комической сценѣ онъ игралъ роль дѣятельную и совсѣмъ иначе важную. На театрѣ Индійскомъ это былъ какой-то шутъ-совѣтчикъ, изображавшійся возницею царей и воителей, мудрецомъ подъ по-

Digitized by Google

кровомъ смѣшнаго; онъ никогда не оплачался мужествомъ.

Два основные элемента, составлявшіе у древнихъ народовъ Драматическую Поэзію, раздѣлились въ Греческой Литературѣ и произвели два противоположные рода: трагедію и комедію. Причина сего различія основывается частію на главныхъ идеяхъ *изящнаго*, какія развились у Эллиновъ, частію на политическихъ началахъ, относящихся къ составу государства, ибо не должно забывать, что, особенно, и, такъ сказать, единственно въ Аѳинахъ театръ оказалъ замѣчные успѣхи на пути къ совершенству.

Въ городѣ Минервы, трагедія, которая образовалась въ важныхъ созданіяхъ Эсхила и Софокла, происходила прямо отъ мистерій: она была откровеніемъ первобытнаго, духовнаго и героическаго міра; однимъ словомъ, она была чистымъ вдохновеніемъ высшей и церковной аристократіи. Представляя предметы строго миѳологическіе, упомянутые два великіе поэта встрѣчаются съ мыслію, различнымъ образомъ смѣлою, но всегда иносказательно выраженною и приноровленною къ символическимъ предметамъ, выводимымъ ими на сцену. Самыя трогательныя, патетическія событія, заимствованныя изъ сферы простыхъ человѣческихъ дѣйствій, облекаются подъ ихъ кистію идеальнымъ цвѣтомъ, и

Digitized by Google

такимъ образомъ получаютъ значеніе, высшее обыкновеннаго, видимаго въ нихъ какъ въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ. Извѣстно, что сіи два автора были изъ числа посвященныхъ въ таинства, и даже Эсхилъ былъ обвиняемъ въ томъ, что онъ дерзко открылъ конецъ покрова, закрывавшаго великія таинства. Эврипидъ не можетъ быть здѣсь разсматриваемъ нами, ибо явившись во время софизмовъ, паденія, онъ находится совершенно внѣ сей черты.

По одному качеству посвященныхъ въ таинства и по аристократическому вдохновенію своей Музы, оба безсмертные трагика, которыми особенно мы занимаемся, не могли пародировать предметовъ важныхъ и идей высокихъ, входившихъ въ составъ ихъ великихъ картинъ. Слѣдственно, у нихъ народъ могъ являться на сценѣ трагической не иначе, какъ идеальнымъ и поэтическимъ образомъ, и таковы были хоры, гдѣ народъ составляетъ свиту царей и героевъ. Ясно, что естественная сила вещей заставляла ихъ различать роды драмы.

Но такое послѣдствіе обратилось въ пользѣ искусства; идеальная красота сочиненій пріобрѣла высокую степень превосходства, потому что *изящное* не можетъ имѣть ничего общаго съ комическимъ или пародіею: небесное по своей природѣ, оно опошляетъ все, что не величе-

Digitized by Google

ственно, не строго, что пріятно безъ благородства, нѣжно безъ энтузіазма, чистоты. Изъ всѣхъ народовъ міра, Греки наиболѣе обладали тонкимъ чувствомъ красоты, которому во всемъ совершенствѣ его мы удивляемся между поэтами у Софокла, между метафизиками у Платона. Можно сказать однакожъ, что трагедія Эллиновъ, и по своимъ предметамъ, заимствованнымъ изъ временъ баснословныхъ и по аристократическому направленію своему, кажется болѣе сходна съ идеями Дорійцовъ, оставшихся аристократами, нежели съ идеями Іонійцовъ, и особенно Аѳинянъ, рѣшительно приставшихъ къ демократіи. Потому-то трагедія послѣ Софокла измѣнилась, и у Эврипида является уже въ видѣ страстнаго, чрезвычайно патетическаго романа, обремененная тирадами, восклицаніями и софизмами, представленными въ видѣ правилъ, свойственныхъ вѣкамъ разврата.

Началомъ комедіи, въ Аѳинахъ и во всей Греціи, были не мистеріи, собственно такъ называемыя, но празднества и церемоніи сатирическія, въ коихъ пародировали дѣйствія боговъ, безъ всякихъ послѣдствій и не возмущая общественнаго благочестія. Вскорѣ комедія сдѣлалась чисто демократическою, ибо наклонность сія заключается въ ея природѣ. Аристофанъ былъ самымъ народнымъ поэтомъ и вмѣстѣ жесточайшимъ гонителемъ глупостей и неистовствъ про-

Digitized by Google

сполнародныхъ. Будучи дерзокъ въ своихъ разбирательствахъ, онъ усвоилъ себѣ аллегорическій родъ, но не такъ, какъ первые трагическіе авторы; олицетворяя народъ различными образами, онъ показалъ его предводителей и сикофантовъ, и осмѣлился выставить на позоръ ужасную наготу общественнаго порядка. Здѣсь оканчивается жизнь древней комедіи. Менандръ, явившійся въ послѣдствіи, создалъ, или лучше сказать, усовершенствовалъ новую систему: можно сказать, что она имѣетъ всѣ достоинства, кромѣ достоинства истинной поэзіи.

По смыслу Аристофанова театра, комическій идеалъ основывается на несходствѣ между средствами и цѣлью лицъ: мысль ихъ въ основаніи своемъ ничтожна и простонародна, мудрость ихъ шѣсна, но они имѣютъ высокую идею о силѣ своего ума и могутъ вредить, потому что будучи дробями высшей государственной власти, они суть члены ея; это заставляетъ ихъ ужасно увеличивать свои средства, и отъ того чесполюбивая странность выраженія и пошлость мысли находятся у нихъ въ безпрерывной противоположности. Они желали-бы взлѣсть на небо и предпринять дѣла самыя невозможныя; но желанія ихъ скоро спотыкаются о глупость, и они падаютъ въ грязь лицомъ, гдѣ поэтъ спѣшитъ показать намъ ихъ, подъ ударами своего сатирическаго бича, сберегаемаго имъ на ихъ по-

Digitized by Google

срамленіе. Древняя Аттическая комедія имѣла въ виду совсѣмъ не красоту и еще менѣе истину нравовъ, которую видимъ въ пьесахъ Менандра: ея цѣлію было самое смѣлое, дерзкое въ мысляхъ и осмѣяніе слабости человѣческой, стремящейся къ великимъ дѣламъ, которыхъ она не понимаетъ. Идеалъ комедіи, постигнутый геніемъ Аристофана, склонялся къ политикѣ и къ Философіи.

Въ Индійскомъ театрѣ, по крайней мѣрѣ сколько намъ извѣстны пружины онаго, не было такой строгой раздѣлительной черты между трагедіею и комедіею, какъ въ театрѣ Греческомъ. Однакожъ на Санскрипскомъ языкѣ есть философическія комедіи, въ родѣ Аристофановыхъ, гдѣ дурачества сектъ и метафизиковъ замѣняютъ тѣ дурачества народа и его сикофантовъ, какія были представляемы на театрѣ Аѳинскомъ. Въ драмѣ: *Саконтала*, есть нѣчто навѣянное вкусомъ Софокла и вмѣстѣ внутреннее чувство идеальной красоты. Комическая часть ея нѣжна, умѣренна, какъ въ драмѣ Испанской, столь различной въ семъ отношеніи съ Шекспировскою. Разногласія самыхъ событій трагическихъ и противоположность оныхъ съ веселою, сатирическою частью, скоро сглаживаются, и поэтъ всегда старается оканчивать первоначальныя противорѣчія гармоніею. Геній Кальдерона (если осмѣлюсь сказать, самаго вѣрующаго изъ поэтовъ)

Digitized by Google

имѣетъ нѣкоторое сходство съ разсматриваемымъ нами родомъ: вѣрованіе всегда заставляетъ его оканчивать и смягчать трагическое своей драмы небеснымъ предвѣдѣніемъ о будущей жизни. Язычество Индійцовъ, въ коемъ болѣе мистицизма, чѣмъ въ Греческомъ язычествѣ, даетъ основную мысль ихъ сценѣ; оно часто возвышаетъ взоры наши къ высшему блаженству и показываетъ намъ совершенную гармонію элементовъ, усмиренныхъ умомъ Всевышнимъ. Напротивъ, въ трагедіи Грековъ предметомъ обладаетъ вѣрованіе въ неизмѣнимую судьбу, и потому въ ней все оканчивается тѣмъ, что нравственные элементы поэмы низвергаются въ хаосъ, безъ всякаго вознагражденія въ будущемъ. Одинъ Софоклъ старался прибавлять нѣсколько утѣшенія къ этому ужасному предопредѣленію и услаждать эту безпримѣсную горечь: душу его, такъ-же какъ душу Платона, можно назвать полу-христіанскою. Замѣтимъ, что Шекспиръ, въ семъ случаѣ противоположный Кальдерону, всегда оканчиваетъ свои созданія гибелью своихъ героевъ, безъ всякаго смягченія, почти такъ-же, какъ дѣлалъ это Эсхилъ.

Драматическія сочиненія, подобно Индійскимъ сохранившія въ большей или меньшей степени первобытное соединеніе элементовъ, трагическаго и комическаго, имѣютъ такъ-же свой идеалъ, какъ по можно замѣтить въ театрѣ Щек-

Digitized by Google

спира или въ театрѣ Испанцовъ. Идеалъ сей составляетъ сама иронія, не только служащая основаніемъ сочиненію, но и обладающая всею его общностью, какъ высшій разумъ, которому все покорно: онъ видитъ всѣ предметы въ ихъ противорѣчіяхъ, взвѣшиваетъ, умѣряетъ одинъ другимъ, и, такъ сказать, по наружности удерживается произнести сужденіе, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ предоставляетъ себѣ въ этомъ полную и совершенную свободу. Здѣсь уже нѣтъ идеала красоты трагической, нѣтъ политико-философическаго идеала древней комедіи Эллиновъ: это идеалъ самаго зрѣлаго и рѣзкаго разума, какой видимъ въ произведеніяхъ Шекспира. Въ театрѣ Индійскомъ, такъ-же какъ въ Испанскомъ, комическая пародія событій трагическихъ развивается менѣе. Впрочемъ, по причинѣ развязки, совершенно мистической и религіозной, какою Индійцы и Испанцы старались оканчивать великіе, изображаемые ими предметы, данныя рода драматическаго не выражаются у нихъ столь полно, какъ у Англійскаго поэта, и почти совершенно сходятся съ красотою, ознаменовавшею классическій театръ Грековъ.

II. Христіанская религія (*), съ ея символами

(*) Говоря о религіи новыхъ народовъ, Авторъ вездѣ разумѣетъ религію *Римско-Католическую*. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

и шаинствами, представила изобрѣтательному генію среднихъ вѣковъ предметы для многихъ празднествъ и церемоній, коихъ созданіе часто величественно, часто прекрасно. Сіи празднества, въ самой торжественности своей были перемѣшаны съ веселостью и сатирическими чертами, которыя справедливо могутъ быть отвергаемы нынѣшнимъ вкусомъ нашимъ, которыя умъ нашего вѣка можетъ почитать оскорбленіемъ священныхъ предметовъ, но тѣмъ не менѣе это было, во времена не столь высокаго просвѣщенія. При основаніи сихъ церемоній господствовала даже мысль, истинно философическая: мы раскрыли характеръ оной, сказавъ выше сего нѣсколько словъ о древнихъ сатирическихъ праздникахъ и отношеніи оныхъ къ театру. Слѣды грубости, цинизма, пошлость выраженія, даже духъ подробностей, относятся къ исполненію и вовсе не касаются основанія предмета. Кто умѣетъ цѣнить таланшъ Рабеле и постигать его, такъ сказать, сквозь грубую, покрывающую его кору, тотъ долженъ признать въ шутовствахъ среднихъ вѣковъ печать генія, похожаго на геній Мѣдонскаго разскащика. Однакожъ безпрестанныя насмѣшки сего послѣдняго надъ священными предметами, показываютъ худо скрываемую ненависть, между тѣмъ какъ въ упомянутыхъ сатирическихъ празднествахъ, священное, хотя и пародируемое языческимъ, остается предметомъ глубочайшаго ува-

Digitized by Google

женія и со славою выходитъ изъ испытанія, которое служитъ ему подкрѣпленіемъ, свидѣтельствуя о его достоинствѣ самымъ блестящимъ образомъ.

Мистеріи нашей религіи, перенесенныя новыми народами на драматическую сцену, имѣютъ характеръ аллегорическій и религіозный, сохраненный подъ самою поэтическою формою въ Испанскихъ *Autos sacramentales*, въ числѣ коихъ находится нѣсколько превосходныхъ созданій возвышеннаго Кальдерона. Кромѣ религіозныхъ предметовъ, основывающихся на таинствахъ Троицы, воплощенія Іисуса Христа, и на Богочтеніи Пресвятой Дѣвы, нѣкоторыя нравственныя идеи объ искушеніи человѣка, представленныя въ борьбѣ двухъ началъ, даютъ понятіе о подробностяхъ поэмъ. Борьба происходитъ между ангеломъ хранителемъ и дьяволомъ; утверждающій побѣждаетъ отрицающаго; послѣдній насмѣхается, уклоняется, старается возбудить страсти людей, дабы совратить ихъ съ настоящаго пути. Одинъ—нѣжный и сильный, милующій и карающій, всегда благородный, простой, трагическій, иногда романическій своимъ характеромъ: это символъ Божественной любви и братскаго попеченія о родѣ человѣческомъ. Другой, шутливый, безстыдный, веселый, комическій, забавный, ненавидящій, злой, безобразный; насмѣшливое лицо его заимствуетъ нѣчто отъ страшнаго вида головы Медузиной; черты его странны и строги,

Digitized by Google

ужасны и вмѣстѣ несообразны. Таковъ вообще основный характеръ сего рода сочиненій. Они часто представляютъ разительное сходство съ театральными представленіями языческихъ мистерій, хотя ими преобладаетъ совсѣмъ другой духъ. Всего хуже въ нихъ аллегорическіе разговоры между добродѣтелями и пороками: эти олицетворенія бываютъ всегда холодны, потому что они отвлеченны; они должны быть приводимы въ дѣйствіе въ видѣ Божества, человѣка или дьявола, дабы сдѣлались занимательными, а это невозможно, какъ скоро ихъ называютъ существенными именами.

Мистеріи, съ ихъ нравственными аллегоріями, остались только въ Испаніи, гдѣ родъ сей, освобожденный отъ всего, что было въ немъ холоднаго и грубаго, сохранилъ свой глубокій характеръ и идеальную таинственность. Такъ-же какъ въ другихъ театральныхъ сочиненіяхъ сей страны, всѣ слишкомъ рѣзкія противоположности, слишкомъ сильныя противодѣйствія, которыя разумъ Шекспира всегда выставляетъ впередъ, потому что онъ слѣдуетъ другимъ даннымъ, были еще смягчены въ Autos sacramentales Пиренейскаго полуострова. Въ нихъ трагическое строго; комическое часто дышетъ тонкою ироніею, но положенія не глубоко обдуманы въ ихъ тайныхъ изгибахъ и только мистическая развязка даетъ общности сихъ сочиненій истинное ихъ значе-

Digitized by Google

ніе. Сочиненія Кальдерона принадлежатъ къ самымъ возвышеннымъ, нѣжнымъ и прелестнымъ созданіямъ ума человѣческаго. Въ семъ случаѣ мы совершенно согласны съ мнѣніемъ двухъ знаменитыхъ братьевъ Шлегелей, разбиравшихъ сочиненія Кальдерона.

Фаустъ Гёшевъ и Донъ Жуанъ Мольеровъ (послѣдній заимствованъ изъ Испанскаго театра), суть истинныя мистеріи, заключающія въ себѣ мысль глубочайшую: они совершенно входятъ въ составъ первобытныхъ категорій религіозной поэзіи. Надобно признаться однакожъ, что Французскій писатель не сознавался самъ себѣ истиннымъ образомъ въ высокомъ достоинствѣ предмета, который обработалъ онъ съ удивительнымъ умомъ, но не столь поэтически, какъ требовалъ того сей предметъ. Лордъ Байронъ недавно открылъ намъ, въ своемъ Каинѣ, какое сокровище поэзіи скрывалось въ этомъ родѣ, совсѣмъ не кстати забытомъ. Еще Данте, въ своей Divina Comedia, часто приближался къ драматической формѣ, потому что она совершенно удобна для подобныхъ предметовъ. Доказательствомъ справедливости сего мнѣнія служитъ то, что Мильтонъ и Клопштокъ, облекшіе сіи предметы въ чисто эпическую форму, являютъ менѣе движенія и жизни, до такой степени, что послѣдній впадаетъ въ однообразіе, не взирая на возвышенный тонъ своего сочиненія. О Мильтонѣ доказано,

Digitized by Google

что сей знаменитый пѣвецъ нашелъ идею своего предмета въ одной изъ множества мистерій, которыя въ семнадцатомъ вѣкѣ были еще представляемы въ Италіи.

Мы видѣли, что роль комическая, вышедши у древнихъ изъ сферы существъ сверхъестественныхъ и перенесшись въ среду человѣческаго рода, сдѣлалась существеннымъ удѣломъ толпы, по волѣ поэтовъ. Такъ театръ Аристофановъ представляетъ народъ самовольнымъ и вмѣстѣ безсильнымъ повелителемъ; такъ театръ Индійскій показываетъ его шутливымъ совѣтникомъ, забавнымъ властителемъ, представляющимъ роль мудрости: онъ управляетъ колесницею государя, не прикасаясь къ кормилу государственному. Низшіе классы общественные, въ отношеніи къ высшимъ, играютъ роль духа отрицанія; они сильно и зло критикуютъ правительство; народная пословица: *Гласъ народа, гласъ Божій*, справедлива только до того времени, покуда народъ не отдѣляется отъ властителя: но это было въ Аѳинахъ, и народъ подвергся лозѣ Аристофановой. Сервантесъ, въ лицѣ Санчо-Пансы, схвативъ эту пародію высшаго общественнаго порядка, которую Ла-Манчскій герой выражаетъ такъ забавно и вмѣстѣ благородно, воспользовался ею истинно неподражаемо. Шекспиръ, въ своемъ Фальстафѣ, представляетъ ту-же картину и такие въ уди-

Digitized by Google

вительной, хотя и совершенно различной сферѣ. Впрочемъ, въ творческой силѣ онъ соспязается съ Испанскимъ Авторомъ.

Въ новомъ театрѣ, комическая роль не надолго была исключительно предоставлена дьяволу и подобнымъ сверхъ-естественнымъ существамъ. Она испытала здѣсь такую-же перемѣну, какъ на театрѣ древнихъ, и послужила маскою, подъ которою стали представлять народъ. Какъ сатира величія и противоположность высшихъ классовъ, она была назначена преподавать мудрость подъ одеждою дурачества. Наконецъ, подъ всѣми видами, въ какихъ поэты употребляли это лицо, оно служило имъ пріятною, нѣжною и забавною пародіею, или насмѣшливою карикатурою пороковъ и недостатковъ ума человѣческаго и общественнаго порядка; однимъ словомъ, характеръ сей былъ понятъ новыми съ такимъ-же талантомъ, какъ и поэтами первобытной комедіи.

Лицо сіе являлось на сценѣ сообразно народному духу и особенно сообразно тому, къ югу или къ сѣверу Европы принадлежали сами поэты. Въ Италіи и въ Испаніи, маски и другія комическія лица являютъ болѣе пріятности; въ Германіи и особенно въ Англіи, они глубокомысленнѣе понятны: это мнѣніе мы подтвердимъ различными примѣрами.

У Латинцовъ существовала только подражательная поэзія. Они поставляли себѣ образцами или

Digitized by Google

позднѣйшую Аттическую комедію, изобрѣтенную Филемономъ и Менандромъ, и предназначенную, подобно театру нашего времени, для изображенія сценъ домашней жизни, или, иногда, подражали поэтамъ Александрійскимъ и изобрѣтеннымъ ими формамъ, чуждымъ генію первобытныхъ Греческихъ сочиненій. Однакожъ нѣкоторыя сатирическія пѣсни и комическія представленія, гдѣ являлись характерныя маски, насмѣхавшіяся надъ пороками и смѣшными сторонами природы человѣческой, принадлежали имъ собственно. Эти представленія, извѣстныя подъ именемъ Ателлянъ, были фарсы, но они дышали откровенною, искреннею, совершенно народною веселостью, и посему съ истинною поэзіею имѣли сходства болѣе, нежели сцены изъ домашней жизни, заимствованныя у преобразователей комедіи Аѳинской. Вѣроятно они перешли въ нѣкоторыя празднества, гдѣ господствовали шаловливая веселость и совершенное дурачество. Духъ ихъ сохранялся особенно въ Римѣ, и даже во время христіанства, ибо мы видимъ, что въ продолженіе карнавала, который есть подражаніе Сатурналіямъ, являлись характерныя роли, подъ одеждою новой Италіи напоминающія намъ Ателлаты. Семья Арлекиновъ, Коломбинъ, Пьеро, Спадассиновъ (забіякъ), и другія лица сего разряда принадлежатъ къ тому роду, которымъ обладалъ и древнія времена Плавтъ.

Digitized by Google

Маски и гротески Итальянскіе имѣютъ собственное свое достоинство и особенный философическій оттѣнокъ. Впрочемъ, въ нихъ нѣтъ глубокихъ идей, заключающихся въ сатирическихъ лицахъ древняго Греческаго театра, котораго образчикъ оставался у насъ въ Аристофанѣ; въ нихъ нѣтъ той оригинальной мысли, какая находится въ дьяволѣ пьесы Фаустъ, нѣтъ духа пьесы Донъ Жуанъ; они даже не приближаются къ оригинальному созданію ума, придворнымъ шутамъ среднихъ вѣковъ, которыхъ Шекспиръ вывелъ на сцену такъ смѣло, а Кальдеронъ такъ прелестно. Но не равняясь ни съ Фальстафомъ, ни съ Санчо-Пансою, они весьма выгодно отличаются отъ холодныхъ аллегорическихъ лицъ, подъ именами пороковъ и добродѣтелей являвшихся въ представленіяхъ мистерій пятнадцатаго вѣка. Духъ различныхъ мѣстностей Итальянскихъ въ нихъ олицетворенъ весьма забавно, и такъ, что каждый изъ народовъ, составляющихъ сію прекрасную часть Европы, показывается въ свою очередь, съ частными своими пороками и смѣшными оборотами, при помощи сихъ неизмѣняемыхъ и, такъ сказать, стереотипныхъ существъ. Какъ жаль, что люди высокіе, каковы Аріосто и Макіавель, подражали комедіямъ Теренція: это было безплодно, потому что въ нравахъ ихъ не было ничего общаго съ Аѳинскими обычаями временъ Менандровыхъ. Почему не рѣшились они овладѣть грубыми

Digitized by Google

началами Итальянской комедіи и не обрабатывали ихъ, вспомоществуемые, одинъ своимъ глубокимъ, неисчерпаемымъ талантомъ наблюденія, другой прелестью своей фантастической, прихотливой, но всегда остроумной, милой поэзіи! Только Гольдони и Карло Гоцци старались показать достоинство ролей, о которыхъ говоримъ: первый былъ одаренъ талантомъ гибкимъ, второй воображеніемъ блестящимъ, но оба они мало заботились о своемъ поэтическомъ языкѣ и не углублялись въ свои предметы.

Лица театра Итальянскаго оставались совершенно чуждыми лицамъ Англійскаго и Испанскаго театровъ въ то время, когда сіи послѣдніе процвѣтали совершенно народнымъ образомъ и съ независимостію, истинно иностранною. За то, они съ ранняго времени утвердились въ Германіи, и, впослѣдствіи, даже во Франціи; но, существенно, они успѣли овладѣть только одною за-Рейнскою стороною, и только тамъ одѣлись въ одежду совершенно мѣстную; на здѣшнемъ берегу Рейна (во Франціи) они были подражаніемъ, заимствованнымъ вначалѣ у комедіянтовъ, пришедшихъ изъ Италіи, и никогда не достигли здѣсь такой народности, какъ въ Германіи. Гансвурстъ театра Гансъ Сахсова, Арлекинъ, хотя форма его грубѣе формы оригинала; въ немъ есть мужицкій умъ, обыкновенно означающій практическую мудрость низшихъ классовъ народа. Гансвурстъ занималъ

Digitized by Google

въ народѣ шу-же роль, какую при дворахъ государей играли шуты, то есть онъ говорилъ истину подъ видомъ глупости и въ награду получалъ деньги и палочные удары, а самъ, мимоходомъ, хлестаетъ бичемъ неумолимой сатиры. Въ народномъ театрѣ Южной Германіи, гдѣ праздники имѣютъ уже нѣчто одинакое съ Итальянскими праздниками, другія лица и другіе гротески, подъ характеристическими чертами, изображаютъ пороки и смѣшныя стороны различныхъ мѣстностей. Тамъ всегда есть роль плутоватаго крестьянина, закрытаго личиною простоты и глупости, но явнѣе, нежели напримѣръ во Французскомъ театрѣ, сдѣлавшагося характернымъ лицомъ. Въ числѣ сихъ шутливыхъ лицъ находится многочисленные Липперле, Касперле, Бауерле, забавляющіе народы Австріи. Правда, что все это еще очень грубо; но было-бы несправедливо не признать, что здѣсь заключается истинно комическій элементъ.

Никогда поэтическій міръ не былъ свидѣтелемъ такихъ смѣшныхъ, забавныхъ сценъ, какъ во время торжественнаго опроверженія *Гансвурста*, Арлекина ярмарочнаго театра въ Германіи: оно было произнесено знаменитымъ Готшедомъ, одинъ вѣкъ назадъ предписывавшимъ законы раждавшемуся Парнассу своего отечества. Готшедъ и неданшка его супруга рѣшились очистить въ одинъ день городъ Лейпцигъ отъ простонародныхъ грубостей, оскор-

Digitized by Google

бявшихъ ихъ вкусъ. Они изгнали Пьеро, Коломбину и всю ихъ важную семью, шакъ, что судейскою властію Университетскаго Ректора, рѣшительно было запрещено народу смѣяться и забавляться. И въ самомъ дѣлѣ на Сѣверѣ Германіи Арлекины исчезли какъ-бы отъ удара молніи, и не являлись снова до тѣхъ поръ, когда нѣкоторые умные люди увидѣли все смѣшное этого событія. Юстусъ Мозеръ, одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ Историковъ и славнѣйшихъ публицистовъ новаго времени, не боялся уронить свою важность, иронически защищая несчастныхъ отверженцовъ, сначала едва осмѣливавшихся показываться, не смотря на столь торжественную защиту: шакъ испугалъ ихъ педантизмъ и гнѣвъ преслѣдователя. Наконецъ Гёте, и еще позднѣе его Тикъ, облагородствовали сей родъ, сблизивъ его съ сатирическою драмою Аристофана и употребивъ въ пьесахъ, болѣе или менѣе хорошихъ, но забавныхъ въ высочайшей степени.

Во Франціи лица сіи были выведены на сцену чрезвычайно остроумно, весело и прелестно, въ пьесахъ, сочиненныхъ для театровъ, шакъ называемыхъ ярмарочныхъ, гдѣ отличались Лесажъ, Легранъ, Фюзелье, и нѣкоторые другіе: ихъ пьесы эфемерны, но онѣ конечно стоятъ гораздо болѣе, нежели куча приправленныхъ сентенціями драмъ, которыми хотѣли ихъ замѣнить. Впрочемъ водевиль, приспособляющійся къ народнымъ напѣвамъ

Digitized by Google

и близко соединенный съ общественною жизнью Французовъ, долженъ былъ одержать верхъ надъ этимъ родомъ, пересаженнымъ изъ Итальянской земли въ чужую почву.

Въ Испанскомъ театрѣ, комическое лицо, такъ сказать, *идеализировано*. Изъ него сдѣлали характеръ остроумный, забавный, очищенный отъ всѣхъ грубостей, но за то и вовсе лишенный глубокости оригинальной роли. Граціозо, въ пьесахъ Кальдерона, шутитъ пріятно; самые пороки его не возбуждаютъ негодованія. Его плутовство и сатирическій юморъ не увеличены, не усилены въ отношеніи къ самому характеру; его веселость есть пародія строгаго умонаверпанія Испанцовъ, блестящаго въ лицахъ высшихъ званій; его прусость составляетъ противоположность съ честолюбивою гордостію сценическихъ героевъ и героинь, но она не презрительна въ глазахъ нашихъ; однимъ словомъ, въ его характерѣ есть какая-то младенческая злость и слабость, а это не можетъ возбудить никакого ощущенія, кромѣ снисходительности.

У Шекспира придворный дуракъ является весьма различно. Въ комедіяхъ Шекспира, отличающихся чѣмъ-то южнымъ въ краскахъ и тонѣ, и дышащихъ совершенно фантастическимъ юморомъ, соединеннымъ съ легкимъ и блестящимъ воображеніемъ, онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Граціозо пьесъ Кальдероновыхъ; но Британскій по-

Digitized by Google

эпъ, по своему обычаю, для начертанія сего характера глубоко изучилъ человѣческую природу. Дураки его трагедій, напримѣръ дуракъ, играющій столь страшную и трогательную роль въ *Королѣ Лирѣ*, есть творческое лицо, по глубокости своей безпримѣрное. Никогда, можетъ быть, въ Шекспирѣ нѣтъ столько трагическаго, какъ въ то время, когда онъ смыкаетъ губы и на устахъ его скользитъ горькая улыбка при взглядѣ на слабое человѣчество. Такъ, когда онъ шутитъ со смертью и смотритъ на жизнь какъ на драму, разыгрываемую человѣкомъ въ качествѣ важнаго дурака, окруженнаго всею наружною важностью—его дуракъ, выведенный для смѣха, становится истиннымъ мудрецомъ пьесы, столь-же глубокимъ по своему уму и внутренней мысли, сколько страстный герой легокъ и легкомыслевъ въ глубинѣ души своей. Изъ всѣхъ писателей, одинъ Шекспиръ сдѣлалъ сей характеръ истинно-высокимъ и умѣлъ трогать насъ до слезъ его покорностью и вмѣстѣ заставлять смѣяться, стенать и мыслить при звонѣ гремушекъ дурачества.

Здѣсь я долженъ упомянуть о соединеніи трагическаго съ комическимъ, особенно замѣчательномъ въ Шекспировомъ театрѣ, одномъ, истинномъ предшественникѣ театра Англійскаго. Братья Шлегели уже разсматривали сей вопросъ; но на обширномъ полѣ изученія искусства, идя по слѣдамъ ихъ, можетъ быть найдемъ и мы еще нѣчто

Digitized by Google

Въ Англіи просвѣщенные-критики думали, что Шекспиръ хотѣлъ только подражать природѣ: и справедливо привлекли они на себя извѣстный отвѣтъ Вольтера, впрочемъ нисколько не понимавшаго генія Англійскаго поэта. Неоспоримо, что Авторъ стольких изящныхъ сочиненій приближался къ народной формѣ отечественнаго театра его времени, гдѣ трагическое и комическое было смѣшано, вслѣдствіе той-же причины, которая прежде имѣла вліяніе на представленіе мистерій. Шекспиръ совершилъ это соединеніе двухъ элементовъ, по видимому разнородныхъ, желая какъ можно болѣе развить искусство, а искусство, для надлежащаго уразумѣнія онаго, должно быть опредѣляемо не по ограниченному мѣрилу второй эпохи Греческаго театра, гдѣ роды были раздѣлены по теоріи изящнаго, собственно принадлежавшей Грекамъ. Англійскій поэтъ представлялъ въ картинѣ жизни, и печальную существенность, и забавную пародію мірскихъ дѣлъ, иногда созидая, иногда разрушая свое зданіе и облекая, все цѣлое, своею высшею мыслью, сдѣлавшеюся великою ироническою цѣлью его сочиненій, вмѣстѣ разсматриваемыхъ. Никогда, ни одинъ поэтъ не отдавалъ самому себѣ столь вѣрнаго отчета, какъ возвышенный Шекспиръ: но невѣроятная глубокость его мыслей была причиною множества ложныхъ сужденій объ истинной его природѣ, и, кажется, нарочно вела его крити-

Digitized by Google

ковъ къ тому, чтобы они пали жертвою передъ раздраженною тѣнью великаго, какъ извѣстныя животныя, нѣкогда приносимыя во всесожженіе на алтаряхъ Аполлона Гиперборейскаго.

Легенды или житія святыхъ мужей, писанныя въ драматической формѣ и представляющія борѣніе двухъ противоположныхъ началъ добра и зла, не могли развиться поэтически и освободиться отъ своей первобытной грубости въ сѣверныхъ странахъ, обратившихся къ Протестантству. Но мы видимъ въ Autos sacramentales Кальдерона, какого идеальнаго совершенства могли достигнуть сіи сочиненія; Поліевктъ великаго Корнеля показываетъ, какъ счастливо могли быть примѣнены подобные предметы къ театру, установившему различіе родовъ на правилѣ вкуса, чуждомъ генію древности. Въ наше время Нѣмецъ Тикъ снова ввелъ легенду на театръ своего народа, въ произведеніяхъ, дышащихъ простотою истинно-оригинальною, напоминающею иногда слогъ Лафонтена, иногда Миннезингеровъ, пѣвцовъ любви въ средніе вѣка. Однакожъ сочиненія сіи назначены болѣе для чтенія, нежели для представленія, слѣдственно противны цѣли драматическаго искусства.

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ

изъ поэмы Лорда Байрона: ДОНЪ ЖУАНЪ.

(Начало 1-й пѣсни.)

I.

Героя нужно мнѣ; но, странно!
Какъ для меня героя нѣтъ,
Когда, что день, труба газетъ
О нихъ звучитъ и такъ пространно?
Конечно, послѣ, вѣкъ другой
Найдетъ, что это не герой.
Такихъ людей я нѣтъ не спѣну:
Я лиру посвящу Жуану,
Прославлю друга моего.
Мы видѣли его заранѣ,
Послали къ чорту: ничего!
Я спѣну пѣснь о Донъ Жуанѣ.

II.

Мясникъ извѣстный Кумберландъ,
Говъ, Гевкъ, Вернонъ, Принцъ Фердинандъ,
Вольфъ, Гренби, Кеппелъ, и Бургоинъ,
Тотъ благороденъ, тотъ подлецъ,
И все-же каждый наконецъ,
Явился похвалы достоинъ,
И каждый въ родинѣ своей
Былъ прапорщикъ, какъ Веллеслей.

Digitized by Google

Считая жизнь и смерть забавой,
Ища извѣстности пустой,
Они весь вѣкъ гнались за славой,
Всѣ дѣти матери одной.
Французамъ, Нѣмцамъ участь наже:
Клоотъ, Дантонъ, и Лацкъ, и даже
За тысячу мы видимъ лицъ,
Въ *Débats* имѣютъ сто страницъ.
Тамъ каждый вознесенъ по мѣрѣ:
Отъ славы люди въ забытьѣ,
Но Бонапартъ и Дюмурье
Имѣютъ мѣсто въ Монитерѣ.

III.

Барнавъ, Бриссо и Лафайетъ,
Маратъ, Петіонъ, и Кондорсетъ —
Французамъ, Русскимъ, повсемѣстно,
Ихъ имя сдѣлалось извѣстно.
Есть очень много и другихъ,
Людей безчестныхъ и честныхъ,
Которыхъ имя не забыто
И лаврами чело увито.
Моро, Жуберъ, Дезе, Марсо,
Прославлены народнымъ плескомъ,
Увѣнчаны хвалой и блескомъ,
И въ храмѣ вѣчности; но все,
Нуждаясь не въ такомъ героѣ,
Я всѣхъ оставлю ихъ въ покоѣ.

IV.

Британскимъ Марсомъ былъ Нельсонъ
Былъ Марсомъ и теперь бы онъ:

Digitized by Google

Но ходъ вещей перемѣнился;
Теперь на что уже морякъ?
Все иначе, и все не такъ:
Въ Нельсона урнѣ погрузился
И Трафалгаръ. Временъ рѣка
Уноситъ быстро все въ природѣ;
Теперь ужъ не морскія въ модѣ,
А сухопутныя войска.
Его Величество ужасно
Солдатъ и коней полюбилъ,
Нельсона-жь, впрочемъ и напрасно,
Съ Дунканомъ, съ Говомъ позабылъ.

V.

Передъ Агамемнономъ мало-ль
Достойныхъ родилось людей?
И послѣ, славныхъ не бывало-ль,
Безстрашныхъ мудростью своей?
Еще прибавлю я къ тому-же,
О сходствѣ лицъ не говоря,
Что были многіе не хуже
Сего Микенскаго Царя:
Но не печатались газеты,
О нихъ не вспомнили поэты,
И—позабытъ ихъ цѣлый свѣтъ.
Я никого не унижаю,
Но лучше Донъ Жуана, знаю,
Героя для поэмы нѣтъ.

VI.

Горацій, тотъ, что очень ѣдко
Насъ судитъ, но имѣетъ вѣсъ,

Digitized by Google

Сказалъ, что эпики не рѣдко
Впадаютъ *in medias res*.
Герой, подъ видомъ эпизода,
Что было прежде, говоритъ,
И пообѣдавши сидитъ
Въ саду, подъ липкой огорода,
Съ любовницею во дворцѣ,
Начало ставя на концѣ.

VII.

Но это страхъ обыкновенно!
Любя началомъ начинать,
Хочу не ту методу взять:
Къ концу дойду я постепенно,
Хотя-бы въ полчаса, хоть въ часъ,
Со всѣми познакомлю васъ;
Мнѣ должно къ исполненью плана
О всемъ: о матери Жуана
И объ отцѣ поговорить,
Сюда не входятъ отступленья,
И, съ вашего я позволенья,
Намѣренъ къ дѣлу приступить.

VIII.

Жуанъ былъ родомъ изъ Севиллы —
Какъ всѣ окрестности намъ милы!
Въ отчизнѣ пламенной его
Прелестны горы и долины,
Но, ахъ! прелестнѣе всего
Красавицы и апельсины.
Тотъ жалокъ — такъ народъ сказалъ —
Въ Севиллѣ кто не побывалъ,

Digitized by Google

И это шамъ цвердятъ всечасно,
А гласъ народа — Божій гласъ!
Въ Севиллѣ побывать прекрасно,
Я въ этомъ увѣряю васъ.
Воображенье разогрѣто
Пылающей красою шамъ;
Хоть Кадиксъ, можетъ быть... но это
Рѣшить я предоставлю вамъ.

IX.

Его родитель Жозомъ звался,
Донъ Жозомъ; онъ Гидальго былъ —
Кто благородствомъ съ нимъ равнялся!
Сей мужъ, какъ предки, не любилъ
Непозволительныхъ смѣшеній
Съ Испанскимъ чуждыхъ поколѣній.
Сей славный мужъ происходилъ
Отъ Гошовъ истинно Испанскихъ;
Онъ сславилъ родъ важнѣй любви,
И не было въ его крови
Израильскихъ иль Мавришанскихъ
Частицъ. Вы можете судить,
Каковъ былъ Жозъ, отецъ Жуана,
Отецъ... но погодите, рано
Еще объ этомъ говорить.

X.

А знать по пальцамъ всѣ науки
И всѣ шаланты перечла;
Въ Лорешту ѣздила отъ скуки
И мудрой дамою слыла.

Digitized by Google

Въ ней дарованья всѣ являлись;
Съ ея ученостью равнялись
Лишь добродѣтели ее.
Предъ ней ничтожество свое
Враги публично находили,
И зависти скрывая видъ,
Другъ другу громко говорили,
Что всѣмъ она сосѣдямъ стыдъ.

XI.

У ней была не память — чудо!
Неисчерпаемый родникъ.
Монтань сказалъ, что это худо,
Но въ этомъ виноватъ старикъ.
Лопецъ де-Вегу, Кальдерона,
Хоть первый ужасъ-какъ великъ,
Такъ наизусть узнала Донна,
Что если-бъ иногда актёръ,
Запутался и началъ вздоръ,
Она суфлёра-бъ роль сыграла,
И все безъ книги подсказала.

XII.

Изъ всѣхъ наукъ, какія есть,
Къ математическимъ пристрастна;
Поступками измѣривъ честь,
Къ порокамъ женскимъ непричастна:
Умомъ аттическимъ сильна,
Великодушія полна,
Какъ рыцарь вѣчно благородна,
Какъ вѣтеръ мыслями свободна,

Digitized by Google

И, воспаря до небесъ,
Она въ рѣчахъ была ошважна,
Двусмысленна и вѣчно важна;
Короче — чудо изъ чудесъ!
Не знаю, по какой причинѣ,
Была въ камлотѣ поушру,
А въ гроденаплѣ ввечеру,
Не рѣдко-жь лѣшомъ въ муселинѣ,
Зимой въ машеріяхъ другихъ —
Инымъ названье очень чудно,
Но подобрашь мнѣ рифмы трудно,
И шакъ — я умолчу о нихъ.

XIII.

Она Латинь довольно знала,
И *Патеръ Ностеръ* весь читала;
Хотъ меньше, въ Греческомъ она,
Какъ говоряшъ, была сильна;
Но какъ строку Лопецъ де-Веги,
Ошъ альфы даже до омеги,
Всю азбуку, какъ дважды два,
Прочла-бы вамъ, по крайней мѣрѣ,
И знала наизусшь едва
Не строчку цѣлую въ Гомерѣ,
Въ ученье вдавшись далеко.
Хошь выговоръ имѣлъ изьяны,
Она Французскіе романы
Читала — это не легко!

XIV.

Еврейскій, Англійскій любила,
И въ корень шакъ узнала ихъ,

Digitized by Google

Что аналогію открыла
Большую очень въ обоихъ:
Она намъ это подшвердила
Отрывками изъ книгъ святыхъ,
А я предоставляю свѣту,
Какъ истину отвергнуть эту.
Всегда въ сужденіяхъ горда,
Она не-даромъ никогда
Цѣны всѣмъ древнимъ не давала:
«Всѣ были нехристи они,
«Развратники!» — мнѣ повторяла,
Когда мы были съ ней одни.

XLII.

«Овидій прославлялъ Зевеса,
И Августа, и тму боговъ,
И видно изъ его стиховъ,
Что онъ шалунъ, что онъ повѣса.
Найдите Фердинанда въ нихъ,
Иль Германдаду? Ни полслова
О Папѣ Піѣ, о другихъ...
Я бить его за то готова;
Читать стихи его — бѣда!
Анакреонъ — хоть иногда
И милъ — но лакомъ до красавицъ;
Мнѣ больше-бъ нравился Тибуллъ,
Когда-бъ не Лезбія... Катуллъ!...
Вотъ грѣховодникъ, вотъ мерзавецъ!»

XLIII.

«А Сафо? этотъ гимнъ одинъ —
Пускай онъ нравится Лонгину,

Digitized by Google

Я знаю лучше, чѣмъ Лонгинъ,
Его чишашь не дамъ я сыну.
Виргилій чище, глаже слогъ,
Его чишашь-бы сынъ мой могъ;
Но что-жь? Скажите, ради Бога,
Вотъ эта гнусная эклога,
Которую шакъ началъ онъ:
« *Formosum Pastor Corydon!* »

XLIV.

Такъ Донна часто говорила,
Превыше будучи всего:
Она изъ виду ничего,
Какъ кажется, не проронила,
И глядя на весь міръ вблизи,
Она и золото въ грязи,
И пятна въ солнцѣ находила;
Среди неизмѣримыхъ думъ
Являла намъ изящный умъ;
Короче: всѣмъ была задачей,
Ее не знали, какъ понять,
И можно-бы ее назвать —
Энциклопедіей ходячей.

Н. Маркевичъ.

Digitized by Google

ЭПИГРАММА.

Журналами обиженный жестоко,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко;
На Цензора вошъ подалъ онъ доносъ;
Но Цензоръ правъ, намъ смѣхъ, Зоилу носъ.
Иная брань конечно неприличность,
Не льзя писать: *Такой-то-де старикъ*
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И зоилъ и подлъ: все это будетъ личность.
Но можете печатать, напримѣръ,
Что Господинъ Парнасскій старовѣръ
(Въ своихъ статьяхъ) безсмысленцы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скученъ,
Тяжеловатъ, и даже глуповатъ;
Тутъ не лицо, а только литераторъ.

А. Пушкинъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЕПИГРАММА.

Хвала, маститый нашъ Зоилъ!
Когда-то Дмитріевъ бѣсилъ
Тебя счастливыми стрѣлами;
Бѣсилъ Жуковскій въ слѣдъ за нимъ;
Вотъ бѣситъ Пушкинъ: какъ любимъ
Ты дальновидными Судьбами!

Digitized by Google

Трі поколѣнія пѣвцовъ,
Тебя, красой своіхъ вѣнцовъ
Въ негодованье пріводілі;
Пекісь о здравіі своемъ,
Чтобы подобно первымъ шремъ
Другіе шрі шебя бѣсілі.

КОКЕТСТВО И ЛЮБОВЬ.

I.

Графъ Славскій къ своему другу.

Наконецъ я на родинѣ!—Но не радуйся за меня, мой другъ: я не нашелъ здѣсь того счастія, которое ожидалъ найдти. Знаю, что послѣ того нетерпѣнія, съ какимъ я желалъ ѣхать въ отпускъ, послѣ тѣхъ разговоровъ съ тобою, въ которыхъ съ такимъ восхищеніемъ описывалъ я Людмилу, тебѣ кажется это странно; но что дѣлать? Человѣкъ на то созданъ, чтобъ безпрестанно обманываться въ надеждахъ! Слушай, мой милый, и горюй вмѣстѣ со мною.

Въ седьмой день послѣ нашей разлуки (ты можешь представить себѣ, что я не жалѣлъ денегъ ямщикамъ на водку), часа въ три послѣ обѣда, я увидѣлъ мѣсто, къ которому стремился душою. Еще издали блеснулъ крестъ сельской коло-

Digitized by Google

кольни, и изъ обнаженной рощи, показалась бѣлая, покрытая снѣгомъ кровля, подъ которой жили существа, мнѣ любезныя. Сердце мое сильно забилось; сладкія воспоминанія наполнили душу, и три года отсутствія, казалось, совершенно исчезли въ моей жизни... Пріятно возвратиться на родину, когда надѣемся тамъ найдти людей близкихъ и милыхъ намъ: мать, сестру, и еще кого нибудь, кто, по сильному закону природы, милѣе для насъ самыхъ кровныхъ; но какъ-же и грустно въ самомъ этомъ человѣкѣ увидѣть перемѣну! Ты удивляешся еще больше? Какъ быть: это моя участь!

Глядя на знакомые мнѣ предметы, вспоминая прошедшее, и съ темнымъ волненіемъ угадывая будущее, я подъѣхалъ къ родному прагу. Колокольчикъ заставилъ встрепенуться домашнихъ; кто бросился на лѣстницу, кто къ окошкамъ; въ одну минуту разнеслось по дому, что я пріѣхалъ, и множество радостныхъ лицъ выбѣжало ко мнѣ на встрѣчу. Но я по какому-то чувству медлилъ выходить изъ саней... Знаю, что Людмила никакъ не могла (если-бъ даже и хотѣла) встрѣтить меня у крыльца; но кажется сердце мое, вопреки разсудку, этого желало. Наконецъ, я опомнился; однако-жъ по лѣстницѣ шелъ очень тихо — все какъ будто-бы чего-то ожидая. Въ сѣняхъ встрѣтила меня старшая сестра. «Чегобы лучше, вмѣстѣ съ нею!»—подумалъ я; но ея

Digitized by Google

всё не было и сердце мое рѣзало, какъ ножемъ. Добрая сестра подумала, что я боленъ, и я въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что измучился отъ дороги. Рука въ руку, вошли мы съ ней въ залу. Матушка заплакала отъ радости, увидѣвъ меня. Людмила казалось также была тронута; я подошелъ къ ней; рука ея дрожала, щеки вдругъ загорѣлись. Тутъ мнѣ стало легче, но только на одну минуту.

Послѣ первыхъ объятій, вопросовъ и отвѣтовъ, обыкновенно бывающихъ при свиданіи, мы наконецъ поуспокоились и усѣлись. Матушка распрашивала о моей службѣ, радовалась, что я произведенъ въ Корнеты, и, какъ водится, любовалась мною. Одна Людмила не принимала участія въ разговорѣ. Во все время она была молчалива и задумчива; тысячу разъ сбирался я заговорить съ ней, но никакъ не собралъ духа. Казалось, что какая-то тайная грусть лежитъ у ней на сердцѣ. Но не ужели свиданіе со мною не могло развеселить ее, хоть на нѣсколько времени? Не ужели она въ эту минуту могла думать о чемъ нибудь другомъ?

Не ужасно-ли, послѣ трехъ-лѣтней разлуки, въ первые два часа свиданія, не слыхать ни одного слова, не видать ни одного взгляда любви, отъ той, которою я только и жилъ, эти три длинные года, и которою жить буду кажет-

Digitized by Google

ся, цѣлый вѣкъ? Ты скажешь, что присутствіе другихъ мѣшало ей. Ахъ! другъ мой, какъ ты ошибешься! Развѣ не было у насъ прежде языка, понятнаго только намъ однимъ, и которымъ могли говорить мы въ присутствіи тысячи свидѣтелей? Нѣтъ, я вижу ясно перемѣну ужасную! Съ какою милою радостью встрѣчала она меня всякое утро, всякій разъ, когда я входилъ въ комнату! однимъ взоромъ высказывала она мнѣ всѣ чувства души своей. Тогда она была такъ близка ко мнѣ; казалось, я одинъ замѣнялъ ей друзей, семейство, цѣлый міръ!.... А теперь мы такъ чужды, такъ далеки другъ отъ друга, какъ-бы все еще были за тысячу верстъ, которые я проѣхалъ.

За ужиномъ, я хотѣлъ занять мое прежнее, всегдашнее мѣсто—подлѣ нея; но она посадила на свой стулъ десяти-лѣтнюю сестру мою. «Сядь, миленькая, возлѣ братца» сказала она, «ты давно не видала его.» Малютка исполнила это съ дѣтской радостью, и я поцѣловалъ ее съ такимъ чувствомъ, какъ будто желалъ отмстить тѣмъ Людмилѣ... не странно-ли сердце влюбленнаго!..

Наконецъ, наступила минута, которой я ждалъ и боялся. Послѣ ужина, матушка и старшая сестра вышли, и мы съ Людмилой остались въ гостиной одни. Сердце мое сильно билось.

Digitized by Google

Людмила сидѣла устремивъ взоръ на рабошу, которая, какъ мнѣ казалось, дрожала въ рукахъ у нея; я ходилъ по комнатѣ, не могъ выговорить ни слова, и не зналъ, чѣмъ начать разговоръ. Между шѣмъ маленькая сестра играла съ собачкой. Желая прекратить молчаніе, и не придумавъ ничего лучшаго: «Счастливый возрастъ,» сказалъ я, посмотрѣвъ на нее «какъ-бы я хотѣлъ возвратить его себѣ! Даже хотѣлъ-бы шолько возвратить послѣдніе три года моей жизни!» —Я сама завидую дѣтямъ, отвѣчала Людмила, не поднимая глазъ и какъ-бы не слыхавъ послѣднихъ словъ моихъ.—Тогда сердце не знаетъ принужденія. Но—прибавила вздохнувъ—сколько-же и глупостей дѣлаемъ мы въ то время!—Я хотѣлъ продолжать, хотѣлъ высказать все, что у меня лежало на сердцѣ, но тутъ вошла матушка и помѣшала намъ. Мнѣ стало еще грустнѣе. Я не слыхалъ что говорятъ, не понималъ о чемъ меня спрашиваютъ, отвѣчалъ не въ попадъ и, наконецъ, сказавъ, что усталъ отъ дороги, поспѣшилъ уйдти въ свою комнату, чтобъ на свободѣ подумать обо всемъ мною видѣнномъ и съ горя написать къ тебѣ.

Я всё ожидалъ, что Людмила, покрайней мѣрѣ въ ту минуту, когда мы останемся одни, обнаружитъ чувства свои; но она не удостоила меня даже и взглядомъ... сказала только какой-то логогрифъ, котораго я не понимаю. Жалѣя о

Digitized by Google

прошедшемъ, она называетъ вмѣстѣ съ тѣмъ прежніе поступки свои глупостями—по крайней мѣрѣ я такъ догадываюсь изъ словъ ея — отъ чего-же это? . . Но я такъ смущенъ, разстроенъ, утомленъ, что ничего теперь не могу сообразить хорошенько. Завтра буду продолжать письмо мое и, можетъ быть, что нибудь узнаю....

Тревожимый думами и догадками, перевернувшись разъ сто съ боку на бокъ, я заснулъ наконецъ вчера, но сонъ мой походилъ на горячку, а пробужденіе было такъ горестно, что я не зналъ, куда мнѣ дѣваться. Въ домѣ всѣ еще спали; я пошелъ бродить, и чтобъ чѣмъ нибудь занять себя, вздумалъ посмотрѣть папушкиныхъ лошадей и экипажи. Вхожу въ сарай и первый предметъ, попавшійся мнѣ въ глаза, была карета, въ которой мы ѣздили въ Петербургъ и привезли съ собою Людмилу, когда папушка взяла ее изъ пансіона. Въ этой каретѣ началась любовь наша, и при взглядѣ на нее, всѣ подробности счастливаго времени оживились въ душѣ моей. Какъ сильна, мой другъ, какъ прелестна первая любовь! Что значатъ, въ сравненіи съ нею, всѣ глупыя волокитства и несчетныя побѣды нашихъ записныхъ удальцовъ въ этомъ ремеслѣ? Истинная любовь можетъ существовать въ сердцѣ

Digitized by Google

одинъ только разъ, и я скажу съ любимымъ моимъ поэтомъ:

Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья!
Не прилетаете вы вновь.

Никогда не забуду я блаженныхъ минутъ, которыя доставила мнѣ эта дорога! Мы сидѣли съ Людмилой такъ близко, что каждый толчекъ, каждая качка кареты невольно заставляли насъ касаться другъ друга, и отъ всякаго прикосновенія электрическій ударъ пробѣгалъ по мнѣ. Я видѣлъ, что эти удары сообщались и ей. Легкій румянецъ игралъ на щекахъ ея и грудь волновалась.... Одинъ разъ, когда мы ѣхали ночью, матушка и сестра заснули, но я—могъ-ли я спать? Голова моя пылала, сердце сильно билось. Я осмѣлился взять ея руку; сначала чуть касаюсь ей, потомъ пожимаю, потомъ прикладываю къ губамъ и осыпаю милую ручку поцѣлуями... Людмила мнѣ не противилась, не отнимала руки своей и казалась спящею; но я видѣлъ, что она не спитъ: сильный трепетъ и невольный сладкій вздохъ измѣнили ей... Вотъ каковы женщины! Если Людмила, сама невинность, умѣла въ пятнадцать лѣтъ притворяться, чего-жъ не льзя послѣ этого ожидать отъ другихъ?

Пріѣхавши, я напомнилъ ей эту ночь и узналъ,

Digitized by Google

что она сама вспоминаетъ о ней съ удовольствіемъ. Не было-ли это яснымъ признаніемъ любви? Съ тѣхъ поръ въ самомъ дѣлѣ сердца наши совершенно понимали другъ друга, чувства наши слились въ одно.

Правда, что я никогда не осмѣливался сдѣлать ей объясненія по *формѣ* (ты знаешь, какъ въ 17 лѣтъ бываемъ мы робки съ женщиной, которую любимъ). Но не ужели, чтобы удостовѣриться въ любви взаимной, должно непремѣнно съ колѣнопреклоненіемъ, тономъ театральнаго героя объявить страсть свою? Нѣтъ, мнѣ кажется, истинная, пылкая любовь предупреждаетъ всякое объясненіе и безъ словъ высказываетъ себя, въ самую ту минуту, когда раждается въ сердцѣ.

Сообразивъ все это и такъ живо вспомнивъ прошедшее, я опять началъ было надѣяться, что вчерашняя холодность Людмилы была принужденная и происходила, можетъ быть, отъ застѣнчивости; однако-жъ и нынче, въ продолженіе цѣлаго дня, видѣлъ все тоже. Людмила перестала любить меня! я почти въ этомъ увѣрился. Она такъ холодна ко мнѣ, какъ ледъ, и равнодушіе ея несноснѣе для меня самой ненависти. Кажется, какъ будто я не существую для нее совершенно и ей все равно, здѣсь-ли я, или нѣтъ, живъ, или умеръ... Такую-ли

Digitized by Google

встрѣчу ожидалъ я найдти? Думалъ-ли такъ жестоко обмануться?... Не ужели то, что я считалъ любовью, было одно только кокетство? Невозможно! Въ пятнадцать лѣтъ не льзя знать эту науку такъ тонко.

Я бросаюсь изъ одной крайности въ другую: то начинаю думать, что она стала слишкомъ горда, узнавъ цѣну своимъ прелестямъ. Правда, что она удивительно похорошѣла и расцвѣла, какъ пышная роза, и считаетъ меня недостойнымъ своего выбора; то приходитъ мнѣ въ голову, что излишняя скромность напоминаетъ ей разность нашихъ состояній. Но въ первомъ случаѣ говоритъ въ мою пользу—между нами будь сказано—самолюбіе; во второмъ—она знаетъ образъ мыслей моихъ; словомъ, чѣмъ больше я думаю, тѣмъ менѣе понимаю ее. Кажется даже, что она убѣгаетъ случаевъ быть со мною наединѣ. Но я добьюсь этого, во чтобъ то ни стало, буду говорить съ ней откровенно, объясню мои чувства, мысли, намѣренія; напомню прошедшее и тогда—или возвращу его, или—провалюсь сквозь землю.

II.

Капитанъ Шмитъ, къ своему брату.

Давно, любезный братъ, я не писалъ къ тебѣ, да и, правду сказать, писать было нѣког-

Digitized by Google

да. Мы цѣлые полгода прогуливались, то на работу дорогъ, то въ караулы, и не болѣе мѣсяца какъ остановились на зимнихъ квартирахъ. Теперь, отдохнувъ отъ трудовъ, поустроившись и поосмотрѣвшись, пользуюсь свободнымъ временемъ и хочу поговорить съ тобой.

Здѣсь стоятъ намъ довольно весело. Ты знаешь, что насъ военныхъ вездѣ любятъ и принимаютъ, какъ не льзя лучше; а въ здѣшнемъ округѣ множество помѣщиковъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, что также имѣешь свою пріятность. Правда, что я никогда не былъ волокитой; но это отъ того только, что до сихъ поръ не находилъ дѣвушки по своему нраву. Польки казались мнѣ слишкомъ вѣтрены и обхожденіе ихъ всегда меня заставляло краснѣть; въ Русскихъ барышняхъ также не много проку: всѣ почти онѣ слишкомъ расточительны, любятъ наряды и совсѣмъ не хозяйки. А я желалъ-бы, чтобъ жена моя не совѣстилась сходить въ кухню и умѣла-бы приготовить биръ-супъ и гуся подъ капустой. Притомъ-же многія изъ нихъ очень насмѣшливы, а я смерть не люблю насмѣшекъ. По этому-то я и не думалъ о женщинахъ, занимался только службой и рошой моей, и не иначе располагалъ жениться, какъ возвратившись въ Ревель, на какой нибудь доброй и скромной нашей землячкѣ.

Теперь вдругъ мысли мои перемѣнились и весь

Digitized by Google

планъ пошелъ къ чорту. Служба не занимаетъ меня, рота надоѣла; одна мысль о семейственномъ счастіи вершится безпрестанно въ головѣ моей, и желаніе имѣть поскорѣе жену такъ во мнѣ усилилось, что я даже, говоря съ фельдвебелемъ, называю его: душенька и жизнь моя. А все это отъ того, что я увидѣлъ здѣсь дѣвушку, какой еще никогда не видывалъ: милую, добрую, прекрасную—и по уши влюбился въ нее, не смотря на то, что она Русская.

Верстахъ въ шести отъ моей квартиры, въ прекрасномъ помѣстьѣ своемъ живетъ нѣкто — Графиня Славская, вдова не такъ еще старая, у которой сынъ (онъ служитъ въ гусарахъ) и двѣ дочери: одна невѣста, а другая дѣвочка лѣтъ десяти. Старшая дочь прекрасна, но опять таки мнѣ не годится: во первыхъ потому, что черезъ чуръ богата и слѣдственно въ замужествѣ будетъ разборчива; а во вторыхъ такъ насмѣшлива, что я всегда держу себя отъ нее на благородной дистанціи. Но у Графини живетъ еще воспитанница, Людмила Павловна Лидина. Отецъ ея былъ какой-то чиновникъ, который ходилъ по дѣламъ покойнаго Графа, и притомъ былъ такъ честенъ, что умеръ не оставивъ дочери ни копѣйки. Графиня взяла ее изъ пансіона, куда отецъ ее при жизни отдалъ, воспитала вмѣстѣ съ своей дочерью какъ не льзя лучше, и даетъ въ приданое 20,000. Эта дѣвушка при всѣхъ сво-

Digitized by Google

ихъ прелестяхъ имѣетъ прекрасную душу, и на ней-то именно я хочу женишься. Самъ однакожъ я объяснишься съ ней не рѣшусь, а думаю прежде сдѣлать предложеніе Графинѣ, черезъ одну знакомую мнѣ даму, хотя и увѣренъ почти, что Людмила мнѣ не откажетъ. Богатство ея не огромно, родословнымъ деревомъ она также похвастать не можетъ, слѣдовательно я для нее женихъ хоть куда. Правда, что грѣхъ мнѣ похвастать красотою; но за то мой Капитанскій чинъ, состояніе и мундиръ—такіе магниты для сердца женщины, которые заставляютъ забывать все прочее. Я испыталъ это недавно: невѣста, еще гораздо познатнѣе дѣвицы Лидиной, сама навязывалась мнѣ на шею.

Не далеко отъ Графини живетъ двоюродный братъ ея мужа, также Графъ Славскій, старикъ, едва передвигающій ноги, съ женой и съ тремя дочерьми. Средняя изъ нихъ, Аглаида, очень не дурна собою: блондинка, съ большими голубыми глазами, съ востренькимъ носикомъ, вздернутымъ вверхъ, съ русыми кудрями, мягкими какъ шелкъ, и съ премиленькимъ алымъ ротикомъ, словомъ красотка. И эта-то красотка—повѣришь-ли—изволила въ меня влюбиться... Однакожъ я устоялъ противъ искушенія и предпочелъ ей Людмилу. Тебѣ вѣрно покажется странно, почему я Графиню промѣнялъ на дѣвушку не знатной породы? Это отъ того, что Ея Сіятельство

Digitized by Google

показалась мнѣ слишкомъ бойка и лукава, и я увѣренъ, что мужъ ея скоро послѣ свадьбы попадетъ въ рогоносцы; а по моему, это не такая бездѣлица, какъ многіе думаютъ.

Вольное обращеніе Аглаиды даже иногда меня смущаетъ; впрочемъ мнѣ пріятно быть съ ней, и я часто къ нимъ ѣзжу. Сестры ея также дѣвушки любезныя, только воспитаны на тотъ-же покрой. Мать ихъ, сидя цѣлый день за Библіей, совсѣмъ не занимается ими и даетъ полную свободу привлекать къ себѣ обожателей, надѣясь, можетъ быть, этимъ средствомъ скорѣй сбыть ихъ съ рукъ безъ приданаго, котораго отецъ имъ не много оставилъ. По всему этому ты можешь судить, что я гораздо буду счастливѣе съ Людмилой, нежели съ которой нибудь изъ этихъ Графинь, и что я умѣлъ согласить любовь съ разсудкомъ. Прощай! надѣюсь скоро увѣдомить тебя о помолвкѣ.

III.

Людмила къ своей подругѣ.

Онъ здѣсь, моя милая, онъ пріѣхалъ! Я могу видѣть его, говорить съ нимъ, восхищаться глядя на него! Если-бъ ты видѣла, какъ онъ хорошъ, какъ благороденъ! Зачѣмъ я не могу показать его тебѣ и гордиться моимъ выборомъ?... Но что я сказала! Радость свиданія съ нимъ

Digitized by Google

сдѣлала меня безумной, заставила забыть все, меня, которую ожидаютъ въ будущемъ однѣ горькія слезы и тоска вѣчная!...

Ты знаешь, съ какимъ намѣреніемъ ждала я его. Думала-ли я, что эта минута будетъ для меня такъ горестна! Все время разлуки съ нимъ я жила однимъ воображеніемъ. Засыпала, думая о немъ, пробуждалась съ тою-же мыслію. Въ самыхъ сновидѣніяхъ одна любовь мечталась мнѣ. Я была счастлива, и не хотѣла проникнуть въ будущее, не умѣла поспигнуть, что эта любовь должна отравить всю жизнь мою!.. Но ты не понимаешь меня. Выслушай-же и пожалѣй обо мнѣ.

Дни за три до пріѣзда Графа, сидя съ Графиней и сестрой его, мы разговорились о немъ. Графиня сказала, что онъ долженъ скоро пріѣхать. Сердце мое забилось отъ радости и я никакъ не воображала, чтобъ разговоръ, начало котораго было такъ пріятно для меня, могъ кончиться смертнымъ моимъ приговоромъ.

Рѣчь зашла о службѣ и мало по малу склонилась на Гренадерскій полкъ, который стоитъ здѣсь. Мы судили объ офицерахъ; Юлія забавляла насъ своими критическими замѣчаніями на бѣдныхъ гренадеровъ, изъ которыхъ многіе вздыхаютъ, глядя на ея прелестное личико.

«Знаешь-ли ты, Людмила, Капитана Шмитта?» спросила меня наконецъ Графиня.

Digitized by Google

— Я его видѣла разъ пять.

— Каковъ онъ тебѣ кажется?

— Я глядѣла на него совершенно безъ замѣчанія, и потому ничего не могу вамъ сказать.

«Можно-ли глядѣть безъ замѣчанія на этого чудака—подхватила Юлія—съ его журавлиными ногами, огромнымъ носомъ и любимой пословицей: *признаюсь*, которую онъ говоритъ ко всякому слову, потирая себѣ руки, какъ будто онѣ у него вѣчно зябнутъ.»

— Онъ очень добрый человѣкъ—сказала Графиня съ видомъ нѣсколько недовольнымъ.

«Я объ этомъ не говорю ни слова, матушка; развѣ длинный носъ мѣшаетъ кому нибудь быть добрымъ человѣкомъ?»

— Ты очень насмѣшлива, Юлія, и иногда совсѣмъ не у мѣста. Ты не оставишь ни одного человѣка безъ того, чтобъ не отыскать въ немъ какого нибудь недостатка. Эта страсть насмѣхаться очень мнѣ не нравится. Развѣ могутъ быть люди совершенные? Ты еще сама не узнала, каковъ будетъ у тебя мужъ—прибавила она улыбнувшись.

«О, вѣрно ужъ лучше Шмита!»

— Если только лицемъ, такъ это еще не много. Я говорю тебѣ, что Шмитъ добрый человѣкъ. Онъ командуетъ ротой, исправенъ, хорошаго поведенія, любимъ своими товарищами, однимъ

Digitized by Google

словомъ: можетъ быть прекраснѣйшимъ мужемъ, вопреки твоему сужденію. И я бы не совѣтовала пренебрегать такимъ женихомъ, особенно дѣвушкамъ безъ состоянія. — Тутъ Графиня взглянула на меня, и я задрожала, какъ въ лихорадкѣ.

«Развѣ, матушка, Шмитъ такъ богатъ?» спросила Юлія, устремивъ на нее пристально взоръ и не замѣтивъ ни взгляда ея, ни моего смущенія.

— Видно богатство такой талисманъ, который и на тебя дѣйствуетъ? Но успокойся: онъ не милліонщикъ, а имѣетъ порядочное состояніе.—

«Напрощивъ, богатство меня совсѣмъ не прельщаетъ. И если-бъ Шмитъ былъ втрое богаче Персидскаго Шаха, то и тогда не могъ-бы быть моимъ мужемъ, со всей его добротой и прекрасными качествами.»

— Почему-же? —

«Потому... потому, что онъ очень похожъ на гуся.»

Этотъ отвѣтъ, сдѣланный съ притворнымъ простодушіемъ, заставилъ насъ засмѣяться.

— Но скажите, матушка, продолжала Юлія, отъ чего вы такъ хорошо знаете и дѣла и добродѣтели Шмита? Я подозрѣваю, не хочетъ-ли онъ сдѣлать мнѣ честь, предложивъ свою руку и сердце; и не это-ли васъ заставило обо всемъ такъ подробно развѣдать? —

Digitized by Google

« Нѣтъ милая, ты ужь опоздала. »

— Что вы хотите этимъ сказать? —

« То, что выборъ его ужь сдѣланъ. »

— Неужели! Кто-же эта счастливая соперница? которой однакожь я не слишкомъ завидую.

« Ты ее очень хорошо знаешь. »

Тутъ я и Юлія оставили работу и устремили глаза на Графиню.

— Ради Бога, матушка, не мучьте меня. Я нетерпѣливо хочу знать, кто-бы это такая?.. Ужь не Пышкина-ли? (Эта Пышкина дѣвушка лѣтъ въ 40, очень безобразная собою). Въ такомъ случаѣ я отдаю справедливость вкусу Г-на Шмита и соглашаюсь, что онъ не могъ для себя выбрать лучшей пары.

« Повторяю тебѣ, Юлія, что твои вѣчныя насмѣшки несносны, » сказала съ сердцемъ Графиня. » Вкусъ Шмита совсѣмъ не такъ дуренъ, какъ ты думаешь; выборъ его палъ на твою подругу. » Тутъ она указала на меня.

Юлія сначала подумала, что это шутка; вытаращила глаза на мать свою и хотѣла засмѣяться, но видя, что она говоритъ не шутя, закусила губы. А у меня такъ зарябило въ глазахъ, что я не взвидѣла ни узора, ни пялецъ, въ которыхъ шила. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

« Что-жь ты на это скажешь, Людмила? » спросила наконецъ Графиня.

Digitized by Google

— Я... я...—говорила я заикаясь—я не знаю, что вамъ сказать.

« Правда, продолжала она, что я дѣлаю тебѣ предложеніе въ минуту не самую выгодную для Шмита, по милости этой вѣтреницы, которая теперь прикусила языкъ; но я знаю твое благоразуміе и увѣрена, что пустыя насмѣшки шалуньи не могутъ тебя отвратить отъ человѣка хорошаго, почему и совѣтую не шутя подумать объ этомъ дѣлѣ. »

— Но не ужели мнѣ должно идти непремѣнно, за перваго кто за меня посватается? сказала я въ отчаяніи.

« Если-бъ я тебѣ совѣтовала идти за бродягу сорвавшагося съ висѣлицы, тогда-бы ты могла сдѣлать это замѣчаніе. Но я люблю тебя, какъ дочь, и всякой день тебѣ это доказываю; слѣдовательно ты можешь разсудить, что я хорошо обдумала, выгодно-ли для тебя это замужество. Шмитъ — повторю еще—честенъ, добръ....

—И очень не дуренъ собою—подхватила Юдія.

« Замолчите, сударыня, или я васъ выгоню вонъ. Не слушай ее, милая Людмила; ты сама слишкомъ благоразумна и знаешь, что наружность есть послѣднее дѣло. »

— Но если можно согласить одно съ другимъ.. прибавила я запинаясь и не зная что говорить.

« О, я вижу, что ты разборчивая невѣста. Бе-

Digitized by Google

регись, чтобъ съ тобою не случилось того-же, что съ невѣстой Крылова. Жениха совершеннаго мудрено найдти и съ богатствомъ, а съ твоимъ состояніемъ всего скорѣй попадешь за калѣку.»

— Что касается до меня, я ни за кого-бъ идти не желала, кромѣ его — договорила я въ мыслях.

«Чтожъ, развѣ ты цѣлый вѣкъ хочешь просидѣть въ дѣвкахъ? Это не такъ легко, какъ ты думаешь, и я не повѣрю ни одной дѣвушкѣ, которая никогда не хочетъ идти за мужъ, чтобъ она говорила отъ души. Подъ этими словами всегда скрывается надежда выбрать жениха получше. Если и ты имѣешь тоже въ виду, то совѣтую одуматься. Не заносись слишкомъ высоко, чтобы послѣ не раскаяваться.»

Сказавъ эти слова голосомъ ивердымъ и нѣсколько сердитымъ, Графиня вышла; а я, не понимая что со мной дѣлается, почти въ совершенномъ безпамятствѣ сидѣла, какъ прикованая къ своему мѣсту. Слезы катились изъ глазъ моихъ, и я готова была упасть въ обморокъ. Юлія подбѣжала ко мнѣ на помощь и старалась успокоить меня. Но могла-ли я быть покойна? Я знала, что принудить меня къ ненавистному замужству не можетъ никакая сила человѣческая, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣла, что Александръ не существовалъ для меня. Слова его матери от-

Digitized by Google

крыли глаза мои, показали мнѣ, что бѣдная Людмила не можетъ быть невѣсткой Графини Славской.

Черезъ три дня послѣ этого ужаснаго разговора пріѣхалъ Графъ. Я хотѣла-бы летѣть къ нему и первая его встрѣтить, но я поклялась скрывать чувства мои отъ него, надѣясь, что, можетъ быть, притворной холодностью, заставлю забыть себя, погашу въ сердцѣ его любовь, которая такъ дорога мнѣ... Не хочу разстроивать семейственнаго счастія, и лучше буду страдать одна, но не буду причиною несогласія между сыномъ и матерью; не хочу, чтобъ она сказала: я согрѣла змѣю у себя на сердцѣ!

Но, милая, ты можешь судить, какъ дорого стоитъ мнѣ это притворство! Можешь судить, каково мнѣ казаться равнодушной къ тому, кого я люблю больше себя! Боже мой! что онъ подумаетъ обо мнѣ? Онъ все также меня любитъ, а я раздираю сердце его!... Какимъ голосомъ, съ какимъ чувствомъ онъ говоритъ со мной; но я всегда отвѣчаю односложно, сухо и кажусь холодна какъ камень. Даже убѣгаю его, потому что всякую минуту готова измѣнить себѣ. Все это убиваетъ его; онъ не понимаетъ, что со мной сдѣлалось; ищетъ случая спросить меня, не находитъ и день отъ дня становится печальнѣе и задумчивѣе.

Digitized by Google

Вчера послѣ ужина, когда мы всѣ сидѣли въ гостиной, онъ съ мрачнымъ видомъ ходилъ по комнатѣ.

« Скажи мнѣ, братецъ, спросила его шутя Юлія, ужь ты не влюбленъ-ли? Ты что-то очень задумчивъ: не разлука-ли съ милой заставляетъ тебя крушиться? » Тутъ она взглянула украдкой на меня и вѣрно замѣтила, какъ я покраснѣла, потому что мы сидѣли очень близко.

— Какъ ты хорошо знаешь сердце человѣческое — отвѣчалъ Графъ, сначала не много смѣшавшись, но потомъ принявъ тотъ-же шутошный тонъ—ты угадала. Я даже хочу у маменьки просить позволенія жениться. — Тутъ и онъ посмотрѣлъ на меня.

« Это ужь слишкомъ поспѣшно, » сказала Графиня засмѣявшись. « Я-бы по крайней мѣрѣ прежде желала видѣть твою невѣсту. »

— О, я хочу вашего согласія безъ всякихъ условій.

« Стало быть ты пренебрегаешь моимъ мнѣніемъ? »

— Нѣтъ, маменька, но я слишкомъ на себя надѣюсь.

« Не совѣтую. Однакожь въ такомъ случаѣ нечего тебѣ бояться показать мнѣ свою невѣсту. »

— Вѣрно она богата, братецъ?

« Напротивъ, ничего не имѣетъ. »

— Стало быть мой Александръ—сказала опять

Графиня—хочетъ сдѣлаться романическимъ героемъ: построитъ хижинку и въ ней поселишься съ своей любезной.

«Нѣтъ, я самъ большой ненавистникъ хижинъ, особливо съ нѣхъ поръ, какъ служу въ военной службѣ и каждую зиму имѣю удовольствіе жить въ нихъ вмѣстѣ съ тараканами. Но мое состояніе не допуститъ меня до этого, хотя-бъ будущая жена моя въ самомъ дѣлѣ была нищая.»

— Я вижу, что вы говорите шутя, мой другъ; но и я также шутя прибавлю, что тебѣ слишкомъ рано думать о женитьбѣ, и что я терпѣть не могу женатыхъ Корнетовъ.

«По крайней мѣрѣ машушка любитъ женатыхъ Капитановъ,» прибавила Юлія засмѣявшись; но взглядъ Графини заставилъ ее замолчать.

Графъ, не понимая значенія этихъ словъ и желая завлечь меня въ разговоръ, въ продолженіе котораго я сидѣла какъ на иголкахъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Что вы не скажете намъ вашего мнѣнія?

«Что касается до меня, отвѣчала я, стараясь оправиться и поддержать шутку, которая правду сказать не слишкомъ была для меня забавна, что я иначе не рѣшусь выйдти за мужъ, какъ развѣ за Генерала.

— Право, вы съ нѣкоторыхъ поръ спали очень

Digitized by Google

горды—сказалъ Графъ такимъ тономъ, который явно давалъ чувствовать упрекъ.—Но, прибавилъ онъ смягчивъ голосъ—съ вашими достоинствами и красотой это простительно.

« Прекрасно, братецъ! ты живучи съ своими гусарами, все еще не разучился дѣлать комплиментовъ. Но берегись, чтобъ я не сказала этого твоей любезной. »

— Напрасно будешь трудиться: моя любезная такъ холодна ко мнѣ, какъ Январь мѣсяцъ, и слѣдственно совсѣмъ не ревнива.

«Опять упрекъ!» подумала я; хотѣла сказать что нибудь на это, но слова замерли на губахъ моихъ, и мы разошлись.

Всякой день я слышу эти упреки. Сердце мое разрывается, и я боюсь, что не въ силахъ буду выдержать такой пытки. Пиши ко мнѣ, ради Бога, моя милая! Дай совѣтъ, что мнѣ дѣлать? Никогда я такъ не желала съ тобой видѣться. Ты-бы раздѣлила тоску мою, дружба твоя успокоила-бы мое сердце. . . Зачѣмъ не могу я опять перенестись въ пансіонъ нашъ, гдѣ были мы такъ веселы и безпечны? Думала-ли я тогда, мечтая съ тобою о будущемъ, что оно принесетъ мнѣ горесть и слезы? Дай Богъ, чтобы ты по крайней мѣрѣ была счастливѣе! Прощай, милая! цѣлую тебя тысячу разъ.

Digitized by Google

4.

Графиня Аглаида, къ сестрѣ своей.

Ну, сестрица, съ тѣхъ поръ, какъ я писала къ тебѣ, у насъ случилось много новенькаго, и я спѣшу сообщить тебѣ пріятныя вѣсти: пріятныя, по крайней мѣрѣ для меня; а такъ какъ ты меня любишь, то я увѣрена, что порадуешься со мною.

Вижу напередъ твое любопытство, вижу, что ты хочешь отгадать, въ чемъ состоитъ дѣло; но не безпокойся, моя милая! не ломай головы своей. Не смотря на всю твою проницательность, которой отдаю полную справедливость, я готова биться объ закладъ на цѣлую Петербургскую модную лавку, что ты ровно ничего не отгадаешь.

Послѣднее письмо мое отъ доски до доски было наполнено однимъ только Шмитомъ, и ты вѣрно полагаешь, что и теперь я буду говорить о немъ, и пришлю тебѣ подробную реляцію совершенной побѣды надъ этимъ чудакомъ, который, если также ловко нападаетъ на непріятелей, какъ на женщинъ, то не много имъ сдѣлаетъ урона; но ты ошибешься. Отъ одной только скуки, отъ нечего дѣлать, вздумала я удостоить его взоромъ, и похожа была на Венеру, которая, за неимѣніемъ лучшаго обожателя, из-

Digitized by Google

волила веселиться съ хромоногимъ Вулканомъ. Но что значитъ Вулканъ, когда явился Адонисъ? А чтобы не томить долѣе твоего любопытства, которое и такъ уже довольно пострадало, то скажу просто, что любезный братецъ нашъ пріѣхалъ въ отпускъ.

Ахъ, сестрица! какъ онъ перемѣнился, какъ выросъ, какъ сталъ хорошъ! Если ты увидишь его, то я боюсь, что мы изъ сестеръ-друзей сдѣлаемся сестрами соперницами. Ты помнишь, что когда онъ былъ еще ребенкомъ, и тогда ужь мнѣ нравился, и тогда воображала я его героемъ каждаго романа, которые мы съ тобою читали. Посуди-же, что̀ я почувствовала, увидѣвъ его совершеннымъ человѣкомъ, съ прекраснымъ лицомъ, съ черненькими усиками и припомъ въ гусарскомъ мундирѣ? Я безъ ума отъ него! Видѣть его у ногъ моихъ—пылкаго, нетерпѣливаго, сгарающаго отъ любви—вотъ одна мечта, занимающая меня безпрестанно, одно желаніе, наполняющее мое сердце! и я рѣшилась достигнуть этого, во чтобъ то ни стало, или умереть съ тоски и досады.

Одно только меня безпокоитъ. Помнишь-ли ты, какъ онъ былъ *друженъ* съ Людмилой, передъ отъѣздомъ своимъ отсюда? Замѣчала-ли, съ какимъ восхищеніемъ она говоритъ всегда о немъ и какъ перемѣняется въ лицѣ при одномъ его имени? По всему этому я заключаю, что она пред-

Digitized by Google

упредила меня, и предвижу, что буду имѣть въ ней опасную соперницу, если только разлука не охладила сердца брашцева. До сей поры ревность меня мучитъ, и еще болѣе подстрекаетъ вырвать побѣду изъ рукъ ея. Для этого я готова рѣшиться на все; употребить всѣ способы, привести въ дѣйствіе всѣ пружины, которыми только можно тронуть сердце человѣческое. Я составила ужъ въ головѣ своей планъ, и хочу сообщить тебѣ его—одобришь-ли ты мою тактику. Но прежде надобно тебѣ знать, что глупый Шмитъ ужъ не въ числѣ моихъ поклонниковъ: и онъ также предпочелъ мнѣ эту несносную Людмилу, которая, кажется, для того только и создана, чтобы лишать меня обожателей, и онъ хочетъ жениться на ней!... Сначала это было досадно мнѣ, но теперь, напрошивъ, я безъ памяти рада, что онъ въ такое время вздумалъ за нее свататься, и надѣюсь даже употребить это въ свою пользу. Думаю навѣрное, что Людмила не пойдетъ за него; но что до этого! лишь-бы только удалось мнѣ въ сердцѣ милаго брашца поселить хоть немного ревности. Потомъ, коротшимъ обращеніемъ съ нимъ, на которое даетъ мнѣ право родство наше, я заставлю ревновать Людмилу, поссорю ихъ и отдалю другъ отъ друга, а это главное; въ остальномъ мнѣ ручается мое зеркало.

Теперь я должна тебѣ сказать, хоть и стыдно, что мнѣ жаль было потерять Шмита. Онъ не

Digitized by Google

можетъ быть пріятнымъ любовникомъ, ни своей наружностью, ни деревяннымъ сердцемъ; но за то-бы могъ быть прекраснѣйшимъ мужемъ: добръ, простъ, и притомъ съ хорошимъ состояніемъ. А эти при качества въ мужѣ чрезвычайно милы, потому что умная жена съ такимъ мужемъ можетъ дѣлать все, что захочетъ: бранить его, когда сама виновата, дремать, когда онъ вздумаетъ говорить нѣжности, и даже наконецъ увѣрить его, что онъ боленъ, и уложить въ постель, когда того потребуетъ нужда. Ты согласишься, что мнѣ, при моемъ характерѣ и при нашихъ разстроенныхъ обстоятельствахъ, такой мужъ былъ-бы совершенный кладъ. Обдумавъ все это и судивши по частымъ его посѣщеніямъ, что онъ не равнодушенъ ко мнѣ, я бѣсилась на его неловкость и застѣнчивость; ждала всякой день объясненія, и наконецъ сама рѣшилась вырвать у него признаніе; но, вмѣсто того узнала, что онъ любитъ не меня, а Людмилу!... Эта сцена такъ забавна, что я перескажу тебѣ ее.

Съ недѣлю тому назадъ, онъ пріѣхалъ къ намъ вечеромъ. У насъ никого не было. Сначала, какъ водится, разговоръ шелъ о погодѣ, о политикѣ и тому подобномъ; но наконецъ, какъ-то всѣ разошлись, и въ гостиной осталась только я съ сестрой и съ милымъ моимъ Селадономъ. Сестра сидѣла въ углу за книгой, а я подсѣла къ нему

Digitized by Google

на диванъ, посмотрѣла на него довольно нѣжно, т. е. какъ только могла посмотрѣть на этакаго урода, и надѣялась, что онъ начнетъ разговоръ. Не тутъ-то было: онъ сидѣлъ, какъ сонный. Видя, что такой удобный случай для объясненія проходитъ безъ пользы, я потеряла терпѣніе; подвинулась къ нему еще ближе, и голосомъ самымъ тихимъ, показывающимъ участіе, спросила его: «Что вы такъ задумчивы, любезный Шмитъ?»

— Ничего, Ваше Сіятельство, отвѣчалъ онъ такъ хладнокровно, какъ-бы говорилъ съ своимъ фельдвебелемъ.

«Не вѣрю. У васъ что-нибудь лежитъ на сердцѣ,» продолжала я еще тише, и надѣясь услышать что-нибудь нѣженькое.

— Ей Богу, право ничего.

Эта клятва, произнесенная тономъ самымъ увѣрительнымъ, такъ меня взбѣсила, что я готова была плюнуть ему въ глаза, и такъ смѣшалась, что я отодвинулась отъ него на цѣлый аршинъ, не зная, что еще говорить.

Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ, и я опять начала терять терпѣніе.

«Какой жаркой разговоръ у насъ съ вами, любезный Шмитъ!» Я думала, что онъ скажетъ на это по крайней мѣрѣ: *кто много чувствуетъ, тотъ мало говоритъ*, или что-нибудь

Digitized by Google

подобное; но и тутъ ошиблась: онъ захохоталъ во все горло. Это привело меня въ отчаяніе; однакожъ я отступать не хотѣла.

«Вы, мнѣ кажется, озябли, сударь?»

— Признаюсь, отвѣчалъ онъ, потирая по обыкновенію руки —въ комнатѣ довольно холодно.

«Я это вижу, и думаю, что у васъ и языкъ и сердце замерзли!»

При этомъ упрекѣ сестра не могла удержаться отъ смѣха, а испуганъ мой не понялъ его и просилъ съ удивленіемъ: Почему я такъ думаю?

— Потому, что ты видишь такъ близко возлѣ себя хорошенькую дѣвушку, которая расположена къ тебѣ недурно, и сидишь какъ деревянный — могла-бы я сказать, но разумѣется не сказала.

«Потому что вы слишкомъ молчаливы.»

— Да что-же мнѣ говорить? помилуйте!

Дуракъ, болванъ—думала я — если ты ужъ и этого не понимаешь, то что-же мнѣ съ тобой дѣлать? Однакожъ надобно было говорить яснѣе:

«Послушайте: вы не увѣрите меня, мой любезный Шмитъ, чтобъ у васъ не было на сердцѣ печали. Васъ тяготитъ какая-то дума.... Признайтесь: вамъ одиночество становится въ тягость, вы скучаете холостой жизнію?»

— Почему вы это угадали? спросилъ онъ съ удивленіемъ. Боже мой, какъ вы хорошо знаете мои мысли!...

Digitized by Google

Слава Богу! подумала я, наконецъ расчувствовался—и считая эту минуту благопріятною, дружески положила руку на его эполетъ; между тѣмъ онъ отъ меня отодвигался, а я, приписывая это застѣнчивости, продолжала его преслѣдовать до самаго угла дивана.

«И такъ вы соглашаетесь, что я угадала. Къ чему-жь была эта скромность?... Вы влюблены; для чего-жь не откроетесь?...

Голосъ, которымъ я произнесла эти слова, далъ бы понять всякому другому, чего я хотѣла, и я ожидала страстнаго признанія; но онъ покраснѣлъ, какъ буракъ, и видя, что ужь нѣкуда больше двигаться, вскочилъ съ своего мѣста.

— Влюбленъ, повторилъ онъ. Кто вамъ это сказалъ?

Чортъ — шептала я, видя что такъ глупо ошиблась — чортъ, который-бы очень хорошо сдѣлалъ, если-бъ взялъ тебя въ эту минуту.

Сестра, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, во все продолженіе разговора, наконецъ захохотала, видя мою неудачу, и вышла изъ комнаты; а я сидѣла какъ Дидона, оставленная своимъ Энеемъ. Но надобно-жь было какъ-нибудь поправиться, и я наконецъ собралась съ духомъ:

«Вижу, почтенный Карлъ Карловичъ, что слова мои огорчили васъ, что я была слишкомъ неосторожна, желая узнать тайну вашу. Но если

Digitized by Google

вы разсудите, что это произошло отъ одного только участія, отъ желанія вамъ добра, что вѣрно не будете на меня сердиться. Повѣрьте— прибавила я, вставши и взявъ его за руку—повѣрьте, что одно только чувство истинной дружбы заставило меня быть нескромной. Я думала, что вы заплатите за участіе довѣренностію; но, къ сожалѣнію, ошиблась, и прошу извинить меня.»

Краснѣя и запинаясь, пробормоталъ онъ мнѣ свою чувствительнѣйшую благодарность; изъявилъ, что для него лестно все слышанное отъ меня и и проч. и проч.; а на другой день, въ знакъ признательности за мое участіе, объявилъ по секрету, что хочетъ свататься за Людмилу!!! Не правда-ли, что это очень мило?...

При этомъ извѣстіи я остолбенѣла, и видѣла, что осталась въ чистыхъ дурахъ. Но сообразивъ опять, что Шмитъ не понялъ меня и въ самомъ дѣлѣ принялъ мое нападеніе за дружеское участіе, я оправдалась, какъ могла, и сначала поздравила его съ такимъ хорошимъ выборомъ, а потомъ, съ видомъ лукавымъ, прибавила совѣтъ: быть осторожнѣе, и намекнула о любви Людмилы къ Графу; я все еще не отчаявалась привлечь его къ себѣ. Но теперь, дай Богъ ему совершеннаго успѣха! Я отъ души даю мое благословеніе...

Вообрази, какъ легокъ на поминѣ милый братецъ. Я услышала шумъ подъѣхавшихъ саней, бросилась къ окошку, и увидѣла, что онъ при-

Digitized by Google

ѣхалъ съ матушкой своей, съ сестрой и съ Людмилой. Спѣшу одѣться и выйдти въ гостиную....

Еслибъ ты, сестрица, не была женщина, еслибъ не была даже одинакаго характера со мной и не имѣла, такъ-же какъ я, маленькихъ, невинныхъ интригъ, то тебѣ очень бы трудно было понять чувства, которыя волновали меня передъ выходомъ въ гостиную.

Я видѣла братца, по пріѣздѣ его, одинъ только разъ и то въ церкви, и не успѣла даже поговорить съ нимъ порядочно; слѣдовательно теперешнюю минуту можно было считать рѣшительною, потому, что отъ перваго впечатлѣнія почти всегда зависитъ успѣхъ, или неудача. Да, милая, не бездѣлица послѣ долгой разлуки увидѣться съ человѣкомъ, къ которому мы не совсѣмъ равнодушны, и котораго хотимъ заставить любить себя! Я думаю по крайней мѣрѣ, что тутъ надобно имѣть присутствіе духа, равное Наполеонову, для того, чтобъ не сбиться съ назначеннаго пути, и чтобы всѣ планы не пошли на выворотъ.

Разумѣется, что первое дѣло мое было заняться туалетомъ, который, не смотря на все нетерпѣніе мое, продолжался съ часъ. Кончивъ его, я выпила стаканъ холодной воды, чтобы хотъ нѣсколько успокоить волненіе свое; потомъ бросила еще одинъ взглядъ въ зеркало и

Digitized by Google

улыбнулась отъ удовольствія... Вижу, что ты кусаешь губы, насмѣшница! но, право, говорю это не отъ самолюбія: я точно нашла себя *хорошенькой*. На мнѣ не было огромныхъ накладныхъ кудрей, которыя такъ любятъ наши дамы, особенно безобразныя, и закрываютъ ими половину рябыхъ и худыхъ лицъ своихъ; ни богатой пелерины, которая отнимаетъ красоту у плечъ и груди; словомъ, ничего изъ тѣхъ пышныхъ и глупыхъ уборовъ, которые не придаютъ украшенія натуральнымъ прелестямъ, а служатъ только къ прикрытію недостатковъ. Природные локоны мои небрежно вились и упадали, придавая лицу легкій отпѣнокъ. Проспенькое, но со вкусомъ сдѣланное платье, обрисовывало станъ мой и *округлости*. Каждый бантикъ, каждая булавочка были на своемъ мѣстѣ, и шаль, не приколотая подъ горломъ, по нынѣшней глупой модѣ, но слегка накинутая, не душила меня, а пріятно обнимала легкими своими изгибами; короче: нарядъ мой имѣлъ ту прелесть, которую описать нельзя, но ты ее вообразишь можешь, зная мой вкусъ и познанія въ наукѣ одѣваться, къ которымъ сама такъ часто прибѣгаешь. Но дѣло не о томъ. Собравшись съ духомъ, я вошла наконецъ въ гостиную.

Брашецъ окинулъ меня взоромъ съ головы до ногъ, въ то время когда я здоровалась съ дамами, и хотя я глядѣла совсѣмъ въ противную

Digitized by Google

спорону, но, по дару, принадлежащему однѣмъ женщинамъ, очень хорошо видѣла, что взоръ его выражалъ удовольствіе. Подошедши ко мнѣ, онъ тотчасъ-же усѣлся опять возлѣ машушки для продолженія разговора о службѣ, который они начали еще до моего прихода, и который, какъ кажется, былъ очень не веселъ для обоихъ. Я между тѣмъ занялась съ Юліей. Ты знаешь, какъ люблю я острый, тонкій и всегда насмѣшливый умъ ея: сходные въ этой точкѣ характеры наши всегда встрѣчаются съ новымъ удовольствіемъ и дѣлаютъ для насъ занимательнымъ и пріятнымъ даже самый пустой разговоръ. Бесѣда съ Юліей развеселила меня, разсѣяла безпокойныя мысли, которыя бродили въ головѣ моей, по милости моихъ плановъ, и я возвратилась къ обыкновенной своей живости.

Въ продолженіе этого времени я внимательно наблюдала за любезнѣйшимъ братцемъ и за *невинной* Людмилой: оба они были мрачны и печальны, и мнѣ казалось, что какая-то скрытная тоска терзаетъ ихъ. Это было мнѣ подозрительно: невѣроятно, чтобъ одни и тѣже чувства, въ одно время у обоихъ происходили отъ разныхъ причинъ. Сначала я не могла понять, что-бы это значило; но послѣдствія заставили меня догадываться, что братецъ всё еще не равнодушенъ къ *подругѣ дѣтскихъ лѣтъ своихъ*, и что

Digitized by Google

между ними есть какая-то непріязность, которой я не могу постигнуть.

Людмила вмѣшивалась въ разговоръ нашъ; но я видѣла, что она дѣлаетъ это изъ одной благопристойности. Голосъ ея былъ какъ-то слишкомъ *томенъ*, взоръ уныл и сквозь улыбку проглядывала горесть душевная. Впрочемъ она довольно хорошо съумѣла преодолѣть себя и надобно было имѣть мои глаза и вниманіе, чтобы это замѣтить.

Бѣдный брашецъ игралъ свою роль гораздо хуже: онъ совсѣмъ почти не умѣлъ скрыть своей грусти. Былъ молчаливъ, разсѣянъ и отвѣчалъ не впопадъ. На бѣду его батюшка, который, какъ ты знаешь, любитъ вспоминать старинную службу и то время, когда былъ Капитаномъ въ артиллеріи, замучилъ его безконечными анекдотами объ осадѣ Очакова и вопросами о нынѣшней службѣ, такъ, что онъ пришелъ наконецъ въ совершенное отчаяніе. Я сама начинала сердиться, что до сихъ поръ не могу свободно поговорить съ нимъ; но, благодаря судьбу, случай скоро представился.

Передъ самымъ чаемъ пріѣхали гости: Надежда Карповна съ дочерью, Поручикъ Шишковой рощи и — онъ самъ. Замѣтя, что при входѣ его Людмила поблѣднѣла. Матушка занялась дамами, батюшка напалъ на офицеровъ, и брашецъ освободился. Я думала, что онъ

Digitized by Google

воспользуется этимъ и подойдетъ къ намъ; но кажется, что прѣтензія его на Людмилу не шуточная, потому, что сказавъ нѣсколько словъ мнѣ и сестрѣ своей, онъ не взглянулъ даже на *красавицу*, взялъ чашку, которую ему подали, и вышелъ въ залу, закурить свою трубку. Зная что шамъ никого не было, я почла эту минуту удобной и тотчасъ полетѣла туда. Съ мрачнымъ видомъ сидѣлъ онъ одинъ и занимался своею трубкою; сердце мое забилось, я подошла къ нему.

» Не больны-ли вы, любезный братецъ? вы такъ невеселы и удалились отъ всѣхъ!

— Я всегда любилъ уединеніе — отвѣчалъ онъ улыбнувшись.

« Прежде я этого не замѣчала; но съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались съ вами, многое могло перемѣниться. Какъ вы давно не были здѣсь! »

— Да, слишкомъ три года.

» И между тѣмъ, мнѣ кажется, вамъ скучно у насъ? Прежде также этого не было: вспомните, какъ мы въ этой залѣ рѣзвились и бѣгали. »

— Ахъ! если вы замѣчаете, что я такъ пасмуренъ, то это именно отъ воспоминанія тѣхъ невинныхъ удовольствій, которыми здѣсь наслаждался, и которыя прошли такъ скоро и невозвратно.

Тронувъ нечаянно струну, которую мнѣ хо-

Digitized by Google

шѣлось пронуть, я сѣла подлѣ него, и видя, что онъ въ такомъ плаксивомъ расположеніи духа, тотчасъ сама перешла изъ веселаго тона въ *минорный*.

» И вы искренно жалѣете о нихъ? « спросила я, вздохнувъ и взглянувъ на него нѣжно.

— Такъ какъ несчастный жалѣетъ о прошедшемъ благополучіи.

« Намъ очень пріятно, милый братецъ, что вы послѣ долгаго отсутствія не забыли насъ въ вихрѣ свѣта и его удовольствій; но пріятныя воспоминанія должны были-бы сдѣлать на васъ впечатлѣніе совсѣмъ противное тому, которое вы теперь чувствуете. »

— Боже мой! Я вамъ говорю, что вспоминаю о прошедшемъ съ сожалѣніемъ, потому что не могу возвратить его.

Я очень хорошо понимала настоящій смыслъ его разговора, и между тѣмъ продолжала его допрашивать.

» Право я не понимаю васъ: если-бъ вы, возвратившись на родину, не нашли ни родныхъ, ни друзей, съ которыми дѣлили невинныя игры дѣтства, тогда-бы печаль ваша и грустныя воспоминанія были натуральны; но родные ваши всѣ живы и здоровы, друзья по прежнему васъ любятъ.....

— А мнѣ кажется, что этого-то и нѣтъ! Мнѣ кажется, что три года отсутствія заста-

Digitized by Google

вили всѣхъ чуждаться меня. Я замѣчаю во всѣхъ такую холодность, такое отчужденіе, которыя иногда противъ воли заставляютъ меня думать, что вмѣсто родины моей я заѣхалъ въ Сѣверную Америку.

» По крайней мѣрѣ исключите меня изъ числа этихъ холодныхъ друзей.

— Вы правы — сказалъ онъ улыбнувшись и взявъ меня за руку — въ васъ я вижу всё ту-же милую, прелестную сестрицу, съ которой игралъ въ дѣтствѣ моемъ; и съ вами только, по пріѣздѣ сюда въ первый разъ говорю такъ свободно, такъ откровенно какъ-бы вовсе не разставался.

» Это для меня самый лестный комплиментъ, какой вы только могли сказать. И такъ признайтесь — прибавила я шутя — что не всѣхъ женщинъ можно обвинять въ вѣтренности.

— За пять минутъ я бы сталъ утверждать противное; но теперь не смѣю съ вами спорить.

Такимъ образомъ разговоръ нашъ становился часъ отъ часу откровеннѣе и живѣе, и мнѣ наконецъ удалось нѣсколько уменьшить печальное расположеніе грустнаго брата.

Между тѣмъ, жалуясь на холодность всѣхъ его окружающихъ, онъ далъ мнѣ выразумѣть, и самъ не замѣчая того, что это чувство неудовольствія на весь свѣтъ происходитъ въ немъ отъ холодности одной Людмилы. Я вижу, что ему нуженъ другъ, который бы дѣлилъ его

Digitized by Google

горести и, кажется, этотъ жребій падетъ на меня. Да, милый Александръ! ты сдѣлалъ мнѣ ужь половину довѣренности, и я буду твоимъ другомъ, самымъ нѣжнымъ, самымъ страстнымъ другомъ; а отъ дружбы, между мужчиной и женщиной нашихъ лѣтъ, до любви одинъ только шагъ. Притомъ же — если только я не ошиблась, что грусть его происходитъ отъ неудовольствій *любовныхъ* — играя роль друга, утѣшая его, какъ хорошо, какъ удобно могу я выказать свои чувства и непримѣтно завлечь его въ сѣти, которыя онъ не прежде замѣтитъ, какъ совсѣмъ ужь запутавшись въ нихъ. Правда, я не знаю за что поссорились они съ Людмилой, и можетъ быть одно объясненіе ихъ, если не разрушитъ плана моего, то по крайней мѣрѣ отдалитъ успѣхъ; но я надѣюсь на счастіе, которое и въ этотъ разъ помогло мнѣ возбудить ревность въ сердцѣ брата, и тѣмъ самымъ отдалить, можетъ быть, это объясненіе, которое для меня такъ страшно.

За ужиномъ я сѣла возлѣ него, и подъ шумнымъ разговоромъ другихъ мы могли свободно продолжать свой, въ прежнемъ тонѣ. Даже онъ невольно пожалъ нѣсколько разъ мою руку. Ахъ, сестрица! Какъ милокъ мой Александръ (не смѣйся, что я его такъ скоро называю своимъ) въ наліяніи дружбы! Какова-жь должна быть любовь его?... При одной мысли объ этомъ, голова моя

Digitized by Google

кружится, кровь кипитъ въ моихъ жилахъ..... Прости невольному отступленію: я поспѣшу кончить разговоръ мой. Въ душѣ наслаждалась я торжествомъ надъ Людмилою, которая то блѣднѣла, то краснѣла съ досады, видя, что я такъ сдружилась съ братцемъ. На бѣду ея Шмитъ, какъ слѣдуетъ учтивому кавалеру, усѣлся возлѣ нея и мучилъ ее своимъ разговоромъ, на которой бѣдненькая должна была отвѣчать изъ благопристойности. Я готова биться объ закладъ что у нихъ далѣе погоды дѣло не доходило; но милый братецъ встревожился и спросилъ меня о Шмитѣ.

Какъ было можно пропустить такой случай? Сказавъ, что онъ за человѣкъ, я намекнула о любви его къ Людмилѣ, прибавила, будто мнѣ кажется, что и она къ нему не равнодушна; но о свашовствѣ его сказать не могла: это-еще секретъ, и объявивъ его, я могла дать замѣтить, что Шмитъ удостоиваетъ меня особенной довѣренности, а я очень не желаю вывесть этого наружу.

Прощай, милая! Вотъ тебѣ полное описаніе моего дня и перваго нападенія, которое началось гораздо лучше нежели я думала. Если всё пойдетъ такъ, какъ я надѣюсь, то конецъ моихъ желаній очень близокъ. Не брани меня, что пишу такъ подробно: воинъ любитъ вспоминать тѣ сраженія, въ которыхъ счастіе и умъ хо-

Digitized by Google

рошо ему помогали. . . Знаешь-ли, что мнѣ пришло въ голову? Если-бъ старыя женщины могли безъ зазрѣнія совѣсти говорить о прежнихъ интригахъ своихъ, то, ей Богу, разсказывали-бы о нихъ всѣмъ и каждому съ такимъ точно удовольствіемъ, съ какимъ бабушка разсказываетъ о бишвѣ Очаковской.

5.

Людмила къ своей подругѣ.

Боже мой! Что со мной дѣлается, моя милая! Графъ знаетъ, что Шмитъ за меня свашается и, что всего ужаснѣе, думаетъ, что я люблю его; по крайней мѣрѣ я сама, безумная! подала ему къ этому поводъ.

На дняхъ мы собрались ѣхать къ старому Графу, дядѣ Александра. Заложили двое саней и мы съ нимъ вышли на крыльцо, какъ-то прежде Графини и сестры его.

»Сядемъ-те вмѣстѣ, сказалъ онъ мнѣ, а машушка пусть ѣдетъ съ сестрой. «

Эти слова, произнесенныя тономъ, который напомнилъ мнѣ прежнее наше обращеніе, заставили меня затрепетать. Однакожь я кое-какъ собралась съ духомъ.

— Какъ вамъ пришло въ голову сдѣлать такое предложеніе? — отвѣчала я такъ покойно и серьёзно, какъ только могла.

Digitized by Google

» Почему же?«

— Потому что, мнѣ кажется, гораздо приличнѣе вамъ ѣхать съ машушкой, а мнѣ съ сестрицей вашей.

» Но, Людмила, развѣ прежде не бывало этого?«

—Вспомните, сколько этому времени. Мы тогда были дѣти и намъ всё было простительно; но теперь, мнѣ кажется, это неприлично: разсудите сами, какія могутъ вывести заключенія; что скажетъ, или подумаетъ сама ваша машушка, увидѣвъ, что вы не захотѣли ѣхать съ нею?

» Если только это причина вашего отказа, то я долженъ уважать ее; но я подозрѣваю еще, что, сверхъ всего, вамъ въ тягость быть со мной; даже, простите меня, бываютъ минуты, въ которыя я начинаю думать, что вы меня ненавидите...» Ты можешь посудить, милая, какъ больно мнѣ было слышать это; можешь посудить, какой-бы отвѣтъ желала я сдѣлать; но мнѣ должно было скрывать чувства свои и терпѣть адскую муку.

— Не обижайте меня — сказала я, едва удерживая слезы — какъ могу я ненавидѣть сына моей благодѣтельницы?

» Этотъ отвѣтъ показываетъ равнодушіе, которое для меня убійственнѣе самой ненависти. Послушайте, Людмила — прибавилъ онъ голо-

Digitized by Google

сомъ умоляющимъ — если вы только боитесь мнѣнія свѣта и неудовольствія машушки, то дайте мнѣ слово, что назадъ мы поѣдемъ вмѣстѣ; тогда будетъ вечеръ и я всё такъ постараюсь уладить, что это сдѣлается какъ-бы случайно.... Дайте мнѣ поговорить съ вами свободно хоть полчаса.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! — сказала я съ какимъ-то невольнымъ страхомъ и отчаяніемъ, боясь этой роковой минуты — оставьте меня, избавьте меня отъ этого разговора!..

Графъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ; хотѣлъ говорить, но тутъ вышла Графиня; онъ съ видомъ пасмурнымъ, подалъ ей руку и сѣлъ съ нею, а я поѣхала съ Юліей.

Цѣлый день Графъ былъ печаленъ и старался убѣгать меня; а въ вечеру я замѣтила, что онъ очень дружески говоритъ съ Графиней Агландой (которую ты знаешь по моему описанію). Это произвело во мнѣ какое-то непріятное чувство, которое было очень похоже на ревность, хотя я и старалась увѣрить себя въ противномъ. Какъ странно, какъ непонятно сердце человѣческое! Не сама-ли я удалялась отъ него, старалась прекратить прежнюю связь нашу, и между тѣмъ не могла видѣть спокойно, что онъ находитъ пріятность въ разговорѣ съ другой женщиной!... Повѣришь-ли: мнѣ было такъ грустно, такъ больно въ эту минуту, что я готова была за-

Digitized by Google

плакать и искусала себѣ губы, стараясь удерживать слезы, которыя нѣсколько разъ навертывались у меня на глазахъ.

Къ несчастію моему пріѣхалъ Шмитъ. Это меня смѣшало еще больше, потому что онъ за ужиномъ усѣлся возлѣ меня. Графъ между тѣмъ, сидя возлѣ Агланды, не обращалъ на меня вниманія и казалось занимался только ею одной. Все это вмѣстѣ сдѣлало на меня такое впечатлѣніе, что я насилу могла сидѣть на стулѣ, и кушанья, которыя брала я машинально, оставались у меня на тарелкѣ. — Вдругъ пришла мнѣ въ голову мысль: по какому-то невольному чувству, сама себя не понимая, я начала говорить съ Шмитомъ и даже старалась казаться веселою. Мнѣ отъ этого стало не много легче, какъ будто-бы я отмстила тѣмъ Графу; но какъ-же дорого стоитъ мнѣ это горькое удовольствіе!

Несносный ужинъ кончился; мы пріѣхали домой въ полночь, тотчасъ разошлись по своимъ комнатамъ — и я была безъ памяти рада, что наконецъ могу дать волю слезамъ, которыя такъ долго удерживала.

На другой день по утру я была блѣдна, какъ приговоренныя къ смерти, такъ что когда мы собрались къ завтраку, то Графиня спросила, не больна ли я; но Графъ казалось не замѣтилъ ни ея вопроса, ни разстроеннаго вида моего.

Digitized by Google

Онъ разговаривалъ съ сестрой и разговоръ ихъ склонился наконецъ къ вчерашнему вечеру.

» Какъ мила сестра Аглаида!» сказалъ онъ.

— Да — отвѣчала Юлія — ты далъ намъ замѣтить, что тебѣ очень пріятно быть съ ней, потому что цѣлый вечеръ ею одной занимался.—

» Я нашелъ въ ней стараго друга, который ни сколько не перемѣнился (тутъ онъ взглянулъ на меня), а что можетъ быть этого пріятнѣе? Право, мы съ ней какъ будто не разставались.«

— Не льзя-ли узнать, въ чемъ состоялъ разговоръ вашъ? —

» Мы вспоминали старину « сказалъ Графъ засмѣявшись.

— То есть вспоминали, какъ вы игрывали въ жмурки и въ гулючки. А я, глядя на васъ, думала, что вы разговаривали о чемъ нибудь посерьёзнѣе.

» Почему-же? «

— Потому, что о пустякахъ не говорятъ съ такимъ жаромъ и удовольствіемъ.

» Но развѣ воспоминанія прежнихъ удовольствій можно назвать пустяками, хотя-бъ они были и въ самомъ дѣлѣ ребяческія — прибавилъ онъ вздохнувъ.«

— Право, брашецъ, ты секретничаешь: я готова биться объ закладъ, что ты изъяснялся въ любви. —

Digitized by Google

»Могло-бы очень и это случиться; но къ несчастію, она мнѣ внучатная сестра.«

— О, если только за этимъ дѣло стало, такъ съ Богомъ — я благословляю! Васъ разрѣшимъ. —

»Какъ тебѣ въ голову приходятъ такіе пустяки, Юлія? сказала Графиня.

— Пусть ее забавляется на мой счетъ: я не въ претензіи.... Но скажите, матушка, ѣздили къ вамъ этотъ долгоносый офицеръ... какъ бишь его зовутъ?«

При этомъ вопросѣ меня въ сердце кольнуло, какъ иглою.

— Шмитъ, хочешь ты сказать? —

»Да.«

— Онъ бываетъ у меня; на что тебѣ это?—

»Такъ; мнѣ-бы хотѣлось отъ скуки познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ этихъ господъ.«

— И я тебѣ совѣтую именно познакомиться съ нимъ. —

»Отъ чего же?«

— Отъ того, что онъ человѣкъ хорошій, и сверхъ того, кажется, что мы съ нимъ скоро будемъ имѣть сношенія самыя коротшія. —

Тутъ Графиня взглянула на меня, и твоя бѣдная пріятельница желала-бы провалиться сквозь землю. Графъ также посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, потому что лицо мое изъ блѣднаго вдругъ сдѣлалось огненнаго цвѣта.

»Я что-то этого не понимаю, матушка?«

Digitized by Google

— Онъ свашается за Людмилу. —

» Свашается ! « повторилъ Графъ запинаясь, и уронилъ ножикъ, которымъ намазывалъ масло на хлѣбъ.

— Что-жь тебѣ кажется это такъ странно ? Я думаю, партія для нея очень выгодна. —

» Ничего, мнѣ только то удивительно, что я до сихъ поръ не знаю этого и не поздравилъ....«

— Но, братецъ, это еще не рѣшено, подхватила Юлія, видя, что я чуть жива; Людмила еще не дала своего согласія.

» По крайней мѣрѣ по вчерашнему ея обращенію съ Г. Шминомъ, я думаю, что это предположеніе не противно ей. Но — продолжалъ онъ, желая прекратить сцену, которая становилась для него такъ-же несносна, какъ и для меня — я забылъ, что мнѣ надобно писать множество писемъ и потомъ ѣхать обѣдать къ дядюшкѣ. «

Тутъ онъ вышелъ, а я сидѣла, оцѣпянная, безмолвная, и не въ силахъ была удерживать слезы, которыя капались по щекамъ моимъ.

» Что съ тобой сдѣлалось, Людмила ? спросила Графиня съ неудовольствіемъ. Я право начала было думать, что ты стала благоразумнѣе; а теперь опять вижу въ тебѣ пустые капризы, которые очень глупы. «

— Ради Бога, сударыня, пощадите меня ! . . Знаю, что я вамъ всѣмъ обязана, и готова по-

Digitized by Google

виноватъся вамъ во всемъ; но не требуйте отъ меня жертвы, которая выше силъ моихъ!.... Позвольте мнѣ лучше идти въ монастырь!—

«Это слишкомъ романически, моя милая. Шагъ этотъ такъ важенъ, что о немъ надобно хорошенько подумать, да и Шмитъ, мнѣ кажется, не такъ еще страшенъ, чтобъ отъ него бѣжать за монастырскую ограду.»

Къ счастію въ это время доложили о пріѣздѣ гостей. Я стремглавъ бросилась въ мою комнату, и не знала какъ благодарить Бога, что избавилась наконецъ отъ этой пытки.

Между тѣмъ мысль, что Графъ станетъ подозрѣвать меня въ любви къ другому, рвала мое сердце. » Это отдалитъ его совсѣмъ отъ меня, заставитъ ненавидѣть, презирать, « думала я — и ломая себѣ руки, въ отчаяніи ходила по комнатѣ.... Были минуты, въ которыя я хотѣла бѣжать къ нему, хотѣла открыть ему всѣ страданія мои, всю любовь мою.....

Къ несчастію подозрѣнія мои начали сбываться. Прежде, не смотря на мою холодность, онъ всё также любилъ меня, безпрестанно искалъ случая поговорить со мной, и это облегчало тоску мою. Мысль, что онъ любитъ меня, заставляла забывать всё и—признаться ли? какая-то тайная надежда противъ воли гнѣздилась въ моемъ сердцѣ.... А теперь онъ платитъ мнѣ за холодность холодностью, самъ убѣгаетъ отъ

Digitized by Google

меня какъ ошъ спрашнаго призрака!... Съ самаго этого роковаго дня я почти не вижу его; онъ не живетъ совсѣмъ дома и проводитъ цѣлые дни у своего дяди. Знаешь ли что? Мнѣ иногда кажется, что Графиня Аглаида скоро займетъ въ сердцѣ его мое мѣсто!...

Ты, можетъ быть, скажешь, что она сестра ему? Но я знаю ея характеръ — и развѣ нѣтъ такихъ примѣровъ? Впрочемъ можешь спаться, что это одинъ призракъ разстроеннаго моего воображенія и сердца, убитаго горестью.... Но эта мысль такъ ужасна, что я безпрестанно отгоняю ее, и со всѣмъ тѣмъ она всякую минуту вертится въ головѣ моей.

Не понимаю, какъ могла я прежде, бывъ увѣрена въ любви его, говорить, что я несчастна? Теперь я-бы кажется согласилась быть далеко отъ него, никогда не видаться съ нимъ, только съ тѣмъ, чтобъ опять возвратить любовь эту. Мысль что онъ такъ-же любитъ меня, такъ-же обо мнѣ думаетъ, такъ-же груститъ, какъ и я, могла-бы сдѣлать меня счастливой, не смотря на разлуку съ нимъ.... Не похожа-ли я теперь на отчаянно больнаго, который ничего не желаетъ, кромѣ возвращенія потерянаго здоровья, и не понимаетъ даже, какъ могъ онъ прежде желать чего нибудь другаго?...

Что мнѣ дѣлать, моя милая? Научи меня по крайней мѣрѣ переносить мои страданія, ко-

Digitized by Google

шорыя становятся несшерпимы. Я не нахожу никакихъ средствъ помочь имъ и вижу, что въ здѣшнемъ мірѣ и самая надежда не существуетъ для меня.

Я еще просила Графиню отказать Шмиту; но она всякой разъ за это сердится, не хочетъ меня слушать и говоритъ, чтобъ я не спѣшила и подумала. Я хочу сама написать къ нему и отказать рѣшительно, такъ однакожъ, чтобъ Графиня объ этомъ не знала.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.)

A Winter's Journey through Lapland and Sweden with Observations relating to Finmark. By Arthur de Capel Brooke, M. A. etc. 1826. 4to. *(Зимнее путешествіе по Лапландіи и Швеціи*, съ замѣчаніями о Финмаркѣ. Соч. Артура Брука. 1826 1 т. in 4).

Если въ наше время есть еще противники успѣховъ въ искусствахъ и поклонники древней простоты, высокой мудрости, ограничивавшей свои потребности самымъ необходимымъ, блаженнаго невѣжества, не подозрѣвавшаго и не желавшаго ничего, кромѣ того что было передъ его глазами, то они должны придти въ отчаяніе: образованность проникаетъ всюду. Торговля, предметы роскоши, даже книги начинаютъ обладать Лапландіею и угрожаютъ Шпицбергену! Описаніе зимовки въ Лапландіи, изданное Капитаномъ Брукомъ,

Digitized by Google

въ сравненіи съ повѣствованіями первыхъ путешественниковъ, говорившихъ о сей странѣ, есть предметъ достойный любопытства и изученія. Съ сею двоякою цѣлью, представляемъ его нашимъ читателямъ.

Капитанъ Брукъ основалъ свою зимовку на островѣ Халоэнѣ, почти на градусъ отъ Сѣвернаго Мыса (70° 38′ широты). Сей островъ имѣетъ въ окружности около 60 миль, срединою своей образуетъ высокую гору и обитаемъ только по берегамъ: здѣсь-то возвышается городокъ или деревенька Гаммерфостъ (*), подлѣ залива, совершенно безопаснаго для кораблей. Гавань сія во всѣхъ отношеніяхъ превосходна. Можно было-бы сказать, что Гаммерфостъ есть *Сѣверная Венеція*, ибо въ немъ не льзя иначе пробраться изъ одной части города въ другую, какъ въ лодкѣ. Съ самаго пріѣзда своего, Капитанъ досталъ себѣ это необходимое средство сообщенія. Онъ тѣмъ болѣе не могъ обойдтись безъ него, что вступивъ въ заливъ, остановился сначала на противоположной Гаммерфосту сторонѣ. Лодка его, привязанная передъ окнами корабля, всегда была готова, когда онъ хотѣлъ ѣхать ловить рыбу или охотничать въ окрестностяхъ и посѣщать знакомыхъ. Вода шамошняго моря такъ-же прозрачна, какъ, по разсказамъ путешественниковъ, вода Чернаго Моря: въ ней, на довольно большой глубинѣ, можно различать рыбъ. Туземные рыбаки, пользуясь

(*) Это самое сѣверное селеніе образованной Европы.

Digitized by Google

сим свойствомъ воды, по выбору устремляютъ свои нападенія на различныхъ обитателей моря. Капитанъ Брукъ разсказываетъ любопытныя подробности о ловлѣ камбалы и другихъ рыбъ.

« Въ тихую погоду, двое рыбаковъ садятся въ лодку. Одинъ изъ нихъ держитъ острогу, состоящую изъ двухъ острыхъ желѣзокъ, съ зазубринами, вколоченныхъ въ тяжелый отрубокъ, привязанный къ тонкой, но крѣпкой веревкѣ, длиною въ нѣсколько саженей; другой правитъ лодною, легонько ведя ее по водѣ и тихо взмахивая веслами, дабы не производить чувствительнаго волненія. Дно залива составляетъ бѣлый песокъ и рыбы на немъ ясно видны. Рыбакъ съ острогою выжидаетъ ту минушу, когда лодка надплываетъ на какую нибудь большую рыбу, и тутъ вдругъ кидаетъ отрубокъ въ воду. Рѣдко случается, чтобы онъ промахнулся и не вытащилъ острогою добычи. Часа въ два этой работы, лодка наполняется рыбами, изъ коихъ иныя вѣсомъ фунтовъ по 500. Острогою бьютъ и гораздо тяжелѣйшихъ; безразсудные рыбаки, втаскивая ихъ въ лодку, подвергаются опасности опрокинуть оную. »

Во время пребыванія Г-на Брука у острова Халоэна, заливъ и гавань Гаммерфестскіе были посѣщены многими купеческими кораблями, приходившими изъ Бремена, Фленсбурга, Дронтгейма и другихъ городовъ, но они были едва замѣтны въ множествѣ Русскихъ кораблей, приплывшихъ изъ Бѣлаго Моря. Капитанъ видѣлъ тамъ также два прекрасные Англійскіе бригга, прихо-

Digitized by Google

дившіе взять грузъ трески, для Голландіи и Средиземнаго Моря. Они были посланы Г-мъ Кроу, который сдѣлался главнымъ агентомъ сообщеній между симъ угломъ земли и остальнымъ образованнымъ міромъ. Черезъ его посредство жители острова и ближняго материка получаютъ Европейскіе товары, а дамы имѣютъ средство украшать свои собственныя прелести нарядами, которые имъ очень къ лицу. Кажется, путешественнику очень понравился прекрасный полъ острова Халоэна. «Видя эти убранства,» говоритъ онъ, «эту любезность и тонъ хорошаго общества, съ трудомъ можешь увѣрить себя, что находишься на нѣсколько градусовъ далѣе полярнаго круга.» Въ Гаммерфостѣ, Англійскій купецъ есть человѣкъ, пріятный для всѣхъ: онъ можетъ быть увѣренъ, что его вездѣ примутъ какъ не льзя лучше; отъѣздъ его заставляетъ проливать слезы, и женщины съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія теплаго времени и съ нимъ Англійскихъ купцовъ.

Народонаселеніе Лапландское и Финское раздѣляется на два класса: эти жители береговъ или рыбаки, потому что они всѣ рыбаки, и жители горные или хозяева оленей. Послѣдніе провождаютъ зиму на горахъ, но лѣтомъ сходятъ къ берегамъ. Внутренность острова и особенно огромные лѣса, покрывающіе большую часть онаго, бываютъ тогда наполнены насѣкомыми, до такой степени, что ни человѣкъ, ни стада не могутъ тамъ оставаться. Къ тому-же Лапландцы увѣрены, что если олени ихъ не попьютъ морской воды, то

Digitized by Google

упрашять свое здоровье. Какъ скоро, сходя съ горъ, живопныя сіи прибліжаются къ морю, они всѣ, даже никогда не видавшія моря, бѣгушъ къ нему и съ жадностью пьюнъ соленую морскую воду.

Въ странѣ, гдѣ природа не только не привлекательна, но страшна и не привѣтлива, люди болѣе сближаются и лучше пользуются удовольствіями общества. Въ здѣшней странѣ удовольствія состоятъ въ веселыхъ буйствахъ и искреннихъ разговорахъ между порядочными людьми: этому жители предаются отъ всего сердца. Каюта Капитана была всякой вечеръ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ здѣшнихъ удовольствій. Всѣ вещи Капитана, его росписи, коллекціи, книги, были разсматриваемы съ удивительнымъ восторгомъ; иногда толпа любопытныхъ людей была даже тягостна; но народъ здѣшній такъ добръ характеромъ, такъ честенъ и откровененъ, что отъ него охотно переносятъ маленькое принужденіе. Г-нъ Брукъ описываетъ одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ имъ съ гостями, и говоритъ, что когда дѣло идетъ объ осушеніи вдохновительнаго кубка, то *старая Норвегія* можетъ послужить образцомъ для *веселой Англіи*.

«Однимъ вечеромъ, все порядочное общество Гаммерфестское вздумало собраться у меня, съ хорошимъ запасомъ пуншу и трубокъ. Капитаны стоявшихъ на рейдѣ кораблей также пожелали участвовать въ пирушкѣ, слѣдственно бесѣда составилась довольно многочисленная. Каюта моя звучала отъ шумныхъ порывовъ сердецъ, предавшихся грубой радости и нисколько не заботив-

Digitized by Google

шихся о завтрашнемъ днѣ. Передъ моими глазами возобновились тѣ старые дни, когда предки наши, достойные соревнователи Анакреона, презрительно осуждали будущій испорченный родъ людей, пьющихъ воду. Я былъ свидѣтелемъ богатырскихъ подвиговъ, и увѣренъ, что головы, которыя были-бы гораздо крѣпче моей, могли-бы тысячу разъ развалиться, но не выдержашь боя со здѣшними героями. Усилія мои были напрасны: смѣлость и самая твердая рѣшительность не давали мнѣ столько силъ, чтобы я могъ сражаться съ такими атлетами, какъ Фогедъ, Аасгардъ и Дженшофъ. Первый изъ этихъ господъ былъ гиганшъ и силачъ, безпримѣрный во всей Финляндіи. Обвитый густымъ облакомъ шабачнаго дыма, пожирающій большими глошками огненный напишокъ, онъ былъ душою всѣхъ веселій. Онъ пріѣзжалъ изъ Альшена, куда часто призывала его судейская должность; возвращеніе его въ Гаммерфошъ было знакомъ всѣхъ забавъ. Пуншъ есшь единственный напишокъ, который здѣсь пьюшъ; вина не знаюшъ, однакожъ иногда подъ именемъ вина подчиваюшъ дурною смѣсью, которой по нѣскольку бушылокъ досшаюшъ изъ Фленсбурга или изъ Бремена; но купцы благоразумно придерживаюшся любимаго напишка. Въ каждомъ семействѣ дамы мастерски приготовляюшъ пуншъ, и какъ скоро вы опѣдали обольсшительнаго пишья, приготовленнаго столь искусно, то уже трудно употреблять его съ умѣренносшью. Жаль, что сами онѣ не пьюшъ его, а только наливаюшъ въ опоражниваемые спаканы. Собесѣдники сбираюшся лѣшомъ въ шесшь часовъ,

Digitized by Google

зимою въ четыре, и расходятся по домамъ не раньше полуночи. Каждый приноситъ съ собою трубку, потому что куритъ здѣсь первая потребность. Нюхать есть удовольствіе, трубка необходимость; не имѣть табаку, значитъ быть въ крайней бѣдности. Каюта моя была такъ наполнена дымомъ, что едва могъ я узнавать сидѣвшихъ въ ней гостей.

« На всѣхъ вечерахъ раскрывали столы для картъ и играли въ вистъ, не оставляя трубокъ: это пусть будетъ сказано единожды навсегда. Не игравшіе расхаживали по комнатѣ, медленно и безъ шуму. Тутъ хозяинъ дома предлагалъ первый тостъ: за *старую Норвегію*. Это приглашеніе всегда производило электрическое дѣйствіе. Наполняли большіе стаканы, *чокались* ими всѣ, и опять брались за трубки; тутъ всякій приготовлялся услышать національныя пѣсни: онѣ и начинались. »

Вся здѣшняя народная поэзія состоитъ въ описаніи страны и національныхъ нравовъ. Точно какъ житель Темпейской долины, Лапландецъ поетъ наслажденія своей страны, счастливую безопасность, какою онъ наслаждается въ своихъ горахъ, и простую жизнь, которую онъ предпочитаетъ всѣмъ удовольствіямъ нашимъ, ибо молва сообщила о нихъ сбивчивое поняіе ему, среди его снѣговъ и кочкарника.

Г-нъ Брукъ, какъ историкъ тщательный, не упускающій изъ виду ничего существеннаго, описываетъ столъ, что есть одну изъ важнѣйшихъ принадлежностей всякаго вечерняго собранія. Наши обычаи тамъ совсѣмъ на выворотъ: Гаммерфостцы начинаютъ чаемъ и вареною рыбою; жареная

Digitized by Google

дичина или четверть оленя и солонина составляютъ у нихъ послѣднее блюдо. Танцы шамъ всегда кстати, потому что дамы появляются въ то самое время, какъ скоро загудитъ скрыпка. Этотъ инструментъ очень любимъ въ Гаммерфестѣ; въ каждомъ семействѣ есть минстрель, и вызовъ открытъ балъ обыкновенно принимаютъ съ удовольствіемъ. Кромѣ вальса и польскаго, у Финляндцовъ есть свой народный танецъ, и сверхъ того *гопска*, контрадансъ, болѣе чѣмъ нашъ разнообразный. Такъ-то Капитанъ провелъ почти всѣ вечера и часть ночей, покуда онъ занималъ первое свое обиталище, на противоположной сторонѣ залива.

Лапландскіе горцы составляютъ отличное поколѣніе отъ Норвежцовъ, съ которыми обыкновенно жилъ нашъ путешественникъ. Ихъ странствованія къ берегу начинаются въ Іюнѣ: тогда земля открыта, снѣгу нѣтъ, сани спрятаны и отдаленныя путешествія откладываются до зимы. Снаряды, ненужные при наступленіи теплой погоды, складываются въ магазинъ, подлѣ церкви, и всѣ семейства отправляются въ путь со стадами и оленями. Ихъ не столь много пріѣзжаетъ на берега Ботническаго залива, какъ на берега Норвегіи, потому что вѣтры, дующіе съ Океана, постояннѣе, лучше освѣжаютъ воздухъ и прогоняютъ насѣкомыхъ, столь несносныхъ въ сѣверномъ климатѣ. Лапландецъ, прежде всего, занимается своими оленями, ихъ здоровьемъ: послѣ этого уже думаетъ онъ о себѣ. Какъ скоро онъ находитъ на берегу мѣсто, способное для рыбной ловли, слѣдственно и для пропитанія его семейства во время лѣта, то

Digitized by Google

раскидываешъ палатку, и водвореніе его кончено. Это настоящій дикарь: онъ прогонишъ васъ, если вы не задобрите его, подаривъ ему водки или табаку; но явившись съ такимъ подаркомъ, получите все, что только можетъ сдѣлать для васъ это существо изъ рода человѣковъ. «Скорлупа этого орѣха тверда и толста,» говоритъ Г-нъ Брукъ; «но зерно въ немъ хорошо.»

«Само собою разумѣется, что домашнее хозяйство Лапландцовъ чрезвычайно просто. Кто-бы повѣрилъ, что лѣто для нихъ есть время поста, воздержности, а зима возвращаетъ ихъ къ довольству. Лѣтомъ они и не думаютъ питаться стадами, сберегаютъ ихъ, и запасаясь на зиму, довольствуются молокомъ. Они дѣлаютъ сыры и не кидаютъ никакихъ молочныхъ остатковъ. Ланей доятъ только лѣтомъ. При удобныхъ случаяхъ, когда сбирается молоко, часть его сберегаютъ для замороженія; это служитъ запасомъ на непредвидѣнные случаи, во время девяти зимнихъ мѣсяцовъ, а еще болѣе лакомствомъ, самымъ утонченнымъ для вкуса Лапландскихъ прожоръ. Увѣряютъ, что замороженное молоко получаетъ весьма пріятный вкусъ (*). По крайней мѣрѣ извѣстно, что довольно большое

(*) У насъ въ Сибири, именно въ Иркутскѣ, зимою молоко не сохраняется и не продается иначе, какъ замороженное, *пригали*. Вкусъ его ни чѣмъ не разнится отъ свѣжаго молока, и только при неискусномъ замороженіи оно получаетъ нѣкоторую солодковатость. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

количество онаго отпускается во внутренность страны, что охотники покупаютъ его, не смотря на цѣну, и что эта вѣтвь промышленности почитается довольно прибыльною.

«Горный житель Лапландіи чрезвычайно дорожитъ своимъ молочнымъ запасомъ. Будучи непривѣтливъ, онъ съ трудомъ уступаетъ нѣкоторую часть онаго. Однакожь, настойчивостью и кой-какими бездѣлками, подаренными кстати, я пришелъ въ милость у моихъ сосѣдей. Имя Англичанина было также для меня выгодною рекомендаціею; словомъ, небольшое количество оленьяго молока приносили ко мнѣ каждое утро, и признаюсь, я находилъ въ немъ такой вкусъ, что совѣтую всякому Эпикурейцу, достойному сего имени, съѣздить въ Лапландію, для того чтобы отвѣдать этого нектара. Кажется, что ароматическій вкусъ свой молоко сіе принимаетъ отъ душистыхъ растеній, коими лѣтомъ питаются лани. Цвѣтомъ и качествами оно походитъ на сливки коровьяго молока, но при томъ такъ сытно, что не смотря на изящный вкусъ, его не льзя пить много; вѣроятно даже, что этой лакомой снѣди не льзя безъ вреда ѣсть вдоволь. Однакожь, какъ ни вкусно свѣжее оленье молоко, но сыръ выходитъ изъ него дурной; а можетъ быть и то, что Лапландцы должны-бъ были поучиться у Англичанъ, Голландцовъ, или Швейцаровъ, приготовлять оный.

«До сихъ поръ мы болѣе занимались съ Капитаномъ Брукомъ описаніемъ лѣта Лапландскаго, а не зимы. Теперь послѣдуемъ за нимъ въ одной его поѣздкѣ по снѣгу.

Digitized by Google

«Утро было холодно и бурно. Я устадъ и давно не имѣлъ покоя. Меня оставляли на произволъ дикаго оленя (*), и я долженъ былъ на удачу влачиться по снѣгу Лапландіи, въ темнотѣ: такъ надлежало проѣхать нѣсколько сотъ миль! Худо нравилось мнѣ это путешествіе. Я тревожился и безпокоился, какъ новичекъ-наѣздникъ, на неукротимомъ бѣгунѣ перескакивающій черезъ высокій заборъ, въ погоню за лисицею. Сани наши были поставлены рядомъ, однѣ подлѣ другихъ, и проводникъ (wappus), накрѣпко привязавъ каждаго изъ насъ къ санямъ, вскочилъ самъ на свои сани, дотронулся легонько ремнемъ до оленя, и мы поскакали съ быстротою молніи. Я не успѣлъ ни проститься со своимъ другомъ, ни отвѣчать на его добрыя желанія: онъ желалъ мнѣ успѣшнаго путешествія, а самъ я не меньше желалъ возвратиться здоровымъ и невредимымъ.

«Въ темнотѣ я никакъ не могъ управлять своимъ оленемъ, и потому предался его чутью. Онъ бѣжалъ на ряду съ другими. Но я не предвидѣлъ еще одного неудобства: какъ держаться въ равновѣсіи на легкихъ санишкахъ, какъ не опрокинуться вмѣстѣ съ ними или не свалиться на снѣгъ? Неровности, встрѣчающіяся на пути, причиняютъ сильные и жестокіе толчки; сани иногда отскакиваютъ на аршинъ въ вышину. Вскорѣ меня сбро-

(*) Олени, на коихъ ѣздятъ въ сѣверныхъ странахъ по снѣгу, составляютъ особенную породу и называются также *лосяши* и *сохатыши*. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

сило на бокъ, и я сталъ чертить полосу на снѣгу; находясь самъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, я не могъ пособить тѣмъ изъ своихъ товарищей, которымъ было еще хуже, нежели мнѣ. На одномъ, довольно отлогомъ, спускѣ, въѣзжая въ лѣсъ, я получилъ такой толчекъ, что сани совсѣмъ осталисъ на мнѣ, и въ этомъ невыгодномъ положеніи я былъ тащимъ очень долго. До этого толчка мой экипажъ былъ впереди всѣхъ; но тутъ быстрота оленя необходимо была задержана; къ досадѣ своей, я увидѣлъ, что почти всѣ путешественники опередили меня, и между тѣмъ никто изъ нихъ не могъ остановиться, поправить мои сани. Наконецъ одинъ Шведъ, опытный ѣздокъ, управлявшій своими санями съ удивительною ловкостью, занялъ первое мое мѣсто; а я между тѣмъ былъ предметомъ общаго смѣха. Къ довершенію несчастія, потерявъ равновѣсіе, я выпустилъ изъ рукъ вожжи: онѣ были на дюймъ отъ моей руки, но я не могъ ихъ схватить, потому что мы не ѣхали, а летѣли, и потому что я былъ раздосадованъ своимъ, совсѣмъ новымъ для меня положеніемъ. Наконецъ глубокій снѣгъ заставилъ оленя остановиться на минуту, и все было приведено въ порядокъ. Я получилъ жестокій урокъ; но, сдѣлавшись искуснѣе, чувствовалъ, что могу побуждать своего оленя и вознагражу потерянное время.

«Но я далеко отсталъ отъ всѣхъ, и уже не слыхалъ звона колокольчиковъ, привязанныхъ къ шеямъ оленей. На снѣгу не было ни одной черты; направлять свой путь было не по чемъ; я находился совершенно во власти животнаго и долженъ былъ

Digitized by Google

положиться на его инстинктъ. Я понуждалъ его сколько могъ. Мы были тогда среди дремучаго пихтоваго лѣса, и ѣхать слишкомъ скоро было невозможно. По временамъ надлежало очищать сани: это послужило мнѣ вторымъ урокомъ. Проѣхавъ съ милю, по дорогѣ, чрезвычайно извилистой, которая не подспоряла ѣзды, я услышалъ звонъ колокольчика, и нужно-ли сказывать, какъ обрадовался! Вскорѣ я догналъ хвостъ нашего каравана: бѣднякъ, занимавшій тогда это мѣсто, былъ измученъ такъ-же какъ и я. Мы утѣшали другъ друга. Немного послѣ этого, проводникъ остановился покормить оленей и собрать людей. Въ нѣсколько минутъ всѣ собрались на его призывъ, и, кромѣ того что иные имѣли маленькое неудовольствіе проволочиться по снѣгу, никто не пострадалъ ничѣмъ. Мы находились на правой сторонѣ Альшена, близъ сей рѣки. Прошедшею ночью мы видѣли уже ее, и могли замѣтить, что она еще не замерзла. Надобно было переѣзжать черезъ нее: это всѣмъ казалось весьма непріятно.

«Въ полдень мы были на берегу Aibyelo, небольшой рѣки, вытекающей изъ горъ и впадающей въ Альшенъ. Опять необходимо было остановиться, потому что средина рѣки оставалась не покрытая льдомъ и переправа черезъ нее казалась невозможною. Но Лапландцы умѣютъ преодолѣвать всѣ подобныя затрудненія. Тщательно осмотрѣвъ мѣсто, они рѣшили, что переправиться можно. Пространство, остававшееся между льдомъ обоихъ береговъ, составляло около 7-ми футовъ; ледъ съ нашей стороны былъ нѣсколько выше, и, такъ какъ наклон-

Digitized by Google

ность земли шла до самаго льду, то и можно было перекинуться съ санями черезъ незамерзшую воду, быстро перескочивъ черезъ нее. Это исполнено было столь-же удачно, какъ и умно. Проводникъ устроивалъ все: поставивъ сани въ надлежащее разстояніе, онъ давалъ знакъ, олени пускались большимъ галопомъ, склоненіе земли ускоряло бѣгъ саней, и прежде нежели путешественникъ имѣлъ время дать себѣ отчетъ въ томъ, что видѣлъ и чувствовалъ, онъ находился уже на противоположной сторонѣ. Однакожь не всѣ совершили опасный скачекъ съ равнымъ счастіемъ; я былъ изъ числа счастливыхъ; невысокая дама, не обременявшая своихъ саней, также не обломила льду; но нѣкоторые путешественники болѣе или менѣе погружались въ воду, соразмѣрно своей тяжести. Благодаря толстой мѣховой одеждѣ, это погруженіе обезпокоило ихъ столько-же, какъ-бы они повалялись въ снѣгу.

«Мы ѣхали къ Альтену. Я оказалъ большіе успѣхи въ эквилибрическомъ искуствѣ; маленькая дама тоже. Правда и то, что у нея былъ отличный проводникъ, мужъ ея, привыкшій ко всѣмъ случайностямъ Лапландскихъ путешествій, потому что онъ каждый годъ объѣзжалъ внутренность сей страны. Олень дамы былъ привязанъ ка санямъ ея мужа. Во все это время холодъ былъ весьма умѣренный; мнѣ даже было жарко въ моей одеждѣ и вообще я не находилъ своего состоянія несноснымъ.»

Путешественникъ не прибавляетъ ничего къ извѣстнымъ уже описаніямъ Финскихъ и Лапландскихъ лыжъ. Онъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, извиняетъ

Digitized by Google

скупость здѣшнихъ народовъ, указывая на причины, заставляющія ихъ не дорожить бумажными деньгами и зарывать серебряныя. Причинами онъ полагаетъ кочевую жизнь, бѣдныя средства и недостатокъ просвѣщенія въ людяхъ, разсѣянныхъ по землѣ безплодной. Серебро, какое собирается у нихъ, можетъ быть имъ полезно въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и они не видятъ никакой нужды имѣть его всегда при себѣ и въ своемъ распоряженіи; оно было-бы даже въ тягость имъ, при частыхъ переселеніяхъ. Что касается до бумажныхъ денегъ, то они не знаютъ въ нихъ толку, и чтобы объяснить имъ всѣ идеи, необходимыя для оцѣнки условной цѣны ассигнацій, для этого потребно много времени, усилій, просвѣщенія и благопріятныхъ обстоятельствъ.

Рыбная ловля составляетъ драгоцѣнное пособіе для Финновъ: она даетъ имъ средства и для существованія и для торговли. Иногда она бываетъ такъ изобильна, что однимъ неводомъ вдругъ вытаскиваютъ до 8000 фунтовъ рыбы. Рускіе приходятъ изъ Бѣлаго Моря къ здѣшнимъ берегамъ въ то время, когда начинается ходъ рыбы. Морскія птицы, слѣдующія за всѣми движеніями сей послѣдней, издалека ее показываютъ. Рускіе не занимаются ловлею рыбы, а покупаютъ ее отъ Финновъ, получая за фунтъ муки пять фунтовъ свѣжей рыбы; но они сами солятъ ее, берутъ на себя всѣ приготовленія, переносятъ боченки на свои корабли, и возвращаются въ Бѣлое Море.

Моржъ есть животное, принадлежащее сѣвернымъ странамъ. Его формы кажутся столько обольщенными

Digitized by Google

что, можетъ быть, происходитъ отъ здѣшняго климата, столь мало благопріятнаго для развитія органическихъ существъ. Упругіе мускулы и скачки тигра служатъ признакомъ тѣхъ странъ, гдѣ солнце обильно разливаетъ свѣтъ и теплоту; но на сѣверѣ, огромный кипъ и тяжелый моржъ волнуютъ море. Противоположное полушаріе подтверждаетъ сіи наблюденія, потому что изящныя формы равно удалены отъ сосѣдства обоихъ полюсовъ. Кажется также, что цвѣтъ животныхъ зависитъ, вслѣдствіе еще неизвѣстныхъ законовъ, отъ состоянія атмосферы, температуры и дѣйствія свѣта, болѣе или менѣе обильнаго. Около полярнаго круга путешественникъ видитъ только цвѣта бѣлый и темный. Тамъ устрашаютъ его совершенно бѣлые звѣри, или, еще ужаснѣйшіе, сѣрые и темные. Въ экваторіальныхъ странахъ, цвѣта: красный, лазуревый, багряный, вся одежда радуги, украшаетъ живую природу. Г-нъ Брукъ имѣлъ случай собрать много свѣдѣній относительно моржей, и сообщаетъ оныя своимъ читателямъ.

« Во время пребыванія моего въ Гаммерфостѣ, я видѣлъ одно изъ сихъ животныхъ на берегу, подлѣ *Краснаго дома*, куда привезли его съ острова Черри. Кожа у него была необыкновенной толщины; кажется, что донынѣ ни на что не употребляютъ моржовыхъ кожъ, ибо небольшое употребленіе ихъ для обвертыванія мачтъ на кораблях въ сей землѣ совсѣмъ незначительно. Я вывезъ съ собою длинную полосу моржовой кожи; мнѣ кажется, что изъ нея вышли-бы превосходныя постромки для лошадей и ремни для каретныхъ рес-

Digitized by Google

соръ (*). Въ послѣдствіи узналъ я, что ее съ особеннымъ удобствомъ можно было-бы употреблять и для пожарныхъ ведеръ.

« Г-нъ Колькгоунъ, недавно возвратившійся изъ путешествія къ берегамъ Шпицбергена и Лапландіи, испытывалъ Конгревовы ракеты въ ловлѣ китовъ, и видѣлъ множество моржей на берегахъ острововъ, близкихъ къ Шпицбергену, и также на берегахъ острова Черри, гдѣ можно доставать ихъ большое количество. Самое лучшее время для ловли моржей есть время отлива морскаго, когда они спятъ или отдыхаютъ на прибрежныхъ скадахъ. Если матросы, вооруженные острогами, ловки и искусны, и если имъ удается убить моржей, находящихся въ ряду ближайшемъ къ морю, то легко уже овладѣть всѣмъ стадомъ; живошныя, лежащія на берегу, образуютъ собою родъ охранной цѣпи, за которую ни одинъ изъ находящихся далѣе на землѣ моржей не переступаетъ. Принужденные защищаться на землѣ, они не умираютъ трусами, а противопоставляютъ непріятелю мужественное сопротивленіе, умѣютъ соединять свои силы и взаимно помогать другъ другу; побѣда надъ ними не безъ опасности для побѣдителей. Если имъ не пре-

(*) Г-нъ Фужеру де Бударе дѣлалъ уже подобные опыты съ кожею кашалота, выкинутаго, въ 1783 году, на берега Бретани; онъ вырѣзалъ изъ нея ремни для каретныхъ рессоръ и находилъ ихъ весьма удобными. Достойно сожалѣнія, что любопытные опыты его не были продолжаемы.

Digitized by Google

сѣченъ путь къ морю, то они стараются достигнуть берега и бросаются вплавь при малѣйшей опасности; если бываетъ ихъ иногда большое количество, то они взаимно мѣшаютъ другъ другу въ побѣгѣ: тогда сильнѣйшіе спасаются, жертвуя слабыми; впрочемъ бой сильнѣйшихъ часто спасаетъ слабыхъ. Когда стадо моржей бросилось въ море, то лодки, преслѣдующія оное, легко достигаютъ плывущихъ, и всего скорѣе тѣхъ, которые ранены были своими товарищами, сильнѣе другихъ бѣжавшими и сильно принуждавшими дать себѣ дорогу. Въ морѣ, какъ и на землѣ, моржъ не сдается безъ сопротивленія, и усилія его не всегда бываютъ безполезны: ужасные клыки, коими вооружена голова его, легко могутъ пробить и потопить лодку.

«Сіи животныя питаются моллюсками и черепокожными. Довольно разсмотрѣть образованіе ихъ рта, дабы видѣть, что моржъ не можетъ пожирать рыбъ и морскихъ звѣрей, какъ увѣряли въ этомъ многіе. Вѣроятно, что клыки моржа суть орудіе, коимъ отрываетъ онъ себѣ пищу отъ морскаго дна и отъ ушесовъ, ибо дно моря и ушесы въ полярныхъ странахъ дѣйствительно покрыты животными, служащими снѣдью моржамъ. Иногда помощію клыковъ моржи цѣпляются по ушесамъ; случается, что они засыпаютъ прицѣпившись къ ушесу, море отливаетъ и тогда моржъ держится на ушесѣ до тѣхъ поръ, пока волны морскія поднимутся до надлежащей высоты и освободятъ страдальца. Мнѣ сказывали, что въ проливѣ Магерейскомъ весьма часто случается видать моржей, прицѣпив-

Digitized by Google

шихся своими клыками и висящихъ на ушесѣ въ положеніи самомъ опасномъ.

«Хотя моржовый жиръ и клыки значительно уменьшились въ послѣднее время, по причинѣ величайшаго истребленія сихъ животныхъ, коихъ и донынѣ продолжаютъ бить безъ всякаго помышленія о будущемъ, но торговля сими двумя предметами все еще весьма важна. Поелику земли, на коихъ бьютъ моржей, находятся весьма не далеко отъ Лапландіи, то ловцы успѣваютъ иногда совершить двѣ поѣздки въ одно лѣто. Извѣстно, что кость клыковъ моржовыхъ предпочитается слоновой; жиръ ихъ также превосходной доброты.

«Слушая разсказы Лапландцовъ, подумаете, что они уважаютъ медвѣдей болѣе самихъ себя, и не льзя не удивляяться, что они не воздаютъ медвѣдю суевѣрнаго поклоненія. Медвѣдь, говорятъ Лапландцы, силенъ противъ двѣнадцати и уменъ противъ десяти человѣкъ. Однакожь, Лапландцы нападаютъ на медвѣдя, и убитый медвѣдь есть самый знаменитѣйшій подвигъ, какимъ гордится Лапландскій охотникъ. Обыкновенно, когда Лапландецъ встрѣчаетъ краснваго медвѣдя, то начинаетъ съ нимъ говорить, хотя, разумѣется, не получаетъ отвѣта. Такіе разговоры, гдѣ употребляетъ даръ слова только одинъ изъ разговаривающихъ, бываютъ иногда между охотникомъ и медвѣдемъ, когда охотникъ располагается застрѣлить животное. Вотъ забавное происшествіе, бывшее съ однимъ Лапландцемъ, котораго видѣлъ я въ Альтенѣ. Лапландецъ преслѣдовалъ оленя, но совсѣмъ нечаянно встрѣтился съ медвѣдемъ, хотѣлъ выстрѣлить, но ружье

Digitized by Google

осѣклось; обезоруженный такимъ образомъ, онъ произнесъ къ медвѣдю слѣдующую убѣдительную рѣчь: «Господинъ медвѣдь! ты будешь подлецъ и трусъ, ты долженъ будешь умереть отъ стыда, если нападешь теперь на меня, человѣка бѣднаго и беззащитнаго. Подожди, дай мнѣ выправить ружье, и тогда будемъ мы сражаться, какъ молодцы.» Къ счастію Лапландца, встрѣтившійся съ нимъ звѣрь была медвѣдица, съ двумя маленькими медвѣжатами, которая удалилась поспѣшно. Лапландецъ увѣренъ донынѣ, что онъ убѣдилъ животное своею рѣчью. »

Капитанъ Брукъ изображаетъ зиму полярныхъ странъ въ картинѣ плѣнительной. «Уже давно былъ Ноябрь мѣсяцъ, а хорошая погода все еще продолжалась; многіе предсказывали даже, что она продолжится до конца зимы. Снѣгу, правда, не было: онъ совершенно исчезъ; но я не жалѣлъ о немъ, смотря на предметы, которые могли быть имъ скрыты, теперь-же были совсѣмъ на виду. Зимою, здѣшніе купцы мало занимаются дѣлами и встаютъ весьма поздно; въ десять часовъ никого еще не видите; развѣ по случаю, совсѣмъ необыкновенному, можете встрѣтить кое-кого, едва продирающаго глаза и зѣвающаго; изъ этого можно понять, какъ не хочется здѣшнимъ купцамъ оставлять свои пуховыя постели и приниматься за свои обыкновенныя упражненія въ лавкахъ и магазинахъ. Въ Гаммерфестѣ, я почти всякій день прогуливался, передъ завтракомъ, и всего чаще ходилъ на маленькую батарею, откуда въ одно время открывались передо мною, съ одной стороны разнообразные цвѣта вос-

Digitized by Google

ходящаго солнца, съ другой мѣсяцъ, коего блескъ нисколько не ослабѣвалъ. Ни въ какомъ другомъ климатѣ не льзя составить себѣ понятія о наслажденіи прелестнымъ, холоднымъ утромъ Лапландіи; оно дѣлаетъ еще здоровѣе превосходный воздухъ сей земли, веселитъ, радуетъ человѣка. Но красота зимы въ сихъ широтахъ становится еще удивительнѣе, когда солнце надолго скрывается за горизонтъ; тогда здѣшнее небо является во всемъ блескѣ, и воздухъ бываетъ освѣщенъ огнями, дрокоторыхъ превосходитъ иногда блескъ ночныхъ звѣздъ.

«Воздухъ совершенно тихъ, такъ-же какъ и вся природа. Самый слабый звукъ слышанъ на далекомъ разстояніи. Явственно могъ я разслушать, что говорили на другомъ берегу залива, когда, напротивъ, лѣтомъ самый сильный человѣкъ не могъ-бы подать голоса такъ далеко. Шумная лѣтняя жизнь измѣнилась съ перемѣною времени и была точно такова-же, какъ самое время; Лапландцы удалились; всякая дѣятельность постепенно уничтожилась; все отдыхало до возвращенія солнца. Лѣтомъ, маленькая башпарея была мѣстомъ сборища купцовъ, приходившихъ сюда наблюдать состояніе атмосферы, прибывши и отъѣздъ своихъ кораблей. Но я любилъ приходить сюда зимою, одинъ, съ моимъ ружьемъ; оставался здѣсь долгое время, стрѣлялъ въ стада ушокъ, прилетавшихъ болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія зимы. Сіи ушки принадлежатъ къ роду шехъ, съ которыхъ собираютъ пухъ, называемый *гагачьимъ*. Иногда, но только весьма рѣдко, я замѣчалъ осиротѣлыхъ тюленей, при входѣ въ заливъ,

Digitized by Google

но никогда не видалъ я ни одного морскаго попугая. Во все время пребыванія моего въ Гаммерфоссѣ, термометръ весьма рѣдко падалъ ниже точки замерзанія и то едва на нѣсколько градусовъ. »

Нашъ путешественникъ удостовѣрился, что сѣверныя сіянія бываютъ чаще, когда воздухъ совершенно тихъ, и блестящѣе во время непродолжительныхъ легкихъ вѣтровъ, коимъ здѣшніе холода не препятствуютъ дуть отъ времени до времени. Капитанъ Брукъ особенно говоритъ объ одномъ изъ сихъ воздушныхъ явленій, бывшемъ при юго-восточномъ вѣтрѣ: его блескъ, казалось ему, превосходилъ все, что онъ замѣчалъ до того времени, имѣвши случай видѣть множество сѣверныхъ сіяній. « Оно было отнюдь не выше четверти мили отъ горизонта, говоритъ Капитанъ Брукъ, но разливало яркій свѣтъ на всѣ окружавшіе его предметы. »

Не смотря на существенныя красоты полярной зимы, нашъ путешественникъ охотно оставляетъ созерцаніе звѣзднаго неба и сѣверныхъ сіяній, дабы присоединиться къ добрымъ Норвежцамъ и принять участіе въ ихъ забавахъ. Различные обычаи ихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, суть тѣ-же, какъ и въ другихъ Европейскихъ городахъ. Вотъ что говоритъ между прочимъ Капитанъ Брукъ. » Въ каждомъ семействѣ молодыя особы встаютъ ранѣе другихъ, приготовляютъ кофе для цѣлаго дома, и всякій изъ старшихъ въ семействѣ пьетъ его въ постели. Кто-бы могъ подумать, что найдетъ подобную утонченность роскоши въ ледяныхъ стра-

Digitized by Google

нахъ Сѣвернаго мыса? Но сей обычай, приличный образу жизни обитателей Гаммерфоста, распространился и въ другихъ областяхъ Норвегіи. Будучи по неволѣ беззаботны, во время большей части длинныхъ ночей, жители почитаютъ лежанье въ постели лучшимъ средствомъ избавиться отъ лишняго времени, котораго у нихъ весьма много. Постель считается здѣсь мебелью самою необходимою, и на нее не жалѣютъ издержекъ, употребляя въ пуховики гагачій пухъ. Признаюсь впрочемъ, что я никакъ не могъ приучить себя къ наслажденіямъ Гиперборейскихъ Сибаритовъ, и донынѣ предпочитаю Англійскія одѣялы и шюфяки Лапландскимъ пуховымъ подушкамъ и одѣяламъ. Подъ гагачьимъ одѣяломъ вы не чувствуете на себѣ никакой тяжести: его совсѣмъ не слышно, и между тѣмъ едва не задыхаетесь отъ жара. Съ такими предосторожностями прошивъ холода и съ огромнѣйшими печами, находящимися почти въ каждой комнатѣ, житель Норвегіи нисколько не боится лютости зимы. Добрый Гаммерфостскій купецъ просыпается, по его мнѣнію, весьма рано, когда откриваетъ глаза въ семь часовъ утра; ему подаютъ чашку горячаго кофе; проглотивъ сей напитокъ, онъ опять опускается въ свои подушки, спрашиваетъ о погодѣ, шутитъ; шутъ подаютъ ему трубку, и вотъ онъ садится въ своей постели, начинаетъ потихоньку куришь, и когда трубка уже пуста, сонъ его одолѣваетъ и онъ еще рѣшается соснуть часа два-три. Я сказалъ уже, что молодыя особы въ семействѣ занимаются утреннимъ приготовленіемъ кофе, и для иностран-

Digitized by Google

ца кажется это сначала весьма странно. Воображеніе его спящимъ; вдругъ слышитъ онъ, что нѣжная ручка щолкаетъ его; онъ протираетъ себѣ глаза и передъ нимъ хорошенькая дочь хозяина или хозяйка дома, которая мило предлагаетъ ему кофе; говоря, что сама его приготовила; но, впрочемъ, ничего не бойтесь! милая дѣвушка съ улыбкою выслушиваетъ обыкновенное Норвежское привѣтствіе: touin de tak (тысяча благодарностей!), и быстро бѣжитъ хозяйствовать въ другомъ мѣстѣ дома.»

Все это уже доказываетъ нѣсколько Европейскую образованность; но что скажутъ наши свѣтскіе люди, когда мы извѣстимъ ихъ, что въ Гаммерфостѣ ходячая монета въ бостонѣ и вистѣ — моржовый жиръ? Впрочемъ, это сущая правда: у всякаго народа свой обычай.

«Послѣ трубки, говоритъ Капитанъ Брукъ, карты составляютъ лучшую забаву здѣшнихъ жителей, и любимыя игры ихъ суть *вистъ* и *бостонъ*. Въ Гаммерфостѣ играютъ въ вистъ почти такъ-же какъ въ Англіи, съ небольшими только перемѣнами, заставляющими игрока быть внимательнымъ. Послѣ игры, каждый записываетъ свой выигрышъ или проигрышъ въ книгу, которую ведетъ съ такою-же тщательностью, какъ счетную конторскую. Въ концѣ года все пересчитываютъ, подводятъ балансы, и дѣйствительный проигрышъ платится моржовымъ жиромъ, обыкновенною монетою для карточной игры. Что касается до бостона, то въ немъ точно исполняются всѣ правила, принятыя для сей игры въ Англіи и на

Digitized by Google

Европейскомъ материкѣ. Въ карточной игрѣ приняты здѣсь, для выраженія проигрыша и выигрыша, алгебраическіе знаки — +. Такимъ образомъ, если хотятъ замѣтить, что А выигралъ 5, пишутъ: А + 5, и для выраженія, что В проигралъ 5, ставятъ В — 5. »Капитанъ Брукъ не говоритъ, давно-ли введенъ сей образъ писанья.

Въ заключеніе скажемъ, что Англійская торговля не должна терять изъ вида новаго торжища для сбыта своихъ произведеній, какое открылъ ей достойный сынъ Британіи. Долгомъ почитаемъ сообщить здѣсь нѣкоторыя подробности о семъ человѣкѣ, достойномъ быть болѣе извѣстнымъ, и о предпріятіяхъ, какими занимается онъ донынѣ въ полярныхъ моряхъ.

«Въ 1819 году Англичане завели въ Гаммерфестѣ торговую контору, *первое* Англійское учрежденіе сего рода на берегахъ Лапландіи. Джонъ Кроу (Crowe) служилъ въ Русскомъ флотѣ, и когда война между Россіею и Англіею была объявлена, вышелъ въ отставку. Частныя обстоятельства, совсѣмъ постороннія политическимъ обстоятельствамъ Англіи, принудили его оставить путь, по коему слѣдовалъ онъ до того времени. Г-нъ Кроу воспользовался познаніями, какія имѣлъ случай пріобрѣсть касательно торговли и языковъ обитателей самой сѣверной части Европы; онъ основался въ Фуглинасѣ, на берегу Гаммерфестскаго залива, прямо противъ сего города. Среди превосходныхъ гаваней сей части берега никогда не развѣвался доколѣ Великобританскій флагъ, и даже нынѣ весьма немногіе изъ нашихъ моряковъ знаютъ ихъ,

Digitized by Google

шакъ, что корабли, посѣщающіе гавани Бѣлаго Моря, не смѣютъ приближиться къ здѣшнимъ берегамъ, почитая ихъ весьма опасными. Слѣдовательно Г-нъ Кроу, учинивъ вѣрнѣе и легче сообщеніе наше съ Сѣверомъ Россіи, въ тоже время открылъ нашимъ фабрикамъ новое мѣсто сбыта, теперь еще не значительнаго, но могущаго увеличиться и споспѣшествовать нашимъ мануфактурамъ и распространенію образованности.»

Путешествіе Капитана Брука должно поставить на ряду съ извѣстнымъ путешествіемъ Г-на Ачерби. Авторъ послѣдняго изъ сихъ двухъ путешествій показываетъ болѣе ученыхъ свѣдѣній, но большее число читателей конечно отдадутъ преимущество Г-ну Бруку. Выбирая изъ того и другаго приличные матеріялы, можно составить весьма хорошее описаніе Лапландіи, книгу, которая покажется новою, хотя мы имѣемъ уже довольно путешествій и географическихъ замѣчаній о сей землѣ. Картины Итальянскаго путешественника нравятся менѣе, нежели картины Англійскаго Капитана, но онѣ, кажется, вѣрнѣе. Г. Ачерби имѣлъ болѣе досуга и удобства изучать самую страну; Г. Брукъ болѣе говоритъ о жителяхъ. Соединивъ описанія ихъ обоихъ въ одно сочиненіе, методическое, богатое свѣдѣніями и очищенное отъ всѣхъ излишнихъ подробностей, можно было-бы удовлетворить всѣхъ родовъ читателей: и старающихся научиться, и читающихъ только для удовольствія.

(Изъ Англ. Журн.)

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1828 года.

— *Опытъ энциклопедическаго обозрѣнія Военнаго Искуства*, изданный въ пользу воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, П. Э. Профессоромъ Военныхъ Наукъ Императорскаго Московскаго Университета, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Гавріломъ Мягковымъ. М. 1828 г., въ т. Университ., in 8, XI, II и 169 стр.

Мысль Автора достойна похвалы: онъ хотѣлъ «вывесть изъ заблужденія готовящихся вступить «на поприще ратное, что будто Военныя Науки «заключаются въ одной *копировкѣ множества си-* «*стемъ всякихъ безъ разбору инженеровъ*, или, лучше «сказать, *систематиковъ-выдумщиковъ*, *желавшихъ* «*занять мѣсто въ числѣ истинныхъ изобрѣтателей*, «*по коихъ бредни* (какихъ появилось въ свѣтъ не «мало) *никогда не имѣли истиннаго употребленія*» (стр. VI). Все это немного темно, но въ благонамѣренности Автора не льзя сомнѣваться, читая его книгу. Такъ, напримѣръ, когда Авторъ говоритъ о богатыхъ офицерахъ: «Что̀ препятствуетъ заниматься науками тѣмъ, у которыхъ становится денегъ на карету, четверкою запряженную, на богатые кафтаны, дѣлаемые своимъ людямъ, на *пригожихъ* верховыхъ лошадей, на модную мебель? Правда, что послѣ всѣхъ сихъ затѣй

Digitized by Google

они называютъ себя *порядочными людьми* (hommes comme il faut); но несравненно было-бы полезнѣе и для нихъ и для отечества, ежели-бы на тѣ деньги, которыя они употребляютъ на обыкновенныя карты, употребляли на карты географическія; на тѣ деньги, которыя они промашываютъ на лошадей и карешы, купили-бы книги и планы; время, которое они убиваютъ на свой туалетъ и на поклоненіе вельможамъ, употребили-бы на ученіе наукъ; вмѣсто того, чтобы мазать головы свои какимъ-то *масломъ антикъ*, наполняли ихъ свѣдѣніями — тогда не въ однѣхъ столицахъ и не однѣми женщинами они были-бы уважаемы — и служба ихъ была-бы незыблемою отечественною подпорою.»

Сначала помѣщена у Автора глава, подъ названіемъ: *О началѣ войны и Военнаго Искуства.* Авторъ выводитъ войну отъ Каина и Авеля. Потомъ говоритъ о Сезострисѣ; выписываетъ многое изъ Военнаго Журнала; изъясняетъ правила *объявленія войны*, и проч. Авторъ вообще любитъ древнихъ (безпрерывно являются у него Скивы, Святославъ, Киръ, Пирръ) и ужасно бранитъ Наполеона; за то хвалитъ онъ Рускихъ. Потомъ слѣдуютъ пять частей Военныхъ Наукъ: *Тактика; Тактика Артилеріи; Артиллерія; Фортификація; Стратегія.* Каждая изъ нихъ изъясняется *коротенько*, и за каждымъ изъясненіемъ слѣдуетъ *мѣсто пространное*, въ родѣ повторенія уроковъ, хотя все изложено въ началѣ книги, и еще разъ повторяется въ концѣ книги. Repetitio est mater studiorum. Вѣроятно, Авторъ готовилъ свою книгу для преподаванія лекцій, на которыхъ онъ подробно все разсказы-

Digitized by Google

вашъ, а въ книгѣ его не найдемъ отвѣтовъ на задаваемые Авторомъ вопросы. На лекціяхъ-же, вѣроятно, приводитъ онъ все и въ систему, ибо въ книгѣ своей никакой системѣ не слѣдуетъ. Въ концѣ сочиненія Авторъ совѣтуетъ читать книги, руководствующія къ пріобрѣтенію познаній въ Военномъ Искусствѣ, и приводитъ названія книгъ десятковъ трехъ; слѣдовательно *лучшихъ?* О, нѣтъ! »Надобно сказать *однако*, что между предлагаемыми сочине» ніями есть *однако* и такія, которыя не могутъ » стоять наровнѣ *съ прочими, прославившимися своею* » *изящностью;* но если справедливо сказалъ Плиній: » nullum esse librum tam malum, ut non aliqua parte posset » prodesse, то и эти книги, *хотя-бы они были и посредственныя*, совѣтуемъ просмотрѣть» (стр. 123-я). Авторъ присовокупляетъ къ нѣкоторымъ даже свои критическія замѣчанія: бранитъ *Карнота* (т. е. *Карно*) (и какъ не бранить его: онъ служилъ *Буонапарту, который былъ великій мастеръ обманывать Французовъ своими манифестами и пускать имъ золотую пыль въ глаза*), а о книгѣ: *Походный наставникъ*, восклицаетъ такъ: « *Стоитъ-ли* « *того*, чтобы такого перевода книгу покупать и « читать? это значило терять деньги и время!» (стр. 148).

Хорошо, что не всѣ рецензенты такъ сердиты, какъ Авторъ *Опыта энциклопедическаго обозрѣнія*, а то иной сказалъ-бы ему тоже самое о собственной его книгѣ. Мы лучше извѣстимъ читателей, что въ самомъ концѣ книги идутъ, отдѣльными статьями, *выноски* и *ремарки* о Чингисъ-Ханѣ, Тамерланѣ, Спартанцахъ, Римскихъ войскахъ, и — такo

Digitized by Google

заключается *Опытъ энциклопедическаго обозрѣнія Военнаго Искуства, изданный въ пользу воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона.*

— *Кавказскія минеральныя воды.* Описанныя Петромъ Савенко, Императорской Медико-Хирургической Академіи О. Профессоромъ, Докторомъ Медицины, разныхъ иноземныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ, и проч. СПб. 1828 г., въ т. Ив. Глазунова, in 8, III, 111 и 220 стр., съ загл. грав. листкомъ и многими литогр. планами.

Цѣлительныя Кавказскія воды описаны уже были нѣсколькими врачами (Описаніе минеральныхъ Кавказскихъ водъ. СПб. 1813 г.—Описаніе Кавказскихъ цѣлительныхъ водъ, изд. А. Цеэ. СПб. 1817 г.—Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Соч. А. Нелюбина. СПб. 1825 г., 2 части); но чѣмъ больше будутъ писать, тѣмъ лучше, только-бы хорошо писано было; въ семъ случаѣ книга Г-на Савенки никогда не лишняя. Бывъ въ 1827-мъ году на Кавказѣ, онъ собралъ свѣдѣнія новыя и точныя, многое наблюдалъ самъ, и издалъ книгу достойную уваженія соотечественниковъ. Обозрѣвъ вообще положеніе всѣхъ Кавказскихъ водъ, Авторъ излагаетъ геологически теорію водъ минеральныхъ (гдѣ любопытно для насъ, жителей Москвы, его мнѣніе о предметѣ, возбуждающемъ общее наше любопытство — *искуственныхъ минеральныхъ водахъ*); потомъ представляются замѣчанія отдѣльно о *сѣрныхъ, желѣзистыхъ, Кумо-горскихъ, Бугунтскихъ* и *кислыхъ* источникахъ. Вездѣ соединена топографія съ ученымъ медицинскимъ описа-

Digitized by Google

ніемъ, крашко, но досташочно. Рисунки, къ книгѣ приложенные, прекрасно литографированы Г-мъ Бетговымъ.

Книги 1829 года.

Полтава, поэма Александра Пушкина. СПб. 1829 г., въ ш. Деп. Народн. Просв., in 8, VII и 91 стр.

Съ появленіемъ въ свѣтъ сей поэмы, Пушкинъ становишся на степень столь высокую, что мы не смѣемъ въ крашкомъ извѣстіи изрекать приговора новому его произведенію. Доселѣ Русскіе библіографы, и въ числѣ ихъ мы сами, слѣдовали въ отношеніи къ Пушкину словамъ Вольтера, сказавшаго о Расинѣ, что подъ каждою его страницею должно подписывать: *прекрасно! превосходно!* Впрочемъ, это естественный ходъ вещей: всякое необыкновенное явленіе сначала поражаетъ, и послѣ уже даетъ время подумать объ отчетѣ самому себѣ. Но удерживаясь на сей разъ отъ рѣшительнаго сужденія о *Полтавѣ*, мы скажемъ однакожь, что видимъ въ ней, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, новое: народность. Въ *Полтавѣ*, съ начала до конца, вездѣ Русская душа, Русскій умъ, чего, кажется, не было въ такой полнотѣ ни въ одной изъ поэмъ Пушкина. Сердце трепещетъ, когда читаете, напримѣръ, слѣдующій отвѣтъ Кочубея Орлику:

Такъ, не ошиблись вы! три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой честь была —
Кладъ этотъ пышка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.

Digitized by Google

Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ: святую месть!
Ее готовлюсь Богу снесть.

Это голосъ Русскій, доходящій прямо до нашего сердца. Скажутъ, можетъ быть, что это подробности; но мы упомянули уже, что вся поэма проникнута однимъ духомъ. Блестящихъ мѣстъ, въ коихъ видна особенная сила генія, въ ней множество. Выписываемъ одно: ночной разговоръ Мазепы съ Орликомъ, наканунѣ Полтавской битвы.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать? далъ я промахъ важной:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;
Не хуже Русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынѣче, казака
И обмѣнять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
Съ Самодержавнымъ Великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,

Digitized by Google

И легкомысленъ и кичливъ;
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломитъ ему свои рога.
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.

Орликъ.

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войдти въ сношенья:
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

Мазепа.

Нѣтъ, поздно. Русскому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.

Digitized by Google

Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмститъ себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранитъ онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца!
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды:
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.
Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ Русскаго Царя.

Библіографическая точность заставляетъ насъ прибавить здѣсь, что за нѣсколько времени до выхода въ свѣтъ *Полтавы*, въ нѣкоторыхъ изъ Русскихъ журналовъ было упоминаемо о поэмѣ Пушкина, которую именовали: *Мазепа*. Это одно и тоже произведеніе, которое послѣднимъ изъ сихъ именъ называли по имени главнаго дѣйствующаго лица. Впрочемъ, литературнымъ вѣстовщикамъ не въ первый уже разъ ошибаться подобнымъ образомъ. Пушкинъ, при каждой изъ послѣднихъ своихъ поэмъ, поправлялъ ихъ: они говорили *Бахчисарайскій Фонтанъ*, а онъ написалъ *Бахчисарайскій*; они писали *Онегинъ, Цыгане*, а онъ написалъ: *Онѣгинъ, Цыганы*. Наконецъ, вмѣсто *Мазепы* явилась *Полтава*.

— *Лирическій Альбомъ на* 1829 *годъ*. Изданный М.

Digitized by Google

Глинкою и Н. Павлищевымъ. СПб. 1829 г., въ Литографіи Беггрова, въ продолговатую 4-шь л.

Это собраніе музыкальныхъ пьесъ, изданное въ видѣ Альбома, отличается прекраснымъ выборомъ и красотою изданія. Въ немъ помѣщены слѣдующія пьесы: *Воспоминаніе*, романсъ, слова Жуковскаго, музыка Н. Норова; *Вдрокъ къ вдрону летитъ*, пѣсня, слова А. Пушкина, музыка Графа Віельгорскаго; *Вилія*, пѣсня изъ поэмы Мицкевича: *Валленродъ*, слова перев. Г-на Шеміота, музыка Г-жи Шимановской; *Память сердца*, романсъ, слова Батюшкова, музыка М. Глинки; *Черная Шаль*, пѣсня, слова А. Пушкина, музыка Гр. Віельгорскаго; *Mio ben ricordati*, duettino per tenore e contralto, composto dal S. M. Glinka; *Stances*, tirées de Lamartine, mises en musique par N. Noroff; *Скажи, зачѣмъ*, романсъ, слова Кн. С. Голицына, музыка М. Глинки. Всѣ сіи пьесы составляютъ первую часть Альбома; она сверхъ сего украшена красивымъ заглавнымъ листкомъ и двумя литографическими картинками. Вторая часть, или *Прибавленіе къ Лирическому Альбому*, заключаетъ въ себѣ музыку для танцовъ: 2 *вальса*, соч. М. *Рубца*, *мазурка*, соч. В. Добраго, *Котильонъ*, соч. М. Г***, *Кавалерійская рысь*, соч. Кн. А. Голицына; *мазурка*, соч. М. Г***, *вальсъ*, соч. Г. Павлищева, *вальсъ*, соч. Е. Шперича, наконецъ Nouvelles contredanses или *Французскія кадрили*, соч. М. Глинки.

— *Краткое описаніе села Спаскаго, Кусково тожъ*, принадлежащаго Его Сіятельству Графу Петру Борисовичу Шереметеву. Сочиненіе Неизвѣстнаго. На-

Digitized by Google

печатано въ 1787 году. и прогулка въ селѣ Кусковѣ. Соч. А. Воейкова. СПб. въ т. Шпаба Отд. корпуса внутр. стражи. 1829 года. 45 стр. in 8 (« *Взято* изъ N° VII и VIII Военно-Литтературнаго Журнала Славянинъ » прибавлено въ концѣ сей книжки).

Какъ лучезарное солнце, разливая благодѣтельный свѣтъ и теплоту на обширныя страны, вмѣстѣ съ симъ отогрѣваетъ всѣхъ и все, такъ благодѣтельный Цензурный Уставъ 1828 года, между прочимъ открылъ и Г-ну Издателю Славянина новое поприще дѣятельности. Оно для него ново потому, что теперь онъ безотвѣтно можетъ перепечатывать старье (пролежавшее законныя 25 лѣтъ) и наполнять имъ свой *мнимо*-литтературный и *мнимо*-военный журналецъ: въ отвѣтѣ будутъ одни читатели его, и то передъ самими собою. *Прогулка въ Кусковѣ*, еще въ 1825 году оказалась, по вѣрнѣйшимъ справкамъ и *противнямъ*, перепечаткою изъ старой книжки, которой заглавіе означено выше. Издатель Телеграфа какъ-то упомянулъ объ этомъ, а Издатель Славянина и радъ: онъ вновь шиснулъ эту перепечатку, вмѣстѣ съ оригиналомъ, въ своемъ журнальцѣ, какъ доказательство, что его статья оригинальная. Вотъ что называется: *страху въ глаза поглядѣть*! » Справляться-де и сличать не станутъ; я же печатаю на счетъ читателей Славянина!» Приправивъ шактическою бранью свою вторичную перепечатку, Г-нъ Воейковъ какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. И славно! вотъ какъ надобно литтераторствовать! Мы слышали, что кто-то *положилъ на мѣрѣ*, привести себя въ такое положеніе, чтобы отвѣчать на его выходки было

Digitized by Google

стыдно; приведши-же себя въ это блаженное положеніе, онъ рѣшился воевать своимъ перомъ, ибо знаетъ, что никто не станетъ ни слушать его, ни отвѣчать ему. Вотъ образецъ литтературнаго вампирства! Кто хочетъ узнать, можетъ-ли оправдаться Г. Воейковъ въ перепечаткѣ и выдачѣ чужой статьи за свою, тѣмъ совѣтуемъ заглянуть на 389—404-ю стр. Сына Отечества, 1825 года, № 4-й. Для любопытныхъ прибавимъ, что заглавіе книжонки, о которой идетъ рѣчь, списано нами, для показанія грамматическихъ свѣдѣній Г-на Воейкова, съ дипломатическою точностью.

— Supplément au grand catalogue de musique et des instrumens de musique, etc, qui se vendent chez C. L. Lehnhold. *Прибавленіе къ Большому Каталогу* разнымъ нотамъ, музыкальнымъ инструментамъ и прочимъ вещамъ, продающимся у Карла Павлова Ленгольда, въ Москвѣ, на Ильинкѣ, въ домѣ Плошникова. М. въ Т. Семена 1829. 29 стр. in 8.

Богатый музыкальный магазинъ Г-на Ленгольда (можетъ быть одинъ изъ первыхъ въ Европѣ) ежегодно увеличивается и *освѣжается* всѣмъ, по возможности, что музыкальные геніи создаютъ въ Европѣ. Начиная отъ великолѣпныхъ произведеній Россини, до унылыхъ мелодій какихъ нибудь горныхъ пѣвцовъ, все стекается въ музыкальную сокровищницу Г-на Ленгольда. Всѣ усовершенствованные инструменты и разныя музыкальныя удобства также получаются здѣсь немедленно. Доказательствомъ сего, для иногородныхъ (ибо Московскіе жители могутъ удостовѣриться въ этомъ лично),

Digitized by Google

служишъ *Прибавленіе*, вновь изданное Г-мъ Ленгольдомъ. Въ ономъ означены теоріческія сочиненія и ноты, поступившія въ Магазинъ послѣ изданія Большаго Каталога, о которомъ мы извѣщали нашихъ читателей (см. Моск. Тел. Т. XXII. стр. 295, 1828). Одно сіе *Прибавленіе* составляетъ огромную роспись, гдѣ означено множество драгоцѣнныхъ созданій старыхъ и новыхъ любимцовъ музыкальнаго міра: Моцарта, Россини, Гуммеля, Риса, Вебера, Верстовскаго, Мошелеса, Калкбреннера, Пиксиса, Мендельзона, Листа, и другихъ.

—*Иванъ Выжигинъ*, нравственно-сатирическій романъ. Сочиненіе Ѳаддея Булгарина. 4 части. СПб. 1829 г., въ т. вдовы Плюшаръ, in 12, XXIII, XXIV, 222, 226, 261 и 377 стр., съ гравированною виньетою и двумя литографированными картинками.

Вотъ истинный подарокъ Русской публикѣ! Сей давно ожиданный романъ, есть одно изъ пріятнѣйшихъ явленій въ Русской литтературѣ. Умъ, наблюдательность, пріятный разсказъ, составляютъ достоинства онаго; самая чистая нравственность дышитъ на каждой страницѣ. Не забудемъ и того, что Авторъ шелъ по пути, совершенно новому, ибо до сихъ поръ, кромѣ попытокъ, болѣе или менѣе неудачныхъ, у насъ не было романовъ. Онъ долженъ былъ сотворить даже слогъ для своего сочиненія, и въ этомъ отношеніи самъ сдѣлался образцомъ. Но не въ одномъ этомъ отношеніи онъ вышелъ побѣдителемъ изъ битвы съ затрудненіями, для Русскаго романиста весьма многочисленными. Самые

Digitized by Google

характеры Русскіе еще такъ неоригинальны, такъ *не всеобщи*, что у насъ жишель Бахмуша будетъ за новость слушать разсказы о своихъ Ярославскихъ земляхъ; паркетный шаркунъ будетъ на слово вѣришь изображенію мужиковъ, живущихъ въ его же помѣстьяхъ; однимъ словомъ, у насъ нѣшъ общаго отпечатка въ характерахъ, шакъ-же какъ въ физіогномін. Но мы увѣрены, что многіе Русскіе портреты и характеры, выставленные въ *Выжигинѣ*, знакомы всѣмъ: это они, они, наши милые соотечественники! Если-же сіи слова повторятъ всѣ непредубѣжденные читатели Г-на Булгарина, то поздравляемъ его съ *генеральною* побѣдой. Надобно необыкновенное искусство, чтобы выбрать предметы общіе, вѣдомые Рускимъ, которые знаютъ себя хуже, нежели своихъ земляковъ по Европѣ: Нѣмцовъ, Французовъ и Англичанъ. Съ своей стороны, въ этомъ отношеніи, мы подаемъ голосъ *за* Автора.

Наконецъ должно сказать и о завязкѣ или интригѣ *Выжигина*. Въ планѣ Автора было, какъ намъ кажется, не интриговать своихъ читателей романическими мистификаціями. Онъ хотѣлъ представить толпу характеровъ, нравовъ, повѣрій, обычаевъ Русскихъ, чему помѣшала бы запутанная завязка, ибо при ней происшествіе необходимо должно-бъ было вершѣться между нѣсколькими лицами. Въ этомъ *Выжигина* можно уподобить драмѣ, основанной на характерахъ, а не на интригѣ. Но какъ въ драмѣ, развивая характеръ лицъ, не льзя соединить съ симъ запутанной интриги, которая имѣла бы свой характеръ и развивала-бы какую нибудь одну мысль, одну данную, такъ и въ *Выжигинѣ* завязка не

Digitized by Google

запутана, потому что не это Авторъ имѣлъ въ виду. Чѣмъ восхищаемся мы въ Мольеровомъ *Мизантропѣ*, *Тартюфѣ*? Конечно не завязкою, ибо въ обѣихъ сихъ пьесахъ она не только проста, но и пошлà. Что составляетъ главное достоинство въ повѣстяхъ неподражаемаго Ваш. Ирвинга? У него, почти всегда, нѣтъ происшествія, и между тѣмъ нельзя закрыть книги, пока ему не угодно окончить бесѣды съ читателемъ. Мы изложили сіи мысли здѣсь потому, что уже имѣли случай слышать мнѣніе *нѣкоторыхъ* читателей, недовольныхъ завязкою *Выжигина*. Но мы почитаемъ такое мнѣніе слишкомъ одностороннимъ. Лесажъ безсмертенъ, а у него въ *Хромоногомъ бѣсѣ*, въ *Жилблазѣ*, завязка еще простѣе нежели въ *Выжигинѣ*.

Предвидимъ, что, *еще нѣкоторые*, назовутъ похвалы наши сему роману безусловными, безотчетными. Признаемся, что удовольствіе, доставленное намъ чтеніемъ онаго, виною всѣхъ этихъ похвалъ. Но не подумайте, Гг. Антикритики, чтобы мы находили *Выжигина* совершеннымъ произведеніемъ! Нѣтъ. И мы замѣтили нѣкоторыя пятна въ этомъ блестящемъ литтературномъ явленіи. Надѣясь, въ скоромъ времени, подробно изложить наши мысли о сочиненіяхъ Гна Булгарина — ибо они составляютъ въ нашей Литтературѣ явленіе, обращающее на себя общее вниманіе, слѣдственно явленіе важное, требующее особеннаго разсмотрѣнія — мы не хотѣли бы говорить въ краткомъ извѣстіи о недостаткахъ *Выжигина*. Но въ доказательство тѣмъ изъ литтературныхъ судей, которые только похвалы называютъ безотчетными, скажемъ,

Digitized by Google

что весь эпизодъ *Выжигина* о приключеніяхъ въ Киргизской степи мы почитаемъ вставкою, имѣющею свое большое достоинство, но неумѣстною; что Миловидовъ, по мнѣнію нашему, играетъ слишкомъ дѣятельную роль, въ ущербъ дѣятельности всего романа; что въ самыхъ описаніяхъ находятся нѣкоторыя нечочности. Въ примѣръ послѣдняго, мы укажемъ на описанія, коими Авторъ касается Москвы. Видно, что общество Московское ему извѣстно только по наслышкѣ. Гдѣ у насъ юноши-философы? что̀ за отдѣлъ людей *Архивные* юноши? Это кажется замѣтнымъ только издали; вблизи это очень мѣлко. Есть отдѣлы Московскаго общества, гораздо болѣе достойные сатирическаго бича. На страницѣ 178-й 3-го тома Авторъ упоминаетъ о *приходѣ* Василія Блаженнаго. Церковь сія не имѣетъ прихода, потому что она Соборъ, иначе именуемый *Покровскимъ Соборомъ*. Вотъ сколько крючковъ и привязокъ наставили мы! Но здѣсь истощена почти вся громада нападеній. Чтобы разсшаться съ *Выжигинымъ великодушными врагами* (какъ говаривалъ Байронъ), прибавимъ, что прочитавъ его, мы не удивляемся огромному успѣху сего новаго сочиненія Г-на Булгарина. Объявленіе *о второмъ изданіи Выжигина* подтверждаетъ наше мнѣніе, и показываетъ, до какой степени возбуждено любопытство публики.

— *Вудтокъ или Всадникъ*. Исторія Кромвелевыхъ временъ. — 1651 годъ. — Соч. Сира Вальтера Скотта. Перевелъ съ Французскаго С. Де Шаплетъ. Спб. 1829 г. въ ш. Деп. Нар. Просв. Ч. I. 278. стр.,

Digitized by Google

Ч. II-я 287 стр., Ч. III-я 285 стр., Ч. IV-я 336 стр. in 12 (*).

Вудстокъ, одинъ изъ новѣйшихъ и лучшихъ романовъ В. Скотта, переведенъ Гмъ Де Шаплетомъ очень хорошо. Имя Г-на Переводчика извѣстно у насъ по его прекраснымъ переводамъ *Пустынниковъ* Жуи и Ружемона; Русскій Вудстокъ подтверждаетъ сію добрую славу. Мы увѣрены, что всѣ любители романовъ неподражаемаго Шотландскаго Баронета, не имѣющіе средствъ читать оные въ оригиналѣ или во Французскомъ переводѣ, поспѣшатъ пріобрѣсти *Вудстокъ* въ переводѣ Г-на Де Шаплета: тѣмъ они доставятъ себѣ истинное наслажденіе. Пріятно на своемъ языкѣ читать хорошій переводъ изящнаго произведенія: въ этомъ чтеніи есть даже что-то особенно привлекательное. Книгу, знакомую намъ на языкѣ Французскомъ или Нѣмецкомъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ перечитываемъ на своемъ родномъ языкѣ. Одно условіе: что бы переводъ былъ хорошъ; потому то мы отъ души поздравляемъ Русскую публику съ симъ новымъ переводомъ: за него можно приниматься съ вѣрною надеждою на удовольствіе; а что Вальтеръ Скоттъ постоитъ за себя, объ этомъ и говорить нечего.

Изданіе сей книги весьма хорошо.

(*) Продается въ С. Петербургѣ у всѣхъ книгопродавцевъ, въ Москвѣ у А. С. Ширяева, въ Университетской книжной лавкѣ. Цѣна за всѣ 4 части, въ красивой печатной обверткѣ, въ С.П.бургѣ 10 руб., съ пересылкою во всѣ города 12 рублей.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Французскую публику занимаетъ нынѣ процессъ, совершенно новаго рода. Александръ Дюмасъ, молодой поэтъ, написалъ трагедію: *Генрихъ III*. Она была принята на Французскій театръ и имѣла успѣхъ необыкновенный. Театръ, при каждомъ представленіи новой драмы, былъ полонъ, рукоплесканіямъ не было конца. Это разсердило записныхъ классиковъ, тѣмъ болѣе, что по естественному ходу дѣлъ въ мірѣ, а не по чему либо иному, знаменитыя произведенія Французскихъ трагиковъ не привлекаютъ болѣе публику въ театръ, особенно послѣ смерти Тальмы. Что-же сдѣлали классики? Они вздумали просить Короля вступиться за древнюю славу классицизма, запретить представленіе романтическихъ драмъ на Французскомъ Театрѣ и прогнать съ онаго пьесу А. Дюмаса. Просьба ихъ, чего и должно было ожидать, оставлена безъ вниманія. Послѣ этого образовались двѣ явныя партіи: Классическая, защищающая сторону подававшихъ просьбу классиковъ, извѣстныхъ писателей Арно, Жуи, Этьена, Вьенне, Леруа, и Романтическая, въ которой первенствуютъ прошестовавшіе въ газетахъ противъ классиковъ литтераторы: Делавинь, Скрибъ, Суме, Ансело, Дюваль, Мазеръ. Началась перестрѣлка въ журналахъ, также раздѣлившихся на двѣ партіи. Наконецъ нѣкоторые изъ

Digitized by Google

воюющихъ пишутъ особенныя книги о спорномъ предметѣ; сатиры, эпиграммы, личности сыплются съ обѣихъ сторонъ. Два члена Французской Академіи, Н. Лемерсье и Боуръ-Лорміанъ, издали сатирическія сочиненія: первый пародію мелодраму *Калъ*, второй сатирическо-бранчивую выходку, названную имъ *Набатная пушка* (Canon d'alarme). Читая въ послѣдней пошлыя ругательства на романтизмъ, мы, кажется, видимъ послѣднее усиліе людей, для коихъ *романтизмъ* и *нелѣпость* синонимы. Пора образумиться! И зачѣмъ унижать классицизмъ такими средствами, если онъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, умеръ для нашего времени? Но мы почитаемъ сіе происшествіе *всемірнымъ*. Французы даютъ тонъ всему: и у насъ откликнется ихъ литературный процессъ.

Въ Revue Britannique, мы нашли слѣдующее важное извѣстіе: «Изъ числа многихъ средствъ, способствующихъ исцѣленію отъ ожоги, самымъ благотворнымъ признано въ недавнее время прикладываніе хлопчатой бумаги на обожженное мѣсто. Употреблять ее начали прежде всѣхъ Сѣверо-Американскіе Медики. По замѣчанію Г-на Андерсона, много разъ испытывавшаго сіе средство, первымъ дѣйствіемъ онаго бываетъ быстрое прекращеніе боли и раздраженія, каково-бы ни было состояніе раны, причиненной ожогою. Многіе изъ его больныхъ, коихъ онъ сначала пользовалъ другими средствами, немедленно чувствовали облегченіе, какъ скоро къ ранамъ ихъ онъ прикладывалъ хлопчатую бумагу, и

Digitized by Google

между шѣмъ ни что другое не могло произвести сего дѣйствія. Если даже рана такъ обширна и глубока, что нѣтъ никакой надежды спасти жизнь обожженному, то по крайней мѣрѣ отъ приложенія хлопчатой бумаги онъ немедленно чувствуетъ большое облегченіе и даже совершенное прекращеніе боли. Въ случаяхъ не столь важныхъ, уменьшается жаръ, тоска исчезаетъ, безсонница перестаетъ мучить больнаго и онъ снова получаетъ аппетитъ. Хлопчатая бумага, уменьшая воспаленіе въ наружныхъ, обожженныхъ частяхъ, ускоряетъ излеченіе оныхъ и часто даже препятствуетъ самому образованію струпа. Въ семъ случаѣ она составляетъ, вмѣстѣ съ влажностями раны, родъ оболочки, замѣняющей сожженную перепонку или верхнюю кожицу, защищаетъ открытое мѣсто отъ раздражительнаго дѣйствія внѣшняго воздуха и способствуетъ нарастанію новой перепонки. Одному угольщику, жестоко обожженному, хлопчатую бумагу не перемѣняли двѣ недѣли: послѣ сего, при перевязкѣ, нашли, что раны большею частію зажило, и не поджившія мѣста были близки къ исцѣленію. У другой особы, которая получила отъ ожоги глубокія и почти одинакія раны на обѣихъ ногахъ, Г-нъ Андерсонъ одну ногу перевязалъ хлопчатою бумагою, а другую обыкновеннымъ спускомъ. Дѣйствіе хлопчатой бумаги было таково, что въ обложенной ею ногѣ боль была весьма легкая и черезъ три недѣли рану совсѣмъ зажило; напротивъ раненная спускомъ нога причиняла жестокую боль, была поражена воспаленіемъ и рана закрылась на ней не раньше какъ черезъ три мѣсяца.»

Digitized by Google

« Въ 23й книжкѣ Телеграфа 1828 года, на страницѣ 382-й » пишетъ къ намъ почтенный Г-нъ Бояркинъ « напечатано нѣсколько выраженій изъ условнаго языка прежнихъ Волжскихъ разбойниковъ, съ невѣрнымъ истолкованіемъ смысла. »

« Разбойничій крикъ на Волгѣ: *Сарынь на кичку*, не значилъ: *бить всѣхъ*. Слово: *сарынь* (а не сарынъ) значитъ почти то-же, что *сволочь*. Въ понятіи унизительномъ, часто такъ и нынѣ называютъ артель бурлаковъ, или толпу рабочихъ людей на расшивахъ и другихъ судахъ, по Волгѣ ходящихъ. *Кичкою*-же назывался носъ, или передній конецъ судна, противоположный концу заднему, называющемуся кормою. Когда, нападая на судно, разбойники кричали: *Сарынь на кичку!* то, въ подлинномъ смыслѣ условнаго языка ихъ, слова сіи означали: *Бурлаки! убирайтесь всѣ къ носу! приляжь-те, молите и съ мѣста не трогайтесь.* Когда сіе ужасное повелѣніе исполнялось, то грабили судно, и каюту, близъ кормы находящуюся, но къ бурлакамъ не прикасались; били-же ихъ въ такомъ только случаѣ, когда они крику: *сарынь на кичку*, не повиновались.

» Слова: *Пусти краснаго пѣтуха!* значили на Волгѣ: *стрѣляй!* а на сухомъ пути тѣже слова означали: *зажигай домъ!* Выраженіе: *по рѣкѣ волна прошла*, понималось: *за нами погоня.*

« Смыслъ сихъ и другихъ разбойничьихъ терминовъ, Волжскіе судопромышленники донынѣ твердо знаютъ. Но разбои нынѣ—да будетъ благодареніе Господу—давно уже на Волгѣ не существуютъ,

Digitized by Google

и составляютъ только часть историческихъ преданій и народныхъ воспоминаній. »

Съ истинною благодарностію принимая замѣчанія почтеннаго Г-на Бояркина, мы покорно просимъ его и всѣхъ любителей отечественнаго, присылать къ намъ столь любопытныя замѣчанія. Мы готовы печатать ихъ немедленно въ Телеграфѣ, и за сообщеніе извѣстій обо всемъ, что касается нравовъ, обычаевъ, обрядовъ и вообще подробнаго познанія отечества нашего, будемъ особенно благодарны.

Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, разныхъ орденовъ Кавалеръ, бывшій Министръ Юстиціи, скончался 26 Февраля, въ помѣстьѣ своемъ, селѣ Кибинцахъ, Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда. Онъ достигъ преклонной старости: 75 лѣтъ отъ рожденія, хотя посвящая всю жизнь, кромѣ послѣднихъ годовъ, государственному служенію, никогда не щадилъ здоровья въ занятіяхъ многотрудныхъ, требовавшихъ всякаго вниманія.

Егоръ Борисовичъ Фуксъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, скончался 25 Марта, въ С. Петербургѣ, гдѣ жилъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни. Сей достопамятный мужъ находился Секретаремъ и ближайшимъ человѣкомъ при безсмертномъ Суворовѣ, во время Австро-Россійской кампаніи въ 1799 году. Изъ множества *Анекдотовъ*

Digitized by Google

о Суворовѣ, изданныхъ Е. Б. Фуксомъ, видно, что Герой особенно любилъ его и удостоивалъ своею довѣренностью до конца жизни. Какъ Литтераторъ, Е. Б. Фуксъ извѣстенъ *Исторіею кампаніи* 1799 года, *Анекдотами о Суворовѣ* и нѣкоторыми мѣлкими статьями, изданными имъ въ особой книгѣ. Вся жизнь Фукса была посвящена любви къ отечеству и любви къ Суворову: онѣ раздѣляли всѣ минуты его жизни.

Александръ Яковлевичъ Княжнинъ, Генералъ-Лейтенантъ, Членъ Военнаго Совѣта и Кавалеръ, скончался въ С. Петербургѣ, Марта 27 дня, отъ раны, полученной имъ въ сраженіи при Бородинѣ (24 Августа 1812 года). Но тяжелая рана сія, въ продолженіе 16-ти слишкомъ лѣтъ, не могла остановить его на пути служенія отечеству. Излишніе труды по службѣ, какъ говорятъ, ускорили кончину сего достойнаго мужа. Въ литтературѣ онъ извѣстенъ нѣкоторыми театральными пьесами, имѣвшими большой успѣхъ, и мѣлкими стихотвореніями.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Quelques capotes de gros de Naples, pour le matin, offrent de très-grands carreaux qui imitent les madras de l'Inde.

Les chapeaux de satin russe, rose ou bleu, ont, au haut de la forme, par devant, une cocarde composée de huit ou dix boucles de ruban de gaze. Par derrière, figure une cocarde plus petite, placée au bas de la forme.

On nomme *vin de bordeaux* une des nuances rouge-violet à la mode : les couturières l'emploient, soit pour robes habillées, soit pour redingotes, dites élégant négligé.

Chez les modistes, une couleur nouvelle porte le nom de *saumon*.

Sur le dos des robes, les tailles sont marquées par des liserés ou petites baguettes de la même couleur et souvent de la même étoffe que la robe. On nomme ces corsages *polonais*, ou *livoniens* : la fermeture, au milieu, par derrière, soit à agrafes, soit à lacet, est toujours cachée par une petite bande plate qui la recouvre. Les mêmes liserés ou petites baguettes, au nombre de trois au moins, et de cinq au plus,

(*) До 25 Марта (Н. С.) 1829 г.

Digitized by Google

marquent le haut d'un large ourlet, ou d'un biais qui monte jusqu'aux genoux. La ceinture, bouclée par derrière, offre sur ses deux bords, un liseré pareil. Enfin les manches *à la mameluck* ont toutes en haut un large croissant, plissé à petits plis, entre le corsage et la manche, puis, en bas, une double ou triple petite baguette faisant *poignet*. Sur ce poignet sont montés les plis de la manche, absolument comme aux larges manches de chemise des femmes de certains cantons suisses.

Dans un bal donné le 23 mars, la coeffure de Mad. la baronne de L.... était un mélange d'épis en diamans et de fleurs. C'étaient des fleurs aussi, qui formaient le diadème de Mad. C.... B; mais ces fleurs, figurant des boules de neige, étaient en améthystes et aigues-marins.

Mad. L... portait une robe de crêpe noir à colonnes en or frappé, et à palmes dans le bas.

Fort peu de corsages étaient surmontés d'une blonde plissée; mais toujours on appercevait une chemisette brodée et bordée d'une petite dentelle.

Quelques robes de crêpe blanc avaient, à la hauteur des genoux, une large guirlande de lilas et d'œillets brodés en soie plate.

Les dames qui n'étaient point venues pour danser, portaient des chapeaux de la forme dit *cardinal*, ou des turbans en tissu d'or et tissu d'argent.

Digitized by Google

Les élégans étaient en pantalon collant, à sous-pieds ou sans sous-pieds; bas noirs à jour et brodés, ou bas gris; habit couleur œil de corbeau; gilet de dessous en gourgouran ou en piqué, fait à schall, et renversé sur le collet d'un gilet de velours à fleurs d'or; cravate à rosette, formée vers le milieu, et chapeau à cornes, avec large gance *à l'anglaise* en or passementé, et plumes dans l'intérieur.

Головные уборы. Нѣкоторыя изъ шляпокъ-капотовъ, надѣваемыя при утреннихъ выѣздахъ, дѣлаются изъ гроденапля съ огромными квадратами, похожаго на Индійскій мадрасъ. — Шляпки изъ Русскаго апласа, розоваго или голубаго, убираются вверху тульи, спереди, кокардою, составленною изъ осьми или десяти банповъ газовыхъ ленпъ; сзади, внизу тульи, бываетъ также кокарда, только поменѣе.

Модныя матеріи. *Бордосское вино*: такъ называютъ одинъ изъ модныхъ оттѣнковъ красно-фіолетовыхъ; матеріи сего цвѣта употребляются для нарядныхъ платьевъ и для рединготовъ, называемыхъ щегольскимъ неглиже. — У модистокъ явился новый модный цвѣтъ, называемый цвѣтъ *семги*.

Модныя платья. На спинѣ платья талья означается маленькимъ лизере, одинаковаго съ платьемъ цвѣта, иногда той-же самой матеріи, изъ какой сдѣлано платье; такіе корсажи называются *Польскими* или *Лифляндскими*. Застежку ихъ посрединѣ (ат-

Digitized by Google

рафъ или снурокъ) всегда закрываетъ маленькій плоскій банпъ. Такіе-же, не менѣе трехъ и не болѣе пяти, лизере показываютъ вышину широкой подшивки, которая идетъ до колѣнъ. Полеъ, застегнутый сзади, обшивается такимъ-же лизере по обоимъ краямъ. Мамелюкскіе рукава убираются сверху широкимъ полумѣсяцомъ, сложеннымъ въ маленькія складки между корсажемъ и рукавомъ; далѣе къ кисти руки, дѣлаются двойные и тройные лизере. Рукавъ оканчиваетея складками, совершенно похожими на складки, какія бываютъ у широкихъ рукавовъ женскихъ рубашекъ въ нѣкоторыхъ Швейцарскихъ областяхъ.

Бальные уборы. На одномъ балѣ головный уборъ Баронессы Л. составляло смѣшеніе алмазныхъ колосьевъ и цвѣтовъ; изъ цвѣтовъ сдѣлана была и діадема Г-жи С. Б., но цвѣты сіи, изображая собою бульденейжи, были изъ аметистовъ и аквамариновъ. — Г-жа Л. была въ креповомъ черномъ платьѣ съ золотыми полосами и съ пальмами внизу платья. — Весьма мало было корсажей съ блондовыми складками; но замѣчены шемизетки, вышитыя и обшитыя узенькими кружевами. — Нѣкоторыя изъ бѣлыхъ креповыхъ платьевъ убраны были широкою гирляндою, изъ сиреней и гроздикъ, вышитыхъ шелкомъ. — Не танцовавшія дамы были въ Кардинальскихъ шляпкахъ или въ тюрбанахъ, изъ золотой или серебряной шкани. — Кавалеры были въ узкихъ панталонахъ, въ черныхъ вышитыхъ чулкахъ ажуръ, или въ сѣрыхъ; фраки чернаго цвѣта, называемаго вороній глазъ; нижніе жилеты изъ гургурана или

Digitized by Google

пике съ шалью, которая закрывала ворошничекъ другаго, верхняго жилета, сдѣланнаго изъ бархата съ золотыми цвѣточками; галстухи были завязаны спереди бантомъ; шляпы съ углами, съ широкимъ золотымъ галуномъ на Англійскій манеръ и съ перьями внутри.

ПАРИЖСКІЯ ВѢСТИ.

Издатель Парижскаго Журнала Модъ съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаетъ читательницъ о новости, въ самомъ дѣлѣ довольно необыкновенной. Въ Константинополѣ, по повелѣнію Султана Махмуда, Парижскій Журналъ Модъ переводится на Турецкій языкъ, и каждый нумеръ онаго, съ Парижскими картинками, препровождается въ Гаремъ Султана. Султанскія жены въ восторгѣ отъ такой новости. Воображаемъ себѣ затрудненіе какого нибудь бородатаго Улема, которому по волѣ Султана достается тяжелая должность пересказывать всѣ модныя причуды.

« Autre triomphe des modes de notre beau pays! » восклицаетъ Издатель Журнала Модъ. Весь тріумфъ состоитъ въ томъ, что въ Стокгольмѣ, 24-го Февраля, на балѣ у Графа Монталеберша, попеременно танцовали Французскія кадрили и Шведскія кадрили. За это любезный Издатель называетъ Шведовъ Сѣверными Французами. Неужели до сихъ поръ въ Швеціи не танцовали

Digitized by Google

Французскихъ кадрилей? По крайней мѣрѣ у насъ эта кадриль уже давно сдѣлалась опасною соперницею всѣхъ другихъ танцовъ: только еще кошильонъ и мазурка сохраняютъ свои права на балахъ.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Газовый шюрбанъ, съ золотомъ (голубаго цвѣта шюрбанъ дѣлается съ серебромъ); блондовое платье, убранное атласными углами, которые обшиты блондами.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Марта 27 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 7. *Апрѣль* 1829.

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

И НЕДОСТАТКАХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ ФАБРИКЪ.

(Окончаніе).

Куренья сѣрою. Наконецъ мы собственнымъ опытомъ удостовѣрились, что можно устроить сѣрные домики, или бани, такъ, что никакого вреднаго слѣдствія для шелка, и неудобства для занимающихся на фабрикѣ, не будетъ. Въ скоромъ времени, мы надѣемся издать подробное описаніе и рисунки куриленъ, которыя должны быть переносныя, а не подвижныя.

Вотъ средства, коими немедленно должно заняться, дабы привесть въ совершенство одну изъ важнѣйшихъ частей нашей промышленности, подверженную паденію отъ нашей не-

Digitized by Google

брежности, отъ вкравшихся въ нее злоупотребленій, отъ того, что мы не думаемъ объ улучшеніяхъ старыхъ методъ.

Полагаемъ полезнымъ изложить въ окончаніи нашихъ замѣчаній нѣсколько химическихъ изслѣдованій о шелкѣ и обработкѣ онаго, и въ заключеніе, объяснить все сказанное нами въ самыхъ краткихъ словахъ, которыя покажутъ цѣль нашихъ замѣчаній.

Отчистка шелка, болѣе экономическимъ и менѣе продолжительнымъ способомъ, въ сравненіи съ отчисткою его мыломъ, съ давняго времени была предметомъ разысканій химиковъ. Нынѣшняя метода отчистки справедливо почитается вредною, ибо мыло, не разводясь совершенно въ водѣ, но испытывая только болѣе или менѣе разложенія, отъ дурныхъ свойствъ воды, или отъ прибавленія землистыхъ солей, означенныхъ нами въ статьѣ о пряденіи, производитъ слѣдующій процессъ: часть его маслянности, отдѣляясь въ бѣлыхъ кусочкахъ и въ частичкахъ весьма раздѣленныхъ, пристаетъ къ шелку, слоями чрезвычайно нѣжными, и дѣлается препятствіемъ къ пропитыванію шелка красящими веществами. Отъ того сіи послѣднія необходимо должны имѣть менѣе блеска, менѣе прочности, и быть подвержены линючести. Напрасно стараются пособить это-

Digitized by Google

му красильщики. Присутствіе мыльной маслянности оказывается тухлымъ запахомъ, который раскрывается и распространяется отъ теплоты, какой подвергаютъ шелковыя матеріи при аппретурѣ. Запахъ сей столь силенъ, что картоны, находящіеся между складками матерій и подвергнутые давленію двухъ желѣзныхъ, разгоряченныхъ пластинъ, навсегда остаются имъ пропитаны.

Съ другой стороны, продолжительность варки въ мылѣ необходимо измѣняетъ связь шелка, который дѣлается хлопковатъ и запутанъ. Извѣстно, что шелкъ, долго кипятимый даже въ простой, чистой водѣ, наконецъ разлагается и разрывается въ хлопки.

Недостатки нынѣшняго обрабатыванія столь извѣстны, что еще въ 1760 году, Ліонская Академія предлагала задачу для состязанія, о томъ: *чѣмъ* должно замѣнить мыло въ отчисткѣ шелка. Нѣсколько разъ была повторяема сія задача, но безъ успѣшнаго рѣшенія. Г-нъ Женевъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ членовъ Академіи, въ отчетѣ своемъ по сему предмету, совершенно справедливо доказываетъ, что мыльная масляность, запирая скважинки въ шелкѣ, препятствуетъ красящимъ веществамъ проникать въ оныя, заставляетъ линять бѣлый цвѣтъ, мрачитъ лиловый и фіолетовый, и во-

Digitized by Google

обще дѣлаетъ цвѣта непрочными (Rapp. Acad. 1765). Знаменитые химики Макеръ и Бергманъ, которымъ искусство красить одолжено столь многими усовершенствованіями, дѣлали точно такія-же замѣчанія.

Съ давняго времени, и большое число химиковъ занималось симъ важнымъ предметомъ. Г-да Риго и Нейре де Сенъ-Кентенъ, и Г-нъ Боме, въ Парижѣ, испытывали бѣленіе шелка спиртомъ, смѣшаннымъ съ соленою кислотою; но сей способъ, требующій отъ 12 до 15 дней времени, и прибавляющій на цѣну шелка по 3 фр. на фунтъ, невозможенъ, тѣмъ болѣе, что онъ не совершенно очищаетъ шелкъ, а только не вполнѣ обезцвѣчиваетъ его.

Химики: Брунъятелли, Гермштедтъ, Крелль и Прустъ повторяли опыты, и испытывали бѣленіе парами, по методѣ Бертолле: но они далеко не достигли успѣховъ.

Если мы не ошибаемся, то, до Сочинителя сей статьи никто не испытывалъ селитренаго эѳира. Въ одно мгновеніе бѣлитъ онъ погруженный въ него шелкъ, безъ ассуплировки; но сей матеріялъ стоитъ, по крайней мѣрѣ, 30 фр. за фунтъ, и его надобно-бъ было употреблять вѣсомъ противъ шелку, слѣдственно—опытъ удаченъ, но не годится.

Г-нъ Роаръ, прежде бывшій Директоръ Го-

Digitized by Google

беленевой мануфактуры въ Парижѣ, дѣлалъ множество опытовъ касательно отчистки шелка.

Въ 1806 г. читалъ онъ въ Институтѣ длинное разсужденіе, въ которомъ предложилъ способъ извлекать смолистость, отчищать и бѣлить шелкъ мыломъ, за одинъ пріемъ. Его опыты повторены были въ Ліонѣ, въ присутствіи Гг-дъ Эйнара, Раймона, Леруа, Барра, Дешана старшаго и Маргарона, кои всѣ признали сей способъ невыгоднымъ, по многимъ отношеніямъ.

Когда Сочинитель сей статьи читалъ въ Италіи курсъ Химіи, ему былъ случай дѣлать множество испытаній надъ шелкомъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ и знаменитымъ товарищемъ, Графомъ Москати, столь рано и безвременно похищеннымъ у наукъ и искуствъ, коихъ былъ онъ покровителемъ великодушнымъ и просвѣщеннымъ. Дабы производить опыты по умственному основанію и на положительныхъ правилахъ, мы начали тѣмъ, что разложили совершенно 2500 граммъ шелка сырца, взятаго изъ филатуры Венеціянскаго Сенатора Дандоло, одной изъ превосходнѣйшихъ въ Италіи. Мы хотѣли узнать основныя начала шелка, то есть, тѣ различныя сущности, изъ коихъ составлено драгоцѣнное вещество, называемое: *шелкъ*. Продолжительно было-бы и излишне

Digitized by Google

для читателей описывать здѣсь способы разложенія, которые употребили мы въ семъ дѣлѣ. Мы не повторяли опытовъ Пруста и другихъ химиковъ, стремившихся къ познанію того, какія дѣйствія производятъ разныя вещества на основную сущность шелка, закрытую въ шелковинѣ примѣсью другихъ веществъ. Мы хотѣли узнать, *что именно, и въ какой точно мѣрѣ* составляетъ основную сущность шелка. Вотъ выводы, сдѣланные нами, посредствомъ многихъ и разныхъ веществъ и дѣйствій, служившихъ при нашемъ изслѣдованіи.

Шелку сырцу взяли мы . . . . 2500 гр.

По разложеніи оказалось:

Животныхъ волоконъ, превращенныхъ въ студень.	1855 гр.
Растительной смолы	508 —
Смолистой, красящей матеріи . .	105 —
Мыловатаго жира	8 —
Летучаго масла	2 —
Потери при выпаркѣ, цѣженіи, и проч.	22 —
Всего	2500 гр.

Наше разложеніе оказалось почти сходно съ разложеніемъ Боме, Бруньятелли, Крелля, Клапрота, Берара и Пруста; всѣ сіи химики,

Digitized by Google

шакъ-же какъ и мы, признали, что шелкъ состоитъ:

1-е. Изъ растительной смолы, похожей на ту, которая покрываетъ листы шелковицы. Сія-то смола даетъ шелковинѣ твердость и крѣпость; она зеленовата и крѣпнетъ на воздухѣ.

2-е. Изъ матеріи красящей, смолистой, твердой (solide), плавящейся при 30° теплоты, по стоградусному термометру, и не растворяющейся въ водѣ, кипящемъ спиртѣ и селитряномъ эѳирѣ.

3-е. Изъ масла, летучаго, пахучаго, которое легко добыть, перегоняя шелкъ на спиртѣ или на эѳирѣ, принимающихъ отъ сего цвѣтъ золота. Оно находится въ пропорціи $\frac{1}{500}$ части, противъ вѣса свѣжаго шелка.

4-е. Изъ матеріи бѣлой, жирной, маслистой, настоящемъ мыловатомъ жирѣ, который открылъ Прустъ и описалъ въ 66-мъ томѣ *Журнала Химіи* (Journal de Chimie). Полагаютъ, что сіе вещество даетъ шелковинѣ блестящій лакъ; оно находится въ пропорціи $\frac{1}{100}$ противъ вѣса шелка.

5-е. Наконецъ, изъ животной студени, сдѣлавшейся волокнистою посредствомъ работы насѣкомаго и дѣйствія воздуха, отъ коего она бываетъ ссѣдающеюся и гибкою: это настоящее

Digitized by Google

основное вещество, изъ числа составляющихъ нишь шелка. Сочинитель сей спашьи осмѣливаешся думашь, что онъ первый совершенно узналъ его и отличилъ отъ другихъ веществъ, съ коими оно соединено, и отъ коихъ надобно освободишь нишку, дабы заставишь ее принять въ себя краску и быть способною для шканія матерій.

Такимъ образомъ, 100 килограммовъ шелку желшаго, сырца, недавно размошаннаго, должны содержашь въ себѣ:

Вещества волокнистаго животнаго, или нишей собственно, около . .	74 к.	280 гр.
Растишельной смолы . . .	21 „	—
Смолистости и красящаго вещества	4 „	—
Летучаго масла	—	220 гр.
Мыловашаго жира	—	500 —
Всего	100 к.	—

Бѣлый шелкъ содержишъ въ себѣ шѣже самыя вещества, исключая красящее, коего въ немъ нѣшъ, хотя смолистость, съ коею оно соединено, всегда есшь въ шелкѣ. Такимъ образомъ, можно положишь, что пошеря бѣлаго шелка, прошивъ желшаго, при очисшкѣ будетъ 1 или 2 на сто менѣе.

Таковы вообще были опыты и выводы, которые довели насъ до средствъ, помощію ко-

Digitized by Google

ихъ мы могли очищать шелкъ безъ мыла, заставляя дѣйствовать нѣкоторыя изъ составляющихъ шелковину веществъ, и вещества чистящія, но не истощающія шелкъ.

Если покушенія предшествовавшихъ намъ химиковъ были безплодны, это происходило отъ недостатка Химіи, которая не могла сдѣлать разложенія полнаго и вѣрнаго. Мы напротивъ приобрѣли удовлетворительные выводы, подтвержденные вѣрными опытами, и не случайно, но изслѣдованіями, въ десятилѣтній курсъ Химіи, преподаванный нами въ Ишаліи, и послѣ въ Ліонѣ, гдѣ Сочинитель сей спатьи семь лѣтъ имѣлъ случай быть извѣстнымъ лучшимъ фабрикантамъ, красильщикамъ и шкачамъ.

Такимъ образомъ, съ увѣренностію предлагаетъ онъ теперь соотечественникамъ своимъ опыты семнадцати лѣтъ, убѣжденный въ томъ, что настоящія замѣчанія его побудятъ безъ отлагательства принять мѣры, требуемыя обстоятельствами, дабы предупредить паденіе одной изъ важнѣйшихъ вѣтвей нашей промышленности.

Заключаемъ спатью нашу общимъ изложеніемъ всего сказаннаго нами, и просимъ Г-дъ фабрикантовъ, прочитавъ наше заключеніе, подумать внимательнѣе.

Изъ сказаннаго нами, если свести все въ немного словъ, выходитъ:

Digitized by Google

1-е. Нельзя узнать внутренней доброты шелка, ни убыли, какая можетъ въ немъ быть, но простому разсмотрѣнію его, или по вкусу, и что полагая 25 на 100 убыли, можно ошибиться отъ 3 до 5 на 100, что весьма важно, судя по цѣнѣ предмета.

2-е. Фабриканты, не имѣя никакого вѣрнаго основанія, для разсчета убыли, и вѣса, какой шелкъ можетъ получить при крашеньѣ, подвергаются неопредѣленно значительнымъ убыткамъ и могутъ быть обкрадены людьми, которые обдѣлываютъ шелкъ и шкутъ шелковыя матеріи.

3-е. Единственный способъ отвратить всѣ сіи неудобства есть тотъ, что должно установить предварительное, публичное испытаніе отдѣлкою. Тогда торговцы шелкомъ спасутся отъ обмановъ мошальциковъ и сучильщиковъ, а фабриканты станутъ покупать шелкъ съ извѣстностью, что̀ изъ него выйдетъ, и также оградятся отъ обмановъ.

4-е. Слѣдуетъ совершенно оставить отчистку мыломъ. Сочинитель сей статьи головъ открыть свой секретъ (для чего испрашиваетъ онъ теперь привиллегію); вѣрныя свидѣтельства и опытъ, подтверждаютъ слова его, и могутъ убѣдить всякаго, что способъ, ему извѣстный, и отчасти изложенный выше сего,

Digitized by Google

при описаніи разложенія шелка, скорѣе, дешевле и проще нынѣ употребляемыхъ. Шелкъ не подвергается кипяченію, но только отбирается въ жидкости, составленной изъ веществъ легкихъ и не могущихъ измѣнить его. Довольно одного часа, дабы очистить его совершенно, вмѣсто шести, употребляемыхъ при нынѣшней методѣ, и даже достаточно получаса, для шелка, назначеннаго въ простые цвѣта. Притомъ, шелкъ живѣе принимаетъ цвѣта, держитъ ихъ прочнѣе, меньше требуетъ красокъ. Ткани, сдѣланныя изъ шелка, очищеннаго по методѣ Сочинителя сей статьи, лучше берутъ аппретуру, и нѣтъ въ нихъ того непріятнаго запаха масломъ, какой бываетъ при нынѣшней методѣ.

5-е, наконецъ, и едва-ли не важнѣйшее: предлагаемыми здѣсь средствами истребится совершенно шайка *кустарниковъ*, которые не будутъ имѣть средствъ и случая покупать воровской шелкъ, и потомъ унижать цѣны фабричнымъ произведеніямъ.

Digitized by Google

КРАТКІЯ ОСНОВАНІЯ ХИМІИ,

ДЛЯ ФАБРИКАНТОВЪ И ЗАВОДЧИКОВЪ.

Предметъ Химіи есть *познаніе элементовъ, или основныхъ началъ, которые составляютъ тѣла*, и *изслѣдованіе дѣйствій, какія производятъ тѣла, одно на другое, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ*. Все сіе совокупно составляетъ одну изъ важнѣйшихъ наукъ, ибо она объясняетъ намъ дѣйствія природы, въ различныхъ, производимыхъ ею безпрерывно явленіяхъ, а въ приложеніи своемъ даетъ средства точно узнать, опредѣлить и распространить производства промышленности. Въ семъ-то послѣднемъ отношеніи, кратко излагаемъ мы здѣсь начала Химіи, дабы въ основаніяхъ сей науки показать фабрикантамъ и заводчикамъ сущность тѣхъ матеріяловъ, какіе они употребляютъ, и причины дѣйствій, какія они видятъ, не умѣя иногда отдать себѣ отчета въ видимомъ. Вся важность ученаго познанія состоитъ въ томъ, что ученый человѣкъ можетъ сказать, *для чего* онъ дѣлаетъ *такъ*, *а не иначе*, когда дѣлая по наслышкѣ, по навыку, производитель дѣйствуетъ совершенно безъ отчета. Отъ этого, очень часто производитель видитъ ошибку, и не знаетъ ни того, отъ чего она сдѣлалась, ни того, какъ ее поправить. Впрочемъ, конечно, никто не ста-

Digitized by Google

нетъ спорить, что наука дѣло для фабриканта и заводчика полезное. Но ученыя сочиненія пишутся языкомъ непонятнымъ для простаго производителя, и притомъ часто онъ не имѣетъ даже довольно времени заняться ученымъ твореніемъ, по огромности его. Мы счастливыми себя почтемъ, если успѣемъ представить здѣсь какъ можно проще и яснѣе главныя основанія Химіи, чѣмъ могутъ читатели наши руководствоваться въ дальнѣйшихъ занятіяхъ, приучаясь, какъ къ самому расположенію химическихъ книгъ, такъ и къ ученымъ словамъ, коими въ химическихъ сочиненіяхъ означаются разные предметы.

Всѣ различныя существа, производящія впечатлѣнія на наши чувства, вообще называются: *тѣла* (corps). Тѣла бываютъ *жидкія* и *твердыя*: жидкими называются они, когда находятся въ состояніи *жидкомъ*, или *воздухообразномъ*, и представляютъ весьма мало, или и совсѣмъ не представляютъ сцѣпленія въ своихъ частицахъ; твердыми называются они, когда представляютъ сцѣпленіе частицъ, такъ, что измѣнить форму тѣла не *льзя* иначе, какъ усиліемъ.

Тѣлъ въ природѣ находится безчисленное множество; но основныхъ сущностей, или элементовъ, изъ коихъ они составлены, весьма немного. Основныя сущности соединяются и смѣшиваются одна съ другою; смѣшанныя опять соединяются между собою и съ основными сущностями,

Digitized by Google

шакъ, что соединенія въ природѣ безчисленны, и при каждомъ происходятъ тѣла и явленія новыя; но разложите, изслѣдуйте, и вы найдете, что основная сущность все одна и таже, какъ-бы соединеніе и смѣсь ни были запутаны. Посему Химія и спарается узнавать основныя сущности, а потомъ уже легко ей опредѣлять разныя соединенія и смѣшенія. Потому обыкновенное изученіе Химіи весьма просто. Надобно только составить себѣ вѣрное понятіе о предметѣ науки, знать химическія методы, знать основные элементы тѣлъ, и главныя сложности, которыя происходятъ отъ соединеній.

Разборъ веществъ по химическимъ правиламъ, слѣдствіемъ коего бываетъ раздѣленіе веществъ, составляющихъ тѣло, называется *разложеніе*. Если вещества можно соединить снова для составленія тѣлъ, то сія химическая операція называется *составленіе*. Огонь есть одинъ изъ главныхъ дѣйствователей, употребляемыхъ при разложеніи, ибо онъ всегда стремится разъединить основныя вещества, посредствомъ своей расширительной силы; но иногда два, или болѣе, вещества соединены вмѣстѣ, и если составъ сей можетъ быть растворенъ, то раздѣляютъ вещества прибавкою новаго тѣла въ растворъ, которое производитъ предпочтительное соединеніе нѣкоторыхъ изъ веществъ, и уничтожаетъ первое соединеніе, въ какомъ они находились.

Digitized by Google

Сила, которою принуждены частицы какого-нибудь тѣла соединяться одна съ другою, называется *сродство*; просто *сцѣпленіемъ* называется то состояніе, при коемъ въ какомъ-либо тѣлѣ держатся соединенными одна съ другою частицы сего тѣла.

Частицы каждаго тѣла могутъ быть наблюдаемы съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Если частицы наблюдать, какъ простыя сложности, образующія соединеніемъ какое-либо вещество, въ которомъ онѣ дѣйствуютъ, тогда ихъ называть можно *составными частицами*; если, напротивъ, смотрѣть на нихъ, какъ на частицы сего тѣла, образованныя изъ тѣхъ-же элементовъ, изъ какихъ оно образовано, то ихъ называютъ тогда *частицами существенными*, или просто *частицами*.

Не должно почитать за одно двухъ химическихъ терминовъ: *смѣшеніе* и *соединеніе*. Въ смѣшеніи, тѣла, какъ-бы ни соединялись, сохраняютъ всѣ свои частныя свойства, и обыкновенно могутъ быть совершенно раздѣлены средствами чисто физическими. Въ соединеніи, напротивъ, тѣла, соединенныя въ различныхъ пропорціяхъ, пріобрѣтаютъ свойства совершенно особенныя, теряя прежнія, и только химическое разложеніе можетъ ихъ раздѣлить снова.

Тѣла въ твердомъ состояніи никогда не имѣютъ свойства соединяться, и потому растворя-

Digitized by Google

ютъ ихъ въ жидкости, или плавятъ съ помощію огня. Если для растворенія употребляется жидкость, то всегда есть такой предѣлъ, далѣе коего растворительное свойство жидкости не дѣйствуетъ болѣе, и растворъ называется тогда *пресыщеннымъ*. Сія пресыщенность является болѣе въ возвышенной температурѣ, и потому раствореніе, приготовленное помощію теплоты, при охлажденіи своемъ отбрасываетъ часть растворенной сущности. Сія часть, принимая болѣе твердости, устанавливается на краяхъ, или днѣ сосуда, и ее называютъ въ Химіи *низвергъ* или *осадка*.

Мы сказали, что называютъ элементами, основными веществами (и также *простыми тѣлами*) различныя сущности, коихъ соединеніе производитъ *составныя тѣла*. Впрочемъ, мы не можемъ сказать, въ самомъ-ли дѣлѣ сіи элементы сами по себѣ не сложны, и состоятъ рѣшительно изъ одного, отличнаго отъ всѣхъ другихъ, вещества. Химики потому почитаютъ ихъ такими, что они никогда не измѣняютъ своей природы, и что ихъ не льзя ни разложить, ни переобразить одно въ другое.

Такихъ *простыхъ веществъ*, элементовъ или основныхъ сущностей, донынѣ открыто до 55-ти. Мы ихъ означимъ здѣсь всѣ, но будемъ подробнѣе говорить о сущности и соединеніяхъ только тѣхъ, которыя входятъ въ кругъ фабрикъ

Digitized by Google

и заводовъ. Для удобнѣйшаго изученія представляемъ здѣсь слѣдующую шаблицу.

I. Вещества простыя невѣсомыя.

Теплотворъ; свѣтъ; электричество; магнетизмъ.

II. Вещества простыя вѣсомыя.

А. *Не-металлическія.*

Кислотворъ; водотворъ; азотъ (или селитротворъ); *углетворъ; сѣра; хлоръ* (или солетворъ); *бромій; іодій; бурій; фосфоръ; селеній.*

Б. *Металлическія.*

1-й *Степени.* Алюминій; Силицій; Магнезій; Иттрій; Глициній; Цирконій; Ториній.

2-й *Степени.* Кальцій; Стронцій; Барій; Литій; Содій; Потассій.

3-й *Степени.* Марганецъ; Цинкъ (шпіауперъ); Желѣзо; Олово; Кадмій.

4-й *Степени.* Мышьякъ; Молибденъ; Хромій; Вольфрамъ; Колумбій; Сурьма (Антимонія); Титаній; Ураній; Церій; Кобольтъ; Висмутъ; Мѣдь; Теллюрій; Никкель; Свинецъ.

5-й *Степени.* Рутеній; Осмій.

6-й *Степени.* Серебро; Палладій; Родій; Золото; Платина; Иридій.

(Продолженіе въ слѣд. N°).

Digitized by Google

При семъ N° Прибавленія приложено изображеніе хозяйственной печи, которая устроена въ Военной Парижской школѣ. Противъ прежняго расхода каменнаго уголья, употребляемаго на приготовленіе кушаньевъ, она сберегаетъ онаго почти на 4 тысячи франковъ. Фигура 1-я представляетъ планъ сей печи, а фигура 2-я разрѣзъ. Одинакія литтеры означаютъ и одинакія части печи.

A. Большой котелъ для супу и говядины. — B. Котелъ поменѣе, для зелени. — C. Котелъ съ горячей водою, которую цѣдятъ черезъ кранъ, для мытья посуды. — D. Подвижной котелъ. — E. Подвижной сосудъ для воды. — FF. Печи; рѣшетки въ нихъ чугунныя. Для сохраненія каменнаго уголья, вмѣсто назначенной на рисункѣ мѣры и формы, нынѣ дѣлаютъ ихъ только до того мѣста, которое означено пунктиромъ *bb*. *cc*. Къ верху печи сіи ограничены чугунными перекладинами, или рѣшетками *m' m'*, простирающимися по всей поверхности печекъ и непосредственно принимающими жаръ. Эта часть назначена для подвижнаго котла E и всѣхъ каспрюль, требующихъ въ обыкновенныхъ кухняхъ отдѣльныхъ огней. Огонь и жаръ сихъ печекъ, по желанію проводится подъ котлы A и B, посредствомъ каналовъ *d,d* и *e,e*, или отводится отъ оныхъ. Сія перемѣна производится при помощи отдушинъ *f,f*, *g*, *g*; каналы *e*, *e*, совокупляются въ одинъ, который, не дохо-

Digitized by Google

дя до трубы, проводишь жаръ подъ котелъ съ горячею водою C. Каналы *hh*, проводятъ также подъ котелъ C жаръ прошедшій уже подъ передними котлами.

ii. Передніе форточки или дверки въ печи, подверженныя раскаленію.

jj, двойныя дверки, предохраняющія поваровъ отъ жара первой дверки.

G, углубленіе для золы.

H, проводники, имѣющіе видъ лебединой шеи, доставляющіе холодную воду для кухни.

I, I, подогрѣвальная печь, горизонтально раздѣленная на двое желѣзнымъ листомъ. Она служитъ для поддержанія жара въ приготовленныхъ кушаньяхъ. При новой постройкѣ сей печи въ одномъ госпиталѣ намѣрены уничтожить каменную заборку между котломъ и подогрѣвальною, и раздѣлить сію послѣднюю вертикальною перегородкою, которая назначена линіею точекъ *kk*. Отъ этого, пламя, нагрѣвающее котлы A, будетъ въ тоже время разгорячать чугунную доску, которая одна раздѣлитъ подогрѣвальную отъ котла. Увѣрены, что такимъ образомъ въ лѣвой части подогрѣвальной можно будетъ жарить мясо. Съ обѣихъ сторонъ печи, въ длину, находятся двѣ подогрѣвальныя, такія какъ II, шириною равныя ширинѣ котловъ.

Вся печь крѣпко складена изъ кирпича и снаружи обложена чугунными досками, 7-ми линій въ толщину.

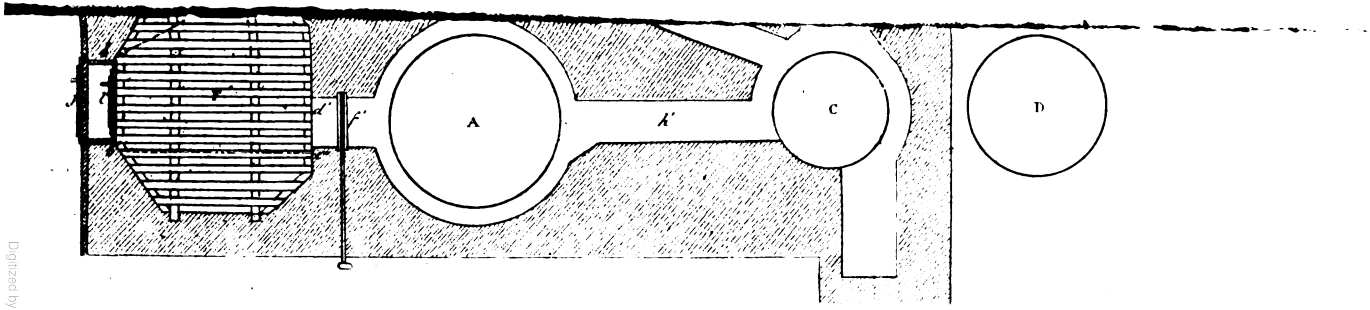
Digitized by Google

l, Чугунная вставка, для предохраненія печи отъ ударовъ при запираніи отдушинъ.

Въ этой печи можно приготовлять кушанье на 600 человѣкъ. Въ обѣихъ печахъ отдѣльныя топки, почему ихъ можно затапливать вмѣстѣ и отдѣльно. Пламя, что можно заключить разсмотрѣвъ самый рисунокъ, сначала ударяетъ въ перекладины *m,m*, разгорячаетъ ихъ и проводится въ трубу оборотными каналами, которые сводятъ его въ середній общій каналъ, или въ каналы боковые; когда же обращаютъ пламя къ котламъ, оно устремляется въ одно время и ко дну и къ бокамъ оныхъ. Каждая изъ двухъ подогрѣвальней можетъ вмѣщать 28 блюдъ; каждаго блюда достаточно на 6 человѣкъ. На перекладинахъ можно варить мяса, подъ соусомъ или подъ рагу, въ котлахъ; пупъ можно также варить зелень. Жаркія приготовляются въ большомъ четыреугольномъ блюдѣ, котораго поверхность равна поверхности одной изъ печей; въ бокахъ оно шести вершковъ въ вышину; крышка его закупоривается герметически. Туда можно положить, напримѣръ, 50 задковъ, безъ костей, раздѣленныхъ порціями на 6 част.; они будутъ готовы въ $1\frac{1}{2}$ часа.

Печь сія чрезвычайно прочна и стоитъ 4500 франковъ со всѣми принадлежностями.

Digitized by Google



Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

№ 8. Апрѣль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПИСЬМА ИЗЪ АРМЕНІИ.

Ахалцихъ, 1828 г. Сентября 2.

На другой день по взятіи Карса, 24-го Іюня, траншейныя баттареи съ ихъ длинными изгибистыми ложементами были разрыты и сглажены съ поверхностію земли. И тамъ, гдѣ *вчера* непріятельскія ядра опихватывали Русскимъ канонерамъ головы, руки, ноги, гдѣ слышны были стоны раненыхъ и умирающихъ—*сегодня* тамъ рѣзвые ребятишки, набѣжавшіе изъ крайнихъ домовъ Армянскаго форштата, съ радостнымъ крикомъ подбирая валяющіяся по полю ядра, бѣжали съ ними къ отлогому мѣсту Карсъ-Чая и скатывая ихъ въ рѣку, смѣялись надъ ними, когда они, перепрыгивая черезъ каменья, погружались на дно рѣки, оставляя по себѣ брызги и пѣну.

Іюня 25-го, въ радостный день рожденія Императора нашего Николая, Отдѣльный Кавказскій корпусъ, передъ стѣнами покоренной 160-ти пушечной крѣпости Карса, возсылалъ теплыя молитвы къ престолу Всевышняго о здравіи и

Digitized by Google

долгоденствіи Царя своего по дарованной побѣдѣ.

Посреди обширнаго каре, коего правый и задній фасы составляла вся осадная и полевая артиллерія, при возглашеніи священникомъ: «*На враги-же побѣду и одолѣніе*» у всѣхъ 60-ши орудій размахнулись горящіе фишили. «*И сохрани Его на многія лѣта.*» — Прекрасные пѣвчіе 39-го егерскаго полка запѣли: *многія лѣта*, а Капитанъ осадной артиллеріи крикнулъ: *первая*!—раздался выстрѣлъ 24 фунтовой пушки— *вторая*! — *третья*! — и прогремѣли сто одна.

Начался церемоніяльный маршъ. Впереди шла пѣхота, за нею осадная артиллерія, тамъ полевая, потомъ регулярная кавалерія. Наконецъ Казаки, Грузины, Татары и конно-казачья артиллерія, съ радостнымъ крикомъ: Ура! пронеслись мимо Графа Эриванскаго, какъ вихрь, какъ буря.

Графъ Эриванскій съ каждымъ взводомъ здоровался и всѣхъ поздравлялъ съ побѣдою; но «*спасибо ребята*!» говорилъ лишь только шѣмъ полкамъ, которые были въ жаркомъ дѣлѣ; артиллерію-же баттарей, боровшихся съ ужасною цитаделью Карса, привѣтствовалъ: «*Спасибо вамъ, друзья мои, спасибо!*»

Во весь этотъ день до зари вечерней, по всему лагерю раздавались веселыя Русскія пѣсни и

Digitized by Google

гремѣла полковая музыка. Но
ки, передъ длинными рядами
до полуночи пѣли любимую, бе
образную: *о-ро-ло-ли, о-ро-*
ли до упада, такимъ образом

Человѣкъ сорокъ и болѣе,
одинъ съ другимъ за поясные
висятъ широкополосные кинжа
обширный кругъ, по срединѣ
зыка: *зурна*, родъ нашей
рожокъ, надуваемый какъ гобой
кунъ импровизаторъ, изъ аробш
звонкимъ голосомъ покрываетъ
всегда свѣжею, на-лету сочиняем

Танцующіе, съ пристукиваніе
даются на лѣво, то на право
музыкѣ и крикуну акомпанир
о-ро-ло-ли, о-ро-ло.

До 1500 человѣкъ плѣнныхъ
но отъ лагеря, окруженные ц
жавши ноги, сидѣли надъ к
Карсъ-Чая и, потупивъ глаза в
ли послѣдній табакъ. Доселѣ
ихъ, повѣся головы, дремали
лыми всадниками и, казалось
ихъ.

(*) Этотъ припѣвъ, по распр
Грузинъ, не значитъ ничего. То
ай люли, ай люли.

Digitized by Google

Наши Татарскіе кавалеристы, подъ тѣнію своихъ открытыхъ съ боковъ палатокъ, также сидѣли поджавши ноги и съ трубками; но гордо, какъ побѣдители, и, *безъ надобности*, поправляя свои шашки, кинжалы и прочее оружіе, хладнокровно смотрѣли на унывіе Турокъ и на простосердечную веселость мирныхъ Грузинъ аробщиковъ.

Пространная, зеленѣющая долина, красиво извивающаяся около лагеря, рѣка, лучшее время лѣта, здоровый климатъ и наконецъ покореніе страшной крѣпости: все это вмѣстѣ, при изобиліи провіанта, водки и мяса, было для нашихъ солдатъ пріятнѣйшимъ Русскимъ праздникомъ — масляницею. А ихъ довольство, веселость, любовь къ начальникамъ и увѣренность, что они никѣмъ и никогда не могутъ быть побѣждены, радовали всѣхъ, начиная отъ молодаго замыкающаго прапорщика, до полковаго командира и выше—выше. И эта невольная радость, по мѣрѣ образованности, важности занимаемаго мѣста, выражалась на лицахъ отъ простой, остановившейся на устахъ улыбки, до сладкой, отцовской слезы умиленія. Ты не служилъ, Плашонъ, въ военной службѣ, тебѣ не случалось владѣть довѣренностію и слѣдовательно сердцами Русскихъ солдатъ; ты не былъ свидѣтелемъ тѣхъ отважныхъ подвиговъ, которыми они, въ бѣдовыхъ случаяхъ, выкупаютъ любимыхъ ими начальни-

Digitized by Google

ковъ собственною своею жизнію. Я также не испытывалъ этого надъ собою, но видѣлъ примѣры подобнаго великодушія и благословляю край родной, святую Русь.

Такимъ образомъ всеобщая радость разливалась по всему лагерю нѣсколько дней и, разумѣется — такъ созданъ человѣкъ — послѣ восхитительнаго побѣднаго дня, удовольствіе день отъ дня становилось слабѣе и слабѣе, какъ отъ послѣдняго удара постепенно исчезающій звонъ колокола—утихла, и нетерпѣливое желаніе идти впередъ, къ новымъ завоеваніямъ, заступило мѣсто радости.

Уже по вечерамъ старые солдаты, безъ пѣсенъ, безъ игръ, толпились около своихъ палатокъ и безпрестанно посматривая на большую славку съ золотыми маковками, на палатку Графскую, поговаривали: *Да скоро-ли ее снимутъ? Долго-ли намъ стоять здѣсь?*

Каждый день при закатѣ солнца, Графъ выходилъ изъ своей палатки и прохаживался до поздняго вечера. Въ продолженіе сего времени всѣ чиновники его Штаба, отъ Начальника онаго до дежурнаго Адъютанта, то приходили къ Графу съ докладами, то уходили для выполненія его приказаній. Во всемъ этомъ обыкновенномъ дѣйствіи солдаты видѣли одно: *распоряженіе къ завтрашнему* походу. «Видишь» говорили догадливые, «побѣжалъ адъютантъ? Не

Digitized by Google

даромъ: завтра походъ! пойдемъ ребята поужинаемъ и пораньше ляжемъ спать.»

Наконецъ вышелъ приказъ приготовиться къ походу. Всеобщая радость! Опять въ каждой ротѣ поднялися пѣсни, игры, въ каждомъ полку загремѣла музыка и въ каждомъ отдѣленіи подвижнаго магазина и артиллерійскаго парка Грузины арабщики запѣли свою любимую: О-ро-ло-ли, о-ро-ло!

Но послѣ сего радостнаго приказа, наканунѣ выступленія, открывается чума и вскорѣ разливается по всему лагерю корпуса!

Съ чемъ сравнить тебѣ этотъ крутой, убійственный переходъ отъ радости къ ужасу?

Мнѣ кажется, что съ разожженною головешкою въ рукахъ, легче пройдти корридоромъ какого нибудь стараго, наполненнаго порохомъ погреба, чѣмъ въ военное время, на пути къ громкой славѣ, быть остановлену гибельною чумою и нѣсколько дней, на бивакахъ, прожить въ каре 15-ти тысячнаго корпуса, ожидая всякую минуту смерти. Въ первомъ случаѣ: минутная осторожность, минутный страхъ—и дѣло кончено; а тутъ мученьямъ нѣтъ конца! Боишься приблизиться къ пріятелю, дать руку искреннему другу!

Чума была открыта въ корпусномъ подвижномъ госпиталѣ, между ранеными Турками,

Digitized by Google

пришедшими изъ гнѣздилища чумы — изъ Арзрума, для защиты Карса.

Строжайшія мѣры, тотчасъ взятыя противъ разливающейся по корпусу лютой смерти, остановили ея ужасное дѣйствіе, но все таки, черезъ день, черезъ два, въ какомъ либо составѣ корпуса, она вспыхивала изъ подъ тлѣющаго пепла и сожигала одного, двухъ человѣкъ.

Прекратилась наконецъ. — Іюля 16-го, Отдѣльный Кавказскій корпусъ, отдѣлавшись, какъ не льзя лучше, отъ новаго, ужаснѣйшаго непріятеля—чумы, оставилъ мѣсто лагеря, напитанное кислотою и сѣрою, и съ развернутыми знаменами, съ музыкою и пѣснями, прошелъ мимо угрюмыхъ стѣнъ Карса къ Ахалкалаку.

Отъ Карса до Ахалкалака не болѣе 100 верстъ: но на этомъ небольшомъ пространствѣ Корпусъ тянулся восемь дней, отъ ранняго утра до поздняго вечера. По сему ты можешь судить о трудности дороги. Почти безпрерывно мы должны были то спускаться, то подниматься съ горы на гору и дѣлать необыкновенныя усилія для подъема и своза осадной артиллеріи и ея тяжелыхъ парковъ. Горы сіи называются Чалдырскими; на ихъ хребтахъ былъ мѣстами виденъ снѣгъ. И мы, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, по утрамъ снимали палашки оледенѣлыя. Вечерняя роса передъ утромъ замерзала, и, пока не обогрѣетъ солнце, мы дрожали отъ холода.

Digitized by Google

18-го числа, послѣ весьма трудной, 12 часовъ продолжавшейся дороги и жаркаго дня, въ 4 часа по полудни, корпусный Штабъ остановился у береговъ озера Чалдырь, имѣющаго окружность до 150 верстъ.

Послѣ каменистыхъ и почти безводныхъ переходовъ, это озеро показалось мнѣ моремъ и разумѣется *Чернымъ*, когда оно, *бывало*, въ это-же время года, покоясь въ совершенной тишинѣ, прельщало своею необозримою зеркальною поверхностію и вызывало Одесскихъ жителей и пріѣзжающихъ изъ Польши, для цѣлительныхъ и вмѣстѣ пріятнѣйшихъ купаній.

Былъ вечеръ. Солнце, казалось, довольное нашимъ миролюбивымъ движеніемъ, весело закатывалось за снѣжные хребты окружныхъ горъ, и вливало хорошее расположеніе въ каждаго. По мѣрѣ какъ полки, слѣдуя одинъ за другимъ, занимали свои мѣста и разбивали палатки, озеро наполнялось купающимися, а берега его охотниками до рыбы, дичи; по-срединѣ озера, тоже охотники, плавали на инженерной парусинной лодочкѣ; въ лагерѣ играла музыка. Я купался, хошь безъ *тебя* и не въ *Черномъ морѣ*, но съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Два раза выходилъ я изъ воды, и опять, съ новымъ удовольствіемъ, кидался въ озеро и плавалъ съ такою радостію, какъ дикая утка, вырвавшаяся

Digitized by Google

изъ рукъ немилосердаго повара. Но возвратясь въ свою укромную палатку, я невольно вспомнилъ *о прошедшемъ*, невозвратномъ—и свинцовое уныніе опять налегло на мое несносное сердце.

Вмѣсто прелестной Лизы, мой добрый Фока, измученный трудностію похода, съ нахмуреннимъ лицомъ, подалъ мнѣ стаканъ негоднаго чаю. Ахъ, Платонъ! Долго-ли я буду мучиться воспоминаніями невозвратно прошедшаго счастія, слабо утѣшаться будущимъ и не основывать себя на настоящемъ, видимомъ?

Іюля 23-го, въ 8 часовъ утра, когда наши передовыя колонны начали спускаться съ хребта горъ на Ахалкалакскую равнину, влѣво на отдаленной горѣ, показалось до 400 человѣкъ непріятельской конницы; противъ нихъ послали Донской Казачій полкъ: Турки скрылись за гору. Передъ полуднемъ, въ 3 верстахъ отъ крѣпости, Корпусъ остановился лагеремъ.

Графъ Эриванскій поѣхалъ впередъ, взглянуть на мѣстоположеніе крѣпости и ея окрестности.

Ахалкалакъ имѣетъ видъ продолговатаго четвероугольника, высокія стѣны до 5-ти саженей, хорошо укрѣпленныя шверными башнями. Онъ построенъ между двухъ соединяющихся острымъ угломъ рѣчекъ: Тапаравани и Гендара-Чая. Высокіе, отрубистые берега сихъ рѣчекъ, съ юго-

Digitized by Google

восточной и сѣверо-западной стороны, служатъ крѣпости неприступными рвами. Главная, сѣверо-восточная сторона, противу нашего лагеря, вверже, и вооружена сильнѣе прочихъ стѣнъ.

Въ этой же сѣверо-восточной стѣнѣ и крѣпостныя, обороняемыя двумя могучими башнями, ворота, и за сею же стѣною, въ сѣверномъ углу, небольшая, но претвердая, командующая всею крѣпостію цидатель, а въ противуположномъ, южномъ углу, видны куполъ и минаретъ мечети. Передъ сею, сильнѣйшею прочихъ стѣною, нѣтъ рва, но возвышающаяся поверхность земли, усѣянная многочисленными буграми и вертикально стоящими плитами, какъ гласисомъ закрываетъ стѣну; противуположная сей стѣнѣ, юго-западная, также имѣетъ ворота и башни, укрѣпленныя пушками. За сею, до соединенія рѣчекъ, на каменистой поверхности земли, имѣющей видъ длиннаго треугольника, видны развалины пространнаго форштата; полуразрушившаяся мечеть и минаретъ кажутся новѣйшимъ строеніемъ. Говорятъ, что этотъ форштатъ уничтоженъ нашими войсками въ 1806 году, заплатившими за то Ахалкалакскому гарнизону двумя полевыми пушками и 1200-ми солдатами. Эта необыкновенная потеря произошла отъ безпечности Рускихъ. Память непріятная — но, правда! впередъ наука.

Корпусный Командиръ, видя ничтожность этой крѣпости въ сравненіи съ Карскою, и

Digitized by Google

предусматривая трепіе, ужасное дѣйствіе (Ахалцихскій штурмъ) трагедіи, имъ разыгрываемой, думалъ о сбереженіи каждой капли крови своего малочисленнаго корпуса, обремененнаго тяжестями необходимаго обоза, и не хотѣлъ терять ни времени, ни людей, почему и предложилъ было Ахалкалакскому гарнизону самыя выгодныя условія о сдачѣ крѣпости: но варвары не хотѣли добровольно разстаться съ разбойническимъ гнѣздомъ предковъ своихъ. «Нѣтъ!» отвѣчали они на милостивое предложеніе Графа: » мы не Эриванскій и не Карскій гарнизонъ; мы выслали отсюда женъ и дѣтей нашихъ, съ тѣмъ, чтобы или защитить, или, съ оружіемъ въ рукахъ, умереть на стѣнахъ этихъ — побѣдите насъ: вотъ наше условіе. »

Между тѣмъ какъ сіи уже нарочно замедляемые переговоры длились, Графъ приказалъ мнѣ высмотрѣть ближайшее и выгоднѣйшее мѣсто для брешь-батареи, противъ сѣверо-восточной стѣны, а Полковнику Бурцову, противъ юго-восточной, для демонтиръ—батарей. Кончились переговоры. Графъ возвратился въ лагерь.

До самаго заката солнца, всѣ стѣны крѣпости были унизаны вооруженнымъ гарнизономъ и разноцвѣтными знаменами.

Въ 9 часовъ вечера, по наружную сторону крѣпостныхъ стѣнъ, запылали костры, еще днемъ

Digitized by Google

приготовленные Турками; для предосторожности отъ нечаяннаго нападенія, они горѣли во всю ночь.

По захожденіи солнца, въ сумерки, пропивъ лѣваго фланга нашего лагеря, примыкающаго къ крутымъ берегамъ Гендара-Чая, были переправлены два баталіона пѣхоты, для осадныхъ работъ, и, для прикрытія оныхъ, четыре легкихъ орудія съ частію регулярной кавалеріи. Тихо, безъ стуку, прошедши три версты по лѣвому берегу рѣчки, подкрались они къ юго-восточной сторонѣ крѣпости, и въ 200 саженяхъ отъ оной, съ чрезвычайною осторожностію, принялись за свое дѣло. Въ слѣдъ за сими баталіонами, съ такою же осторожностію, были переправлены: батарейная, 20-й бригады, рота и двѣ осадныхъ мортиры. И передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, 24-го числа, уже всѣ сіи орудія стояли за высокимъ, прекрасно устроеннымъ въ ночь брустверомъ, прикрываемымъ съ фланговъ длинными ложаментами. Кромѣ сей батареи, на самомъ берегу рѣчки, во сторонѣ саженяхъ отъ атакуемой стѣны крѣпости, была сдѣлана скрытая батарейка, для 10-ти кугорныхъ мортирокъ. Разсвѣло. Турки изумились, но не потерялись; тотчасъ открыли пушечный огонь и весьма удачно: всѣ ядра первыхъ ихъ выстрѣловъ врѣзались въ рыхлый нашъ брустверъ и длинные усы нашихъ стариковъ бомбардировъ напудрили землею. Между тѣмъ уже наши орудія были на-

Digitized by Google

ведены вдоль главной, сильно вооруженной крѣпостной стѣны. Приказали стрѣлять — и первое Русское ядро вышибло два зуба цитадельской башни; второе выломило два верхнихъ камня въ стѣнѣ; первая бомба пробила куполъ мечети, вторая, вломившись въ окно, лопнула внутри оной; кугорныя морширки разсыпали свои гранаты по всему пространству крѣпостнаго строенія.

Такимъ порядкомъ наша баттарея продолжала стрѣлять съ удивительною мѣткостію два часа, и привела въ безпорядокъ гарнизонъ и артиллерію до того, что неустрашимые въ переговорахъ Турки, оставили стѣны крѣпости своей на волю нашей баттареи, и одни прижались за толстымъ основаніемъ атакуемой нами стѣны, другіе въ цитадели скрылись подъ вѣрные своды казематовъ, а третьи, разсыпавшись по саклямъ, развели тамъ огни и стали приготовлять обѣдъ.

Начальникъ Штаба послалъ меня доложить объ этомъ Графу. «*Сію минуту*, сказалъ мнѣ Графъ, *возьмите четыре баттарейныя и двѣ осадныя пушки, подвезите ихъ къ этой* (свв. восп.) *стѣнѣ и растворите ворота ядрами.*»

Чрезъ полчаса всѣ шесть сказанныхъ орудій, подъ прикрытіемъ Ширванскаго баталіона, рысью, выѣхали по дорогѣ изъ лагеря къ крѣпости. Двѣ

Digitized by Google

осадныя пушки, съ ихъ длинными зарядными ящиками, запряженныя двадцатью двумя лошадьми, и четыре орудія баштарейныхъ, издали, въ пыли, показались Туркамъ тремя ужасными колоннами, несущимися къ стѣнамъ ихъ съ рѣшительнымъ ударомъ.

По приближеніи нашемъ къ крѣпости, гарнизонъ высыпалъ было на стѣны, для встрѣчи насъ ружейнымъ огнемъ; но демонтиръ-баштарея сыпнула въ нихъ картечью—и всѣхъ какъ не было: скрылись за основаніе стѣнъ. Между тѣмъ 4 баштарейныя орудія, подъ защитою демонтиръ-баштареи, безвредно примчались къ своему мѣсту (двѣ осадныя пушки остановились въ 200 саж.) и въ 60-ти саженяхъ отъ крѣпостной стѣны открыли пальбу. Повалились зубцы, камни, запрещали ворота. Гарнизонъ совершенно потерялся и, забывъ обѣтъ свой умереть съ оружіемъ въ рукахъ, бросился спускаться по веревкамъ и прыгать чрезъ стѣны на скалистый берегъ Тапаравани и, ущеліемъ, бѣжать по теченію рѣки. За ними послали двѣ роты Ширванскаго полку. Во время безпорядочнаго волненія гарнизона, барабанщикъ Ширванскаго полка, при помощи другаго, вскарабкался на стѣну и приударилъ тревогу — его убили. Но уже на стѣнахъ явилось нѣсколько Русскихъ солдатъ: Турки, не успѣвшіе спуститься за стѣны, бросились въ цитадель и заперлись въ оной. На первое предложеніе сдаться, они съ радостію согласились и отперли ворота.

Digitized by Google

Такимъ рѣшительнымъ образомъ крѣпость была взята до полудня, и почти безъ потери съ нашей стороны.

Здѣсь, подъ стѣнами Ахалкалакскими, Корпусъ простоялъ до 1-го Августа; въ продолженіе сего 7-ми дневнаго отдыха, гренадерская бригада Г. М. Муравьева ходила для занятія крѣпости Гершвисъ; потомъ пошла для обработыванія дороги, идущей отъ Ахалкалака до Ахалциха чрезъ хребты высокихъ горъ, заросшихъ густымъ лѣсомъ; собирались слабые резервы изъ Грузіи. И въ продолженіе сего-же времени, Графъ Эриванскій узналъ, что крѣпость Ахалцихъ сильно вооружается, что даже самый городъ, до сего обнесенный простымъ тыномъ, усиленъ другимъ, крѣпчайшимъ, изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, и на каждомъ его фасѣ сдѣланы твердые, вооруженные пушками бастіоны; что и по наружную и по внутреннюю сторону палисадовъ вырыты глубокіе рвы; что внутренніе, накрытые сверху бревнами и заваленные землею, обезпечиваютъ сидящій въ оныхъ гарнизонъ отъ нашихъ выстрѣловъ, и что до 30-ти тысячь непріятельскаго войска, подъ командою двухъ Пашей: Мустафы и Кіоса-Мамеша, спѣшатъ изъ Арзрума на защиту Ахалциха, имѣющаго 15-ть тысячь своего гарнизона.

«Все хорошо,» сказалъ однажды Графъ Эриванскій, послѣ глубокаго размышленія, стоящему

Digitized by Google

передъ нимъ Начальнику Артиллеріи: «очень хорошо; но у насъ мало зарядовъ. 12-ть тысячъ, вы говорите? Это еще изрядно, но картечей мало. Попробуйте для мортиръ сдѣлать каменныя и покажите мнѣ ихъ дѣйствіе, и бомбъ, рикошетно: ими понадобится ломать палисады.» На другой день тому и другому была дѣлана проба. Графъ былъ доволенъ и приказалъ приготовить 2000 кожаныхъ мѣшковъ для мортирныхъ картечей.

Іюля 1-го Корпусъ двинулся къ Ахалциху. Первый переходъ былъ слишкомъ 20 верстъ, и хотя ошлого, но все въ гору.

Уже передъ позднимъ вечеромъ Корпусъ остановился лагеремъ на небольшой равнинѣ, изуродованной преглубокими оврагами и рытвинами, между кустарниками начинающагося лѣса.

По вновь прорубленной дорогѣ, извивающейся между густымъ лѣсомъ, въ гору тянулась осадная артиллерія и скрипѣли арбы ея тяжелаго и длиннаго парка.

Не весело, сердито закатывалось солнце за угрюмыя вершины горъ. Вокругъ лагеря пылали кустарники и костры срубленныхъ сосенъ; надъ лагеремъ черными облаками клубился дымъ; утомленные солдаты, въ ожиданіи ужина, дремали вокругъ пылающихъ огней; съ глухимъ отзывомъ падали горные ручьи на дно глубокихъ враговъ; на хребтѣ горы, тихо качаясь, шумѣлъ длинный

Digitized by Google

сосновый лѣсъ, изъ-за коего молодая луна, тихо поднимаясь, робко глядѣла на грозный станъ Кавказскаго Корпуса. Эта рѣдкая картина, въ другое время, была-бы для меня прелестна, но тогда она наводила на меня уныніе: желчная горячка гнѣздилась во внутренности моей; я простудился отъ купанья. Во всю эту ночь тяжести переправлялись черезъ хребетъ горы. Послѣдняя артиллерія и арріергардъ перевалились по ту сторону горы уже на третій день вечеромъ.

Не могу тебѣ сдѣлать похожаго сравненія съ этою неимовѣрною трудностію, съ которою тяжелая артиллерія была спускаема по ту сторону горы. Скажу просто: добравшись до хребта горы, напримѣръ 24-хъ фунтовая пушка оснанавливалась, и длинный рядъ ея лошадей, кромѣ пары коренныхъ, выпрягали, и по крутому спуску горы, идущему по разнымъ остроугольнымъ направленіямъ, сводили къ подошвѣ горы верстъ шесть. Все это разстояніе спуска было раздѣлено на три участка, то есть, въ трехъ мѣстахъ стояли баталіоны, передающіе одни другимъ тяжести. Къ 24-хъ фунтовой пушкѣ, оставленной на перевѣсѣ горы, привязывали длинныя веревки, за концы коихъ брались 80 и 100 человѣкъ перваго участка и, упираясь ногами въ землю, бороздили оную до втораго участка, гдѣ передавъ, опять возвращались на хребетъ горы,

Digitized by Google

чтобъ со слѣдующею пушкою сдѣлать тоже; второй участокъ людей такимъ-же образомъ передавалъ третьему, и такъ далѣе.

Легкія повозки и арбы спускалися съ горы иначе: отложивъ, кромѣ коренныхъ, лошадей или буйволовъ, привязывали позади арбъ по нѣсколько вѣтвистыхъ сосенъ, на кои становились по трое и болѣе человѣкъ, и такимъ средствомъ волочились до самой равнины, разметывая и уравнивая за собою дорогу, изрытую артиллеріею.

Я видѣлъ, какъ при одномъ крутомъ спускѣ и поворотѣ, 24-хъ фунтовая пушка, вырвавшись изъ сильныхъ рукъ 120-ти гренадеръ, покатилась, и со всего розмаху, опрокинувшись, исковеркала почти желѣзныя дроги, на коихъ она лежала, раздавила коренныхъ лошадей и съ корнемъ выворотила двѣ толстыя сосны.—Уже поздно было, когда я, Іюля 3, спустился съ этой ужасной горы, и у подошвы ея, близъ какой-то деревни, въ саду, отыскалъ палатку своего Генерала (Гиллен-шмита).

На другой день, 4-го Іюля, чуть свѣтъ, опять все пронулось и опять, почти съ такою-же, какъ и вчера, трудностію, переправлялись черезъ послѣднюю высокую гору. Передъ вечеромъ, Корпусъ сталъ собираться и разбивать палатки на правомъ берегу Куры, въ 6-ти верстахъ отъ крѣпости Ахалциха. Въ этотъ-же вечеръ, въ сумерки, вдругъ

Digitized by Google

поднялась сильная ружейная перепалка за Курою. Это было нападеніе Турокъ на нашихъ фуражировъ. Но небольшое, бодрствующее наше прикрытіе остановило тихо подкравшихся Турокъ и быстро воротило ихъ къ крѣпости.

Іюля 5-го, отъ ранняго утра до 9-ти часовъ до полудни, съ зрительною трубою, Графъ просидѣлъ на вершинѣ высокой горы: онъ разсматривалъ мѣстоположеніе Ахалциха и его окрестностей.

Въ 10-ть часовъ утра, оставя на правомъ берегу Куры вагенбургъ, Графъ приказалъ полкамъ переправиться на лѣвый берегъ рѣки. Перешли, устроились въ боевой порядокъ и пошли впередъ къ Ахалциху. Отошедши четыре версты, Графъ Паскевичъ велѣлъ войску остановиться для отдохновенія. Было около двухъ часовъ по полудни; солнце жгло до невозможности терпѣть! Въ продолженіе двухъ-часоваго отдыха, Турецкая кавалерія быстро разъѣзжала противъ первой линіи, и не видя съ нашей стороны ни одного выстрѣла, храбрилась до чрезвычайности... Вдругъ въ обѣихъ нашихъ линіяхъ загремѣли барабаны, музыка—и полки пошли впередъ. Турки попробовали-было замедлить наше движеніе градомъ пуль, пущенныхъ изъ пушекъ ихъ кавалеріи; но могли-ли они задержать желѣзныя стѣны полковъ нашихъ? Артиллерія, идущая въ первой линіи, на-

Digitized by Google

ступая, рысью, стала дѣйствовать по непріятельскимъ кучамъ и тотчасъ заставила ихъ поспѣшно отступать къ укрѣпленному близъ крѣпостныхъ стѣнъ лагерю; противъ сѣверной части города, и подъ выстрѣлы восточной стороны крѣпости. Высокая, отдѣльная гора, командующая и городомъ и укрѣпленнымъ лагеремъ, была занята баттареею. Уже солнце закатывалось, наступалъ вечеръ, полкамъ приказано остановиться; вагенбургу переправиться за Куру впередъ; назначено мѣсто лагеря... Вдругъ непріятельская конница въ большихъ силахъ, кучами, понеслась мимо фланговъ нашей линіи, съ намѣреніемъ сдѣлать нападеніе на переправляющійся чрезъ рѣку вагенбургъ; но ее остановили, опрокинули и весьма невыгодно поворотили назадъ.

Дѣйствія этого дня кончились тѣмъ, что въ слѣдующую ночь, передъ центромъ и на флангахъ корпуснаго лагеря, расположеннаго на весьма выгодномъ мѣстоположеніи, было сдѣлано три большіе редута, изъ коихъ утромъ, 6-го Іюля, началась канонада по городу и по укрѣпленному лагерю.

До 8-го числа, вся восточная сторона Ахалциха была въ сильной блокадѣ. Всѣ мы — народъ мѣлкій—навѣрное полагали, что Графъ намѣренъ начать осаду города съ восточной стороны: но вышло не такъ. Корпусный Командиръ нашелъ,

Digitized by Google

что для осады и штурма крѣпости нѣтъ выгоднѣе того мѣста, гдѣ стоялъ укрѣпленный Турецкій лагерь, отдѣленный отъ нашего глубокими оврагами и рытвинами. Съ этой только стороны наши войска, не будучи раздѣленными, могли дѣйствовать сильно. Но чтобъ завладѣть выгоднымъ мѣстоположеніемъ лагеря, надобно было сдѣлать рѣшительную атаку и *непремѣнно* разбить укрѣпленный 20-ти тысячный Турецкій лагерь, а потомъ уже начать осаду. Дѣло не легкое, но и необходимое! Намъ нечего было ждать: слабые резервы изъ Грузіи пришли; жизненные и военные припасы уменьшались съ каждымъ днемъ, привоза коихъ не откуда было ждать; Турки и думать не хотѣли дать намъ полевое сраженіе, а ихъ хладнокровіе было для насъ, въ отношеніи продовольствія войскъ, явный вредъ. Рѣшено. Съ 8-го на 9-е число Августа, Графъ Паскевичъ, съ 8-ю баталіонами пѣхоты, со всею кавалеріею и съ 25-ю орудіями, ночью, обошелъ непріятельскій лагерь справа, съ тѣмъ, чтобъ на другой день атаковать и разбить его. Но съ разсвѣтомъ дня, 9-го Августа, Турки открыли его движеніе и съ трехъ сторонъ атаковали жестоко. Началось сраженіе и продолжалось 14-ть часовъ. Превосходство непріятельскихъ силъ, изрытое оврагами мѣстоположеніе, труды ночнаго перехода, нестерпимый жаръ, продолжавшійся до самаго вечера, и наконецъ, отъ нашедшихъ

Digitized by Google

надъ сражающимися дождевыхъ тучь, спертый, удушливый воздухъ: все это вмѣстѣ затрудняло дѣйствіе нашихъ войскъ и ослабляло въ силахъ—обстоятельство было плохое! Дѣло начинало быть сомнительнымъ; казалось, что фортуна готовилась измѣнить своему любимцу. Потеря цѣлой нашей войны зависѣла отъ одного шага назадъ. Надобно было быть рѣшительнымъ, даже дерзкимъ. Такъ и было. Утомленные Турки, зная превосходство силъ своихъ и мѣстоположенія, и видя неподвижность нашего предпріятія, начали дѣйствовать слабѣе, безпечнѣе: главныя ихъ силы столпились противъ фланговыхъ нашихъ колоннъ. Примѣтя сіе, Графъ тотчасъ приказалъ артиллеріи и колоннамъ приготовиться къ приступу. Между тѣмъ, скопившіяся надъ головами сражающихся тучи разрѣшились крупнымъ дождемъ, заблистали молніи и загремѣли громы. Дѣйствіе сражающихся стало еще слабѣе... Вдругъ наша легкая артиллерія, подъ прикрытіемъ пѣшихъ колоннъ первой бригады, проворно спустилась въ оврагъ, быстро взнеслась на возвышеніе, и подъ непріятельскимъ огнемъ, устроившись, открыла канонаду по баштареямъ укрѣпленнаго лагеря. Пѣшія колонны, скользя по глинистой отлогости холма, медленно приближались къ нашимъ дѣйствующимъ баштареямъ. Полился дождь какъ море; блеснула ослѣпительная молнія, разразился ужасный громъ: колонны Рускихъ, какъ-бы ободряемыя самимъ

Digitized by Google

небомъ, крикнули: ура! и понеслись на Турецкія баттареи. Варвары оробѣли, бросили лагерь и кинулись—пѣхота въ городъ, а кавалерія влѣво, къ Арзрумской дорогѣ, и какъ быстрый потокъ, унесла съ собою и другой укрѣпленный лагерь, стоявшій въ одной верстѣ отъ западной стѣны города, и еще два, расположенныя по дорогѣ къ Арзруму. Наша кавалерія и конная артиллерія преслѣдовали ихъ 10-ть верстъ. Все это пространство было загромождено непріятельскою полевою артиллеріею, ея и инженерными парками и подвижнымъ магазиномъ. Все досталось побѣдителямъ.

Завладѣвъ укрѣпленнымъ лагеремъ, а съ симъ вмѣстѣ и вѣрнымъ основаніемъ къ дальнѣйшимъ окончательнымъ предпріятіямъ, въ эту-же ночь начались и въ слѣдующую кончились наши осадныя работы.

Противъ сѣверной части города, въ 200-хъ саженяхъ отъ окружающихъ его палиссадовъ, подъ разными направленіями, нераздѣльно тянулись наши баттареи слѣдующимъ порядкомъ: на лѣвомъ флангѣ стояли 8-мь баттарейныхъ орудій, подлѣ 6-ть 2-хъ пудовыхъ мортиръ; потомъ четыре 24-хъ фунт. пушки и два пудовыхъ единорога; далѣе опять 8-мь баттарейныхъ орудій, и наконецъ, на правомъ флангѣ, до 20-ти легкихъ (въ томъ числѣ 10-ть Турецкихъ) орудій и между ими Конгревовы ракеты. Съ разсвѣтомъ

Digitized by Google

дня, 11-го Августа, началась работа. Осадныя пушки и единороги открыли огонь по стѣнамъ крѣпости и цитадели, а внутреннія оныхъ строенія уничтожались шестью мортирами; баттарейныя орудія принялись разрушать атакуемый полигонъ и идущій отъ него, въ обѣ стороны, палиссадъ; легкія орудія и Конгревовы ракеты стрѣляли по городскимъ строеніямъ и вдоль улицъ. Кромѣ сего, съ противолежащей южной стороны, изъ за рѣчки Ахалцихъ, съ высокаго скалистаго бугра, 4 баттарейныхъ орудія и 4-же, противъ восточной стѣны крѣпости, гремѣли вдоль и поперегъ города. Такимъ образомъ, до 60-ти разнородныхъ орудій гремѣли два дня и, казалось, колебали скалистое основаніе крѣпости и города. Еще въ первый день крѣпостная артиллерія приведена была въ невозможность дѣйствовать, и весь гарнизонъ, защищавшій городъ, сидѣлъ позади палиссадовъ, во рвахъ, покрытыхъ толстыми бревнами, и кое-гдѣ, изрѣдка, стрѣлялъ изъ ружей.

Выломанные днемъ палиссады задѣлывались въ продолженіе ночи снова; атакуемый полигонъ тоже починивали.

Въ ночь, на 13-е Августа, для вѣрнѣйшаго разрушенія атакуемаго полигона, для одной баттарейной роты сдѣланъ былъ брустверъ, во 150-ти саженяхъ отъ палиссада, а въ ночь на 14-е число сдѣлали еще баттарею для четырехъ осадныхъ

Digitized by Google

орудій, во 100 саженяхъ отъ полигона, и до полудня, 15-го числа, почти до основанія разрушили оный. Сдѣлано распоряженіе къ штурму. На всѣхъ баштареяхъ прекратили пальбу, но всѣ орудія сосредоточили направленіями къ полигону. Къ 4-мъ часамъ вечера все было готово. Данъ сигналъ—колонны двинулись, пошли. По всей изгибистой длинѣ палиссада пробѣжала непріятельская ружейная молнія и грянулъ громъ съ баштарей Русскихъ...

Для развлеченія силъ и вниманія Турокъ, было сдѣлано фальшивое движеніе нашихъ колоннъ со всѣхъ сторонъ города; но двѣ грозныя колонны Ширванскаго пѣхотнаго полка, имѣя ружья на правомъ плечѣ, съ веселою Русскою пѣснею: «*Не будите молоду, ранымъ рано по утру*» прошивъ сѣверной части города, шли не *шутя*: имъ *приказано* было завладѣть атакуемымъ полигономъ. За сими колоннами, неся фашины, шелъ баталіонъ піонеръ.

Уже Ширванскія колонны поднялись по возвышенію холма на такую высоту прошивъ роковаго полигона, что открыли себя Туркамъ до половины, и уже изъ начатой ими пѣсни начали пѣть: «*Выгоняйте вы скотину на широкую долину*» — какъ вдругъ изъ за палиссадовъ засвистали пули баталнаго огня и повалили почти обѣ первыя шеренги колоннъ. Послѣ сего пѣс-

Digitized by Google

ня перемѣнилась въ *ура!* и роковой басціонъ — нашъ. Но Турки, отступивъ за ближайшія строенія, сгустились и осыпали пулями вломившіяся колонны; одна изъ колоннъ ринулась впередъ, непріятель отступилъ за слѣдующіе домы и, упершись за стѣною Католической церкви, продолжалъ стрѣлять жестоко. Между тѣмъ піонеры, на крышахъ оставленныхъ Турками домовъ и между ними, на площадкѣ, передъ церковью, поставили и, съ большими жертвами, насыпали шуры землею; другіе, изъ срубленнаго палиссада сдѣлали черезъ ровъ мосты для легкой артиллеріи. Переправились конно-казачьи пушки, устроились, открыли картечный огонь по густой толпѣ Турокъ, собравшихся за церковью; но варвары ни съ мѣста! Новыя колонны пришли на подкрѣпленіе Ширванскимъ, съ 6-ю легкими орудіями и съ 10-ю кугорными мортирами; непріятельскія толпы также безпрестанно увеличивались — и сраженіе кипѣло на одномъ мѣстѣ.

Весь ужасъ, какой только можно было выдумать тогда для ослабленія отчаяннаго упорства Турокъ, не помогалъ. Напрасно бомбы большихъ нашихъ мортиръ, летя одна за другою, безпрерывно падали посреди города и гремѣли своими разрывами; напрасно 24-хъ фунтовыя ядра, раздирая воздухъ, свистѣли надъ головами осервенѣлыхъ Турокъ; напрасно Конгревовы ракеты, какъ змѣи шипѣли, летая по всему городу, и

Digitized by Google

20-ть кугорныхъ мортирокъ разсыпали свои гранаты огненнымъ дождемъ.

Турки ни пяди назадъ! Темно, 9-ть часовъ вечера—борьба упорнѣе: каждый домъ строеній, идущихъ отъ насъ амфитеатромъ, былъ укрѣпленіемъ. Отъ сѣверо-востока набѣжалъ сильный вѣтръ. Графъ приказалъ зажечь занятые нами домы. Казаки примчались съ вьюками соломы, сѣна, и зажгли домы, ближайшіе къ Каѳолической церкви; вѣтръ раздувалъ пожаръ, быстро разливалось пламя пожара; Турки оробѣли, смѣшались, и весьма упорно стали отступать къ крѣпости; но многіе добровольно, запершись въ домахъ своихъ, сгарали съ семействами, не переставая стрѣлять до послѣдняго издыханія. Умолкнули громы нашей артиллеріи, рѣже и рѣже становились ружейные выстрѣлы. Городъ погрузился въ пламенное море!

Около полуночи, когда еще городъ только что разгорѣлся вполовину, видъ съ сѣвернаго возвышенія, гдѣ стоялъ Графъ Эриванскій, былъ столь же прелестенъ, какъ ужасенъ. Деревянныя остроконечныя крыши 10-ти высокихъ кирпичныхъ минаретовъ, свѣтлымъ, тихимъ огнемъ теплились какъ огромныя свѣчи, и по мѣрѣ, какъ внутри ихъ деревянныя лѣстницы сгарали, обрушивались, по всей темной высотѣ минаретовъ, изъ маленькихъ, для внутренняго свѣта, окошечекъ, фонтанами вырывались, то дымъ, то искры, то пламя.

Digitized by Google

Надъ городомъ плавали черныя и красноватыя облака пожарнаго дыма; обширное зарево ярко освѣщало выпуклости окрестныхъ холмовъ, и между ими, черными полосами, разстилало широкія тѣни; изъ за противоположной горы поднялась полная луна и безпрестанно измѣнялась: густыя облака дыма то заслоняли ее, то сквозь рѣдкія видѣлась она тусклою, то вдругъ опять сіяла въ полномъ своемъ величіи, и опять скрывалась за густое или рѣдкое облако дыма.

Между тѣмъ стукотня тысячей ружей производила въ городѣ убійственную тревогу; вездѣ летали кавалеристы, двигались пѣхотныя колонны, артиллерія, и множество женщинъ Армянокъ, съ дѣтьми и съ узелками, спасаясь отъ пожара и штурма, съ плачевнымъ крикомъ, выбѣгали вонъ изъ города и находили убѣжище на нашихъ траншейныхъ батареяхъ.

Передъ свѣтомъ все умолкло: остатки храбраго Ахалцихскаго гарнизона, числомъ до 4000 человѣкъ, съ двумя Пашами, запершись въ крѣпости и цитадели, сидѣли тамъ смирно—ни одного ружейнаго выстрѣла, ни малѣйшихъ приготовленій къ дальнѣйшей оборонѣ. Съ нашей стороны также утомленные полки отдыхали: но для новаго штурма самой крѣпости. Трескъ пылающаго города и глухой стукъ разрушающихся въ ономъ строеній нарушали тишину окрестностей Ахалциха. Начались переговоры и тотчасъ

Digitized by Google

кончились на условіи: Пашамъ оставить крѣпость, и съ находящимися при нихъ войсками удалиться въ границы Турціи. Паши охотно согласились и вышли.

До 12-ти тысячь артиллерійскихъ снарядовъ всякаго рода было употреблено для покоренія Ахалциха!

Съ разрушительнымъ покореніемъ Ахалциха, этого стараго, закоренѣлаго въ злодѣйствахъ разбойническаго гнѣзда, втораго Алжира, дальнѣйшія предпріятія къ завоеваніямъ должны были остановиться. Истощеніе артиллерійскихъ парковъ и подвижнаго магазина, наступающій Сентябрь, высокія и уже засыпанныя снѣгомъ горы, окружающія Арзрумъ, необработанныя дороги, осеннее время и значительное уменьшеніе войскъ: все это вмѣстѣ рѣшило Графа Паскевича остановить войну здѣшнюю до будущей весны. Кромѣ сего, надобно было привести въ лучшее оборонительное состояніе всѣ завоеванныя крѣпости и для ихъ гарнизоновъ на всю зиму запасти провіанта, фуража и прочаго.

Сурамскій карантинъ, 1828 г. Сентября 11.

Давно уже было позволено мнѣ, для поправленія своего здоровья, полуразрушеннаго злою желчною горячкою, ѣхать въ Тифлисъ, къ сѣрнымъ водамъ; но едва шаскаясь на ногахъ, я боялся вер-

Digitized by Google

хомъ (а иначе не могъ) сдѣлать путешествіе въ 200 верстъ. Но чрезъ нѣсколько дней, разными аптекарскими средствами, я кое-какъ сколотился небольшими тѣлесными силами, и 5-го Сентября, оставя шлѣющія развалины Ахалциха, пустился верхомъ на 25-ть верстъ, до крѣпостцы Ахцверъ. Съ большимъ трудомъ, дѣлая частые привалы, и уже передъ вечеромъ, допащился я до этой древней фортеціи.

Ахцверъ построена на правомъ берегу Куры, при началѣ Боржомскаго ущелья, и, какъ обыкновенно бываетъ у разбойниковъ здѣшнихъ, взгромождена на самой верхушкѣ высокой и скалистой отдѣльной горы; стѣны крѣпости каменныя, высокія и твердыя, башни тоже; вооружена 14-ю пушками.

По скату горы и около ея подошвы, внѣ крѣпости, однакожъ подъ вѣрными ея выстрѣлами, тѣсно и безпорядочно разбросано пространное предмѣстіе. Въ недальнемъ разстояніи отъ крѣпости, вверхъ по Курѣ, видны деревни, и деревни богатыя, ни чуть не потерпѣвшія отъ войскъ нашихъ, прошедшихъ мимо ихъ въ трехъ верстахъ.

Еще Ахалцихъ дымился подъ пепломъ своихъ разрушенныхъ зданій и на его развалинахъ еще валялись обгорѣлыя тѣла защитниковъ, но въ ближайшихъ деревняхъ жители преспокойно себѣ

Digitized by Google

занимались сельскими работами, и ни одинъ изъ проѣзжающихъ сіи (подъ Ахцвером) деревни казаковъ не смѣлъ самовластно взять ни пучка соломы, ни клочка сѣна, чтобъ покормить свою усталую лошадь; въ противномъ случаѣ не только Армяне, но и Турки смѣло противились, шумѣли и бѣжали съ жалобою къ Коммендантпу. Такая увѣренность непріятелей нашихъ въ справедливости Русскихъ начальниковъ дѣлаетъ намъ честь и большую пользу въ войнѣ.

На другой день, 6-го Сентября, чуть свѣтъ, выѣхалъ я изъ Ахцвера, и переправясь черезъ Куру въ бродъ, поѣхалъ лѣвымъ берегомъ рѣки, по вновь обдѣлываемой дорогѣ, мимо зажиточныхъ Армянскихъ деревень, заросшихъ фруктовыми деревьями.

Свѣтлое, прохладное утро, безпрерывные сады, прелестные берега быстрой Куры и примѣтное возстановленіе моего здоровья, дѣлали мое случайное путешествіе весьма пріятнымъ. Чѣмъ далѣе углублялся я въ ущеліе, тѣмъ становился довольнѣе: ровная, гладкая дорога, зеленѣющаяся по берегамъ рѣки трава и кустарники зрѣлаго кизиля, и густый сосновый лѣсъ, тихо качающійся по крутымъ отлогостямъ высокихъ горъ ущелія, наполняли сердце мое какою-то необыкновенною, безкорыстною радостію.

Digitized by Google

Передъ полуднемъ, отъѣхавъ отъ Ахцвера 20 верстъ, я переправился черезъ рѣку на маленькомъ, только-что сколоченномъ плотѣ (большой паромъ путь-же дѣлали и уже оканчивали), и отъѣхавъ по правому берегу версты двѣ, остановился на небольшомъ лужку, велѣлъ разбить палатку на самомъ берегу Куры подъ двумя шѣнистыми липами и приказалъ дѣлать обѣдъ. Лошади мои роскошничали на прекрасной муравѣ и, форкая, съ жадностію щипали сочную траву. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на этихъ прекрасныхъ и вѣрныхъ сотрудниковъ военнаго человѣка, послѣ претерпѣнныхъ нуждъ и трудовъ, въ полной мѣрѣ вознаграждаемыхъ зелененькимъ лужкомъ и горстью ячменя. Напротивъ того ихъ *всадники* (бывало говорятъ), послѣ какого нибудь *сраженьица*, какой нибудь перестрѣлки, съ притворною скромностію, стараются распустить слухи о своей храбрости, предпріимчивости и о неусыпныхъ трудахъ, съ намѣреніемъ *вкрасться* въ представленіе къ наградамъ. А въ этотъ священный списокъ надобно *прорубаться* сквозь непріятельскія колонны или перелѣзать черезъ стѣны штурмуемыхъ крѣпостей. Но это *бывало*, теперь нѣтъ.

За три версты отъ моего привала, внизъ по Курѣ, продѣлывалась военная дорога. Шумъ рѣки, частые удары множества топоровъ, трескотня падающихъ въ Куру длинныхъ сосенъ и

Digitized by Google

пороховые взрывы, уничтожающіе гранитныя препятствія: вся эта стукотня вмѣстѣ, повторяемая двойнымъ эхомъ, раздавалась по глубокому извилистому ущелію, какъ жаркая перестрѣлка, смѣшанная съ протяжными раскатами отдаленнаго грома.

Послѣ трехъ-часоваго отдыха, я продолжалъ свое пріятное путешествіе. Солнце было еще высоко, но густая тѣнь, падающая отъ правыхъ высокихъ горъ ущелія, лежала по гладкой поверхности рѣки черною полосою, упирающеюся въ основаніе противоположныхъ горъ, ярко освѣщаемыхъ сверху закатывающимся солнцемъ: здѣсь, на правомъ берегу, былъ преждевременный вечеръ, на противной, казалось, раннее утро.

Совершенное спокойствіе въ воздухѣ, тѣнистая прохлада и только что между густымъ лѣсомъ прорубленная и прекрасно отдѣланная дорога, пролегающая по невысокому отрубистому берегу Куры, дѣлали вечеръ очаровательнымъ. На пространствѣ 12-ти верстъ я наслаждался разнообразными картинами: тутъ, на заворотѣ къ обрывистому берегу рѣки, Русскіе солдаты придѣлывали перилы; тамъ, въ скалѣ, для пороховыхъ зарядовъ продалбливались дыры; далѣе курились или пылали огоньки, бѣлѣлись солдатскія палашки, и, предъ ними, въ

Digitized by Google

козлахъ сложили ружья; вездѣ разносились Русскія веселыя и заунывныя пѣсни; вездѣ видна быстрая военная дѣятельность и искренняя радость. Но на 12-й верстѣ высокая подоблачная гора, скалистою и непреодолимою своею грядою заступала дальнѣйшее проложеніе дороги: тутъ скопилось болѣе рабочихъ и усилій. Для переправы на лѣвый берегъ, дѣлали огромный, могущій поднять осадную пушку, паромъ; но до окончанія онаго надобно было ждать три дня.

На противуположномъ берегѣ, между рѣдкимъ лѣсомъ, зеленѣлась красивая равнинка и тянулась часть вновь прокладываемой дороги. Рабочее время оканчивалось, піонеры готовились ужинать; нетерпѣніе поджигало меня ночевать на той сторонѣ Куры? Что дѣлать! «Ребята!» сказалъ я піонерамъ: «перевезите мою бричку на тотъ берегъ, я вамъ буду очень благодаренъ.» Извольте—отвѣчали мнѣ услужливые піонеры—и, съ позволенія своего Капитана, тотчасъ сплотили четыре сосновыя бревна и начали перевозить, сперва колеса моей брички, потомъ кузовъ, чемоданъ, деньщиковъ, и наконецъ меня.

Въ слѣдующій день, 7-го Сентября, я продолжалъ путь по лѣвой сторонѣ Куры. Первыя 5-ть верстъ проѣхалъ я по отдѣланной дорогѣ, но далѣе по необработанной, вьючною тропинкою, продираясь сквозь чащу лѣса, перепаскивая бри-

Digitized by Google

чку, каменистыми рытвинами и вязкими промоинами. Наконецъ, въ полдень, преодолѣвъ трудности, встрѣчавшіяся мнѣ на пространствѣ 20-ти верстъ, добился я до деревяннаго, построеннаго нынѣшнею весною черезъ Куру моста. Редутъ, вооруженный четырьмя легкими орудіями, караулилъ мостъ и обезпечивалъ переправу черезъ оный. Здѣсь резервы, остававшіеся въ Грузіи, въ первыхъ числахъ Августа переходили къ Ахалциху.

Отдохнувъ у моста часа три, я продолжалъ ѣхать по лѣвой-же сторонѣ рѣки, ущелія и тоже по прекрасной и каршинной видами дорогѣ, но обрабопанной прежде сего. Послѣ 10-ти верстъ ущелье кончилось, съ правой стороны высокими горами, упирающимися подошвою въ самый берегъ Куры, а съ лѣвой скалистою горою, съ развалившеюся на ней древнею крѣпостцею. Какъ изъ Средиземнаго Моря Гибралтарскимъ проливомъ въ Атлантическій Океанъ, въѣхалъ я изъ Боржомскаго ущелія на пространную Сурамскую равнину. Вдали, въ 8-ми верстахъ отъ ущелья, бѣлѣлись строенія Сурамскаго карантина. Солнце закатывалось, наступалъ вечеръ; я приказалъ прибавить шагу и въ 10 часовъ въѣхалъ внутрь карантина и вступилъ въ плохую комнатку. Сегодня четвертые сутки, какъ я, одинъ одинехонекъ, скучаю въ этой безхозяйственной комнаткѣ и щеголяю къ карантинномъ

Digitized by Google

платьѣ. Завтра я выѣду: жду съ нетерпѣніемъ утра.

Тифлисъ, 1828 г. Октября 28.

Сентября 12 вырвался я изъ карантинной комнатки, въ 9 часовъ утра, и безъ оглядки пустился въ Гори, сорокъ верстъ.

Гори очень миленькій городокъ, лучше Тифлиса, а климатъ въ немъ самый здоровый изо всей Грузіи. Мѣстоположеніе картинное: подлѣ самаго города, въ плоскихъ берегахъ, по каменистому дну, пріятно шумитъ и красиво извивается *здѣсь* тихая и широкая Кура; далѣе, зеленѣютъ луга, поля, рощицы и густые сады укрѣпленныхъ древними отдѣльными башнями деревень, разбросанныхъ по всей пространной окрестности; за ними синѣютъ заросшія сосновымъ лѣсомъ горы; близъ города, надъ рѣкою, тянется

Предлинный деревянный мостъ.
Онъ издали и твердъ и простъ,
Въ себѣ самомъ. Какъ созданъ съ роду,
Онъ свойствъ чудесныхъ не имѣлъ.
Но самъ *Крыловъ*-бы оробѣлъ
Идти по немъ, и поискалъ-бы броду.

18 числа опять проѣхалъ я сорокъ верстъ и ночевалъ на казачьемъ посту *Мухровань*.

Digitized by Google

Строеніе запущено; въ комнатѣ для проѣзжающихъ нѣтъ ни одного въ окнахъ стекла, ходитъ сквозной вѣтеръ и страхъ какъ неопрятно.

Наконецъ 19-го числа, передъ вечеромъ, я въѣхалъ въ Тифлисъ и остановился въ артиллерійскомъ домѣ, въ прекрасныхъ комнатахъ.

Надобно полгода безпрерывно прожить на бивакахъ, перемѣняющихся всякой день, потерпѣть нужду, пожариться на здѣшнемъ солнцѣ, постоять нѣсколько разъ подъ выстрѣлами непріятельскихъ крѣпостей, выдержать желчную горячку и отдѣлаться отъ чумы, чтобъ въ полной мѣрѣ имѣть понятіе о радостныхъ чувствахъ, наполняющихъ сердце воина, возвратившагося, разумѣется какъ мнѣ случилось, на мирныя квартиры лучшаго въ Грузіи города, гдѣ все, при лишнемъ рублѣ, къ его услугамъ.

Успокоившись отъ дороги, на третій день я сталъ принимать здѣшнія сѣрныя теплыя ванны и въ продолженіе мѣсяца совершенно выздоровѣлъ. Спасибо природѣ, но не спасибо корыстолюбивымъ содержателямъ ваннъ, и стыдъ имъ за неопрятность въ комнатахъ, въ коихъ больные, послѣ ванны, должны отдыхать часъ и болѣе.

Октября 1-го, въ домѣ Благороднаго училища, въ обширномъ залѣ, наполненномъ лучшими Евро-

Digitized by Google

пейскими и Азіятскими товарами, перенесенными изъ Тифлисскихъ караванъ-сараевъ, была олицетворена нетерпѣливая мысль Генералъ-Губернатора Сипягина, то есть открыта ярмарка.

Октября 5-го, въ 11 часовъ сырой и темной ночи, послѣ прочныхъ заслугъ отечеству, неожиданно, верхомъ въѣхалъ въ Тифлисъ Графъ Эриванскій. И на другой день, нечаянный пріѣздъ Графа взволновалъ обыкновенный порядокъ городскаго утра: по всѣмъ улицамъ и площадямъ мчались и пылили коляски, дрожки и верховые, къ подъѣзду Графскаго дома. Подъ тяжестію Грузинскаго дворянства, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, казалось, гнулся и трещалъ длинный и шпердый балконъ Графскихъ палатъ; но хозяина давно уже не было дома.

Грозный покоритель Ахалциха, одинъ, безъ свидѣтелей, въ уединенномъ надгорномъ монастырѣ смиренно приносилъ благодареніе Богу — за побѣды.

Октября 10-го дня скончался въ Тифлисѣ Военный Генералъ-Губернаторъ Николай Мартьяновичъ Сипягинъ; на четвертый день, въ Синскомъ соборѣ, при стеченіи многочисленнаго народа, Сипягину пропѣли *вѣчную память*: *всѣ* плакали.

Вчера, 27 Октября (*), Г-да Штабъ и

(*) Въ этотъ день въ 1827 году, Императоръ

Digitized by Google

Оберъ-Офицеры Грузинскаго Гренадерскаго полка давали преусердный балъ въ большомъ домѣ Армянскаго Архіепископа Нарсеса. Почти можно сказать (*):

Отъ ламиъ и факеловъ шамъ льется блѣдный свѣтъ
Во тьму просторанныхъ переходовъ;
Столпы огромные, опоры тяжкихъ сводовъ,
Отъ ослѣпительныхъ искусственныхъ огней
Въ пожарѣ кажутся, несносномъ для очей.

«Къ вечеру Тифлисское общество приглашено было, и проч. (*)». Собраніе дамъ и кавалеровъ было многочисленное и почти всѣхъ націй. О ловкихъ, милыхъ Полькахъ можно сказать:

Какъ обманувшія надежды,
Тамъ шумно мимо насъ клубились и неслись
Полупрозрачныя, воздушныя одежды.

О прекрасныхъ Грузинкахъ не льзя этого сказать: онѣ почти не вставали съ мѣста; за то

Ихъ груди полныя, какъ волнъ летучихъ пѣна,
И черный цвѣтъ, какъ цвѣтъ гебена,
Волосъ, украсившихъ прелестное чело,
Во время звучнаго веселья

НИКОЛАЙ I-й благоволилъ назначить Шефомъ Грузинск. Гренад. полка Новорожденнаго сына Своего Великаго Князя КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

(*) Ночь въ Венеціи, Байрона. Маркевичъ.

(*) Смотр. 18 № 1828 г. Тифлисск. Вѣдомостей.

Digitized by Google

Невольно увлекали взоръ!

Завтра оставляю Тифлисъ: ѣду домой въ Эриванъ. Прощай, Платонъ, прощай, другъ мой! Весь твой.

М. С—въ.

НОЧНЫЯ МЫСЛИ

о жизни, смерти и безсмертіи, Э. Юнга.

(Ночь I).

Податель силъ природѣ утомленной,
Цѣлебный сонъ! и ты, какъ свѣтъ, другъ счастья,
И ты несчастныхъ покидаешь: быстро
Летишь отъ горя на крилахъ пуховыхъ
И на безслезныхъ почіешь рѣсницахъ.
По снѣ, обычно-краткомъ и прерывномъ,
Я пробужденъ: блаженъ, кто спитъ сномъ вѣчнымъ!
Блаженъ, когда мечтаній нѣтъ во гробѣ!
Я пробужденъ, возсталъ изъ моря грезъ,
Грѣзъ бурныхъ, гдѣ безъ цѣли и надежды
Носилась мысль разсудка руль, утративъ.
Ей пробужденье горькая замѣна
Страданій злыхъ на злѣйшія страданья.
Мнѣ для печали крашокъ день и ночь,
Ночь въ самомъ мрака своего зенитѣ
Есть ясный день предъ тмой моей судьбы.
Ночь, тмы богиня! съ чернаго днесь трона,

Digitized by Google

Въ величіи безлучномъ, ты надъ спящимъ
Свинцовый скипетръ свой простираешь міромъ!
Какъ мракъ глубокъ! Молчаніе какъ мертво!
Вотще предмета ищутъ взоръ и слухъ;
Твореньe спитъ. Пульсъ жизни, мнится, сталъ;
Въ покоѣ вся природа. Какъ торжественъ
Покой сей! онъ пророкъ ея конца.
Свершайся-жь предсказанье! опусти,
Судьба, завѣсу: что терять мнѣ болѣ?
Молчанье, мракъ! вы, двойни древней ночи,
Податели разсудку прочныхъ мыслей,
Зиждители рѣшимости (опоры
Величья въ человѣкѣ) — васъ зову я
На помощь; вамъ воздамъ благодаренье
За гробомъ; гробъ есть царство ваше: тамъ
Падетъ сей прахъ, хранилищъ вашихъ жертва.
Но что вы?
Ты, начальное молчанье
Изгнавшій въ часъ, когда свѣтило утра
Одѣло блескомъ новый міръ впервые!
О ты, чей гласъ воздвигъ изъ мрака солнце!
Ты и въ душѣ моей воздвигни мудрость —
Въ душѣ, летящей, какъ скупецъ ко злату,
Къ тебѣ, ея сокровищу, надеждѣ!
Простри во тмѣ природы и души,
Въ двойной сей ночи, свой отрадный лучь
Въ утѣху мнѣ и озаренье! Духъ мой,
Духъ, рвущійся отъ золъ своихъ всечасно,
Веди по царствамъ бытія и смерти,
И истину яви въ видѣньи каждомъ.
Наставь меня въ дѣяньяхъ, какъ и въ пѣсняхъ;
Дай свѣтъ разсудку, волѣ правому,

Digitized by Google

Душѣ стремленье къ мудрости, столь долго,
Пренебреженной; повели, да будетъ
Излитъ нещетно мщенія фіалъ твой,
Мнѣ на главу покорную излитый.
Бьетъ часъ. Мы только прошлое одно
Считаемъ время, и ему дать голосъ —
Мысль мудрая! Какъ Ангела возванье
Проникъ мнѣ душу звукъ сей. Онъ моихъ
Часовъ усопшихъ погребальный звонъ.
Мечталъ вѣщаетъ: поспѣши! Какъ много
Свершить я долженъ! Возстаютъ въ тревогѣ
Боязнь съ надеждой; черезъ грани жизни
Онѣ глядятъ во глубь ужасной бездны
На вѣрное мое наслѣдье, вѣчность.
Но мнѣ-ль наслѣдье вѣчность? Мнѣ, одной
Временщику минуты благосклонной?
Какъ бѣденъ, какъ богатъ, почтенъ, презрѣненъ,
Какъ многосложенъ, дивенъ человѣкъ!
Сколь непостижнымъ Существомъ онъ созданъ,
Въ немъ крайностей такъ много согласившимъ:
Онъ свойствъ противныхъ чудное смѣшенье,
Избранная міровъ далекихъ связь,
Отличное въ цѣпи существъ звѣно,
Ничтожества и Божества предѣлъ,
Эѳирный лучь, померкшій, осквернённый,
Божественный и въ самомъ униженьи!
Безмѣрнаго величья малый образъ,
Наслѣдникъ славы, праха бренный сынъ;
Ничтожный, вѣчный; слабый, безпредѣльный;
Червь, Богъ! Я съ страхомъ на себя взираю,
Въ себѣ теряюсь. Дома, какъ въ чужбинѣ,
Блуждаетъ мысль, себѣ дивясь, себя

Digitized by Google

Не постигай. Какъ кружится умъ!
Для смертнаго какое чудо смертный!
Какъ унывать онъ, какъ гордишься долженъ
Своею долей бѣдною и славной!
Что́ жизнь отнять, что́ сохранить мнѣ можетъ,
Меня изъ гроба Ангелъ не воздвигнетъ,
Сонмъ Ангеловъ не заключитъ во гробѣ!
То истина: ее вѣщаетъ все.
Когда покоитъ кроткій сонъ мнѣ члены,
Почто душой блуждаю я въ мечтаньи
Въ поляхъ цвѣтущихъ, иль въ лѣсу дремучемъ
Скитаюсь грустно, падаю со скалъ,
Плыву и тону въ безднѣ водъ недвижныхъ,
Иль на ушесъ взбираюсь, иль по вѣтру
Ношусь съ толпою призраковъ знакомыхъ?
И сей полетъ души безперерывный
Не говоритъ-ли, что она нетлѣнна,
Духовна, безтѣлесна, самобытна,
Жива, паденью праха непричастна?
Все, даже ночь, гласитъ ея безсмертье;
Все, даже ночь, день вѣчный возвѣщаетъ.
Намъ все дано на пользу: учитъ сонъ насъ,
И пщетныя не пщетны сновидѣнья.
Почтожь скорбѣть о смерти не умершихъ?
Почто блуждаетъ мысль въ преступной скорби
Вокругъ гробовъ ихъ? Тамъ-ли духи неба?
И спитъ-ли съ прахомъ въ гробѣ огнь эѳирный?
Они живутъ, божественно живутъ,
Безвѣстной здѣсь, непостижимой жизнью,
И лучше мнѣ, причисленному къ мертвымъ,
Да посвятятся слезы состраданья.
Сей міръ пустыня! *Здѣсь* уединенье!

Digitized by Google

Какъ многолюдны, полны жизни гробы!
Здѣсь мрачная творенія пещера,
Здѣсь елями усаженный долъ смерти,
Страна видѣній, призраковъ пустыхъ.
Все въ мірѣ семъ мечта; все существо
За гробомъ. Кто не вѣритъ, тотъ безумецъ:
Тамъ прочно все, гдѣ все неизмѣнимо.
Здѣсь бытія начало только, сумракъ,
Дня нашего заря. Здѣсь лишь преддверье;
Еще храмъ жизни запертъ. Смерть одна,
Смерть мощная возможетъ съ врать тяжелый
Запоръ снять, праха удалить препоны,
Освободить существованья семя.
Отъ жизни истинной едва-ли дальше,
Чѣмъ мы, еще сомнительный гостъ свѣта,
Зародышъ, спящій въ матерней утробѣ.
И мы, какъ онъ, разрушивши свою
Лазурную темницу, вкусимъ жизнь,
(О радость!) жизнь Боговъ и Человѣка.
Но человѣкъ, безумный, безпечально
Свои всѣ мысли погребаетъ здѣсь,
Всѣ райскія надежды. Плѣнникъ міра,
Подлунный узникъ, здѣсь онъ средоточитъ
Свои желанья, окрыленный небомъ,
Тамъ безконечность обрѣсти способный,
Гдѣ Ангелы безсмертье собираютъ
На древѣ жизни, у Престола Бога.
Какіе чистыхъ радостей плоды
Для правыхъ тамъ, благоухая, зрѣютъ,
Гдѣ нѣтъ вѣковъ мгновенныхъ, тамъ, гдѣ мертвы
Случайности и время, скорбь и смерть!
И краткому-ль теченію сей жизни

Digitized by Google

Изгнавъ изъ мыслей человѣка вѣчность,
Безсмертный прахомъ подавишь нашъ духъ?
Душа, въ тщетахъ безумно расточая
Свой огнь и силу, радуяся въ счастьи
И унывая въ горестяхъ жишейскихъ,
Подобна моря разъяренной безднѣ,
Колеблющей громадой волнъ пушинку,
Подвигшейся на потопленье червя.
Кто заслужилъ упрекъ сей? Первый я.
О, какъ я сердцемъ погребенъ былъ въ мірѣ,
Въ какихъ цѣпяхъ душою пресмыкался!
Опутанъ я, какъ шелковичный червь, былъ
Въ сотканную фантазіей сѣть мыслей,
Пока надежда вѣчнаго здѣсь счастья
Замкала вовсе умъ мой, и забылъ онъ,
Что онъ полетъ направить властенъ къ небу.
Ночныя грезы иногда ушѣшны,
Мечты неспящихъ гибельны. Мечталъ я
О невозможномъ (что-же больше сны?),
О радостей на радости замѣнѣ,
О прочномъ счастьѣ на волнахъ зыбучихъ,
О днѣ погодномъ-вѣчно, въ бурѣ жизни!
Какъ пышно были всѣ мои видѣнья
Расписаны картинами блаженства:
Все наслажденья въ безконечной цѣпи!
Но вдругъ звонъ смерти, чей языкъ мѣдяный
Зоветъ вседневно въ снѣдь ей милліоны,
Взгремѣлъ, и я, погибшій, пробудился.
Гдѣжь пышный бредъ мой, золотыя грезы?
Днесь хижина изъ бренной паутины,
Изъ персти тлѣнья, царскій мнѣ чертогъ.
Нить паука тончайшая есть вервь

Digitized by Google

Предъ нишью, насъ связующей со счастьемъ :
Ее малѣйшій разрываетъ вѣтеръ.
О вы, каршины прочныхъ наслажденій,
Столь совершенныхъ, полныхъ, безконечныхъ!
Блаженство есть блаженства неизмѣнность :
Одна лишь мысль о вашемъ прехожденьи
Пожрала-бы всѣ радости для насъ
И царство свѣта въ адъ переселила.
Вы вѣрны только шамъ, превыше звѣздъ,
Въ пуши своемъ вліяніемъ зловреднымъ
Ліющихъ долу бѣдствія и скорби.
Здѣсь каждый часъ свидѣтель измѣненій
И къ лучшему столь рѣдко! и быстрѣе
Всего на свѣтѣ лучшее проходитъ!
Всякъ лишь здѣсь держитъ серпъ соревнователь
Косы огромной времени, сѣкущей
Однимъ размахомъ царства; всякій мигъ
Опустошаетъ здѣсь тѣснѣйшій кругъ
Семейныхъ наслажденій, подрѣзаетъ
Краснѣйшій цвѣтъ подлуннаго блаженства.
Подлунное блаженство! звукъ пустой,
Прошивъ законовъ божескихъ измѣна,
Отважное правъ райскихъ похищенье!
Я обнималъ мечту; она исчезла :
Почто ее не взвѣсилъ, не обнявъ я?
Какихъ-бы мукъ мое избѣгло сердце!
О смерть, всего владыка! Ты смѣшаешь
Съ лица земнаго царства, тушишь звѣзды;
Ты попускаешь солнцу лишь сіянье
И нѣкогда съ небесъ его низринешь.
Почто-жь, средь столь великихъ дѣлъ, колчанъ твой
Опустошашь для столь ничтожной мѣшы?

Digitized by Google

Почто меня разишь съ особой злостью?
Смерть алчная! *одной*-ли не довольно?
Трикраты стрѣлы ты свои метнула;
Трикраты, прежде, чѣмъ свой путь луна
Прошла трикраты, сердце мнѣ пронзила.
Почто блѣдна ты, Цинтія? Грустишь-ли
О насъ, несчастныхъ? Сѣтуй: наша жизнь
Всѣхъ перемѣнъ твоихъ непостоянней!
Гдѣ ты, мое заемное блаженство?
Фортуны ласка, свѣтъ несамобытный,
Не добродѣтели небесный лучь ты!

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ).

ПРИМИРЕНІЕ.

Горац. Кн. 3. Ода 9-я.

Горацій.

Когда я былъ любимъ тобой,
Пока не оплеталъ руками
Лилейныхъ плечъ твоихъ счастливѣйшій другой,
О счастьѣ спорилъ я съ царями!

Лидія.

Когда пылалъ ты мной одной,
Пока соперницы лукавой
Ты не ласкалъ еще... я Иліи самой
Высокой не прельщалась славой.

Горацій.

Кипянку Клою радъ любить,
Радъ слушать цитры нѣжной звуки,

Digitized by Google

И пѣсни сладкія .... чтобъ Клои дни продлишь,
Вкусишь готовъ я смерти муки.

Лидія.

Взаимно рада я любить
Омина сына молодова;
Чтобъ жизнь Калаиса отъ смерти искупишь,
Я дважды умереть готова.

Горацій.

Что, если прежняя любовь
Воспламенится новой силой,
Потушитъ къ Клоѣ страсть, и сердца нѣдра вновь
Раскроетъ для забытой милой?

Лидія.

Какъ ночи яркая звѣзда,
Блистаешь юноша красою....
Ты легокъ какъ перо, свирѣпъ какъ волнъ вражда,
И жить и умереть съ тобою!

В. Орловъ.

ЭПИГРАММА.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Подъ Ролленемъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу спавъ спиною,
Подъ холодный Вѣстникъ свой
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ужицу живой.

А. Пушкинъ.

Digitized by Google

КОКЕТСТВО И ЛЮБОВЬ.

(Продолженіе).

6.

Графиня Аглаида къ сестрѣ своей.

Я торжествую, сестрица! Мы скоро пріѣдемъ къ вамъ, и ты увидишь у ногъ моихъ милаго плѣнника, котораго я привлеку за моей колесницей. Будь свидѣтельницей побѣды моей и раздѣли со мной радость, отъ которой я схожу съ ума. Ты конечно удивляешься, что я такъ скоро надѣюсь все кончить; но надобно умѣть пользоваться обстоятельствами, такъ какъ я, надобно умѣть самыя неблагопріятныя изъ нихъ употребить въ свою пользу, словомъ, надобно имѣть мой *геній*, и тогда—нѣтъ ничего невозможнаго. Но чтобъ ты лучше могла это понять и повѣрить мнѣ, я должна разсказать весь ходъ происшествій, по порядку.

Вопервыхъ надобно тебѣ знать, что мы всѣ сговорились ѣхать къ вамъ на Святки, съ тѣмъ, чтобъ пробыть у васъ дней десять. Можешь посудить, какъ пріятна для меня эта поѣздка. Она доставитъ мнѣ удовольствіе видѣть тебя, и сверхъ того очень поможетъ въ *дѣлахъ моихъ*.

Digitized by Google

Я постараюсь распорядиться такъ, чтобы милому брашцу пришлось ѣхать съ сестрой и со мной въ одномъ экипажѣ. Ты согласишься, что проѣхать шестьдесятъ верстъ вмѣстѣ — безподобно, и что надобно быть пошлой дурѣ, чтобъ не умѣть этимъ воспользоваться. Тутъ можно притвориться испуганной, а въ страхѣ очень позволено обнять, не только что брашца, но даже всякаго, перваго встрѣтившагося кавалера... Но ты женщина, и слѣдовательно сама въ состояніи вообразить всѣ выгоды, которыми я могу воспользоваться дорогой. Прожить вмѣстѣ съ брашцемъ десять дней, также недурно. Въ это время можно успѣть во многомъ, особливо когда будутъ шанцы, игры, переодѣванья, и когда еще при всемъ этомъ ты будешь помогать мнѣ, въ чемъ я не сомнѣваюсь. Видишь-ли, какъ много хорошаго обѣщаетъ мнѣ путешествіе къ вамъ.

Одинъ камень преткновенія встрѣтился мнѣ во всѣхъ моихъ планахъ; но теперь я не боюсь и его. Этотъ камень была Людмила. По всѣмъ моимъ наблюденіямъ, ссора брашца съ ней все еще продолжалась, но примиреніе могло случиться всякую минуту и ужасало меня. Всѣ способности ума моего были устремлены на то, чтобъ поссорить ихъ еще болѣе, выиграть время и овладѣть совершенно сердцемъ брашца, прежде нежели онъ успѣетъ помириться съ ней. Но сколько я ни думала, все никакъ не находила средствъ

Digitized by Google

исполнить свое намѣреніе: вдругъ случай помогъ мнѣ. И какой случай!... но слушай далѣе.

Я сидѣла одна въ гостиной, и, ломая голову надъ этой задачей, находила, что она еще труднѣе дѣленія дробей, отъ котораго мы съ тобой такъ часто плакали, учась Ариѳметикѣ. Вдругъ вошелъ Шмитъ. Не смотря на мою задумчивость, я замѣтила тотчасъ, что и онъ очень не веселъ; и хотя мнѣ досадно было, что онъ помѣшалъ мнѣ думать, однакожь я должна была изъ учтивости начать съ нимъ какой-нибудь разговоръ, совсѣмъ не воображая, что послѣдствія онаго будутъ очень для меня интересны.

« Слышали-ли вы, любезный Шмитъ, что мы ѣдемъ къ тетушкѣ? »

— Слышалъ—отвѣчалъ онъ со вздохомъ.

« Не хотите-ли и вы быть нашимъ товарищемъ? »

— Признаюсь, желалъ-бы; но я не знакомъ съ вашей тетушкой.

« Объ этомъ не безпокойтесь; маменька васъ отрекомендуетъ. При томъ-же вы человѣкъ военный, а военные не употребляютъ большихъ церемоній при рекомендаціи. »

— Все это правда, сударыня; но признаюсь, не думаю, чтобъ мнѣ было тамъ очень весело.

« Прекрасный комплиментъ, Г-нъ Шмитъ, и тетушкѣ и всѣмъ намъ. »

Digitized by Google

— Ахъ, Графиня, проспите меня! я не помню, что говорю. Ей Богу, я ужасно огорченъ.

« Это я вижу ; но смѣю-ли спросить, чѣмъ ? »

— Знаете-ли, я получилъ отказъ отъ Людмилы Павловны ?

« Какъ ? »

— Да, она мнѣ отказала, что называется, на отрѣзъ.

« Но, Боже мой, гдѣ, какъ, когда ? » спросила я съ безпокойствомъ, вообразивъ, что изъ этого могутъ выйдти послѣдствія очень невыгодныя для меня.

— Но что-же вамъ кажется это такъ странно?

« Я совсѣмъ не удивляюсь этому, а только хочу знать нетерпѣливо, какъ это случилось ? »

— Почему это такъ для васъ интересно?—Тутъ онъ бросилъ на меня *испытующій* взглядъ, и, можетъ быть, вспомнивъ мое нападеніе, вообразилъ, что я сама люблю его и отъ того съ такимъ участіемъ спрашиваю. А я между тѣмъ выходила изъ терпѣнія и готова была сказать ему грубость.

« Потому, что я женщина, » сказала я наконецъ, не зная что отвѣчать ему, « а вамъ извѣстно, какъ всѣ женщины любопытны. »

— И такъ извольте, исполню ваше желаніе. Вчера вечеромъ, возвратившись домой, я нашелъ письмо на мое имя, которое оставилъ деньщику

Digitized by Google

моему человѣкъ Графининъ, и это письмо было отъ дѣвицы Лидиной.

« Такъ она отказала вамъ письменно? »

— Разумѣется.

« Документъ! — подумала я—отъ часу не легче! Это письмо не съ вами-ли? »

— На что вамъ?

« Дайте мнѣ его, пожалуста, прочесть, любезный Шмитъ! »

— Право, Графиня, вы въ этомъ принимаете такое участіе, которое меня удивляетъ.

« Эхъ, Боже мой, я говорю вамъ, что я женщина, и женщина самая любопытная. При томъ-же вы, я думаю, помните, что я всегда принимала въ васъ участіе, и теперь отъ души желаю помочь вамъ. »

Эти слова тронули слабую струнку Шмитова сердца; онъ съ довольнымъ видомъ поблагодарилъ меня и подалъ письмо, которое почти отъ слова до слова осталось у меня въ памяти. Вотъ оно:

М. Г.!

Если вы человѣкъ истинно благородный, то вѣрно не захотите быть причиной несчастія дѣвушки, которая вамъ не сдѣлала зла. Надѣясь на это, я прошу васъ покорнѣйше оставить на меня ваши виды; прошу, чтобы вы отказались совершенно отъ предложенія вашего, и болѣе не

Digitized by Google

повторяли его Графинѣ, но только такъ, чтобы ни она, ни сынъ ея, ни даже кто нибудь другой не знали, что я этого отъ васъ требую. На это я имѣю свои причины, и прошу васъ уважить тайну, отъ которой зависитъ мое спокойствіе. Не думайте впрочемъ, чтобъ предложеніе ваше обижало меня: напротивъ, я благодарю васъ за честь, и довѣріе мое къ вамъ служитъ яснымъ доказательствомъ того истиннаго уваженія, съ коимъ я имѣю честь быть, и проч.

Я ужь давно прочитала письмо, но все еще держала его въ рукахъ, желая сообразиться, что сказать Шмитту, и что ему присовѣтовать. Скрытность, которой отъ него требовали, подавала мнѣ надежду, что братецъ не скоро узнаетъ объ этомъ, и я немножко поуспокоилась.

— Видите-ли — сказалъ наконецъ Шмитъ — что я имѣю также къ вамъ истинное уваженіе, ввѣривъ чужую тайну.

« О, будьте спокойны; вы не ошиблись во мнѣ. Въ этомъ случаѣ я буду молчалива, какъ рыба. » Ты можешь посудить, что я говорила это отъ души, и ничего еще справедливѣе въ жизнь мою не сказала.

« Но, любезный Шмитъ, не ужели вы при первой перестрѣлкѣ хотите ретироваться? »

— Отказъ такъ рѣшителенъ, что надѣяться было-бы глупо.

Digitized by Google

«А я такъ думаю совсѣмъ напротивъ. Видали-ли вы печать—прибавила я засмѣявшись—на которой изображенъ Купидонъ, съ надписью: *со временемъ достигну?* Вѣрьте мнѣ, что эта печать сдѣлана по опыту. Не отчаявайтесь, старайтесь, угождайте, будьте неусыпны, и вы также со временемъ достигнете.

— Не думаю.

«Вѣрьте мнѣ, или нѣтъ, какъ хотите; но согласитесь, что я лучше васъ знаю женское сердце. Почему знать, можетъ быть это одно только испытаніе. Разсудите сами, для чего отъ васъ требуютъ такой скрытности?

Онъ подумалъ съ минуту. — И такъ что-же вы мнѣ совѣтуете дѣлать?

«Ѣхать съ нами, любезный Капитанъ, стараться всячески угождать дѣвицѣ Лидиной и доказывать ей любовь вашу. Вы проведете нѣсколько дней съ нею вмѣстѣ и вамъ удобно будетъ это сдѣлать. Не упускайте случая; другой не скоро сыщется.»

Мы такъ занялись этимъ разговоромъ, что не слыхали какъ пріѣхалъ Александръ, и тогда только узнали объ этомъ, когда онъ вошелъ въ комнату и очутился въ двухъ шагахъ передъ нами. Я вздрогнула, увидѣвъ его, однако скоро нашлась; роковое письмо все еще было въ рукахъ у меня; я свернула его очень хладнокровно,

Digitized by Google

и, подавая Шмишу шакъ медленно, чшобъ можно было замѣшишь руку, конюрою сдѣлана надпись, сказала: «Будьше спокойны, сударь, и не раздумывайше ѣхашь; ручаюсь, чшо шешушка васъ примешъ хорошо.»

Шмишъ, конюраго нечаянное появленіе брашца шакже немного смѣшало, поклонился и вышелъ, не сказавъ ни слова.

«Чшо эшо за письмо?» спросилъ Александръ съ безпокойсшвомъ.

— Эшо письмо пишешъ къ нему Лидина.

«Людмила? И шакъ глаза меня не обманули; въ самомъ дѣлѣ эшо ея рука?... Боже мой, она къ нему пишешъ!... Но вы чишали письмо... ради Бога, чшо все эшо значишъ?» Онъ былъ блѣденъ, какъ полошно, и держался за спинку креселъ.

— Успокойшесь, любезный брашецъ, сядьше. Дѣвица Лидина живешъ у васъ въ домѣ, и я согласна, чшо честь ея должна шакъ-же быть дорога вамъ, какъ честь сесшры; но вы знаеше, чшо Шмишъ ищешъ руки ея, чшо эшо не прошивно ей, и чшо ваша машушка одобряешъ его виды; и шакъ чшо-жь за бѣда, если она къ нему пишешъ?

«Сшало быть они ведушъ любовную переписку, а вы играеше роль повѣренной? Прекрасно! Только эшого еще не доспавало.»

Digitized by Google

Такой упрекъ кольнулъ меня. Я видѣла, что обстоятельства были самыя затруднительныя, и надобно было употребить всю оборотливость, чтобы выпутаться изъ нихъ.

— Выслушайте, въ чемъ дѣло—сказала я.—Людмила Павловна увѣдомляетъ его, что мы ѣдемъ къ тетушкѣ, и приглашаетъ туда-же; а такъ какъ онъ съ тетушкой не знакомъ, то и проситъ, чтобъ мы его отрекомендовали. Теперь вы видите, по какому случаю сдѣлана мнѣ довѣренность.

Брапецъ задумался. «Переписываться съ человѣкомъ, которому она не дала еще слова, приглашать съ собой—произнесъ онъ наконецъ—нѣтъ, это, мнѣ кажется, непростительно и слишкомъ смѣло!... Я долженъ объясниться съ Людмилой.»

Если-бъ я въ тридцать градусовъ мороза выбѣжала во дворъ, въ одномъ платьѣ, то и тогда-бы, кажется, не почувствовала такого озноба, какой сдѣлался со мной при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, ради Бога, не дѣлайте этого! Въ письмѣ именно просятъ, чтобъ это была тайна. Вамъ я ее открыла потому, что для васъ нѣтъ у меня тайны—тутъ я пожала его руку — но, прошу васъ, не выводите ее наружу и не впутывайте меня въ исторію, въ которую я вмѣшалась, не подумавши хорошенько, по одной добротѣ моей, и теперь, ужъ въ томъ раскаиваюсь,

Digitized by Google

Да и какого объясненія хотите вы требовать?— прибавила я, видя что онъ задумался—мнѣ кажется, и такъ все очень ясно.

«Правда ваша,» сказалъ онъ, вздохнувъ, «все ясно. И вступаться за женщину, которая не дорожитъ сама честью своей, значило-бы унижать себя и дурачить. Но, Людмила!... Кто-бы могъ подумать, чтобъ подъ такой невинной наружностью скрывалось притворство!... Какъ обманчивы женщины!»

—Не всѣ, повѣрьте, что не всѣ. Женщинъ многіе обвиняютъ въ вѣтрености, въ непостоянствѣ; но я, мнѣ кажется, способна любить одинъ только разъ въ жизни. Даже — прибавила я со вздохомъ—и тогда, еслибъ выборъ мой палъ на такого человѣка, который не могъ-бы отвѣчать мнѣ тѣмъ-же.

Онъ понялъ, кажется, смыслъ моихъ словъ, и посмотрѣлъ на меня съ чувствомъ. Во все продолженіе дня разговоръ нашъ шелъ въ *нѣжномеланхолическомъ* тонѣ. Милый брашецъ съ удовольствіемъ слушалъ, какъ я съ *невинной откровенностію* высказывала чувства свои, часто вздыхалъ, пожималъ мою руку, и мы съ трудомъ могли разстаться до завтра.

Каково, моя милая? Не правда-ли, что оборотъ, который я дала этому дѣлу, есть верхъ искусства? Правда и то, что я поступила слиш-

Digitized by Google

комъ смѣло и рѣшительно: но шѣмъ-то больше и выиграла. Хотя дружба наша съ братцемъ была и такъ ужь довольно велика; хотя онъ цѣлые дни проводилъ у насъ и занимался только мной; но все еще любовь его къ Людмилѣ казалась мнѣ слишкомъ сильною, а сѣти, которыми я опутывала его, не довольно еще крѣпкими. Я боялась, что одно дуновеніе вѣтерка можетъ разорвать ихъ, и онъ — улетитъ отъ меня, какъ птичка. Теперь этотъ страхъ миновался: хитрость моя подѣйствовала, какъ не льзя лучше. Людмила, кажется, совсѣмъ почти забыта, и я начинаю занимать мѣсто ея въ сердцѣ милаго братца. Съ каждымъ днемъ общество мое становится для него необходимѣе, дружба его ко мнѣ нѣжнѣе; словомъ, еще одинъ шагъ, и я достигну моей цѣли! Ты скажешь, что со временемъ хитрость моя можетъ открыться? Ничего не бывало, я предвидѣла все: Юлія сказывала мнѣ, что Людмила непремѣнно хочетъ идти въ монастырь, и ждетъ только отъѣзда брата ея, чтобъ исполнить это намѣреніе. Что значитъ все это, я не понимаю. Всѣ поступки ея для меня премудреная загадка. Но какъ-бы то ни было, съ моей стороны, въ добрый часъ! Срокъ братцева отпуска не далекъ; онъ уѣдетъ, не узнавъ ничего, а тамъ Людмила сдѣлается монахиней, и тайна письма умретъ въ стѣнахъ монастырскихъ.

Digitized by Google

Шмитъ непремѣнно ѣдетъ съ нами. Мы будемъ его настроивать, глядя по обстоятельствамъ, и онъ намъ пригодится. А при томъ-же и ты иногда можешь отъ скуки заняться имъ. До свиданія, моя милая!

7.

Графъ Славскій къ своему другу.

Я давно не писалъ къ тебѣ, другъ мой! Но не думай, чтобъ это было отъ лѣни, или отъ слишкомъ веселаго провожденія времени. Напротивъ, дѣла мои все также худо идутъ, или лучше сказать, еще хуже. Въ послѣднее время я безпрестанно мучился, какъ въ аду: изыскивалъ причину Людмилиной холодности и ломалъ голову до того, что чуть-чуть не сошелъ съ ума. То ревность и подозрѣніе терзали душу мою, то слабый лучъ надежды снова озарялъ ее; словомъ, я бродилъ ощупью въ какомъ-то темномъ лабиринтѣ и не находилъ ни одной тропинки, которая вывела-бы меня на свѣтъ Божій. Что-же мнѣ было писать къ тебѣ, и о чемъ я могъ разсказывать, когда самъ не понималъ ничего, изо всего что вкругъ меня дѣлалось? Теперь эта головоломная задача разрѣшилась самой простой, самой обыкновенной истиной, которую давно угадалъ-бы всякой дуракъ, будучи на моемъ мѣстѣ, и которую мнѣ до сихъ поръ одна глупая,

Digitized by Google

слѣпая любовь разгадать мѣшала. Я имѣю соперника—вотъ и все тутъ! Ожидалъ-ли ты этого? Чувствуешь-ли, какъ при этомъ словѣ подираетъ меня по кожѣ?... Да, другъ мой, это проклятое слово безпрестанно отдавалось въ ушахъ моихъ и потрясало душу, какъ звонъ набатнаго колокола, или крикъ умирающаго; но судьба послала мнѣ ангела утѣшителя, который указалъ мнѣ, что не всѣ еще прелести жизни для меня исчезли, и я теперь могу, довольно равнодушно, разсказать обо всемъ, что со мною случилось.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ, мы ужинали всѣмъ семействомъ у старика моего дяди, о которомъ я часто говорилъ тебѣ. Тамъ увидѣлъ я гренадерскаго офицера — полкъ ихъ здѣсь квартируетъ. Некрасивая наружность его показалась мнѣ нѣсколько смѣшною, но я не обратилъ на него особеннаго вниманія, и только иногда сталъ разглядывать пристальнѣе, когда увидѣлъ за ужиномъ, что онъ сидитъ возлѣ Людмилы, и она съ нимъ такъ ласкова, какъ не была со мной съ самаго моего пріѣзда. Это зацѣпило меня за живое, и заставило спросить кузину мою Аглаиду, кто такой этотъ господинъ съ длиннымъ носомъ? Она пошутила надъ моимъ безпокойствомъ, котораго скрыть былъ я не въ силахъ, и сказала, что это Капитанъ Шмитъ, что онъ знакомъ съ нашимъ домомъ и—болѣе я ничего не

Digitized by Google

могъ добиться, хотя и видѣлъ по лицу ея и улыбкѣ, что ей извѣстно еще что-то такое. Не узнавъ ничего подробнѣе въ этотъ вечеръ, я провелъ ночь такъ спокойно, какъ будто меня варили въ кипяткѣ; а на другой день по утру услышалъ отъ матушки, что Шмитъ сватается за Людмилу... При этомъ извѣстіи я едва устоялъ на ногахъ, и не помню, какъ вышелъ изъ комнаты.

« Такъ вотъ отъ чего, думалъ я, Людмила меня убѣгаетъ, вотъ отъ чего она такъ холодна ко мнѣ! Боже мой! воображалъ-ли я, что сердце ея можетъ перемѣниться? ... и между тѣмъ это правда. Три года разлуки изгладили меня изъ ея памяти до того, что она предпочла мнѣ другаго... и кого-же? Господи! человѣка безобразнаго, совершеннаго урода!... Послѣ этого какъ вѣрить женщинамъ? Нѣтъ, съ ними опасно разставаться и на три дня, не только что на три года. Но я не знаю моего соперника: можетъ быть, онъ уменъ, добръ, любезенъ, такъ мудрено-ли, что этими качествами заставилъ забыть тѣлесные недостатки и умѣлъ привлечь ея сердце... Однакожъ, Людмила, это еще не оправданіе: какъ могла ты измѣнить тому, кто слышалъ первый вздохъ любви твоей, кто все счастіе свое полагаетъ въ одной тебѣ?... Нѣтъ, Г-нъ Шмитъ, вы должны дорого заплатить мнѣ за это! Я не уступлю даромъ добычи. Не смотря

Digitized by Google

на вашъ умъ и любезность, я буду съ вами стрѣляться на пистолетахъ, на ружьяхъ, на пушкахъ, на чемъ вамъ угодно. Я сдѣлаю тебя, вѣроломная, вдовой прежде замужства, и съ дикой радостью увижу слезы твои, или самъ погибну... Да, да, стрѣляться, стрѣляться сей-же часъ! Эй, человѣкъ! вели заложить мнѣ лошадь.»

Черезъ десять минутъ она была готова. Между тѣмъ я зарядилъ пистолеты; бросился въ сани, какъ полуумный, закричалъ: пошелъ! и самъ, погруженный въ мысли, не видалъ куда меня везутъ. Вдругъ кучеръ мой остановился и я опомнился. «Ну, что-жь ты сталъ?»

— Да куда-жь прикажете ѣхать?—Въ самомъ дѣлѣ мы ужь выѣхали изъ селенія и стояли на мѣстѣ, гдѣ дорога раздѣляется на двое: одна вправо, къ квартирѣ Шмита, другая влѣво, въ деревню дяди. Между тѣмъ мысли мои сдѣлались яснѣе, холодный воздухъ освѣжилъ голову, разсудокъ началъ ко мнѣ возвращаться и я, какъ сквозь сонъ, вспомнилъ слова сестры, сказанныя мнѣ при открытіи роковой новости, что Людмила не дала еще своего согласія Шмиту.

«Не безумное-ли дѣло ѣхать къ человѣку, котораго я совсѣмъ не знаю, и вызывать его стрѣляться за то, что онъ посватался за дѣвушку, живущую у меня въ домѣ? Кажется,

Digitized by Google

этимъ онъ не сдѣлалъ ей безчестія? А что я люблю ее, такъ это на лбу у ней не написано; слѣдственно онъ не виноватъ ни душой, ни тѣломъ. Людмила-же не дала еще своего согласія; почему знать, можетъ быть сватовство это ей самой не нравится, можетъ быть она совсѣмъ и не любитъ его.» Искра надежды заронилась опять въ мою душу и я велѣлъ ѣхать къ дядѣ.

Въ этомъ домѣ я наслаждался первыми, невинными забавами дѣтства, которыя никогда не изглаживаются изъ памяти нашей, и воспоминаніе которыхъ всегда такъ пріятно. Каждый почти праздникъ я бывалъ вмѣстѣ съ маленькими моими сестрицами; съ ними дѣлилъ всѣ мои игры, и мнѣ казалось самымъ лучшимъ въ теперешнемъ моемъ положеніи, провести нѣсколько часовъ въ кругу ихъ семейства. А правду сказать, болѣе всего привлекала меня туда сестрица моя Аглаида. Если-бъ ты видѣлъ, какъ она мила, какъ любезна, какъ хороша! Пари держу, что не смотря на твою философскую холодность, ты въ полчаса растаялъ-бы передъ ней, какъ воскъ передъ жаромъ. Но для меня всего милѣе то, что она со времени разлуки нашей ни сколько не перемѣнилась въ обращеніи со мною: такъ-же родственна, такъ-же откровенна, какъ прежде, только болѣе задумчива и опасна... Она такъ хорошо понимаетъ меня; въ боль-

Digitized by Google

нихъ голубыхъ глазахъ ея отражается такое милое участіе, такая нѣжность, что подлѣ нея я забываю тоску свою. Согласись, что найдти друга въ женщинѣ милой и прелестной восхитительно, а я именно нашелъ это въ Аглаидѣ. Пробывъ цѣлый день съ нею, занимаясь только ею одной, или лучше сказать, видя, что она однимъ мною занимается, я возвратился съ какими-то странными чувствами: холодность Людмилы терзала меня по прежнему, но дума объ Аглаидѣ разгоняла тоску и раждала во мнѣ свѣтлыя, ясныя мысли; словомъ, я былъ похожъ на человѣка, который ходя взадъ и впередъ, видитъ на одной сторонѣ небосклона мрачную тучу, на другой ясное, безоблачное небо.

Между тѣмъ всякой день я искалъ случая поговорить съ Людмилой, и всякой разъ видѣлъ, что она съ тѣмъ-же упорствомъ избѣгаетъ этого. Съ растерзаннымъ сердцемъ бросался я въ сани и летѣлъ къ Аглаидѣ искать утѣшенія. Такъ шло мое время; но наконецъ случай рѣшилъ недоумѣніе и открылъ мнѣ глаза. Людмила измѣнница; она не даетъ своего согласія Шмишу отъ того только, что въ ней есть еще искра совѣсти, и она откладываетъ это до моего отъѣзда. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется, потому что доказательства измѣны ея очень ясны: она переписывается съ Шмишомъ и

Digitized by Google

я самъ видѣлъ письмо ея у него въ рукахъ!...

Бѣшенство овладѣло мной при этомъ открытіи; но тутъ была Аглаида: сладкій голосъ ея проникъ въ мою душу, какъ звуки арфы Давидовой въ душу Саула; минутный порывъ исчезъ, и во мнѣ осталось одно только презрѣніе къ вѣроломной.

Съ тѣхъ поръ провожу я цѣлые дни съ Аглаидой, и знаешь-ли что? мнѣ начинаетъ казаться, что она чувствуетъ ко мнѣ больше нежели дружбу! Выраженія глазъ ея слишкомъ ужь нѣжны, радость при свиданіи слишкомъ велика, трепетъ руки, когда я беру ее, слишкомъ силенъ... Короче: все увѣряетъ меня въ этомъ часъ отъ часу болѣе.

Третьяго дня, напримѣръ, увидѣлъ я на ней ленту очень поношеную и простую, которая совсѣмъ не отвѣчала прочему наряду. Это меня удивило и я шутя сдѣлалъ ей замѣчаніе.

«Я люблю эту ленту» сказала она, покраснѣвъ и примѣтно смѣшавшись «а съ нѣкоторыхъ поръ она сдѣлалась мнѣ еще милѣе.»

— Стало быть по какой нибудь особенной причинѣ?

Отвѣта не было; но щеки ея запылали ярче.

— Если это подарокъ, прибавилъ я, то долженъ быть очень давнишній?

«Да, я получила его въ день моего рожденія,

Digitized by Google

назадъ тому лѣтъ шесть.»—Тутъ она взглянула на меня и опять потупила взоры.

— Боже мой! не ужели это та ленточка, которую я подарилъ вамъ, когда мы были еще дѣти? Невозможно, чтобъ до сихъ поръ вы хранили такую бездѣлку и такъ дорого цѣнили ее!

«Подарокъ этотъ доставилъ мнѣ тогда истинное удовольствіе. Онъ былъ первымъ залогомъ дружбы нашей и напоминаетъ мнѣ счастливѣйшее время жизни.» Взглядъ, который сопровождалъ эти слова, высказалъ еще больше.

Кажется мнѣ, что дружба, даже и въ женщинѣ, не можетъ достигнуть до такой утонченной нѣжности и вниманія.

Ты спросишь: чѣмъ-же все это кончится? Спросишь: въ состояніи-ли я буду заплатить Аглаидѣ за любовь любовію, когда еще прежняя рана въ сердцѣ моемъ такъ свѣжа и глубока? И соображаясь съ предразсудками и законами, найдешь еще тысячу препятствій. Но, другъ мой! человѣкъ, гибнущій въ безднѣ моря и употребляющій послѣднія усилія, чтобъ достигнуть голой, безплодной скалы, единственнаго его спасенія, разсуждаетъ-ли о томъ, что онъ равно погибнетъ и на ней, безъ крова и пищи? Вся цѣль его въ эту минуту состоитъ только въ томъ, чтобъ спастись отъ разъяренной стихіи.

Digitized by Google

Природный инстинктъ влечетъ его къ продолженію жизни, хоть на нѣсколько минутъ, и невѣрный лучъ надежды блеститъ передъ нимъ, хоть далеко и тускло. Я похожъ на этого человѣка, и не знаю, что новая любовь готовитъ мнѣ въ будущемъ; только знаю то, что теперь я не могъ-бы, кажется, существовать безъ Аглаиды. Безъ нея всѣ-бы чувства души моей умерли и слились въ одно мрачное, разрушительное отчаяніе.

8.

Графъ Славскій къ своему другу.

Я теперь въ деревнѣ госпожи Вельской. Она родная сестра Аглаидиной матери, и мы всѣ собрались къ ней съ тѣмъ, чтобъ провести вмѣстѣ святки; но прежде нежели буду разсказывать, какъ мы проводимъ здѣсь время, я долженъ описать тебѣ всѣ подробности нашего путешествія.

Переѣздъ былъ не болѣе шестидесяти верстъ, и мы отправились цѣлымъ караваномъ. Матушка, съ тѣткой, съ сестрой и Людмилой, сѣли въ карету; Аглаида съ сестрой своей въ повозку, а я поѣхалъ одинъ, въ открытыхъ саняхъ. Погода была теплая и пасмурная; тяжелая карета тихо тащилась по мягкому снѣгу; колокольчики

Digitized by Google

изрѣдка перезванивали и кучера въ полголоса напѣвали прошяжныя пѣсни. Этотъ концертъ, мрачная погода и тихая ѣзда, погрузили меня въ задумчивость; я уткнулъ носъ въ воротникъ шинели и сидѣлъ повѣся голову. По временамъ Людмила высовывалась изъ кареты, но не затѣмъ, какъ бывало прежде, чтобъ взглянуть на меня: теперь, казалось, занимали ее одни деревья, покрытыя инеемъ, и на нихъ только взоръ ея останавливался. «Какъ все перемѣнилось!» думалъ я, и мнѣ становилось еще грустнѣе. Между тѣмъ Аглаида также выглядывала изъ своей повозки и при всякой излучинѣ дороги оборачивалась ко мнѣ, хотѣла непремѣнно встрѣтить взоръ мой, подарить меня ласковой улыбкой. Тутъ мнѣ становилось легче.

Такъ проѣхали мы половину дороги, и въ деревенькѣ, окруженной лѣсами, повозка остановилась. Аглаида подозвала меня къ себѣ и спросила, не хочу-ли я обѣдать. «Пускай наши ѣдутъ впередъ — сказала она — имъ въ каретѣ можно это сдѣлать; а намъ непремѣнно должно остановиться.» Я согласился охотно на это предложеніе и мы стали выбираться въ избу, противъ которой остановились. Снѣгъ засыпалъ дорожку къ ней, и я взялся перенесть Аглаиду на рукахъ, чтобъ она не промочила ногъ. Ахъ, другъ мой, какъ ей было это пріятно! Съ какимъ сладострастіемъ рука ея обвилась около моей шеи, какъ

Digitized by Google

томно головка склонилась ко мнѣ, какое сердечное удовольствіе выражали прелестные глаза ея! Мнѣ самому сообщились нѣжне чувства: я восхищался моимъ милымъ бременемъ и боялся разстаться съ нимъ; шелъ нога за ногу, и хотя давно уже не было снѣгу, но я внесъ Аглаиду въ самую избу, въ самый дальній уголъ избы, и со вздохомъ, пропивъ воли, опустилъ медленно на полъ. Пропивъ воли, казалось, и руки ея разстались со мной... Въ избѣ вспрѣпила насъ хозяйка, добрая, молодая женщина, знакомая моимъ спутницамъ. Она очень обрадовалась имъ и спрашивала, отъ чего такъ давно онѣ не проѣзжали по этой дорогѣ; а потомъ, указавъ на меня и обращясь къ Аглаидѣ, прибавила: «Этотъ баринъ, машушка, не хозяинъ-ли твой?»

— Почему-жъ ты такъ думаешь? спросила Аглаида, засмѣявшись.

«Да видишь, какъ онъ за тобой ухаживаетъ.»

— Нѣтъ, милая, это братъ мой—прибавила она со вздохомъ, который мнѣ только одному былъ понятенъ.

«Чудно, право! Въ нашемъ быту и мужъ-то жену на рукахъ не носитъ.» Тутъ добрая женщина покачала головою. «Ну, да знать у васъ такой обычай.»

Вопросъ и замѣчаніе хозяйки разсмѣшили насъ;

Digitized by Google

но я невольно подумалъ: ужь не пророчество-ли это? не должно-ли оно сбыться когда нибудь?

Между тѣмъ принесли дорожный запасъ и мы сѣли за столъ. Чистая, теплая изба, стаканъ соперна и бесѣда моихъ спутницъ перемѣнили совершенно расположеніе моего духа. Обѣдъ нашъ былъ очень веселъ. Хозяйка никакъ не хотѣла вѣрить, что я братъ Аглаидѣ. «Нѣтъ, сударыня—говорила она—что-то вы съ нимъ больно ужь дружны. Вѣрно ты вышла за мужъ и хочешь пошутить надо мной.» Другая кузина моя старалась поддерживать ее въ этихъ мысляхъ, и разговоръ этотъ, кромѣ смѣха, возбуждалъ въ насъ еще какое-то пріятное, неизъяснимое чувство, такъ что ни мнѣ, ни Аглаидѣ не хотѣлось скоро уѣхать. Кончивъ обѣдъ, я сказалъ, что хочу курить трубку; Аглаидѣ нужно было успокоиться отъ дороги, и мы, всѣ трое, усѣлись на лежанкѣ. Янтарь мой часто переходилъ въ уста Аглаиды и возвращаясь опять ко мнѣ, производилъ магическое дѣйствіе, похожее на самые поцѣлуи. Непринужденная радость царствовала между нами, время летѣло стрѣлою, и наконецъ все такн должно было разстаться съ хижиной, въ которой я провелъ нѣсколько часовъ, пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Такъ часто веселье закрадывается туда, гдѣ совсѣмъ его не ожидаютъ, и бѣжитъ того мѣста, гдѣ надѣются его встрѣтить! но философію къ сторонѣ.

Digitized by Google

Надобно было ѣхать. Смеркалось, вѣтеръ шумѣлъ и снѣгъ падалъ хлопками. «Сядьте съ нами, сказала Аглаида: погода перемѣнится и вамъ въ саняхъ будетъ холодно.» Разумѣется я не отказался отъ приглашенія, но только такъ стѣснилъ ихъ, что Аглаида сидѣла почти у меня на колѣняхъ. «Видите-ли, я васъ безпокою.»—Ахъ, нѣтъ! мнѣ такъ спокойно, такъ хорошо, отвѣчала она, какъ нигдѣ быть не можетъ. Пожалуста не оставляйте меня!—Тутъ тихонько взялась она за шинель мою, какъ-бы боясь, чтобъ я не ушелъ отъ нея въ самомъ дѣлѣ. На каждомъ толчкѣ я поддерживалъ Аглаиду, чтобъ она не ударилась головой объ сестру свою; она держала меня, чтобъ я не вылетѣлъ изъ повозки; наконецъ рука ея нечувствительно обвилась около моей шеи и она очутилась въ моихъ объятіяхъ.

Пылкость чувствъ увлекла меня. Я забылъ въ эту минуту все: забылъ Людмилу, забылъ измѣну ея и видѣлъ одну только Аглаиду...

Между тѣмъ совсѣмъ смерклось; вьюга усилилась и мы сбились съ дороги. Кучера и люди пошли ее отыскивать; сестра Аглаиды, казалось, заснула, а она склонилась ко мнѣ на плечо.

«Во всякомъ другомъ случаѣ, сказалъ я ей, это приключеніе показалось-бы мнѣ очень непріятнымъ; но теперь я благословляю его: оно продлитъ мое блаженство.»

Digitized by Google

Аглаида пожала мнѣ руку.—Не ужели считаете вы эти минуты въ самомъ дѣлѣ счастливыми?—спросила она голосомъ едва внятнымъ.

« Ахъ, клянусь, что я ужь давно не испытывалъ такого сладкаго чувства, какое теперь волнуетъ грудь мою. »

— А я никогда еще: но это счастіе скоро пролетитъ, прибавила она вздохнувъ, и можетъ быть никогда не возвратится!

« И вы такъ думаете? Вы въ самомъ дѣлѣ боитесь потерять это счастіе? »

— Да. Теперь мы одни, въ пустынѣ, середи ночи; никто не мѣшаетъ намъ говорить то, что чувствуемъ, поступать такъ, какъ велитъ сердце.... Но, другъ мой—позволь мнѣ хоть разъ въ жизни назвать тебя такъ, хоть одну минуту насладиться всѣмъ моимъ счастіемъ—скоро мы опять будемъ между людьми; проницательные глаза станутъ примѣчать за нами, злые языки коварно перетолкуютъ чувства наши, заставятъ насъ скрывать ихъ, и, кто знаетъ—можетъ быть опять отвлекутъ тебя, отнимутъ у твоей Аглаиды!

« Нѣтъ, милая, несравненная! сказалъ я съ сильнымъ чувствомъ, почти не помня себя—клянусь, что съ этой минуты, мое сердце будетъ принадлежать тебѣ одной, что никакая сила земная не разлучитъ насъ! » Тутъ я при-

Digitized by Google

жалъ Аглаиду къ сердцу и губы мои прильнули къ ея губамъ.

— А Людмила? шепнула она, отрывая ихъ.

« Людмила!..» повторилъ я « И такъ ты знаешь... ты поняла все? »

— Я вѣрю, другъ мой, что клятва, которую ты произнесъ сей часъ, не пустой звукъ словъ; знаю, что ты неспособенъ играть сердцемъ женщины слабой и совершенно тебѣ преданной, и потому хочу быть откровенна съ тобой: я давно люблю тебя, даже прежде нежели начала понимать, что такое любовь; какъ-же хочешь ты, чтобъ отъ меня скрылись чувства твои къ Людмилѣ? Чувства, которыя терзали меня такъ мучительно и долго?...

« Ради Бога, не напоминай мнѣ о ней! Ахъ, Аглаида, я недостоинъ тебя!.. тебѣ должно-бы принадлежать сердце свѣжее, подобное твоему... одна мысль о прежней любви ужасаетъ меня... Людмила теперь для меня не существуетъ; но при малѣйшемъ воспоминаніи о ней я буду обвинять себя: оно будетъ казаться мнѣ ужаснѣйшимъ преступленіемъ! »

— Ты слишкомъ строго судишь себя. Истинная любовь не такъ ревнива, какъ ты думаешь. Заставить забыть женщину, тебя недостойную, замѣнить, если можно, въ сердцѣ твоемъ ея мѣсто: вотъ все, чего я желаю.

Digitized by Google

« Ангелъ небесный ! » шепталъ я, осыпая ее поцѣлуями, и она въ нѣмомъ упоеніи лежала на груди моей. Въ эту минуту мѣсяцъ выглянулъ изъ за облака и озарилъ прелестное лицо Аглаиды ; большіе, голубые глаза ея были устремлены ко мнѣ и въ нихъ блистали слезы любви и радости. Да, другъ мой, это былъ такой часъ, котораго я никогда не забуду ! Для чего такъ скоро пролетѣлъ онъ ?

Люди отыскали дорогу, колокольчикъ зазвенѣлъ, мы поѣхали.

— Для чего не могу я, говорила мнѣ Аглаида, цѣлый вѣкъ блуждать съ тобой въ какой нибудь пустынѣ, гдѣ-бы ты одинъ былъ моимъ путеводителемъ, гдѣ-бы я видѣла только одного тебя, жила одной любовью твоей ?.. Но мы скоро будемъ между людьми : тверди-же мнѣ, повторяй мнѣ, пока есть еще время, что ты любишь меня !

Наконецъ повозка остановилась у крыльца ; сердце мое стѣснилось и я крѣпко сжалъ Аглаиду въ моихъ объятіяхъ. Мы пріѣхали къ самому ужину. Всѣ безпокоились ; но когда узнали, что съ нами ничего непріятнаго не случилось, то долгое путешествіе наше обратили въ шутку. Одна Людмила не принимала участія въ общемъ веселье. На лицѣ ея изображалось такое уныніе, что мнѣ самому стало грусти-

Digitized by Google

но; но при мысли, что она скучаетъ безъ Шмиша, который однакожь будетъ сюда по ея приглашенію, и что можетъ быть присутствіе мое ей въ тягость — это чувство жалости уступало презрѣнію и чему-то похожему на ревность. Я содрогнулся, взглянулъ на Аглаиду и прелестныя мечты о любви ея разсѣяли мрачную думу.

Хозяйка наша женщина веселая и богатая. Здѣсь всякой день множество гостей, святочныя игры, музыка и танцы. Само по себѣ это скоро-бы мнѣ наскучило; но любовь дѣлаетъ все пріятнымъ и занимательнымъ. Въ толпѣ я вижу одну только Аглаиду, танцую почти всегда съ ней одной. Кстати: нынче въ котильонѣ Людмила выбрала меня своимъ кавалеромъ: я думаю изъ благопристойности и за неимѣніемъ Шмиша. Однакожь я замѣтилъ, что она дрожала въ рукахъ моихъ, какъ осиновый листъ. Странно!.. Прощай! усталъ до смерти.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

— Römische Geschichte. von B. G. Niebuhr (*Римская Исторія*. Сочиненіе Б. Г. Нибура). Берлинъ. 1811—12 гг. 2 ш. in 8.

— Dasselbe; zweite, völlig umgearbeitete, Ausgabe. *Erster Theil.* (*Римская Исторія*, сочиненіе Нибура; *второе*, совершенно переработанное изданіе. Томъ I-й) Берлинъ. 1827 г. in 8.

— Schlegel's Recension über Niebuhrs Römische Geschichte (*Шлегелевъ разборъ Нибуровой Римской Исторіи*). Гейдельбергъ. 1816 г. in 8.

— Die ältere Geschichte des Römischen Staates, untersucht von W. Wachsmuth (*Древняя Исторія Римскаго государства*, изслѣдованная В. Вахсмутомъ). Галле. 1819 г. in 8.

Можетъ быть не льзя найдти доказательства необходимости ученыхъ журналовъ, которые занимались-бы передачею извѣстій о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранныхъ литературъ, убѣдительнѣе того, какое теперь само собою представляется намъ: мы хотимъ сказать о продолжительности времени, протекшаго отъ появленія въ Германіи Нибуровой *Римской Исторіи*, до перваго извѣстія о ней, появившагося въ Англійскихъ журналахъ. *Первое изданіе* сей книги, рѣшительно важнѣйшей изъ всѣхъ изданныхъ въ нынѣшнемъ, а можетъ быть и въ прошедшемъ столѣтіи, по части Исторіи, явилось въ 1811-мъ и 1812-мъ годахъ; но вниманіе Британской публики рѣшились

Digitized by Google

обратишь на нее Англійскіе журналисты не прежде 1822 года, то есть: *десять лѣтъ* спустя. Только въ 1825 году увидѣли мы извѣстія о содержаніи оной, и книга, возбудившая удивленіе всей Германіи, пролившая новый, самобытный свѣтъ на исторію самаго замѣчательнѣйшаго изъ древнихъ народовъ, оставалась неизвѣстною въ Англіи, исключая немногихъ ученыхъ людей, знакомыхъ съ Германскою литературою, точно, какъ будто-бы она была облечена мракомъ Санскритскаго или Китайскаго языка. Въ семъ обстоятельствѣ, кажется, Англія поступала одинаково съ другими народами, ибо ни во Франціи, ни въ Италіи, по крайней мѣрѣ до сего времени, извѣстій, и особенно подробныхъ, о содержаніи и важности Нибурова творенія, мы не замѣтили, хотя и четвертая часть содержанія онаго могла-бы доставить собою любопытнѣйшую матерію для цѣлаго курса (*).

(*) Въ сихъ словахъ, читатели Телеграфа могутъ видѣть причину, побудившую насъ перевесть большую, важную статью о Нибуровой Римской Исторіи. Статья сія, сочиненная опытнымъ знатокомъ дѣла, взята нами изъ The Foreign Quarterly Review (1828 г. Іюнь, кн. IV, стр. 512—555). О твореніи Нибура мы уже упоминали въ Телеграфѣ (1828 г. XXII, 81,); но равнодушіе Русскихъ литераторовъ и ученыхъ людей непостижимо. Твореніе Нибура какъ будто и не существуетъ для нихъ. Ни въ одной Русской книгѣ не увидите и слѣда, что автору или

Digitized by Google

Превосходное твореніе Нибура составляетъ эпоху. Въ умноженномъ и переработанномъ второмъ изданіи (коего первый томъ недавно полученъ въ Англію) ясность и вѣрность свѣдѣній, касательно исторіи *вѣчнаго Рима*, возведены, кажется, на послѣднюю степень, которой умъ, сильный и богатый свѣдѣніями, можетъ достигнуть. Познанія наши о первобытныхъ началахъ и формахъ Римской конституціи находятся послѣ Нибура на такой степени, что мы, кажется, далѣе ничего ожидать не можемъ, кромѣ дополнительныхъ подробностей. Правда, мы находимъ и гипотезы у Нибура; но и гипотезы могутъ быть основаны на такихъ началахъ, что имъ никакъ не льзя отказать въ достоинствѣ твердой, испытанной истины. Существованіе Американскаго материка было гипотезою Колумба; но кто изъ насъ нынѣ, разсматривая *данныя*, на коихъ сей великій человѣкъ основывалъ свои заключенія, не скажетъ, что онъ не могъ ошибаться? Такъ бываетъ при всякой видимости обстоятельствъ; прямая *достовѣрность* можетъ быть недостигнута, и въ тоже время доведена до такой близкой къ ней точки, идеи и свидѣтельства съ различныхъ сторонъ могутъ

переводчику знакомъ Нибуръ. У насъ переводятъ Нѣмецкую дрянь прошлаго вѣка, подъ именемъ *исторій, географій, юридическихъ книгъ*, и въ голову не придутъ переводчикамъ ни Нибуръ, ни Риттеръ, ни Савиньи. Мы все еще твердимъ о Ролленѣ, Шреккѣ, Ахенвалѣ, Гуго Гроціи, и въ Клюберѣ думаемъ видѣть великаго человѣка. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

быть такъ вѣрно уравнены, и все такъ вѣрно можетъ склоняться къ одному заключенію, отъ коего зависитъ *рѣшительная достовѣрность*, что остаются сомнѣнія только для людей предубѣжденныхъ и пристрастныхъ. Таковъ родъ очевидности, которою поражаетъ читателя твореніе Нибура. Общія наблюденія человѣческой природы и общественныхъ постановленій, приложенныя къ частностямъ; свидѣтельства, получающія двойную цѣну въ рукахъ того, кто ими обладаетъ не презирая никакимъ средствомъ, ведущимъ къ истинѣ; понятія, глубоко почерпнутыя и остроумно соображенныя; замѣчанія отдѣльныя, но стремящіяся къ одному важному заключенію: таковы основанія, по которымъ мы судимъ Нибура. Ни одинъ источникъ не упущенъ симъ великимъ Авторомъ: грамматисты, юристы, писатели о земледѣліи являются на ряду съ историками; установленія Греціи, Азіи, новѣйшей Европы, поясняютъ установленія Рима, и новое знаніе Европейцовъ, Политическая Экономія, разсѣваетъ туманъ, дѣлавшій непонятнымъ политику древнихъ Римскихъ Государей и Сената.

Дабы понять вполнѣ, что сдѣлалъ Нибуръ, и въ чемъ состоятъ достоинства его творенія, особенно дабы понять все это тѣмъ людямъ, которые упорно держатся старыхъ мнѣній, отвергая свѣтлые парадоксы новыхъ истинъ, считаемъ необходимостію показать, сколь ничтожны были познанія наши о древней Римской Исторіи до появленія книги Нибура; послѣ сего легче бу-

Digitized by Google

дешъ каждому выразумѣть: какой яркій свѣтъ разлилъ на нее изыскательный умъ новѣйшихъ временъ.

Во время величія и славы Рима, при Августахъ, два писателя, Римлянинъ и Грекъ, предприняли писать Римскую Исторію. Римлянинъ (Титъ-Ливій), одаренный піитическимъ геніемъ, глубоко проникнутый чувствомъ любви къ отечеству, смотрѣвшій на своихъ героевъ и дѣла ихъ, какъ на готовые матеріялы, для составленія великолѣпной галлереи историческихъ картинъ и портретовъ, взялъ, безъ всякой критики, творенія предшествовавшихъ ему писателей, поэтовъ и лѣтописцовъ, изобразилъ важнѣйшія событія блестящими красками, озарилъ ихъ свѣтомъ обольстительнаго краснорѣчія, и все расположилъ въ томъ порядкѣ, какой онъ почиталъ за наилучшій, порядкѣ лѣтописи. Писавъ для своихъ соотечественниковъ, онъ почиталъ себя въ правѣ исключать мелкую живопись политическихъ, религіозныхъ и военныхъ установленій, и только описывалъ тѣ изъ нихъ, которыя, по древности или особенности ихъ, казались ему замѣчательны. Впрочемъ, твореніе его рѣдко прерывается разсужденіями, и ярко прошекающій потокъ повѣствованія течетъ въ величественномъ продолженіи, отражая незыблемымъ зеркаломъ водъ своихъ цвѣта и формы мѣстоположеній, мимо коихъ онъ прошекаетъ, иногда изображая дѣла сомнительныя, изъ чудесныхъ повѣствованій древнихъ поэтовъ, иногда сухія, грубыя замѣтки суровыхъ лѣтописцовъ, иногда

Digitized by Google

правильное, изящно-изложенное повѣствованіе современныхъ историковъ. Не столь простой, не столь добродушный, какъ Иродотъ, отецъ Греческой Исторіи, Титъ-Ливій, подобно ему, находился подъ вліяніемъ особенной теоріи, и хотя онъ раздѣлялъ заблужденія и предразсудки своего времени, виды Трибуновъ и Плебеевъ прежнихъ лѣтъ республики, безпокойныхъ тирановъ и своевольнаго народа Римскаго въ теченіе семи вѣковъ, но передавая факты такъ, какъ онъ нашелъ ихъ, обыкновенно даетъ онъ намъ средства исправлять ошибочные его взгляды. Сія-то вѣрность авторитетамъ, коимъ слѣдовалъ онъ, даетъ великую цѣну страницамъ Тита-Ливія, въ коихъ, разоблачивъ Автора отъ блеска поэта и оратора, облекающаго его, можемъ мы узнать настоящее повѣствованіе авторовъ, предшествовавшихъ ему, коихъ творенія, къ несчастію, погибли. У Тита Ливія съ довѣренностію можемъ мы видѣть достовѣрное повтореніе того, что сіи Авторы повѣствовали о *древнихъ* преданіяхъ и событіяхъ Рима.

Совсѣмъ иначе Греческій соперникъ его (Діонисій Галикарнасскій) началъ свое историческое повѣствованіе, съ другими мнѣніями, въ другихъ обстоятельствахъ. Въ своемъ введеніи, онъ сказываетъ намъ о правахъ своихъ на вниманіе и уваженіе, упоминая о числѣ лѣтъ, посвященныхъ имъ на изученіе языка, исторіи и древностей Рима, который для сего намѣренія сдѣлалъ онъ мѣстомъ своего пребыванія. Діонисій писалъ въ слѣдствіе

Digitized by Google

особенной теоріи: предметъ его сочиненія состоялъ въ томъ, чтобы польстить суетности Римлянъ, и утѣшить своихъ соотечественниковъ въ ихъ покорности гордому царю свѣта, льстясь полнымъ убѣжденіемъ, что Римъ былъ *Греческій городъ* въ самомъ основаніи своемъ и въ древнѣйшихъ установленіяхъ, и что Римскій народъ не могъ быть почитаемъ въ числѣ народовъ *варварскаго* происхожденія. Такимъ образомъ, въ глазахъ историка всѣ низкія и унижающія обстоятельства, касательно основанія и древней исторіи Рима, исчезли, или были облагорожены. Ромулъ, на примѣръ, явился въ семъ ученомъ преобразованіи, уже не начальникомъ шайки бѣжавшихъ рабовъ, наглыхъ должниковъ и смѣси разбойниковъ: онъ оставляетъ Альбу, какъ Греческій выходецъ, начальствуя стройною, законною колоніею переселенцовъ, воздвигающею городъ Римъ въ мирѣ и славѣ, подъ вліяніемъ превосходныхъ законовъ и мудрыхъ установленій. Всѣ другія событія были подведены подъ одинакую гармонію, и въ огромномъ, ученомъ повѣствованіи ритора Галикарнасскаго, древняя исторія Рима приняла особенную, облагороженную, стройную наружность. Но основанія подлинныхъ преданій были потеряны въ Греческомъ краснословіи; первоначальная форма, situs древности, исчезли: это не была уже почтенная развалина, вокругъ коей, на поросшихъ мхомъ стѣнахъ, вьется плющъ, но голое, не возбуждающее чувства новѣйшее зданіе, правильное, безъ сомнѣнія, но воздвигнутое зодчимъ, который не могъ понимать, или презиралъ вкусъ древности.

Digitized by Google

Твореніе Грека обманывало своею видимою правильностію и сравнительною свободою отъ противорѣчій; но поелику онъ писалъ для иностранцовъ, и потому чувствовалъ необходимость входить въ подробности о предметахъ религіозныхъ и политическихъ постановленій, то страницы его навсегда сохранятъ для насъ большую цѣну, и болѣе всѣхъ другихъ Діонисій сберегъ намъ отрывковъ и замѣчаній изъ цѣхъ писателей Рима и Италіи, коихъ творенія болѣе уже не существуютъ.

Сіи два писателя, вмѣстѣ, съ благороднымъ, но довѣрчивымъ и суевѣрнымъ Плутархомъ (который, какъ самъ онъ сказываетъ намъ, сочинялъ *жизнеописанія*, а не исторію, то есть, самъ признавалъ себя освобожденнымъ отъ изысканій истины, и только старался собирать подъ одну точку зрѣнія анекдоты о герояхъ, какіе только могъ найдти) были главными источниками; изъ коихъ въ новѣйшія времена почерпали всѣ познанія, касательно древней Римской исторіи.

Въ нашъ вѣкъ трудно составить себѣ надлежащее понятіе о жадности, съ какою въ вѣкъ возстановленія наукъ Классическіе Авторы были изыскиваемы и изучаемы. Творенія ихъ были открываемы съ благоговѣніемъ, и содержаніе оныхъ принималось съ безграничною довѣренностію, какую оказываютъ Восточные народы священнымъ своимъ книгамъ, гдѣ изъяснены имъ религія ихъ и законы. Творенія Древнихъ почитались произведеніемъ людей высшей природы, обладавшихъ премудро-

Digitized by Google

сшію, и вдохновенныхъ геніемъ, недостижимымъ для новаго поколѣнія; вопросъ объ истинѣ, которая въ нихъ заключалась, былъ-бы почтенъ почти ересью, или безбожіемъ, и если-бы кто, подобно Глареану, осмѣлился изъявить сомнѣніе, то подобнаго скептика съ презрѣніемъ принудили-бы замолчать. Все, что носило на себѣ знаменіе древности, равно было уважаемо: Плутархъ былъ поставленъ рядомъ съ Полибіемъ; что говорилъ тотъ и другой, было почитаемо сущею истиною, и знаніе ученаго критика состояло въ соглашеніи видимыхъ противорѣчій и несообразностей Классическихъ Писателей. Такъ продолжалось изученіе Римской Исторіи слишкомъ 200 лѣтъ. Не скоро, и только въ послѣдней половинѣ XVII-го вѣка, Перизоній рѣшился указать на ошибки и неравную степень достовѣрности нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ писателей древности; онъ оказалъ важную услугу, бывши первымъ критикомъ, обратившимъ вниманіе на истинные источники древней Римской Исторіи и ихъ обманчивый характеръ. Впрочемъ, онъ не осмѣлился отвергать многаго, почерпнутаго въ сихъ источникахъ. Бель, съ обыкновеннымъ своимъ скептицизмомъ, бросилъ нѣсколько сомнѣній по сему предмету; но первое рѣшительное нападеніе на достовѣрность древней Исторіи Рима было сдѣлано Левекомъ де-Пуильи, который, въ 1722 году, диссертаціею, помѣщенною въ VI-мъ томѣ Mémoires de l'Académie des Inscriptions, рѣшительно объявилъ многія изъ главнѣйшихъ событій Римской Исторіи, какъ-то: рожденіе, воспитаніе и смерть Ромула, сраженіе Горацієвъ съ Ку-

Digitized by Google

ріяціями, смерть Курція, и проч., дѣлами никогда не существовавшими, и выдумками Грековъ. Почти въ тоже самое время, Вико, знаменитый ученый Неаполитанецъ, говорилъ съ такою-же свободою, и на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ о древней Римской Исторіи. Прошивъ Левека возсталъ Аббатъ Салье, и споръ ихъ былъ поводомъ знаменитой Dissertation sur l'incertitude de l'Histoire Romaine, сочиненной Бофоромъ, и изданной въ 1738 году; здѣсь, между многими другими предметами, обращено было вниманіе на тѣ мѣста изъ сочиненій Плинія и Тацита, въ коихъ сіи писатели совершенно отвергаютъ разсказъ о великодушіи Порсенны. Римскія Исторіи Катру, Роллена, Кревье и Гука, всѣ были написаны по самому подробному плану, и со вмѣщеніемъ, безъ всякаго разбора, повѣствованій Тита-Ливія и Діонисія Галикарнасскаго: новая ученая критика не проникала сихъ тяжелыхъ, огромныхъ массъ. Сочиненіе Левека: Histoire de la République Romaine, изданное въ 1807 году, можно почесть первою книгою, въ которой рѣшились наконецъ освободить Римскую Исторію отъ нѣкоторыхъ сказочныхъ преданій. Духъ свободной критики послѣ того усиливался, и Микали, въ сочиненіи своемъ: Italia avanti il dominio dei Romani (изд. въ 1810 году) смѣло опровергъ все противополагавшееся его теоріи, что шуземцы Италіи были народъ самобытный.

Таково было состояніе познаній, относительно сего важнаго предмета, когда, въ 1811 и 1812-мъ годахъ, явилось твореніе Нибура, въ которомъ рѣ-

Digitized by Google

шительно оставленъ былъ путь, по коему слѣпо слѣдовали за время праотцами Римской Исторіи, и все повѣствованіе о древности Рима признано было, послѣ достовѣрныхъ доказательствъ, миѳическою лѣтописью, перенесенною изъ другихъ странъ: Ромулъ поставленъ былъ на ряду съ Геркулесомъ и Зигфридомъ; Брутъ съ Аристоменомъ и Цидомъ. Мысль Нибура состояла въ томъ, что древняя Исторія Рима взята изъ народной поэзіи, и слѣдовательно, истины въ ней находится не болѣе того, сколько обыкновенно бываетъ оной въ произведеніяхъ такого рода. Въ тоже время, сила превосходнаго ума, подкрѣпляемая познаніями въ такой степени, какую рѣдко можно встрѣтить, показана была Авторомъ вполнѣ, и многія изъ Римскихъ постановленій и учрежденій, особенно законы о раздѣленіи полей, были представлены съ новой и убѣдительно-достовѣрной точки зрѣнія. Дѣйствіе сихъ смѣлыхъ и совершенно самобытныхъ преобразованій Римской Исторіи на умы Германскихъ читателей, было разнообразно и сильно. Юные, пламенные, изыскательные умы, рѣдко помрачаемые сомнѣніями прежняго поколѣнія, всѣ обратились къ новому свѣту, съ восторгомъ приняли его, и радовались его лучами; напротивъ, старики, съ предубѣжденіемъ и упрямствомъ, закрыли глаза свои отъ новаго блеска. Въ теченіи четырехъ лѣтъ, твореніе Нибура было подвержено суду критики, ибо рецензія А. В. Шлегеле появилась въ ученомъ Нѣмецкомъ журналѣ (Heidelbergische Jahrbücher) не прежде 1816-го года. Сія рецензія (означенная нами въ заглавіи статьи) занимала со-

Digitized by Google

бою девять нумеровъ журнала; знаменитый Авторъ ея оказываетъ къ повѣствованіямъ Ливія и Діонисія столь-же мало уваженія, какъ и Нибуръ, коего соображенія вообще онъ принимаетъ, отвергая большую часть предполагаемыхъ событій первыхъ трехъ вѣковъ Римской Исторіи, и называя оныя рѣшительными баснями; но онъ противорѣчитъ Нибуру тѣмъ, что придаетъ имъ Греческое происхожденіе, вмѣсто туземнаго. Въ 1819-мъ году Вахсмутъ издалъ книгу (также означенную нами въ заглавіи сей статьи), въ которой онъ утверждалъ, что основаніе древней Исторіи Римской истинно, и старался отдѣлить отъ него особенныя прибавки, временемъ и поэзіею присоединенныя. Такъ, напримѣръ, Нибуръ и Шлегель почитали существованіе Ромула и Нумы столь-же дѣйствительнымъ, какъ существованіе Геркулеса, или Мену; Вахсмутъ, напротивъ, видитъ въ сихъ древнихъ Римскихъ монархахъ дѣйствительныя историческія лица, подобныя Карлу Великому и Альфреду; но онъ отвергаетъ, какъ совершенныя басни, чудесное рожденіе и чудесное исчезновеніе перваго, также ночныя бесѣды съ Эгеріею втораго. Предположеніе Вахсмута таково, что *народное преданіе не изобрѣтаетъ фактовъ, но только украшаетъ дѣйствительность поэтическими красками и выдумками.* Вахсмутъ можетъ быть почитаемъ такимъ противникомъ Нибура, коего доказательства и предположенія изысканы повсюду съ великою ученостію для противорѣчія своему сопернику. Нибуръ, послѣ перваго изданія своей книги, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, гдѣ тщательно наблюдалъ мѣста, освященныя вос-

Digitized by Google

поминаніями истинныхъ и вымышленныхъ событій, распространилъ изысканія свои и глубокія размышленія. Находка отрывковъ изъ Цицеронова потеряннаго сочиненія *о Республикѣ*, дала ему средства утвердить доказательствами нѣкоторыя обстоятельства, кои до того времени онъ предлагалъ какъ догадки, и во многихъ случаяхъ онъ могъ уже говорить положительно. Топики, какъ-то: постановленія Сервія Туллія, въ прежнемъ изданіи послужили Автору только для неточныхъ предположеній, были темны, почти непонятны, но теперь онѣ сравнялись въ ясности съ самыми лучшими отдѣленіями книги. Новое, переработанное изданіе перваго тома, «твореніе зрѣлаго человѣка» (das Werk eines reifen Mannes), какъ говоритъ самъ Авторъ, представляетъ читателю полную, совершенно отдѣланную систему, правильную, стройную, превосходно расположенную теорію. Что почитаетъ Авторъ утвержденнымъ и доказаннымъ, то представляетъ онъ со всѣмъ убѣжденіемъ достовѣрности; что только предполагаемымъ, то и показываетъ онъ такимъ, въ тоже время выставляя читателю, сколь далеко собственное его убѣжденіе въ истинѣ простирается при томъ или другомъ случаѣ, но не дѣлая никакихъ требованій на произвольное предубѣжденіе читателей.

Важный вопросъ: *если теорія древней Римской Исторіи основана на народной поэзіи, то можетъ-ли сія теорія быть вѣрна, или нѣтъ?* Отъ этого зависитъ все, и мы войдемъ здѣсь въ соображенія съ нѣкоторою подробностію.

Источники, изъ коихъ древняя исторія каждаго

Digitized by Google

народа можетъ быть извлечена, суть: туземныя лѣтописи, начинающіяся существованіемъ народа; повѣствованія, писанныя современными иностранцами; преданія, изустно сохранившіяся между народомъ. Нынѣ, первая отрасль источниковъ можетъ быть въ отношеніи колоній, каковы Испанскія и Англійскія въ Новомъ Свѣтѣ, переселившихся изъ земель, обитаемыхъ народомъ, знающимъ употребленіе письменъ и образованнымъ, соединяющимъ съ познаніемъ письменъ искусство сочинять, снабженнымъ матеріялами, посредствомъ коихъ событія могутъ быть приведены въ порядокъ и переданы. Сюда-же принадлежитъ вторый родъ историческихъ повѣствованій. Но ни тотъ, ни другой родъ матеріяловъ не могъ существовать въ древнихъ государствахъ Европы, если исключимъ Греческія колоніи, имѣвшія сообщенія съ Египтомъ. Полагаемъ достовѣрнымъ, что когда нѣтъ у народа матеріяловъ для письма, такихъ, каковы бумага и пергаментъ, то сей народъ не можетъ имѣть правильнаго, послѣдовательнаго продолженія лѣтописей; мѣдныя и свинцовыя дощечки, также дощечки натертыя воскомъ, лоскутья кожъ, шканей, и прочіе матеріялы для писанья, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ нами, употреблявшіеся въ древнія времена для письменныхъ замѣтокъ, были конечно недостаточны для постоянныхъ лѣтописей. Встрѣчается обстоятельство, довольно подробно изложенное Левекомъ, и о которомъ, къ удивленію нашему, ничего не говоритъ Нибуръ, а именно, что во все то время, пока Египтяне, подобно Китайцамъ, запирали свои гавани отъ иностранцовъ,

Digitized by Google

Греки могли доставать изъ Тира нѣсколько папируса, но пергаменъ еще не существовалъ. Когда-же въ царствованіе Псамминитика, жители Іоніи и Каріи, помогавшіе сему монарху овладѣть престоломъ, были призваны имъ въ Египетъ, то сообщеніе между Египтомъ и Греціею открылось непосредственно и (важное обстоятельство!) вскорѣ послѣ сего событія явились первые Греческіе прозаики: Кадмъ, Ферекидъ и Акузилай. Время существованія сихъ писателей соотвѣтствуетъ періоду, который въ Римѣ занималъ Сервій Туллій. Весьма яснымъ дѣлается, вопреки Монтескьё, что Римъ при царяхъ не былъ лишенъ иностранной торговли, и является вѣроятность, что онъ могъ получать Египетскій папирусъ, тогда, когда онъ введенъ въ Грецію. Состояніе Рима въ первые два вѣка республики, даетъ намъ достаточное доказательство, что вниманіе Римлянъ къ литературѣ было уже столь достаточно, что могло ихъ побудить доставать себѣ письменные матеріялы. Въ подкрѣпленіе симъ предположеніямъ идетъ признанный фактъ, что два древнѣйшіе Римскіе историка, Фабій и Цинцій (*), жили во время второй Пунической войны, когда Римъ распространилъ свои сношенія съ

(*) Странно предположеніе Вахсмута, что сіи два писателя употребляли Латинскій языкъ, и что Діонисій читалъ ихъ въ Греческомъ переводѣ. Въ доказательство приводитъ онъ слова Діонисія (lib. i. c. 6.) *Ρωμαίων ὅσοι τὰ παλαιὰ ἔργα τῆς πόλεως Ἑλληνικῇ διαλέκτῳ συνέγραψαν. ὧν εἰσι πρεσβύτατοι κοίντιος Φάβιος, Λεύκιος Κίγκιος.* Конечно, если-бы творенія сихъ Авторовъ бы-

Digitized by Google

Южною Италіею, Сицилією и Грецією. Теперь слѣдуетъ вопросъ: какіе матеріялы для Исторіи могли быть найдены сими писателями, и изъ чего составили они свои повѣствованія, хотя-бы и краткія, о древнихъ вѣкахъ Рима? Плутархъ, коему послѣдуетъ Шлегель, говоритъ, что Фабій списалъ повѣствованіе неизвѣстнаго Грека, Діокла Пепаревза; но Вахсмутъ, справедливо и гораздо вѣрнѣе, утверждаетъ, что не знавшій критики Херонеецъ перевернулъ обстоятельства, и что, напротивъ, *Діоклъ списалъ Фабія*, можетъ быть, переведя, или переложивши въ стихи. Вахсмутъ утверждаетъ, чего и Нибуръ не оспориваетъ, что письменность въ Римѣ существовала съ самаго начала сего города; онъ приводитъ въ доказательство: Annales Maximi, Commentarii Pontificum, Libri Lintei, и проч., какъ вѣрные и справедливые источники; отсюда, соображенные съ лѣтописями и памятниками сосѣдственныхъ городовъ и государствъ, изобильные матеріялы для надлежащей исторіи могли быть составлены. Впрочемъ, все это одно предположеніе, а не достовѣрность; неоспоримое-же дѣло есть то, что Римъ, исключая Капитолій, былъ совершенно разрушенъ Галлами. Титъ-Ливій рѣшительно утверждаетъ, и мы не видимъ причины, не смотря на его небрежность, сомнѣваться, что parvae et rarae per eadem tempora literae fuere, и что большая часть (pleraeque) находившагося въ Commentariis Pontificum, и другихъ публичныхъ и

ли на Латинскомъ языкѣ, Діонисій долженъ-бы знать ихъ.

Digitized by Google

частныхъ памятникахъ, погибла въ пожарѣ. По нашему мнѣнію, одно мѣсто изъ достопамятныхъ отрывковъ Цицеронова сочиненія De Republicâ можетъ рѣшительно уничтожить всѣ предположенія, доказавъ совершенную невозможность, чтобы значительная часть лѣтописей Римскихъ Понтифексовъ могла избѣгнуть пламени. Конечно, никто не станетъ споритъ, чтобы Понтифексы Римскіе, такъ какъ и другія духовныя чиносостоянія древняго міра, не прилагали особеннаго вниманія замѣчать *знаменія и чудеса* на небѣ и на землѣ, и чтобы затмѣнія небесныхъ свѣтилъ не были ими замѣчаемы съ особенною тщательностію; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ важное свидѣтельство Катона. Затмѣнія такъ часто случаются, что если-бы лѣтописи одной четверти столѣтія сохранились, онѣ должны-бы были вмѣщать въ себѣ замѣчанія хотя объ одномъ; но Цицеронъ говоритъ утвердительно, что древнѣйшее наблюденіе солнечнаго затмѣнія, оставленное въ Annales Maximi, относилось къ Іюньскимъ Нонамъ 350-го года: всѣ предшествовавшія были вычтены назадъ, до самаго взятія Ромула на небо. Такимъ образомъ, здѣсь споръ рѣшается положительно, какъ намъ кажется, и прибавляетъ новое доказательство ко многимъ другимъ, свидѣтельствующимъ удивительныя способности Нибура, ибо, прежде нежели отрывки Цицероновой книги были найдены, Нибуръ возставалъ противъ достовѣрности лѣтописей Римскихъ Понтифексовъ, спасенныхъ отъ Галльскаго пожара, приводя въ доказательство, что *Исторія того времени не содержитъ въ себѣ повѣствованій о чудесахъ, столь изобильно*

Digitized by Google

встрѣчающихся въ послѣдующія времена. Вахсмутъ, отвѣчая на сіе, приводитъ одно или два чуда, избѣгнувшія отъ внимательности Нибура; но по странному несоображенію, онъ приводитъ въ числѣ ихъ пламя, пролетѣвшее по головѣ младенца Сервія, хотя прежде того самъ призналъ всю исторію о рожденіи и юности сего государя за басню. И такъ, кажется совершенно вѣроятнымъ, скажемъ болѣе, достовѣрнымъ, что весьма немногое, исключая нѣсколько законовъ и договоровъ, перешло за 365-й годъ, и поелику нѣтъ никакого основанія предполагать, что Римляне, что унывавшіе на развалинахъ собственнаго города, что заняпые безпрерывными домашними междоусобіями и безконечною войною съ Волсками и другими непріязненными сосѣдями, могли получить отъ кого-либо свѣдѣнія о древней своей исторіи, мы, слѣдовательно, можемъ спросить: откуда же Римскіе историки взяли все то, что они передаютъ за событія первыхъ трехъ столѣтій? Нибуръ отвѣчаетъ: изъ народной, національной поэзіи, лирическихъ пьесъ, содержавшихъ въ себѣ повѣствованія о знаменитыхъ людяхъ, пьесъ, которыя древними Римлянами обыкновенно были пѣты, сопровождаемыя звуками дудки, или флейты, послѣ ихъ пиршествъ. Сей источникъ и прежде Нибура былъ указанъ Перизоніемъ; но какъ ни Перизоній, ни другіе не преслѣдовали такой свѣтлой мысли, и твореніе Перизонія было неизвѣстно Нибуру, когда онъ сдѣлалъ свой выводъ, то, согласіе идей сихъ двухъ писателей есть совершенная случайность, и тѣмъ болѣе она важна. Шлегель и Вахс-

Digitized by Google

мутъ, особливо первый, напали на сію гипотезу, и множество неумѣстныхъ насмѣшекъ было обращено на оную. Но Нибуръ, во второмъ изданіи своей книги, совершенно поддержалъ свою мысль, подкрѣпилъ ее новыми доказательствами, и самъ выразился съ совершеннымъ презрѣніемъ обо всемъ, что было писано противъ оной.

Дѣйствительно, когда прозаическія сочиненія не существуютъ, письменные матеріялы, слѣдовательно и книги, рѣдки, то баллады, или краткія повѣствовательныя стихотворенія должны существовать, и существовать въ изобиліи. Память о знаменитыхъ, народныхъ или частныхъ случаяхъ требуетъ воспоминаній; простое повѣствованіе не удовольствовало-бы общей жадности, и грубая гармонія метра и мелодіи призывается на помощь, и подкрѣпляетъ народную память. Рѣшительно во всѣхъ странахъ, поэзія предшествуетъ исторіи. Сыны Израилевы поютъ переходъ чрезъ Чермное Море, и спасеніе свое изъ волнъ его въ пустыню. Моисей приводитъ оду, сочиненную Аммонитскимъ поэтомъ, на взятіе Раббага сынами Аммоновыми; побѣда Давида надъ Голіаѳомъ была воспѣта, при звукахъ кимваловъ, дѣвами Іудейскими. Ксенофонтъ сказываетъ намъ, что дѣла и приключенія Кира были любимымъ предметомъ народныхъ пѣсенъ въ Персіи (*). Та-

(*) Замѣчательно, что Иродотъ, который писалъ менѣе, нежели черезъ 100 лѣтъ послѣ Кира, и слѣдовательно могъ бесѣдовать съ людьми знавшими лично сего героя, говоритъ, что было три различныя повѣ-

Digitized by Google

ковы были по видимому первоначальные матеріялы Фирдусіевой поэмы *Шахъ-Наме,* источника народной поэзіи, изъ коей извлечена древняя исторія Персіи. Мы знаемъ, что Саксонъ Граммашикъ и Снорро Стурлезонъ всю древнюю исторію Даніи и Норвегіи взяли изъ пѣснопѣній Скальдовъ. Омиръ описываетъ Ахиллеса поющимъ, при звукахъ лиры *τὰ κλέα ἀνδρῶν*, и Демодокъ пѣлъ при дворѣ Алкиноя часть Троянской Исторіи. Самыя Иліада и Одиссея были пѣты отдѣльными частями въ Греціи; до открытія сообщеній съ Египтомъ, Греки, вѣроятно, не забывали своихъ достопамятныхъ воспоминаній. Имѣемъ всѣ причины предполагать, что не обладая еще средствами сочинять прозаическія творенія, каждое государство, каждый городъ сохраняли память о войнахъ и счастіи своемъ народною поэзіею, изъ коей логографы брали матеріялы для своихъ прозаическихъ повѣствованій. Древніе Испанцы, какъ намъ разсказываютъ, сохранили память о народныхъ событіяхъ въ стихахъ; тоже дѣлали Галлы и Германцы; Авганцы, по извѣстію Эльфинстона, каждое событіе перелагаютъ въ пѣсни. Имѣя одинакій выводъ изъ романсовъ Испанскихъ, балладъ Шотландскихъ, вайзеровъ Скандинавскихъ и народной поэзіи Славянскихъ племенъ, можемъ выводъ сей почесть для *всѣхъ народовъ общимъ правиломъ;* отъ сего естественно ра-

---

ствованія о немъ, изъ коихъ выбралъ онъ вѣроятнѣйшее. Впрочемъ, Персія всегда была такою страною, гдѣ жители занимались письменностію и царскія лѣтописи ведены были правильно.

Digitized by Google

ждается вопросъ: не такъ-ли точно поступали Римляне?

Въ отрывкѣ изъ Варрона (De Vita Pop. Rom.), сохраненномъ для насъ Ноніемъ Марцелломъ, мы видимъ, что юноши при пиршествахъ Римлянъ просто пѣли (assâ voce), и иногда сопровождали игрою на дудкѣ, древнія пѣснопѣнія, баллады (carmina antiqua), содержавшія въ себѣ похвалы (laudes) праотцамъ. Цицеронъ въ своихъ Тускуланахъ говоритъ намъ отъ имени Катона, что въ обыкновеніи у древнихъ Римлянъ было при пиршествахъ пѣть гостямъ попеременно, при звукахъ дудки, похвальные и добродѣтельные подвиги (laudes atque virtutes) знаменитыхъ людей. Въ своемъ Брутѣ, онъ еще разъ приводитъ сіи слова Катона, и сожалѣетъ, что древнія баллады уже не существуютъ болѣе.

Впрочемъ, и трудно было сохраниться имъ, представляя собою, какъ обыкновенно бываетъ съ народною поэзіею, не писанною и не напечатанною, при измѣненіяхъ языка, грубую древность, бывшую ихъ источникомъ. «Онѣ исчезли,» говоритъ Нибуръ, «отъ равнодушія потомковъ. Діонисій зналъ однакожь пѣсни о Ромулѣ.» Впрочемъ, трудно распознать, что въ словахъ писателя, на коего ссылается Нибуръ (lib. i. c. 79), писано самимъ имъ, и что взято изъ Фабія Пиктора. Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что поэмы существовали, и древнее обыкновеніе: пѣть ихъ на пиршествахъ, долго оставалось у Римлянъ. Мы думаемъ, что слѣдующіе стихи Горація (приводимые Шлегелемъ, но не замѣченные Нибуромъ, который взялъ изъ Шле-

Digitized by Google

геля слова Варрона, выше приведенныя) достойны особеннаго замѣчанія:

«Nosque et profestis lucibus, et sacris
Inter jocosi munera Liberi,
Cum prole, matronisque nostris,
Ritè Deos priùs adprecati,
Virtute functos, more patrum, duces,
Lydis remixto carmine tibiis,
Trojamque et Anchisen, et almae
Progeniem Veneris canemus.»

Въ сихъ словахъ Горація, относимыхъ къ Августу, онъ упоминаетъ о существовавшемъ обычаѣ, или, лучше сказать, льстивъ, кажется, Императору, точно такъ-же, какъ польстилъ-бы Англійскому Королю придворный поэтъ его, когда въ день рожденія Короля сказалъ, что въ слѣдствіе мира и изобилія, доставляемыхъ его мудростію и оружіемъ, Англичанамъ ничего не осталось дѣлать болѣе, какъ только забавляться, и послѣ пиршествъ слушать баллады минстрелей, сопровождаемыя игрою арфы. Такое предположеніе весьма вѣроятно, и не зная подробностей частной жизни сельскихъ патриціевъ, и вообще среднихъ званій общества въ Римскомъ государствѣ, мы все весьма немного отважимся, предполагая, что народъ, привыкшій прославлять добродѣтели и мудрость своихъ предковъ, могъ изстари имѣть привычку воспѣвать дѣла ихъ послѣ пиршествъ. Правда, мы не находимъ сего обыкновенія въ разсказахъ о занятіи Назидіена и Трималхія; но здѣсь идетъ рѣчь о щегольскомъ препровожденіи времени, гдѣ столько-же

Digitized by Google

можно надѣяться найдши древніе Римскіе обычаи, какъ старые Англійскіе на щегольскомъ обѣдѣ въ Сенъ-Джемсѣ, или Гросвеноръ-скверѣ. Жалобы Горація на сосѣдей и посѣтителей Сабинскаго помѣстья его, касались конечно тѣхъ людей, которые праздновали дома у себя, угощали друзей по старому обычаю, и послѣ пиршествъ пѣли попеременно старыя баллады о Троѣ, Анхизѣ, и ш. д.— Въ Англіи, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ столицы, приглашаютъ гостей послѣ стола пѣть: такой обычай найдемъ мы, если заглянемъ во Wrekin или Vale of Evesham; но его не сыщемъ мы въ областяхъ болѣе образованныхъ, каковы: Mary-le bone, или May-Fair.

И такъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія: древнія поэмы въ Римѣ существовали; но какого рода онѣ были? вотъ новый вопросъ. Нибуръ говоритъ, что существовали баллады и поэмы продолжительнаго содержанія, раздѣленныя на части, и подобныя поэмѣ Нѣмецкой *Нибелунгъ*. Онъ утверждаетъ, что царствованіе Ромула составляло *эпопею;* царствованіе Нумы пѣто было въ отдѣльныхъ, краткихъ пѣсняхъ; царствованіе Тулла была особенная *эпопея*, а баллады о Тарквиніи, начинаясь Л. Тарквиніемъ Прискомъ и оканчиваясь, совершенно Омировскою, битвою Регилла, составляли «эпопею, которая глубокостью и блескомъ «воображенія оставила за собою все, что по- «слѣ того произвелъ Римъ.» Сіи поэмы, говоритъ Нибуръ, были гораздо древнѣе Эннієвыхъ, который переложилъ въ гекзаметры и сочинилъ изъ нихъ три первыя книги своихъ лѣтописей. Въ

Digitized by Google

будущихъ томахъ Нибуръ обѣщаетъ говорить объ этомъ подробнѣе; теперь онъ довольствуется сказать, что хотя основныя творенія, имъ предполагаемыя, были древни, но форма ихъ и большая часть содержанія, говоря относительно, были новы. Плебейскія понятія такъ преимуществовали въ оныхъ, что Нибуръ относитъ измѣненія ихъ къ тому времени, когда Плебеи были уже сильны и имѣли большое вліяніе, и вообще онъ думаетъ, что древнѣйшее время поэмъ не можетъ быть отнесено далѣе возобновленія города послѣ Галловъ. Сіи гипотезы были оспориваемы Шлегелемъ и Вахсмутомъ. Первый говоритъ, что если пѣніе было сопровождаемо игрою на флейтѣ, или дудкѣ, то сіе одно обстоятельство даетъ намъ понятіе, что оно не состояло изъ *эпическихъ поэмъ*, ибо пѣвцы не вынесли-бы пѣнія Омировскихъ рапсодій. Онъ спрашиваетъ: могли-ли въ сей грубый вѣкъ, юноши-пѣвцы получать такое воспитаніе, чтобы умѣли пѣть на память длинныя рапсодіи? Онъ утверждаетъ, что пѣсни Римлянъ были безыскусственныя изъявленія чувствъ, краткія восклицанія, подобныя молитвѣ братьевъ Арвальскихъ (Fratres Arvales), приводимой Г-мъ Ланзи, и въ нихъ достаточно было привесть на память имена и дѣла, а не подробности. Что касается до Неній (Naeniae), или погребальныхъ пѣсенъ, которыя присоединяетъ къ своей гипотезѣ Нибуръ, то онѣ, по мнѣнію Шлегеля, содержали весьма мало, или и совсѣмъ ничего, ибо Овидій (Fast. vi. 142) называетъ волшебныя заклинанія колдуней, а Горацій (Ep. I. i. 63) пѣніе мальчиковъ по улицамъ симъ именемъ.

Digitized by Google

Вахсмушъ утверждается на суровомъ, не поэтическомъ характерѣ Римлянъ, и прибавляетъ, что если поэмы были составлены, по словамъ Нибура, Плебеями, то для нихъ долженствовали сочинители выбирать героями людей, подобныхъ Сикцію Денгатусу, Манлію, Виргинію, и т. п., не восходя ко временамъ царей Римскихъ. Довольно странно было-бы, прибавляетъ онъ, въ періодъ, занимаемый сими предполагаемыми поэмами, воспѣвать Нуму и Сервія, не имѣвшихъ никакого отношенія къ настоящимъ понятіямъ народной поэзіи.

На всѣ сіи возраженія Нибуръ не сдѣлалъ рѣшительнаго отвѣта; онъ только излагаетъ свою теорію, довольно подробно. Съ нашей стороны мы полагаемъ, что въ основаніи Нибуръ совершенно правъ, но ведетъ свою систему весьма далеко. Замѣчаніе о существованіи длинныхъ поэмъ, подобныхъ пѣсни Нибелунга, совершенно произвольно, и никакого доказательства не находится въ подтвержденіе онаго. Напрошивъ, когда сага о Тарквиніяхъ была въ Сатурнинскихъ стихахъ, нѣтъ причины предполагать, чтобы Эннiй, не описавшій первой Пунической войны, потому, что Невій писалъ сею мѣрою, для сей причины оставилъ содержаніе, занимаемое подобною балладою, если только она существовала. Поэмы были, нѣтъ сомнѣнія; но мы предполагаемъ, что онѣ были *балады*, а не *эпопеи:* здѣсь романсы Цида, кажется намъ, предстаавляютъ доказательства гораздо лучше, нежели пѣсня Нибелунга. Доказательства противниковъ сами собою становятся недостаточными. На Сѣверѣ легко сопровождали пѣніемъ длин-

Digitized by Google

ныхъ балладъ игру свою шамошніе пѣвцы. Человѣческая память можетъ простираться гораздо далѣе, нежели предполагаетъ Шлегель: древніе Греческіе рапсодисты легко помнили, можетъ быть, всю Иліаду; нѣкоторые изъ Датскихъ балладъ простирались до 600 стиховъ; Ферроэрскія, нынѣ собранныя, почти всѣ длиннѣе сей мѣры: пѣснопѣніе, называемое Brinilda Thaatur, содержитъ въ себѣ 220 четырехъ-стишныхъ стансовъ, и всѣ они списаны были по изустному произношенію, а это доставляетъ намъ, совсѣмъ съ другой стороны, важное поясненіе древняго Римскаго обычая, приводимаго Варрономъ и Катономъ (*). Судя о повѣствовательныхъ Римскихъ поэмахъ по молитвѣ братьевъ Арвальскихъ, мы поступимъ точно такъ-же, какъ судя о Греческихъ

(*) Старинныя поэмы о древнихъ, миѳическихъ герояхъ Сѣвера донынѣ составляютъ одно изъ любимыхъ праздничныхъ увеселеній народныхъ. Они остаются рѣшительно въ памяти народа, и замѣчательно, что хотя Свабо, за 40 лѣтъ, доказывая свою заслугу, увѣрялъ, что безъ его стараній собрать и списать ихъ, сіи поэмы были-бы потеряны, но Лингби, новѣйшій собиратель и переводчикъ оныхъ, нашелъ ихъ еще свѣжими въ памяти островитянъ. Въ примѣчаніяхъ его къ Faeröiske Quaeder есть замѣчанія о предметахъ сихъ народныхъ пѣснопѣній, и описанія того, какъ приноровлены Ферроэрцами пляски къ пѣнію оныхъ: это описаніе напоминаетъ пѣсни Демодока, съ коими Феакійскіе юноши соединяли свои пляски.

Digitized by Google

рапсодіяхъ по Орфеевымъ гимнамъ, и о древней героической поэмѣ Персіи по молитвамъ изъ Зендъ-Авесты. Приложеніе имени *Ненй* къ другимъ пѣснопѣніямъ, чему Шлегель придаетъ такую важность, во всякомъ случаѣ доказываетъ только однообразность напѣва, коимъ другія пѣсни были пѣты, уподобляясь по напѣву погребальнымъ гимнамъ. Шлегелево замѣчаніе, что во время силы и могущества Плебеевъ, Римляне были народъ воинственный и земледѣльческій, по нашему мнѣнію, есть одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ, что они *долженствовали имѣть*, если не эпическія поэмы, то, по крайней мѣрѣ, историческія баллады. Каково было состояніе обществъ въ Испаніи, Шотландіи и Скандинавіи, когда тамъ составляемы были баллады? Какова была новѣйшая Греція, во время самое изобильное для повѣствовательныхъ поэмъ, то есть, въ послѣднее и настоящее столѣтіе (*)? Въ доказательство неспособности древнихъ Римлянъ къ поэзіи, говорятъ, что Виргилій, Горацій, Овидій, и другіе писатели Августова вѣка, не были урожденцы Римскіе. Кромѣ того, что это еще несовершенно доказано, не все-ли равно, что Лукрецій и Тибуллъ были рождены въ Ри-

(*) Сочинитель пѣсни, почти въ 100 стиховъ, помѣщенной въ собраніи Г-на форіеля, сказываетъ намъ простую и вѣрную причину происхожденія многихъ историческихъ балладъ. «Я не умѣю ни чи-«тать, ни писать (говорилъ онъ собирателю), «и чтобы не забыть событій, составилъ пѣсню въ «стихахъ, потому, что пѣсню легче могу помнить.»

Digitized by Google

мѣ, или подлѣ Рима? Если-бы и не такъ, это обыкновенная участь большихъ городовъ. Испанія и Португалія, напримѣръ, истинно поэтическія земли; но вѣроятно, кромѣ небольшаго числа романсовъ, поэзія ихъ весьма немногое приобрѣла отъ урожденцовъ Мадрита и Лиссабона. И почему поэты Умбріи и Кампаніи не могли переселяться въ Римъ въ древнѣйшія времена, какъ было это въ послѣдніе періоды? Наконецъ, почему знаемъ мы, что Виргиній и Сикцій не были героями многихъ народныхъ балладъ? Что также заставитъ насъ думать, если политическія и юридическія постановленія Рима были переложены въ стихи, что прежде не дѣлали того-же самаго? Фирдуси переложилъ въ стихи постановленія Эмшида, и мы читаемъ о различныхъ древнихъ кодексахъ, также переложенныхъ.

Предметъ, о которомъ говорили мы до сихъ поръ, весьма важенъ, и отъ него зависитъ достовѣрность значительной части Нибурова творенія. Изложивъ оный довольно подробно, мы приступаемъ къ другимъ отдѣламъ перваго тома, и при случаѣ будемъ смѣшивать легатуру собственныхъ нашихъ мнѣній съ золотомъ Автора, стараясь однакожь по возможности отличать для читателей его собственныя мнѣнія.

Нибуръ начинаетъ взглядомъ на древнюю Италію, до Римлянъ. Онъ изображаетъ, съ удивительнымъ искуствомъ, постепенное распространеніе слова: *Италія*, которое сперва означало только южную оконечность полуострова, ниже исшма,

Digitized by Google

между заливами Напетейскимъ и Сцилацейскимъ, а въ послѣдствіи сдѣлалось общимъ наименованіемъ цѣлаго полуострова. За тѣмъ переходитъ Нибуръ къ разсмотрѣнію различныхъ народовъ, на немъ обитавшихъ, начиная *Энотрами*, какъ называли Греки туземцовъ Южной Италіи. Сей народъ, Нибуръ полагаетъ частію рода *Пелазговъ*, и съ особенною точностію и остроуміемъ означаетъ распространеніе и жительство сей огромной вѣтви народовъ.

Ферекидъ повѣствуетъ, что *Энотръ* и *Певкетій* были два сына Ликаоновы, которые переселились изъ Аркадіи, за 16 поколѣній до войны Троянской. Мысль о переселеніи въ заморскую сторону, когда у народа такъ мало было силъ морскихъ, что Агамемнонъ принужденъ былъ просить помощи у другихъ, безразсудна, и все, что мы можемъ понять изъ сего родословія, есть то, что *Энотры* и *Аркадцы* были родичи. Но древніе Аркадцы, такъ-же, какъ Аргивяне и Іоняне, были Пелазги; первые обитатели Аттики были того-же самаго рода; Ѳессалія была главною его осѣдлостію: Ѳеспротіяне, Молоссы, Эпироты были Пелазги, такъ-же, какъ и дальнѣйшее сѣверное поколѣніе. Пелазги обладали сѣверными островами Эгейскаго моря; они раздвигались по Геллеспонту и Азіятскому берегу отъ Микалійскаго мыса, черезъ Іонію и Эолію. Нибуръ предполагаетъ даже, что Тевкры и Дарданы, Троя и Гекторъ, были также Пелазги. Въ самомъ дѣлѣ, они сидѣли между Пелазгійскими племенами, были не Фригіяне, и если они не были Пелазги, спрашивается: чѣмъ могли они быть

Digitized by Google

другимъ? Обращаемся къ Италіи. Мы имѣемъ положительное историческое свидѣтельство, что вассалы Италіотовъ, или Италійскихъ Грековъ (которые могли быть Энотры) были именуемы *Пелазгами*, и множество свидѣтельствъ, подтверждаемыхъ именами мѣстъ, доказываетъ, что Пелазгійскій народъ отъ Энотріи простирался вдоль западнаго берега Италіи, далѣе Арно. Весь сей берегъ именовался отъ Грековъ: *Тирренія*, и подъ именемъ *Тирренцовъ*, Греки разумѣли всѣхъ тамошнихъ обитателей: Авзоновъ, Латиновъ и Тоскановъ. Мы узнаемъ отъ Павзанія, что Пелазги на берегахъ Тибра были именуемы *Сикулами* (тоже самое, что *Италы*), и отсюда ясно дѣлается, что весь народъ такъ называемый, жители острова и полуострова, былъ одного поколѣнія.

Греки и Пелазги (однородность ихъ почитаемъ доказанною) говорили однородными языками; отъ сего множество мѣстъ въ Италіи назывались Греческими именами, и очевидно, что сіи мѣста не были основаны Греками, и что они были Пелазгійскія, таковы: *Агилла*, *Пиза* въ Этруріи, и *Ахерузіа*, *Телезіа*, *Малевентумъ* и *Грументумъ*, показывающія нисшее отдѣленіе Пелазговъ, ибо главное мѣсто ихъ было вдоль морскаго берега; они обладали всѣми мѣстами, гдѣ въ послѣдствіи были *Луканія* и *Бруціумъ*, съ частію земли *Самнитовъ*. Разсуждая такимъ образомъ, Нибуръ полагаетъ, что Япигія, и берегъ къ сѣверу отъ оной были Пелазгійскія; также онъ убѣждаетъ насъ, весьма вѣроятно, что *Либурнія* была земля сего распространившагося всюду народа.

Digitized by Google

«Обозрѣвъ,» говоритъ Нибуръ, «весь кругъ, «заняшой Пелазгійскими народами, можемъ ви- «дѣть въ нихъ не бродящія толпы, подобныя «Цыганамъ, но осѣдлый, сильный и знаменитый «родъ, въ такое время, когда еще не существова- «ла Греческая исторія. Здѣсь не простое предпо- «ложеніе, но полное историческое убѣжденіе по- «казываетъ намъ, что было время, когда Пелазги, «можетъ быть одинъ изъ самыхъ обширныхъ древ- «нихъ народовъ Европы, простирались отъ Пада «и Арна, даже до Риндака, и пересѣкшись во «Ѳракіи, занимали сѣверные острова Эгейскаго «моря, соединяя такимъ образомъ Азіятскую Тир- «ренію съ Пелазгійскимъ Аргосомъ.

Верхняя Италія, подлѣ Аппенинскихъ горъ, во времена величія Пелазговъ была обитаема народами, коихъ, не смотря на различныя имена ихъ (Опицы, Сабеллы, Умбры), Нибуръ справедливо почитаетъ за одинъ народъ. Языкомъ, нравами они совершенно отличались отъ Пелазговъ. По мѣрѣ умноженія числа и силы, они двигались отъ горъ, завоевывали и покоряли Пелазговъ, жителей долинъ и поморья. Вѣтвь Умбровъ, кажется, была первая раздвинувшаяся къ сѣверу, занявшая Этрурію и южныя страны около рѣки По. Касцы (*), въ послѣдствіи названные *Аборигенами*, сосѣдственное поколѣніе,

(*) *Cascus* и *Priscus*, Нибуръ почитаетъ національными именами. Послѣднее знаменованіе объясняетъ онъ перемѣною словъ: *Готѳскій* и *Старо-Франкскій*, гдѣ видимъ одинакій случай.

Digitized by Google

тѣснимое ихъ вышними сосѣдями, двинулось къ востоку Тибра, и отъ части разсѣялось, отъ части смѣшалось съ Сикулами, тамъ обитавшими. Соединеніе сихъ племенъ, различнаго происхожденія и нравовъ, произвело народъ *Латинскій*. Латинскій языкъ въ своихъ двухъ, явно различныхъ элементахъ, являетъ свидѣтельство истины сего историческаго событія и различія характеровъ двухъ племенъ, произведшихъ одинъ народъ. Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, что всѣ слова относительно земледѣлія и осѣдлой жизни суть происхожденія Греческаго, и слѣдовательно Пелазгійскія, а всѣ относящіяся къ войнѣ и охотѣ, другаго происхожденія. Нибуръ думаетъ, что при семъ-то случаѣ знаменитые Тирренскіе Пелазги, построившіе Пелазгійскую стѣну въ Аѳинахъ, появились въ Греціи, и что они были *Сикулы, бѣжавшіе отъ Касцовъ*. Въ сей-же періодъ, впрочемъ безъ дальнѣйшей необходимости, онъ поставляетъ переселеніе Сикуловъ на островъ Сицилію.

Но кто были первые обитатели Италіи, и что сдѣлали съ ними Пелазги, если они пришли изъ другой страны, а не были первобытные жители Италіи? Здѣсь, кажется намъ, Нибуръ не совсѣмъ удовлетворителенъ, и его понятія о семъ предметѣ требуютъ особаго изслѣдованія, ибо теорія его совершенно особенная, и, какъ намъ кажется, основана не на совершенно вѣрномъ предположеніи.

Мы полагаемъ, что Нибуръ долженъ быть отчасти причисленъ къ послѣдователямъ *автохтонической* теоріи происхожденія народовъ. Онъ

Digitized by Google

утверждаетъ, что если мы находимъ два народа, сходные характеромъ и языкомъ, живущіе на противоположныхъ берегахъ моря, то мы не имѣемъ еще причины предполагать переселенія съ одной стороны его на другую. Это въ нѣкоторой степени справедливо, и мы не противорѣчимъ, когда Нибуръ говоритъ о Пеласгахъ Греціи, Эпира и Южной Италіи, что *нѣтъ утвердительныхъ причинъ предполагать переселенія отъ двухъ первыхъ къ послѣднимъ*; однакожъ, мы можемъ видѣть, въ чемъ и самъ онъ соглашается, сродство сихъ племенъ. Тутъ идетъ онъ далѣе и прибавляетъ, что мы встрѣчаемъ Иберіянъ на островахъ Средиземнаго моря и Цельтовъ въ Галліи и Бриганіи, а потомъ заключаетъ, «что это похоже на географическія сходства родовъ животныхъ и растеній, огромные отдѣлы коихъ раздѣляются горами, и вмѣщаютъ въ пространствахъ своихъ небольшія озера.» Таково заключеніе Г-на Нибура, и мы сознаемся, что, какъ мы упомянули, открываемъ въ немъ теорію, хотя несовершеннаго автохтонизма, но съ великою наклонностію къ оному. Не требуемъ отъ Автора послѣдованія гипотезѣ, на которой Клапротъ основалъ свою Азію Полиглоту, то есть, что во время всемірнаго потопа участки человѣческаго рода спаслись на высокихъ хребтахъ горъ; но по тому, какимъ образомъ говоритъ Нибуръ о безконечномъ протяженіи времени, прошекшемъ отъ начала человѣческаго рода, мы видимъ, что онъ не признаетъ подобной гипотезы о всеобщемъ

Digitized by Google

истребленіи рода человѣческаго, и впадаешь въ противную. Иберійцы на островахъ Маіоркѣ и Миноркѣ не пришли изъ Италіи; Цельты Британскіе не были выходцами Галліи: пусть такъ; однакожь, родъ Цельтовъ долженъ былъ, естественно или неестественно, попасть на почву Британіи; какимъ образомъ? Вотъ мнѣніе Нибура: въ растительномъ царствѣ аналогія ничего не значитъ: дубъ, шернъ, волчецъ Англійскій не пересажены въ Англію, и человѣческіе ихъ товарищи не пришли туда изъ другой земли; слѣдственно: они тутъ самобытны.

Предположите, что въ теченіе времени, всѣ воспоминанія наши будутъ потеряны, предположите въ будущихъ временахъ исторію послѣднихъ десяти столѣтій пришедшею въ такое-же забвеніе, въ какомъ находится теперь для насъ доисторическій періодъ Европы, и пусть при возстановленіи литературы другой Нибуръ начнетъ обозрѣвать наши, отдаленныя, неизвѣстныя времена. Находя на островахъ Ферроэрскихъ и въ Исландіи поколѣнія, языкомъ и характеромъ сходныя съ Скандинавскими, находя въ Сѣверной Америкѣ народы, одинакіе съ Англійскими, въ Южной Америкѣ съ Испанскими, Португальскими, и, еще страннѣе, въ Австраліи народы, языкомъ, закономъ, религіею, видомъ и всѣмъ сходные съ обитателями Британскаго острова, какою аналогіею между овцами и коровами, хлѣбомъ и прилипшникомъ, дикою рѣпою и морковью, станутъ изъяснять сію странность, и чего не уви-

Digitized by Google

дишъ міръ въ глубокихъ изысканіяхъ о дѣйствіи климата и температуры, умственнаго и вещественнаго развитія различныхъ частей человѣческаго рода? Въ такую-же категорію поставляемъ мы теорію Нибура, и при такомъ условіи согласны, что Исландцы пришли не изъ Норвегіи и Бриганскіе Цельты не перешли изъ Галліи.

Идеи Нибура въ отношеніи языковъ одинаковаго содержанія. Онъ признаетъ большое сродство между Греческимъ и Латинскимъ, такое-же, какое находятъ между Персидскимъ и Славянскимъ и, *можетъ быть*, между Галльскимъ и Кимврійскимъ; но онъ столько-же вѣритъ, что одинъ изъ нихъ произошелъ отъ другаго, сколько вѣритъ перерожденію собакъ изъ лисицъ, лошадей изъ ословъ и абрикосовъ изъ персиковъ, или на оборотъ.

Нибуръ никакъ не можетъ допустишь одинаковости происхожденія по сродству языковъ, и полагаетъ, что цѣлыя поколѣнія народовъ отдѣльно создавали себѣ языки. Два, или болѣе изъ сихъ поколѣній могутъ имѣть большое, и даже удивительное сродство характера и наружности, но можно-ли сіе сродство сравнишь съ различіемъ языка, которое всегда такъ явно отличаетъ народы, какъ леопарда отъ льва? Такое сродство, при существенномъ различіи, находитъ Нибуръ между Греками и Пелазгами. Въ семъ случаѣ мы никакъ не можемъ съ нимъ согласишься. Въ отношеніи Грековъ и Латиновъ замѣтимъ, что древ-

Digitized by Google

ній языкъ послѣднихъ имѣетъ величайшее сродство съ языкомъ Пелазговъ Греческихъ: здѣсь явно одинакое происхожденіе, и то, что Греческій языкъ произошелъ отъ Пелазгійскаго. Предположимъ потерю историческихъ свѣдѣній, и спросимъ, чтобы можно было заключить, разсматривая Латинскій, Англо-Саксонскій, Итальянскій, Французскій и Англійскій языки? Не всего-ли естественнѣе, что Итальянскій и Французскій, не смотря на различіе ихъ между собою, произошли отъ Латинскаго, который въ тоже время, непосредственно, или посредствомъ Французскаго, сдѣлался однимъ изъ элементовъ Англійскаго?

Исключая наклонность къ автохтонизму, замѣчанія Нибура касательно народовъ древней Италіи совершенно ясны и удовлетворительны. Можемъ согласиться и несогласиться съ нимъ, что Осканы были автохтоны горъ, а Пелазги долинъ, также и въ томъ, что послѣдніе не были народъ переселенный. Несомнѣнная теорія о семъ темномъ предметѣ будетъ та, что Осканы (присоединяемъ къ сему народу Опицовъ, Сабелловъ и Умбровъ) были первобытные обитатели Италіи; но отъкуда они пришли, и къ какому общему роду принадлежали, къ Цельтамъ или другому какому, ничего невозможно сказать достовѣрно, развѣ одно можемъ предположить, что они составляли часть великаго Кавказскаго племени. Сей народъ обладалъ полуостровомъ, вѣроятно и Сицилією, до того неопредѣленнаго періода, когда Пелазгійскій родъ, двинувшись изъ первоначальнаго

Digitized by Google

жилища своего въ Азіи, занялъ Грецію и Италію. Онъ распространился по всѣмъ низменнымъ частямъ, отодвинулъ Осковъ къ горамъ, и на югѣ обладалъ отъ одного берега Италіи до другаго; тоже могло быть и на сѣверѣ, такъ, что первобытнымъ жителямъ не оставалось ничего болѣе, кромѣ протяженія горъ отъ сѣвера къ югу, миль на сто. Пеласги были народъ образованный, земледѣльческій, и съ самаго начала исторіи, мы видимъ горскія поколѣнія, подъ именами *Касковъ*, *Осковъ*, *Сабиновъ*, *Умбровъ*, и проч., постепенно приближающіяся къ долинамъ, и разсѣявающія тамошнихъ обитателей, или смѣшивающіяся съ ними, и образующія собою отдѣльныхъ народовъ. Новѣйшая исторія представляетъ намъ въ нашествіи и завоеваніи Испаніи Маврами, и въ обратномъ отнятіи сей земли потомками древнихъ обитателей, весьма сходный случай: Испанцы принуждены были удалиться въ самую средину земли, и не будь между ими и Маврами непримиримаго различія религій, смѣшеніе было-бы неизбѣжно.

Но кромѣ Осковъ и Пеласговъ (не будемъ говорить здѣсь о Лигурійцахъ и другихъ народахъ) былъ еще въ древней Италіи народъ, замѣчательнѣйшій болѣе всѣхъ другихъ: *Тосканы* или *Этруски*. О происхожденіи сего народа намъ являются противорѣчащія теоріи. Общепринятая Древними, которую поддерживаютъ Вахсмутъ и Крейцеръ, есть та, что Этруски были переселенцы изъ Меоніи, прибывшіе моремъ и поко-

Digitized by Google

ривше первобытныхъ, Сикулійскаго или Умбрскаго поколѣнія, обитателей Этрурін. Сія теорія была оспориваема и, по нашему мнѣнію, совершенно опровергнута Діонисіемъ. Въ прибавленіе къ его доказательствамъ можно сказать, что совершенно непонятнымъ кажется, какимъ образомъ маленькій флотъ (таковъ долженствовалъ быть Меонійскій) могъ покорить, поработить обитателей, даже измѣнить языкъ ихъ, когда сіи обитатели составляли, по всѣмъ вѣроятностямъ, сильное отдѣленіе Этрурін. Тутъ не было, такъ какъ въ Мексикѣ и Перу, несоразмѣрнаго превосходства просвѣщенія и физическихъ силъ на сторонѣ пришельцовъ. Тосканы рѣшительно утверждали, что предки ихъ были самобытный народъ Италіи, и Шлегель, отвергая разсказъ о Меонійскомъ происхожденіи Этрусковъ, видитъ въ нихъ переселенцовъ одного рода съ Пелазгами, утверждаясь въ семъ случаѣ на сходствѣ Тосканскаго языка съ Греческимъ. Нибуръ полагаетъ, что Тосканы были отдѣльный народъ, существенно отличный отъ Пелазговъ и Осковъ нравами, языкомъ и характеристикою. Въ прежнемъ изданіи своей книги онъ, казалось, расположенъ былъ почитать ихъ отраслію поколѣнія Готѳовъ, но мы не нашли сего мнѣнія въ новомъ изданіи, и послѣднее рѣшеніе Нибура есть то, что Ретійскія Альпы были первобытною страною Тосковъ, гдѣ онъ находитъ слѣды ихъ языка, въ діалектѣ (Grödener in Tyrol) Тирольскихъ Гредеперовъ (*).

(*) Нибуръ утверждаетъ даже, что грубое произ-

Ошеюда, тѣснимые Цельтами, или Германцами, они сошли въ Ломбардійскія долины, гдѣ сдвинули Лигурійцовъ, которые оттѣснили Умбровъ изъ Ломбардіи, отъ юга рѣки По и сѣверной Этруріи, побѣдили и покорили Сикуловъ, или Тирренскихъ Пелазговъ (*), даже до самаго Тибра. Сіе первое движеніе Тосковъ, мы полагаемъ причиною всѣхъ движеній народныхъ между По и Аппенинами, ибо, судя естественно, когда Цельты, или Германцы, двинули Тосковъ, сіи двинули Умбровъ, и за тѣмъ движеніе перешло отъ Умбровъ къ Сабинамъ, отъ Сабиновъ къ Осканамъ, или Каскананамъ, а отъ сихъ народовъ къ Сикуламъ, которые удалились въ Сицилію, когда Тирренскіе Пелазги появились въ Греціи. Имя: *Тирренія*, какъ имя западнаго берега Италіи, было знакомо Грекамъ, и поелику Тосканы были сильнѣйшимъ народомъ сего берега, въ то время, когда у Грековъ начались съ нимъ сношенія, сіе имя было придано землѣ и народу, такъ, какъ Албанцы Морейскіе, Идріоты и Суліоты, были названы *Греками*, Англичане *Британами*, Испанцы новаго свѣта *Мексиканцами*, *Перуанцами*. Сія гипотеза достовѣрна и поясняетъ весьма многое.

Но вопросъ о происхожденіи Тосковъ все еще

ношеніе нынѣшнихъ Флорентійцовъ показываетъ ихъ горское происхожденіе.

(*) Тирренскіе Пелазги суть названіе подобное *Американскимъ Индійцамъ*, *Европейскимъ Туркамъ*, и т. п.

Digitized by Google

составляетъ затрудненіе. Преданіе о Лидійской колоніи невѣроятно, и если Этруски были горское поколѣніе, то, отъ чего происходила любовь ихъ къ великолѣпію и осѣдлости, признакъ отличія между ими, Пелазгами и первобытными Италійскими народами? Отъ чего являются также у нихъ глубокія знанія, важный характеръ, теократическая конституція и, можемъ прибавить къ этому, ихъ система порабощать покоренные народы? Что-жъ касается до огромнаго, прочнаго стиля въ постройкѣ, обыкновенно называемаго ихъ именемъ, мы имѣемъ всѣ причины думать, что сіи постройки были не Тосканскія, но Пелазгійскія, и что когда Тосканы покорили Этрурію, то исполинскія стѣны Волтерры, Популоніи и другихъ городовъ уже существовали. Можемъ замѣтить, что сей стиль существовалъ не только въ Циркумпадійской Этруріи, но былъ также найденъ въ Лаціумѣ, гдѣ Тосканы никогда не были осѣдлыми, и въ Пелопонезѣ. Вообще, не будемъ приписывать Тосканамъ Азіятскаго происхожденія, ни даже сродства съ Готѳскими племенами, но удовольствуемся только тѣмъ, что Фрере и Нибуръ были правы, ведя ихъ отъ сѣвера къ югу Италіи, и если-бы кто хотѣлъ вывесть Тосконовъ изъ верхней Азіи, мы думаемъ, что непроницаемая темнота воспрепятствовала-бы узнать первоначальное ихъ происхожденіе.

Подобно всѣмъ древнѣйшимъ именованіямъ народовъ, имя *Тосконовъ* неизъяснимо, и всѣ этимологическія догадки здѣсь нисколько не удовлетво-

Digitized by Google

ришельны. По словамъ Діонисія, имѣвшаго всѣ средства узнать истину, сами себя они называли *Разенами*. Намъ кажется привязчивостію критики увѣреніе Шлегеля, что текстъ въ семъ мѣстѣ испорченъ, или, что Діонисій ошибся. Шлегель полагаетъ, что настоящее слово должно быть *Турсены*, отъ чего произошло *Тусцы*; и все сіе производитъ Шлегель отъ Tus, turis, значащихъ *предложитель*, *жрецы*. Вахсмутово замѣчаніе, что слова Ras-ena и Raet-ia однозвучны, достойно вниманія.

Мы боимся затруднять долѣе читателей нашихъ обломками древнѣйшихъ народовъ, тамъ и здѣсь возвышающимися въ долинахъ, по коимъ рѣка забвенія разлила свои воды, разрушивъ огромныя массы, раздѣливъ самые остатки. Мы должны поспѣшить къ самому Риму, которому хотимъ посвятить остальную половину своей статьи, и постараться вкратцѣ сдѣлать ясными и понятными изслѣдованія Нибура о началѣ Рима, и постепенномъ развитіи его конституціи, во время періода царей. Ни времени, ни мѣста не достало-бы у насъ, если-бы мы хотѣли разбирать каждый пунктъ книги Г-на Нибура, и особливо соображать при томъ возраженія его противниковъ. Мы будемъ предлагать сіи послѣднія только отчасти, болѣе занимаясь теоріею самаго Нибура, въ которой, кромѣ нѣкоторыхъ несоглашеній, мы находимъ всю убѣдительность истины; она невольно заставляетъ каждаго читателя размышлять. Прочитавъ Нибура, вы имѣете вѣрнаго руководителя для чтенія Тита-Ливія и Діонисія, видите писанія

Digitized by Google

ихъ озаренныя новымъ свѣтомъ, и чувствуете, что

«—nil dulcius est, bene quam munita tenere
Edita doctrina sapientum templa serena;
Despicere unde queas alios, passimque videre
Errare.»

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

— *Подснѣжникъ.* СПб. 1829 г., въ т. Деп. Внѣшн. Торговли, in 16, IV и 251 стр. Съ грав. заглавнымъ листкомъ и нотами на одну пѣсню.

Альманахи Русскіе могутъ служить мѣриломъ поэтическаго вдохновенія, успѣховъ и надеждъ Русскихъ писателей. У насъ альманахи не подарки для Новаго года, не сборъ повѣстей и не игрушки типографическаго и гравировальнаго искусства, но важныя книги, представители годоваго трудолюбія почти всѣхъ нашихъ поэтовъ. Русскимъ альманахамъ не нужны прихотливыя украшенія, за которыя надобно дорого платить типографщикамъ и гравёрамъ. Нѣтъ! у насъ читайте альманахъ, тиснутый на сѣрой бумагѣ, безъ картинокъ; покупайте не для Новаго года, а когда случится; не въ изящномъ переплетѣ, а обвернутый въ лоскутокъ копѣечной, крашеной бумаги, все это потому, что не купивъ Русскихъ альманаховъ, вы не

Digitized by Google

узнаете, что̀ написали Русскіе поэты въ прошедшемъ году. Надобно сказать, что и собирателямъ альманаховъ надобно вознаграждать себя за трудъ, истинно тяжелый, ибо не легко выпросишь у первоклассныхъ поэтовъ *чего-нибудь*, такъ-же какъ трудно отбиться отъ задней шеренги поэтическихъ рядовыхъ: они окружаютъ издателя альманаха, точно какъ проѣзжающаго повелителя, подавъ вверхъ свои поэтическія работы и не боясь грязи и толпы, подлѣ колесницы его: у нихъ берите *что хотите*.

Общее мнѣніе признало *Сѣверные Цвѣты* лучшимъ по содержанію Русскимъ альманахомъ. *Подснѣжникъ* идетъ къ нему подъ пару, и его появленіе порадовало насъ, потому, что оно показываетъ богатство нашей поэзіи. Лѣтъ за нѣсколько предъ симъ, почти всѣ поэты наши трудились для наполненія *одного* альманаха; потомъ трудолюбіе ихъ стало наполнять *два* альманаха, наконецъ *три* (*Сѣверные Цвѣты*, *Альбомъ Сѣверныхъ Музъ*, *Невскій Альманахъ*): нынѣ они поддержали свою славу, замѣнивъ *Альбомъ Сѣверныхъ Музъ* *Подснѣжникомъ*. Скажутъ, что и это не показываетъ богатства. Напрошивъ, это очень богато, если вспомнимъ, что многихъ изъ нашихъ поэтовъ едва достаетъ на два, на три въ годъ порядочныя стихотворенія, которыя составляютъ не-балластъ альманаховъ: причиной сего бываетъ или приготовленіе къ какому нибудь важному труду, напримѣръ къ *поэмѣ* стиховъ въ двѣсти — пристa, обдумываемой и обдѣлываемой года три, четыре, и отрывками замѣняющей мелочную недѣятельность

поэта, или—другая причина—отдыхъ послѣ рожденія такого важнаго созданія. Иногда также поэты наши бываютъ огорчены невниманіемъ публики и насмѣшками злодѣевъ-журналистовъ, оставляютъ свои огромные труды и передаютъ ихъ потомству въ отрывкахъ. Можно-ли послѣ этого сказать, что у насъ нѣтъ творческихъ мыслей и дѣятельности?

Прозу *Подснѣжника* составляютъ четыре статейки. *Листокъ изъ дорожныхъ записокъ Русскаго Офицера*, Ѳ. Н. Глинки, гдѣ Авторъ прекрасно описываетъ свои впечатлѣнія въ городѣ Вирцбургѣ. *Русалка*, Малороссійское преданіе, Г-на Байскаго—прелестно разсказанная сказочка, тѣмъ болѣе драгоцѣнная, что наши сказочники мало или неудачно пользуются народными повѣрьями. *Оборотень*, народная сказка, О. М. Сомова, облагороженная хорошимъ разсказомъ, хотя канва ея напоминаетъ дѣтскія небылицы въ лицахъ нашихъ нянюшекъ. *Маскарадъ*, неизвѣстнаго, истинное происшествіе (будто-бы), но оно доказываетъ, что не всѣ истины должно сказывать: лучше было-бы написать такую милую небылицу, какова *Оборотень*.

Стихотвореній въ *Подснѣжникѣ*, большихъ и мелкихъ, 51. Упомянемъ о замѣчательнѣйшихъ. Е. А. Баратынскаго, *Княгинѣ З. А. Волконской*: изображеніе Италіи, не новое, но хорошее. Князя Вяземскаго: *Станція*, отрывокъ изъ пушешествія въ стихахъ (извѣстнаго уже читателямъ Телеграфа по отрывкамъ). Въ семъ стихотвореніи остроуміе, чувство и поэтическіе порывы смѣняются для наслажденія читателя. Выписываемъ изъ *Станціи* нѣсколько стиховъ, надѣясь симъ угодить нашимъ читателямъ.

Digitized by Google

Авторъ говоритъ, что дороги Русскія бываютъ хороши *въ двухъ только случаяхъ, когда—*

Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ
И запорошитъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ.
Или когда поля пройметъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
Пройдти, глаза зажмуря, муха.
Что-жь дѣлать? время есть всему!
Гражданству, роскоши, уму,
Рукой степенной ходъ размѣренъ:
Итогъ въ успѣхахъ нашихъ вѣренъ,
Пождемъ—и возрастетъ итогъ.
Давно-ль могучій Петръ природу,
Судьбу и смертныхъ перемогъ,
Прошелъ сквозь мракъ, сквозь огнь и воду
И слѣдомъ богатырскихъ ногъ
Давно-ли вдоль и поперегъ
Протоптана его Россія?
Исполнятся судьбы земныя
И мы не будемъ безъ дорогъ.
За то военную дорогу
Прокладывать умѣемъ мы:
Въ Парижѣ были, слава Богу,
И, можетъ, не боясь чумы,
Ни Магомета стражи райской,
За славной тѣнью Задунайской,
За тѣнью Царственной Жены,
Мы доберемся до луны;

Digitized by Google

За Грековъ молвимъ рѣчь въ Стамбулѣ,
И межь собой, безъ дальнихъ ссоръ,
Миролюбиво кончимъ споръ,
Когда-то жаркій при Кагулѣ.

Другой отрывокъ изъ Путешествія въ стихахъ, *Соловка*, исполненъ чувства, такъ-же какъ и *Волненіе*, третій листикъ Князя Вяземскаго въ *Подснѣжникѣ*. Барона Дельвига двѣ Русскія пѣсни чрезвычайно нравятся намъ, особенно пѣсня, начинающаяся стихами:

« Дѣдушка! » дѣвицы
Разъ мнѣ говорили:
« Нѣтъ-ли небылицы,
Иль старинной были? »

Г-нъ Подолинскій неизмѣняемо ясенъ, строенъ и возвышенъ въ шести мѣлкихъ стихотвореніяхъ его, напечатанныхъ въ семъ Альманахѣ. А. С. Пушкинъ усладилъ насъ своимъ двѣнадцатистишіемъ: *Приметы*, и утѣшилъ *Литтературнымъ извѣстіемъ*: пусть самъ онъ повторитъ его нашимъ читателямъ.

Литтературное извѣстіе.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ:
Блеснутъ умомъ Письмовникъ снова хочетъ;

Digitized by Google

И говорятъ, на дняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ;
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ Михайло. . . . . .

Глава 1-я повѣсти: *Капитанъ Храбровъ*, В. Л. Пушкина, стихотвореніе, достойное сего заслуженнаго ветерана-поэта. Талантъ Автора поюнѣлъ въ сей остроумной поэтической шуткѣ (*). Баронъ Розенъ напоминаетъ намъ своими произведеніями лучшихъ Германскихъ поэтовъ: онъ оригиналенъ, богатъ чувствомъ и прелестенъ по отдѣлкѣ стиховъ. Г-на Щасшнаго *Фарисъ*, переводъ Мицкевичевой Кассиды, заслуживаетъ особенное вниманіе по хорошимъ стихамъ и вѣрности въ выраженіи мыслей подлинника. Намъ не нравится примѣчаніе, Богъ знаетъ кѣмъ прилѣпленное на первой страницѣ сего перевода. Оно отзывается уѣзднымъ городомъ. *Элегія* и *Эпилогъ* (неизвѣстно *къ чему*), Г-на Языкова, прекрасны какъ Шампанское вино съ Лимбургскимъ сыромъ. Удалые стихи сего поэта такъ однообразны, способъ его выраженія такъ знакомъ всѣмъ Русскимъ читателямъ, что мы почитаемъ излишнимъ говорить о новыхъ произведеніяхъ юна-

(*) В. Л. Пушкинъ просилъ насъ замѣтить, что въ стихотвореніи его, напечатанномъ въ *Подснѣжникѣ*, находится важная опечатка. Тамъ сказано:

Сова хохочетъ, жукъ жужжитъ
И *мысль* крылатая летаетъ,

а надлежало напечатать:

И *мышь* крылатая летаетъ.

Digitized by Google

го сплача Русской поэзіи. — Стихотвореніе: *Ижорскій*, соч. неизвѣстнаго, показываетъ богатое воображеніе Автора и оригинальность въ изобрѣтеніи и въ самомъ выраженіи. Жаль, что *Ижорскій* является въ отрывкахъ, ибо прежде сего (въ 1-мъ N° Сына Отечества на 1827-й годъ), помѣщено было начало онаго. Объ осталыныхъ стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ *Подснѣжникѣ*, мы не скажемъ ничего, потому что объ иныхъ нечего сказать, иныхъ не можемъ похвалить, а ссориться ни съ кѣмъ не хотимъ. Ничего даже не упоминаемъ *о кровопролитныхъ и облитыхъ кровью стихахъ* Г-на Шевырева (который самъ такъ называетъ ихъ). Замѣтимъ только, что сей стихотворецъ, появленіемъ въ печати каждаго своего стихотворенія, доказываетъ, что онъ не поэтъ. Изъ чего хлопочетъ!

Наше дѣло кончено: отчетъ о *Подснѣжникѣ* написанъ. Какова литтература наша, если представителями ея, сборомъ *лучшихъ даровъ* ея, служатъ такіе *три* Альманаха? Это пусть рѣшаютъ сами читатели.

— *Евгеній Онѣгинъ*, романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. СПб. 1829 г., въ т. Деп. Нар. Просв., in 12, VIII, XXII и 59 стр.

Какъ на стараго друга взглянули мы на первую главу *Онѣгина*, напечатанную, кажется, вторымъ изданіемъ. Говоримъ: кажется, потому что кромѣ года, выставленнаго на заглавномъ листкѣ, догадаться объ этомъ не по чемъ: самая наружность сей первой главы точно такова-же, какъ въ изда-

Digitized by Google

нія 1825 года. Можно, правда, замѣтить еще исправленіе нѣкоторыхъ опечатокъ. Такимъ образомъ, почти всѣ произведенія Пушкина напечатаны теперь *вторымъ* изданіемъ, и вѣроятно вскорѣ потребуется третье, четвертое изданіе оныхъ и слѣдующія. Скажите послѣ этого, не *Классическій* ли Авторъ Пушкинъ? ибо Классическій Авторъ есть тотъ, чьи сочиненія составляютъ потребность народную, а не временную, чьи произведенія поэтическія выучиваются наизустъ и составляютъ непремѣнную часть литературнаго богатства народа. Да, ММ. ГГ.! Пушкинъ *Классикъ*, если понимать это слово такъ, какъ понимаютъ его Французы, а не называть Классическими однихъ произведеній Греческаго и Римскаго міра: ибо послѣдователи Классицизма не признаютъ своими *древнихъ* Индійскихъ Авторовъ. Если-же слово, *Классическій Авторъ*, принять въ смыслѣ: *употребляемый въ классахъ, образцовый* для юношей, то конечно Пушкинъ имѣетъ и на сіе болѣе правъ, нежели многіе изъ Грековъ и Латинцовъ: это поэтъ міра современнаго, и что еще ближе къ намъ, міра Русскаго. Нравственности въ немъ, для Русскаго читателя, болѣе нежели во всѣхъ поэтахъ Греціи и Рима, у которыхъ, вездѣ, или языческія причуды, или сладострастныя и часто безнравственныя картины, или, наконецъ, рѣзня на повалъ. Вспомните о Гомерѣ: у него боги настоящіе простолюдины, герои драчуны, и вся Иліада настоящая *бойня*, въ сравненіи съ которою наши романтическія кровавыя сцены — *бой пѣтуховъ*; вспомните о пьяницѣ и шалунѣ Анакреонѣ, о буйномъ Горація (изъясняе-

Digitized by Google

момъ на каѳедрахъ), о разграшномъ Овидіи, о соблазнительномъ Петроніи и проч. и проч. Скажутъ, можетъ быть, что мы уже слишкомъ бранимся; но въ этомъ виновашы нескромные критики, ругающіе добрыхъ нашихъ Романтиковъ въ Вѣстникѣ Европы уже не по нашему: они сами подаютъ намъ примѣръ и оружіе. У нихъ кромѣ этого нечему и научиться.

— *Нравственныя и философическія бесѣды*, изъ сочиненій Доктора Блера. Переводила съ Англійскаго Анна Бунина. М. 1829 г., въ т. Н. Степанова, in 8, 391 стр.

А. П. Бунина, одна изъ извѣстнѣйшихъ женщинъ-Авторовъ Русскихъ, заслуживаетъ истинную благодарность своихъ соотечественниковъ за сей новый трудъ. Касательно самаго подлинника, выписываемъ слѣдующія строки изъ посвященія почтенной Переводчицы, вѣрно характеризующія сіе сочиненіе: «Во всей Европѣ поучительныя рѣчи Англійскаго проповѣдника Блера признаны изящнымъ, классическимъ сочиненіемъ. Столь всеобщее уваженіе воздаютъ имъ не за чистоту слога и не за превосходство краснорѣчія, коими онѣ отличаются. Чистота слога и превосходство краснорѣчія служили проповѣднику токмо простымъ орудіемъ, потребнымъ къ сооруженію предначертаннаго имъ зданія. Главнѣйшее достоинство поученій его состоитъ въ томъ, что онъ какъ-бы стяжалъ свыше даръ подтверждать каждую свою мысль словами Священнаго Писанія, и единственно извлекать изъ него истины, ведущія человѣка путями счастія въ

Digitized by Google

сей жизни и приготовляющія къ блаженству въ будущей. »

— *Благочестивое Говѣющихъ занятіе*, или канонъ Андрея Критскаго Іерусалимлянина, преложенный стихами, церкви Св. Равноапостольныхъ Царей Константина и Елены, что при Градскихъ Богадѣльняхъ, лишеннымъ зрѣнія Священникомъ Гавріиломъ Пакашскимъ. *Церкви и Обществу*. СПб. 1829 г. въ т. Генер. Шпаба, in 8, VI и 114 стр.

Мы увѣрены, что сей посильный трудъ почтеннаго Священника Г. Пакашскаго будетъ принятъ публикою благосклонно.

— *Premiers élémens de grammaire française* de l'Homond, corrigés et augmentés par Constant Letellier. Mis en tableaux par Maurice Allart. Seconde édition (*Первыя основанія Французской Грамматики* Ломона, исправленныя и умноженныя К. Летелье. Приведены въ таблицы Маврикіемъ Алларомъ. Второе изданіе). М. 1829 г., въ продолг. $\frac{1}{4}$ листа, IV и 68 стр.

— *Grammaire raisonnée* à l'usage des élèves de la troisième classe de la pension noble de l'université impériale de Moscou. Par H. Gay, attaché à cet établissement (*Подробная Грамматика*, для воспитанниковъ третьяго класса Благороднаго Пансіона. Соч. Г. Ге). М. 1829 г. въ т. А. Семена, in 8, 191 стр.

Оба сіи сочиненія могутъ служить весьма хорошимъ пособіемъ при изученіи Французскаго языка. Сравнивать ихъ невозможно: Издатели слѣдуютъ совершенно различнымъ методамъ. Если-бы насъ спросили, которой методѣ должно отдать преиму-

Digitized by Google

щество, то мы безъ обиняковъ сказали-бы: методѣ Г-на Аллара. Она вѣрнѣе, надежнѣе ведетъ къ цѣли и оправдываетъ славныя имена Ломона и Лешелье. Въ предисловіи своемъ Г. Алларъ говоритъ: «Издавая сію сокращенную Граммашику, имѣю цѣлію облегчить изученіе и преподаваніе Французскаго языка; признаюсь однакожь, что принятая мною метода требуетъ большаго старанія отъ учителя, труда и размышленія отъ ученика; слѣдственно книга моя не принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ твореній, съ которыми можно учиться самому или научать безъ надлежащихъ познаній.» Она именно заключаетъ въ себѣ *основанія* или афоризмы Французскаго языка, которые учитель долженъ объяснять и ученикъ развивать для себя. Краткость оныхъ позволила Автору включить въ свой трудъ множество правилъ, изложенныхъ ясно, точно и съ наблюденіемъ постепенности.

Книга Г-на Ге составляетъ также прекрасное руководство для изученія Французскаго языка. Авторъ старался сдѣлать ее болѣе *всеобщею*, нежели просто *Французскою* Граммашикою. Но главное достоинство ея, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что Г. Ге, много лѣтъ занимающійся преподаваніемъ Французскаго языка, опытностію своею извлекъ примѣненія, особенно полезныя для Рускихъ, ибо не должно опускать изъ виду, что не все то нужно для Француза въ Граммашикѣ, что весьма важно для иностранца, изучающаго Французскій языкъ. Г. Ге понялъ это и мы особенно съ сей стороны рекомендуемъ трудъ

Digitized by Google

его, впрочемъ полезный и общими правилами. Авторъ обѣщаетъ издать вторую часть своей Грамматики, въ которой будетъ заключаться подробный *Синтаксисъ*. Въ сей первой части объясняется *Словопроизведеніе*.

Г. Ге смѣло называетъ (въ предисловіи) стремленіе къ *идеологіи* истинно здравою методою. Не знаемъ, хорошо-ли это для дѣла столь практическаго, какъ Грамматика, но припоминаемъ себѣ, что величайшій изъ Французовъ не любилъ *Идеологіи*, и что въ его время не смѣли выговорить этого слова, боясь оскорбить практическій слухъ сего человѣка.

Красота изданія и вѣрность корректуры обѣихъ сихъ книгъ дѣлаетъ честь типографіи Г-на Семена.

— *Précis de l'Histoire-sainte* de l'ancien et du nouveau testament, etc. (*Начертаніе Священной Исторіи* Ветхаго и Новаго Завѣта, съ краткимъ Французско-Русскимъ словаремъ, съ географическою росписью упоминаемыхъ мѣстъ и историческими и географическими замѣчаніями). Соч. Н. Эйнерлинга. СПб. 1829 г., въ т. Греча, in 16, IX и 278 стр.

Нѣтъ предмета, для первоначальнаго изученія, столь назидательнаго какъ Священная Исторія: это признано всѣми. Чувствуя сію истину, Г-нъ Эйнерлингъ издалъ Начертаніе Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта и приложилъ къ оному словарь Франц. языка и объяснительныя примѣчанія. Дѣти, читая его книгу, могутъ изучать

Digitized by Google

на употребительнѣйшемъ изъ языковъ, высокія истины. Прекрасная мысль, прекрасно выполненная!

— *Польскіе и Россійскіе разговоры*, составленные по наилучшимъ образцамъ и раздѣленные на 109 уроковъ. Rosmowy Polskie i Rossyyskie, etc. Вильно, 1829 г., въ т. Неймана, in 12, 245 стр.

При бѣдности нашихъ пособій для изученія Польскаго языка, книгу сію можно назвать явленіемъ пріятнымъ. Дай Богъ намъ скорѣе увидѣть появленіе хорошей Грамматики Польской и достаточнаго Польскаго Словаря для Рускихъ.

— *Мелкія сочиненія, отвѣты на критики и сокращеніе мыслей о происхожденіи и образованіи міровъ.* Сочиненіе Е. Ертова. СПб. 1829 г., въ т. А. Смирдина, in 8, 196 стр.

Какъ Авторъ, Г. Ершовъ человѣкъ замѣчательный. «*Страннаго рода самолюбіе* (говоритъ онъ на стр. 82-й) удержало меня отъ усовершенствованія себя во Французскомъ языкѣ. Мнѣ казалось, что свѣдѣній на одномъ Русскомъ языкѣ и собственныхъ мыслей достаточно будетъ для обработыванія на всю жизнь мою; но теперь вижу, что по бѣдному состоянію нашей Словесности не льзя кончить Всеобщей Исторіи безъ помощи иностранныхъ языковъ.» Это справедливо, но не въ томъ отношеніи, какъ разумѣетъ Авторъ. Во первыхъ, мы должны отдать полную справедливость его трудолюбію, стремленію къ общей пользѣ и уму, твердому въ достиженіи къ предположенной цѣли. Но не льзя согласиться съ нимъ, что если-бы сочиненія о Римской Исторіи, написанныя

Digitized by Google

Кревье, Рою, Лебо и Гиббономъ были переведены на Русскій языкъ, то онъ могъ-бы окончить свою Всеобщую Исторію. Мы думаемъ, что онъ не могъ-бы окончить ее и при сихъ переводахъ, ибо онъ не имѣетъ надлежащаго взгляда на событія. Изъ словъ его видимъ, что онъ почитаетъ Исторію лѣтописью, расположенною по особенной какой либо методѣ. Послѣ этого ясно, что онъ долженъ-бы былъ жалѣть не о томъ, что не знаетъ Кревье, Рою, Лебо и Гиббона (хотя послѣдній отъ первыхъ отличается какъ небо отъ земли), но что онъ не знакомъ со взглядомъ философовъ на Исторію, что ему не извѣстны Гердеръ, Гизо, Кузенъ и подобные имъ мыслители, особенно-же въ отношеніи къ Римской Исторіи Нибуръ, о сочиненіи котораго помѣщается статья въ нашемъ журналѣ. Эти люди находятъ недостаточными величайшія произведенія даже такихъ геніевъ, каковы Ливій, Тацитъ, Гиббонъ, Юмъ, Робертсонъ, Миллеръ, ибо они смотрятъ на Исторію какъ на одну мысль, развивающуюся по необходимымъ законамъ, и на лѣтописцевъ какъ на людей, видѣвшихъ только однѣ формы событій, а не сущность. Какое-же въ семъ случаѣ пособіе могутъ представить Лебо и Кревье, когда великій Гиббонъ одностороненъ своимъ взглядомъ, когда краснорѣчивый Титъ Ливій оказывается суевѣрнымъ Римляниномъ и Миллеръ болѣе поэтомъ, нежели историкомъ? Мы никакъ не рѣшились-бы высказать сихъ слишкомъ рѣзкихъ истинъ, безъ подробнаго развитія оныхъ, если-бы не были увѣрены, что мыслящіе люди поймутъ насъ, и если-бы Г. Ершовъ самъ не

Digitized by Google

вызвалъ насъ къ сему откровенному объясненію 84-ю страницею своей книги. Онъ увѣряетъ, что мы сравнили написанную имъ Исторію съ объявленіемъ о помадѣ: по истинѣ это несправедливо! Мы умѣемъ уважать трудъ человѣка почтеннаго, достойнаго хвалы, трудолюбиваго. Въ библіографію Телеграфа 1825 года книга Г-на Ершова не вошла конечно потому, что мы (безъ всякаго намѣренія) не имѣли случая видѣть ее; слова-же, въ коихъ упоминается о помадныхъ объявленіяхъ, относятся совсѣмъ не къ книгѣ Г-на Ершова, а прямо къ объявленіямъ о помадѣ. Что мы почитаемъ Исторію, издаваемыя Г-мъ Ершовымъ, явленіемъ не важнымъ въ Русской Литературѣ, это наше мнѣніе, которое кажется намъ справедливымъ. Но должно-ли за сіе мнѣніе взводить на насъ небылицы? Напротивъ, мы скажемъ, что въ этой самой книгѣ, гдѣ въ числѣ критикъ находится нѣсколько выходокъ противъ Издателя Телеграфа, видимъ умъ наблюдательный, но къ сожалѣнію заключенный въ тѣсную сферу отъ недостатка познаній и просвѣщенія. Отъ души желаемъ Г-ну Ершову всякихъ успѣховъ и просимъ его не сердиться за нашу искренность.

Кромѣ разныхъ замѣчаній на журнальныя статьи, въ книгѣ сей помѣщена, сокращенно, теорія о происхожденіи міровъ, которою Авторъ занимается съ давнихъ лѣтъ.

— *Астрономія для незнающихъ Математики*, или полное обозрѣніе сей науки въ новѣйшемъ ея состояніи, съ присовокупленіемъ жизнеописаній

Digitized by Google

знаменитѣйшихъ астрономовъ. Соч. Бальи. Переведена съ Французскаго Д. Перевощиковымъ. М. 1829 г. въ т. Н. Степанова, in 8, 190 стр., съ 5-ю гравированными рисунками.

Для незнающихъ Математики: слѣдственно для весьма большаго круга читателей. Въ книгахъ сего рода предметъ долженъ быть изложенъ краткo, ясно и заманчиво, ибо, иначе, огромность устрашитъ *незнающихъ*, темнота сдѣлаетъ книгу безполезною, сухость заставитъ покинуть ее. Можемъ сказать, что Г. Бальи и Г. Переводчикъ его исполнили свое дѣло какъ не льзя лучше. Они избѣжали упомянутыхъ нами недостатковъ и замѣнили ихъ достоинствами. Мы въ правѣ сказать это, ибо, принадлежа къ числу не-математиковъ, составляемъ единицу трибунала, которому посвящена сія книга. Мы прочитали ее съ удовольствіемъ и съ пользою. Въ краткомъ, но ясномъ, историческомъ обозрѣніи Астрономіи, Авторъ заставляетъ полюбить сію науку и приступить съ любопытствомъ къ изъясненію истинъ ея. Въ изъясненіяхъ онъ идетъ надежнымъ путемъ, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, такъ, что окончивъ чтеніе его книги, чувствуете себя обладателемъ новаго, прежде для васъ не столь яснаго. Не смѣемъ предъ образованными читателями нашими исчислять простонародныхъ, пошлыхъ доказательствъ о пользѣ Астрономіи: просвѣщенному человѣку надобно имѣть ясное понятіе обо всемъ. Изложивъ впечатлѣнія, сдѣланныя въ читателѣ сею книгою, мы похвалили ее самымъ вѣрнымъ и

Digitized by Google

лестнымъ образомъ, ибо изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что она достигаетъ своей цѣли. Г-ну Переводчику принадлежитъ честь яснаго, точнаго перевода: благодаримъ его за сей ученый подарокъ и желаемъ, чтобы подобныя полезныя книги чаще являлись на Русскомъ языкѣ.

— *Новый Езопъ для дѣтей*, или правоучительный Цвѣтникъ, съ раскрашенными и вырѣзанными картинами, для составленія изъ нихъ игры, относящейся къ баснямъ, переведенный Сергѣемъ Глинкою. Издалъ книгопродавецъ Урбенъ и Комп. М. 1829 г. въ продолговатую 8-ку листа, 46 стр.

Новый Езопъ можетъ служить пріятнымъ подаркомъ для дѣтей. Двѣнадцать басенъ, въ стихахъ и прозѣ, со многими изображеніями предметовъ басенъ, вырѣзанными изъ картона, хорошо раскрашенными и налагаемыми на картинку, изображающую сельскій ландшафтъ—вотъ что составляетъ сей нравоучительный и занимательный для дѣтей *Цвѣтникъ*.

— *Наставленіе о рафинированіи сахара*, составленное Николаемъ Щегловымъ и изданное Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. СПб. 1829 г., въ т. Медиц. Деп. Мин. Внутр. дѣлъ, in 8, 123 стр. съ 2-мя рисунками.

Всякая полезная книга получаетъ новую, бо́льшую цѣну, если она издается кстати. За двад-

Digitized by Google

цать лѣтъ, *Наставленіе о раффинированіи сахара* не было-бы столь полезно, какъ нынѣ, при усиливающемся въ Россіи выдѣлываніи сахара изъ свекловицы. Нынѣ трудъ Г-на Щеглова заслуживаетъ сугубую благодарность всѣхъ Рускихъ, желающихъ блага своему отечеству. Авторъ извлекъ сіе *Наставленіе* изъ лучшихъ Французскихъ книгъ, въ коихъ описаны средства раффинированія сахара, и изложилъ на Русскомъ языкѣ сей предметъ ясно и удовлетворительно. Нужнымъ почитаемъ выписать здѣсь слѣдующія строки: «Привозимые изъ колоній сахарные пески почти совершенно сходны, по составу своему, съ песками, добываемыми нынѣ на свекловичносахарныхъ заводахъ. Раффинировальщики даже *предпочитаютъ* во многихъ случаяхъ *послѣдніе*. Впрочемъ, сходство сихъ произведеній очевидно и изъ самаго добыванія ихъ (*Наставленія*, стр. 13-я).» Слѣдственно, книга Г-на Щеглова можетъ быть равно полезна для раффинирующихъ сахаръ и изъ тростниковаго, и изъ свекловичнаго сахарнаго песку.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

О МОСКОВСКИХЪ КОНЦЕРТАХЪ (*).

Въ старые годы, когда скука не составляла одного изъ главныхъ приличій Московской публики, когда принужденная важность, напоминающая Испанцовъ мрачныхъ временъ Филиппа II-го, не была условіемъ обществъ древней столицы, тогда находили удовольствіе въ посѣщеніи Благороднаго Собранія, театровъ и концертовъ. Тогда, каждый Вторникъ, Охотный рядъ и близъ лежащія улицы были загромождены экипажами, тянувшимися къ Собранію, гдѣ молодыя дамы и дѣвицы, безъ лишнихъ издержекъ на свой туалетъ, весело танцовали до полуночи, и разъѣзжались по домамъ, обѣщая себѣ подобное удовольствіе въ слѣдующій Вторникъ. Эти веселости стоили нашимъ красавицамъ не болѣе 25 рублей въ годъ. Молодые люди того времени исправно посѣщали театръ, и не считали за стыдъ сидѣть въ партерѣ и со вниманіемъ слушать пьесу. Знатнѣйшія дамы ѣздили въ публичные маскарады, которые давались въ обширной ротондѣ бывшаго Петровскаго Театра. —

(*) Сія статья доставлена къ намъ по отпечатаніи 7-го № Телеграфа, и потому является двумя недѣлями позднѣе. *Изд.*

Digitized by Google

Когда наступалъ Великій постъ, концерты привлекали лучшую Московскую публику. Тогда, отличные виртуозы были рѣдки; но шѣмъ не менѣе концерты были разнообразны и доставляли удовольствіе публикѣ, которая искала мѣста для сборища, а не виртуозовъ, прославленныхъ во всѣхъ Европейскихъ газетахъ. Въ то время, незабвенная Сандунова восхищала слушателей Русскою пѣснею: *Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить*, столькоже, сколько въ послѣдствіи времени знаменитая Каталани удивляла своими *Son regina*, или Sul margino d'un rio. Тогда *умѣли* веселиться, потому, что *хотѣли*, а можетъ статься и потому, что тогда всѣ были люди необразованные и неученые, какъ говорятъ новѣйшіе мудрецы. Отъ души радуемся успѣхамъ нашей образованности; жалѣемъ только, что она не дешево достается на счетъ денегъ и здоровья. Въ неученое время самый разсѣянный житель столицы издерживалъ на театры, балы и концерты не болѣе трехъ сотъ рублей въ годъ, а въ замѣнъ того былъ развлеченъ и веселъ. Нынѣ, должно заплатить, по крайней мѣрѣ, въ-десятеро за неизъяснимое удовольствіе просиживать до утра за бостономъ, и въ добавокъ къ тому, отъ безпрестаннаго сидѣнья, получить боль въ поясницѣ и приливъ крови къ головѣ, что должно быть очень пріятно. Но чего не сдѣлаешь для просвѣщенія... гостиныхъ и будуаровъ!— Обратимся къ нашему предмету.

Въ нынѣшнемъ году не было въ Благородномъ Собраніи тѣхъ блистательныхъ концертовъ, какіе давались года три тому назадъ, когда Гр. М. Ю.

Digitized by Google

В—ій, истинный любитель и знатокъ въ музыкѣ, былъ Старшиною Собранія. Одинъ солистъ и одинъ пѣвецъ, аккомпанируемые квартетомъ: вотъ все, что составляло въ нынѣшнемъ году музыкальные вечера Благороднаго Собранія. — Театральные концерты были очень хорошо расположены, но они привлекали мало посѣтителей. Въ отдѣленіи Благороднаго Собранія (нынѣ занимаемомъ Нѣмецкимъ Клубомъ) С. Петербургскій Актеръ, Г-нъ *Женьесъ*, давалъ, такъ называемый, музыкальный и декламаціонный вечеръ. Тирады и сцены, прочитанныя Г-мъ Женьесомъ, совершенно теряли все свое достоинство, не будучи связаны съ дѣйствіемъ. Трагедія не опера. Можно составить концертъ изъ различныхъ арій, но выдержки изъ знаменитыхъ драматическихъ произведеній, прочитанныя однимъ лицомъ, мало дѣйствуютъ на слушателей. Впрочемъ Г-нъ Женьесъ очень хорошо декламировалъ небольшую мелодраму: *Пигмаліонъ*. Въ Дамскомъ Журналѣ хвалятъ *стихи Ж. Ж. Руссо*, коими написана эта небольшая пьеса.—Концертъ Гг. *Леру* (скрипача) и *Лемоха* (форшепьяниста), во Французскомъ театрѣ, равно и концертъ Г-на *Вальтера* (флейтраверсиста), въ залѣ Благороднаго Собранія, были очень незначительны, ни по содержанію своему, ни по собранію публики. Должно отдать справедливость Г-ну Лемоху, что онъ очень хорошо играетъ на форшепьяно; но этотъ инструментъ самъ по себѣ не концертный. Онъ не имѣетъ протяжныхъ и, такъ сказать, одушевленныхъ звуковъ, которые могли-бы дѣйствовать на слушателей. Искусные смычки *Ромберга*, *Балю*, *Роде*,

Digitized by Google

Семенова, и *Полякова*, сильная грудь *Дювернуа*, *Фогта*, *Костина*, *Титова* и *Папкова*, могутъ извлекать сладостные тоны изъ ихъ инструментовъ (*); на форшепьяно, звуки не прошяжные, а отрывистые, посему и гармонія сего инструмента

(*) Всѣмъ извѣстно, кто таковы Ромбергъ, Бальо и Роде; всѣ знаютъ, что знаменитые: волторнистъ Дювернуа и гобоистъ Фогтъ играютъ въ оркестрѣ Большой Парижской Оперы; но мы долгомъ себѣ поставляемъ дать свѣдѣніе нашимъ читателямъ о тѣхъ изъ вышеупомянутыхъ виртуозовъ, которые мало извѣстны Московской публикѣ, а именно: о музыкантахъ Императорскаго Московскаго Театра.— Г. *Поляковъ* можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ скрипачей въ цѣлой Европѣ. Необычайное, увлекающее чувство, душа въ его игрѣ, напоминаютъ Дица и Бальо.—Г. *Костинъ*, первый фаготистъ здѣшняго театра, по увѣренію всѣхъ иностранныхъ артистовъ, не много имѣетъ себѣ подобныхъ въ самыхъ музыкальныхъ странахъ. Въ его рукахъ, фаготъ дѣлается какимъ-то особеннымъ, очаровательнымъ инструментомъ. Г. *Титовъ* достигнулъ едва-ли не высшей степени совершенства на кларнетѣ. Онъ смѣло могъ-бы состязаться съ первѣйшими виртуозами... если-бы онъ былъ не-Русскій. Гг-да *Папковъ* (флейтраверсистъ) и *Лузинъ* (волторнистъ) могутъ съ честью занимать первыя мѣста въ знаменитѣйшихъ оркестрахъ Европы. Не льзя не упомянуть также объ отличномъ талантѣ молодаго гобоиста Г. *Самарина*. Къ несчастію, или, лучше сказать, къ счастію, грудь сего юнаго артиста не слишкомъ сильна, и онъ болѣе занимается теоріею музыкальнаго искусства и композиціею. Нѣтъ худа безъ добра! Эти

Digitized by Google

состоишъ въ искусномъ и скоромъ дѣйствіи пальцовъ. Такъ называемая *туше* (touche), или умѣнье придавлять клавишу, есшь камень прешкновенія для форшепьянисшовъ. Оно немногимъ дано въ удѣлъ, а посему исшинные виршуозы на семъ инсшруменшѣ очень рѣдки. Многія изъ нашихъ дамъ, даже дѣшей (въ шомъ числѣ малюшка *Шарпанпье*, ученикъ знамениша-го Фильда), прекрасно играюшъ на форшепьяно, и не могушъ назваться виршуозами, между шѣмъ какъ о скрипачѣ, или о гобоисшѣ, никакъ нельзя

занятія могутъ принесть болѣе пользы, нежели надуваніе гобоя. Отъ чего-же происходитъ, что эти господа до сихъ поръ такъ мало извѣстны? Возьмемъ въ примѣръ Нѣмца, не получившаго отъ природы музыкальнаго дара. Необходимость имѣть какое нибудь ремесло, не рѣдко дѣлаетъ изъ него очень хорошаго музыканта. Сей талантъ, приобрѣтенный имъ посредствомъ долговременныхъ и посильныхъ трудовъ, дѣлается для него, нѣкоторымъ образомъ, сокровищемъ, о коемъ онъ безпрестанно заботится, и которое старается держать въ наилучшемъ видѣ. Отъ этого приобрѣтаются извѣстность и слава. Рускій, получившій въ десятеро болѣе отъ природы, не прилагаетъ ни малѣйшаго старанія объ усовершенствованіи своего таланта. Довольный хорошимъ жалованьемъ, спокойно выжидаетъ онъ двадцати-лѣтняго срока, для полученія полнаго пенсіона! Господа Русскіе таланты! Вы не всегда вправѣ обвинять публику въ равнодушіи къ вамъ, и мы, въ свою очередь, можемъ обвинить васъ въ равнодушіи къ вашему искусству! — В. У.

Digitized by Google

сказать, что они играютъ *прекрасно*, если они не въ полномъ смыслѣ виртуозы. Рѣшительно можно назвать фортепьяно инструментомъ мыслей музыкальныхъ, но не выраженія оныхъ. Придать выразительность тону, раздробленному на множество мѣлкихъ частицъ, и извлечь сладостную мелодію изъ отбивныхъ звуковъ, есть искусство, сопряженное съ преодолѣніемъ величайшихъ трудностей. Оно-то и дѣлаетъ виртуозовъ—фортепьянистовъ, которыми Россія едва-ли не богаче всѣхъ прочихъ странъ Европы. Плѣнительныя сонаты *Штейбельта* были сочинены въ Петербургѣ; *Мейеръ*, *Шоберлехнеръ*, и, что всего важнѣе, единственный, неподражаемый, *великій Фильдъ*, живутъ въ нашемъ отечествѣ. Знаменитая Г-жа *Шимановская* если не соотечественница, то, по крайней мѣрѣ, соплеменница наша. Въ Москвѣ трудно удивить искусною игрою на фортепьяно: мы на этотъ счетъ избалованы.

Г. Моринн, бывшій капельмейстеръ здѣшняго Итальянскаго театра, въ данномъ имъ концертѣ, вытащилъ изъ подъ спуда знаменитую ораторію: *Сотвореніе міра*. Намѣреніе было очень хорошо, и лучшіе музыканты нашей столицы участвовали въ исполненіи онаго; но по несчастію, или по какимъ другимъ причинамъ, случилось нижеслѣдующее: Гайденъ хотѣлъ изобразить въ своемъ твореніи хаосъ, приведенный въ гармонію, волею Всевышняго, а въ залѣ Большаго театра, волею ГГ. пѣвцовъ и пѣвицъ, изъ гармоніи безсмертнаго композитора вышелъ такой хаосъ, что многіе изъ посѣтителей вынуждены были уѣхать, не до-

Digitized by Google

ждавшись конца. Въ замѣнъ сего, публика была порадована концертомъ, который далъ Г. *Шольцъ*, капельмейстеръ Императорскаго театра. Въ семъ концертѣ, 15-ти лѣтняя дочь Г. Шольца пѣла Итальянскую арію, и извѣстную Русскую пѣсню: *Соловей, мой соловей!* Въ полномъ смыслѣ восхитила она слушателей. Само собою разумѣется, что въ столь юномъ возрастѣ нельзя имѣть голоса, совершенно выработаннаго. За всѣмъ тѣмъ, свобода, чистота, правильность и вѣрность, съ коею дѣвица *Шольцъ* брала всѣ ноты, обѣщаютъ въ ней превосходную пѣвицу. При семъ случаѣ замѣтимъ, что раждающійся таланшъ дѣвицы Шольцъ есть живой упрекъ нашимъ госпожамъ *кантатрисамъ*, которыя нисколько не заботятся о томъ, чтобы голосъ ихъ свободно выходилъ изъ груди, отъ чего и зависитъ настоящее *пѣніе* (il canto). Работашь горломъ, выдѣлывать, такъ называемыя Французами, les gargouillades —вотъ въ чемъ поставляютъ онѣ все искуство. Долгъ справедливости обязуетъ насъ сказать, что Г-жи *Сабурова* и *Н. Рѣпина* не подвержены сему недостатку. Первая, не взирая на пошерю голоса, до сихъ поръ осталась истинною пѣвицею; вторая, стараніемъ и прилежнымъ ученіемъ, достигла труднаго искуства пѣть вѣрно и чисто, что, по настоящему, должно быть первымъ и необходимымъ условіемъ каждой пѣвицы. Это дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести Г-жѣ Рѣпиной, что она кромѣ сего очень заботится о своей игрѣ. Дѣло идетъ теперь не о декламаціи; но нельзя удержаться, чтобы не замѣтить этой прелестной Актрисѣ, что если она

Digitized by Google

совершенно отвыкнетъ (о чемъ она и старается) отъ *протяжнаго произношенія*, которое, по несчастію, такъ замѣтно у многихъ Московскихъ актрисъ, то она приобрѣтетъ заслуженную и прочную славу на поприщѣ театральнаго искусства, чего мы ей отъ души желаемъ.

Но ни одинъ концертъ не надѣлалъ столько шуму, какъ данный Г-жею *Мелась*, первою пѣвицею С.Петербургскаго Итальянскаго театра. Къ этому концерту можно примѣнить старинную пословицу: multum clamoris et parum lanæ. Начнемъ съ того, что цѣна мѣстамъ была назначена такая, какой не брали ни Каталани, ни Боргондіо. Билеты въ театръ продавались вдвое и вчетверо дороже казенной цѣны! Этимъ самымъ Г-жа Мелась много повредила своему успѣху. Будучи не много поумѣреннѣе въ требованіяхъ дани отъ публики, она могла-бы дать два и три концерта, которые выручили-бы ей гораздо болѣе и вполнѣ удовлетворили-бы любопытству жителей столицы. Что-жь касается до искуства пѣвицы, то должно отдать справедливость Г-жѣ Мелась въ томъ, что она имѣла прекраснѣйшую школу; голосъ ея обширенъ и выработанъ. За всѣмъ тѣмъ, она дѣйствовала на душу зрителей гораздо менѣе, нежели Г-жа *Анти*, или, лучше сказать, Г-жа Мелась удивляла слушателей, но на душу ихъ вовсе не дѣйствовала. Это происходитъ отъ того, что голосъ ея заключается въ горлѣ, какъ говорятъ Нѣмцы. У Г-жи Мелась нѣтъ тѣхъ чистыхъ, свободныхъ тоновъ, выходящихъ изъ груди, въ которыхъ собственно и состоитъ пѣніе. Сверхъ того, она не рѣдко,

Digitized by Google

безъ всякой нужды, во зло употребляетъ обширность своего голоса. Такъ напримѣръ, въ первой аріи (изъ оперы: Семирамида) она возвышала свой голосъ до Re bemol: вышина необычайная! но за то, и нота была взята съ грѣхомъ пополамъ. Мнѣ скажутъ, что немногіе изъ слушателей могли замѣтишь эту *фальшь*; правда, но въ замѣнъ того немногіе изъ слушателей постигали всю трудность подобнаго возвышенія голоса. Если-бы Г-жа Меласъ не переходила за Si bemol, то она равно удовлетворила-бы всѣмъ. Жалѣемъ очень, что мы такъ мало пользовались концертами Г-жи Меласъ, послѣ столь нетерпѣливаго ожиданія ея пріѣзда.

О концертахъ ГГ. *Ромберга* и *Далокка* нечего говорить. Виртуозы сіи давно и очень хорошо всѣмъ извѣстны.

В. У.

P. S. Съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей о готовящихся новыхъ Русскихъ спектакляхъ. Въ бенефисъ Г. Шольца представленъ будетъ: *Полифемъ или торжество Галатеи*, балетъ соч. Г-жи *Гюльсп-Соръ*, обставленный со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Въ бенефисъ Г-жи Н. Рѣпиной дана будетъ прекрасная комедія: *Дворянскіе выборы* и замысловатый водевиль: *Дипломатъ*. Умалчиваемъ о множествѣ другихъ водевилей и интермедій. Публика, съ сокрушеннымъ сердцемъ, должна будетъ вытерпѣть эту необходимую приправу бенефисовъ.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

On fait déjà dans les magasins de modes des chapeaux de paille et des capotes de tissu de paille et rubans.

On met des grappes de lilas blanc sur les chapeaux de crêpe crêpé couleur saumon, et des bouquets de violettes ordinaires ou de violettes de Parme sur les capotes de gros de Naples rayé, façon de guingamp : sur les chapeaux de crêpe blanc, c'est une branche de pêcher ou d'amandier en fleur.

Quelques capotes de taffetas-guingamp ont tout autour de la forme, une rangée de rubans, repléyés du haut en fer de lance, et figurant une palissade : les pointes dépassent la forme d'un ou deux pouces.

Une nouvelle manière de garnir les chapeaux de crêpe crépé blanc, consiste à entourer la forme, qui est très-basse et coupée en biseau, de bouts de rubans moitié blancs moitié verts. Ces rubans, taillés en double pointe, sont soutenus par un laiton.

Abricot-rosé est une des nuances à la mode en étoffes de soie pour chapeaux et pour capotes.

Des plumes de *casoar*, plumes d'un beau noir sont employées par quelques modistes.

До 10 Апрѣля (н. с.) 1829 года.

Digitized by Google

Si l'on en juge par la représentation au profit de Bordogni, les roses sans feuilles, en cordon, ou bien détachées, sont l'ornement obligé des coeffures en cheveux.

De nouvelles robes, en toile de laine, ont un corsage en guimpe, très-juste, et un dos plat. La grande quantité de plis formés autour des hanches, fait paraître svelte des femmes à taille épaisse.

Plusieurs robes ont par dessus des manches courtes, plissées en béret, des manches de blonde, dites *oreilles d'éléphant*, qui descendent jusqu'au coude.

Dans quelques magasins de modes, et chez plusieurs marchands de nouveautés, il existe, en étoffe de soie, une nuance entre le gris-lavande et le gris-lilas, à laquelle on a donné le nom de *parfait amour*. Jadis on disait:

Gris de lin,
Amour sans fin.

Dans les magasins de M. Delisle, rue Sainte-Anne, n° 46, il y a des mousselines imprimées, dites *fouillis*, pour robes du matin; des *gros de Naples peints*, pour robes de promenade; et des *foulards de laine peints*, pour robes de promenade et de dîner. La pureté des dessins répond à la finesse des étoffes.

Tous les habits d'amazone laissent voir une chemise plissée et boutonnée comme une chemise d'homme. On fait ces habits en drap bleu de ciel, quelquefois drap vert-laurier.

Digitized by Google

Une boucle de ceinture en or à la dernière mode est ornée de huit pierres montées à jour: deux malachites, deux cornalines rouges, deux blanches et deux jaunes. Ces pierres sont taillées comme des brillans. Chacune des malachites occupe une extrémité de la boucle. Les six autres pierres ornent les côtés. Des boucles d'oreilles entièrement en or *à la turque*, c'est-à-dire formées d'un croissant, tiennent suspendues trois poires vacillantes.

Dans les bals de la Mi-Carême, quelques dames on porté des bas de soie blancs, parsemés de fleurs de cachemire.

Головные уборы. Въ магазинахъ модъ явились уже лѣтнія соломенныя шляпки, и такія-же шляпки-капоты, съ ленташи.—Вотъ модные цвѣты для убора шляпокъ: *крепъ-креповыхъ, цвѣта семги*, вѣшки бѣлыхъ сиреней; *гроденаплевыхъ капотовъ*, полосатыхъ на манеръ генгана, букеты фіалокъ, простыхъ или Пармскихъ; *креповыхъ бѣлыхъ* вѣшка персика, или миндальника въ цвѣту.—Капоты изъ шелковаго генгана убираются иногда, вокругъ шульи, ленташи, прошянутыми сверху шульи на манеръ копей, и образующими кругомъ палиссадъ; концы сихъ украшеній на вершокъ и на два переходятъ шулью.—Новая мода убирать крепъ-креповыя, бѣлыя шляпки, окружая шулью, которая весьма низка и срѣзана накосо, ленташи, половина бѣлыми, половина зелеными; онѣ вырѣзаны двойными углами, и поддерживаются латунью. — *Абрикосный-розовый*, одинъ изъ модныхъ оттѣнковъ для шелковыхъ ма-

Digitized by Google

шерій на шляпки и капоты. — *Казоаровыя* перья, прекраснаго чернаго цвѣта, употребляются нѣкоторыми модистками (*казоаръ* птица, немного менѣе страуса, и перья у нея черныя, пушистыя). — Если судить по нарядамъ, замѣченнымъ въ театрѣ, въ бенефисъ Бордоньи, розы безъ зелени, гирляндою, или разсѣянно, суть принятое украшеніе уборки волосовъ.

Модныя платья. Платья изъ шерстяныхъ матерій дѣлаются съ корсажемъ безъ складокъ на спинѣ, и въ обтяжку. Множество складокъ на рукавчикахъ, при такомъ корсажѣ, дѣлаютъ красивою и довольно широкую талію. — У многихъ платьевъ, сверхъ коротенькихъ рукавчиковъ, сложенныхъ по берешному, бываютъ еще блондовые рукавчики, называемые *слоновыми ушами*, которые простираются до локтей. — Въ нѣкоторыхъ модныхъ магазинахъ явился новый оттѣнокъ шелковыхъ матерій, сѣрый, между *gris-lavande* и gris-lilas, который называютъ *parfait amour*. Вспарину говаривали:

Gris de lin,
Amour sans fin.

Еще модныя матеріи: *набивныя кноп*, называемыя fouillis, для платьевъ утреннихъ; *рисованный гроденапль*, для платьевъ на прогулку; *фуляры шерстяные, рисованные*, для платьевъ на прогулку и для выѣздовъ къ обѣду. Чистота рисунковъ соотвѣтствуетъ нѣжности тканей сихъ. — Дамскія амазоны дѣлаются суконныя, цвѣта небесной лазури и зеле-

Digitized by Google

наго лавроваго; ихъ такъ дѣлаютъ, что на груди видна шемиза, со складками и съ пуговками, какъ мужская рубашка.

Модныя мѣлочи. Золотая, поясная пряжка, по послѣдней модѣ, дѣлается съ восмью камнями *ажуръ*: два малахита, два сердолика красныхъ, два бѣлыхъ и два желтыхъ; всѣ сіи камни огранены на манеръ брилльянтовъ; малахиты бываютъ вверху и внизу пряжки, и шесть сердоликовъ по бокамъ.

Серьги *Турецкія* состоятъ изъ золотыхъ полумѣсяцовъ, на которыхъ висятъ по три дрожащихъ, золотыхъ грущи.

На нѣкоторыхъ балахъ въ постъ дамы являлись въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, съ шалевыми цвѣточками.

На приложенной каршинкѣ:

Дама. Головная уборка, изобрѣтеніе артиста Александра; тюлевое платье, убранное атласомъ и цвѣтами.

Къ сей книжкѣ слѣдовало приложить костюмъ мужской; но почта Парижская не пришла еще при выходѣ книжки, и потому мужской модной костюмъ будетъ приложенъ при слѣдующей книжкѣ.

Digitized by Google

Въ стихахъ, на стр. 408-й сего N°, въ 3-й строкѣ снизу, опечатка. Вмѣсто: *Вѣстникъ*, слѣд. чит. *Вѣникъ*.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Апрѣля 23 дня 1829 года.

Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 8. *Апрѣль* 1829.

КРАТКІЯ ОСНОВАНІЯ ХИМІИ

ДЛЯ ФАВРИКАНТОВЪ И ЗАВОДЧИКОВЪ.

I. Вещества простыя невѣсомыя.

1. Теплотворъ (calorique). Въ Химіи называютъ теплотворомъ вещество, обыкновенно называемое *теплотою* и *огнемъ*. Сія жидкость, накопленіе коей оказываетсл особеннымъ впечатлѣніемъ на наши чувства, занимаетъ важное мѣсто во всѣхъ химическихъ явленіяхъ. Дѣйствуя на тѣла, она раздѣляетъ ихъ частицы, и вообще стремится измѣнить ихъ состояніе, дѣйствіемъ своей расширительной силы. Такимъ образомъ, твердыя тѣла, по большей части, могутъ быть доведены имъ до состоянія жидкости, а жидкія дѣйствіемъ теплоты приходятъ, болѣе или менѣе, въ состояніе паровъ или газовъ. Изъ сего видно, что *сродство* и *теплотворъ* суть двѣ силы,

Digitized by Google

конхъ дѣйствія уравниваются и уничтожаютъ себя безпрерывно въ природѣ. Перевѣсъ Сродства привелъ-бы всѣ тѣла воздухообразныя и жидкія въ твердость, а перевѣсъ Теплотвора, напротивъ, обратилъ-бы всѣ твердыя и жидкія тѣла въ воздухообразныя.

Накопленіе теплотвора замѣтно, когда тѣло соблюдаетъ свое прежнее образованіе; но если тѣло изъ твердаго состоянія перешло въ жидкое, а изъ сего въ воздухообразное, тогда возвышеніе температуры (т. е. усиленіе теплоты) уже перестаетъ быть въ соразмѣрности съ количествомъ теплотвора, имъ поглощеннаго, ибо тогда значительная часть теплотвора входитъ въ тѣснѣйшее соединеніе съ сущностью, измѣнившею свое состояніе, и только поддерживаетъ ея жидкость. Такимъ образомъ ледъ, растаявая, поглощаетъ, безъ всякаго возвышенія своей температуры, теплотворъ, необходимый для возведенія отъ 0 къ 75° вѣса воды, равной его вѣсу; такъ, жидкость, доведенная до кипѣнія въ открытомъ сосудѣ, уже не разгорячается болѣе, ибо сколько-бы ей ни сообщали теплотвора, онъ весь употребится на произведеніе паровъ.

Количество теплотвора, поглощаемаго тѣлами, въ то время, когда они переходятъ изъ твердаго въ жидкое или воздухообразное состояніе, называютъ *теплотворъ скрытный* (calorique latent). Дѣйствительно, въ семъ состояніи со-

Digitized by Google

единенія, теплотворъ не показываетъ своего присутствія никакимъ дѣйствіемъ; но онъ выходитъ и дѣлается явнымъ, когда тѣла принимаютъ свою прежнюю форму. Такимъ образомъ, водяные пары, впущенные въ жидкость, гдѣ они сгущаются, производятъ значительное возвышеніе температуры, происходящее большею частію отъ выхода теплотвора скрытаго, который содержали въ себѣ водянистыя частицы, будучи въ воздухообразномъ состояніи.

Способность жидкихъ тѣлъ: поглощать большое количество теплотвора, претворяясь въ пары, даетъ средства фабрикантамъ и заводчикамъ ко многимъ приложеніямъ. Мы упомянемъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ, именно: *нагрѣваніи жидкостей, посредствомъ водяныхъ паровъ, при крашеніи.* Хотя сей образъ нагрѣванія представляетъ довольно важныя неудобства во многихъ случаяхъ, такъ, что не льзя его принимать иначе, какъ по зрѣломъ размышленіи; но можно вообще сказать, что кромѣ сбереженія дровъ, онъ можетъ еще, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дать средства уравнять температуру съ желаемою точностью, что иногда весьма важно. Нагрѣваніе парами выгодно, когда надобно вдругъ нагрѣть нѣсколько сосудовъ, ибо огонь разводятъ только подъ однимъ сосудомъ, производящимъ пары, и тѣмъ избѣгаютъ утраты теплотвора, которая произошла-бы, если-бъ надобно было

Digitized by Google

нагрѣвать нѣсколько печей. Но нагрѣваніе парами невыгодно по издержкамъ, какихъ оно требуетъ, если не льзя впустить пара въ жидкости, кои хотятъ разогрѣть, и если для того принуждены впускать паръ въ промежутокъ, между внѣшнею стороною сосудовъ и внутреннею стороною особеннаго сосуда, которымъ первый окруженъ.

Нынѣ съ успѣхомъ употребляютъ паръ въ сушкѣ. Для сего пускаютъ его въ широкія мѣдныя трубки, пролегающія около пароваго котла, и поелику надобно наблюдать только за одною печью, которую можно поставить внѣ зданія, то легко избѣжать всякой опасности отъ огня, и въ сушильнѣ, куда трубки проходятъ, постоянно сохранять одинакую степень температуры.

Расширеніе шѣлъ отъ дѣйствія теплотвора дало поводъ къ устройству термометровъ, или такихъ инструментовъ, помощію коихъ можно измѣрять температуру различныхъ веществъ. Есть термометры, коими измѣряется измѣненіе средней температуры, и объ нихъ, какъ употребительныхъ въ промышленности, мы поговоримъ здѣсь. Вливаютъ спиртъ винный, или ртуть, въ стеклянный пустой шарикъ, отъ коего идетъ стеклянная трубка, извлекши напередъ изъ шарика и трубки воздухъ, посредствомъ поднесенія оныхъ къ огню. Когда влитъ спиртъ, трубка гермепически запаяваепся на огнѣ лампады, и

Digitized by Google

тогда спиртъ, бо́льшимъ или ме́ньшимъ возвышеніемъ въ трубкѣ, показываетъ бо́льшую или ме́ньшую степень теплоты, заключающейся въ томъ веществѣ, въ которое термометръ погружаютъ. У термометровъ съ виннымъ спиртомъ, шабличка градусовъ гораздо короче ртутныхъ, ибо спиртъ закипаетъ скорѣе воды; потому, почти не льзя употреблять винныхъ термометровъ при температурахъ высокихъ; термометры ртутные, напротивъ, могутъ показывать самыя высшія температуры, и опытъ того употребленіе ихъ всеобщнѣе. Во Франціи шаблички градусовъ, на которые дѣлится трубка, обыкновенно составляютъ 100 градусовъ, между температурою тающаго льда и кипѣніемъ перегнанной воды, при среднемъ атмосферическомъ давленіи. Иначе дѣлятъ сіе разстояніе только на 80°, и такіе термометры называются *Реомюровыми*, по имени физика, придумавшаго сіе дѣленіе; Реомюровы термометры въ Россіи употребительнѣе.

Степень кипѣнія жидкостей требуетъ сильнѣйшей теплоты тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе бываетъ давленія атмосферы, ибо воздухъ лежитъ на жидкости, какъ тяжелая покрышка, и противится произведенію паровъ. Прибавленіе въ воду какихъ-нибудь соляныхъ веществъ, имѣющихъ сродство съ сею жидкостью, также задерживаетъ кипѣніе, ибо водянистыя частицы, удерживаемыя

Digitized by Google

сродствомъ сихъ веществъ, труднѣе уступаютъ растяжительной силѣ теплотвора.

Теплотворъ имѣетъ свойство проникать въ частицы тѣлъ; но не всѣ тѣла съ одинаковою легкостью допускаютъ дѣйствіе сего свойства, и потому многія изъ нихъ можно назвать *худыми проводниками* теплотвора. Вообще жидкости суть худые проводники, и если онѣ легко нагрѣваются, то это происходитъ отъ того, что нагрѣтыя частицы, сдѣлавшись легче, стремятся къ верху, а частицы холодныя, будучи тяжелѣе, напротивъ падаютъ внизъ. Всѣ тѣла твердыя поглощаютъ и извергаютъ теплотвора тѣмъ болѣе, чѣмъ обширнѣе ихъ поверхность и чѣмъ она неровнѣе, а тѣмъ менѣе, чѣмъ поверхность ихъ меньше и глаже.

Соединеніе тѣлъ обыкновенно бываетъ причиною болѣе или менѣе значительнаго извлеченія теплотвора, и симъ средствомъ мы достаемъ себѣ теплоту, когда она намъ потребна. Женіе уголныхъ веществъ, производящее огонь, есть ничто другое, какъ *соединеніе угля съ составною частью воздуха*, называемою *кислотворомъ*. Теплотворъ отдѣляется въ соединеніяхъ отъ того, что вещества сгущаются, или производятъ составы, болѣе сжатые; вообще, воздухообразныя и текучія тѣла отдѣляютъ изъ себя теплотвора гораздо болѣе, когда соединеніе ихъ производитъ измѣненіе ихъ состоянія.

Digitized by Google

2. *Свѣтъ* (lumière). Свѣтъ и теплотворъ имѣютъ столь великое отношеніе одинъ къ другому, что въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можно позволить себѣ смотрѣть на нихъ, какъ на разныя измѣненія одной и той-же сущности. Дѣйствительно, не льзя собрать большаго количества теплотвора въ какое-нибудь тѣло, безъ того, чтобы оно не сдѣлалось свѣтящимся, и во многихъ случаяхъ, мы видимъ свѣтъ въ отношеніи тѣлъ, какъ вещество, прибавляющее температуры пять сотенныхъ градусовъ.

Лучъ свѣта, упавшій на стеклянную призму, раздѣляется сею призмою на семь лучей, отличныхъ одинъ отъ другаго цвѣтами, которые идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, свѣтло-голубой, синій и фіолетовый; тѣла кажутся намъ разноцвѣтными, смотря потому, какіе изъ сихъ лучей они поглощаютъ и какіе отражаютъ. Бѣлый цвѣтъ есть отраженіе всѣхъ цвѣтовъ, а черный поглощеніе всѣхъ. Въ веществахъ красныхъ, только краснаго цвѣта лучи отражаются, и можно сказать обо всѣхъ веществахъ, что они поглощаютъ всѣ лучи, кромѣ тѣхъ, которые они, по сущности своего цвѣта, отражаютъ. Посему, смѣшеніе многихъ жидкостей густыхъ цвѣтовъ постоянно производитъ цвѣтъ черный, поглощая взаимно лучи свѣтящіеся. Но когда число жидкостей не велико, то произведенный цвѣтъ заключаетъ въ себѣ отча-

Digitized by Google

сти всѣ цвѣта смѣси. Искусство разнообразить оттѣнки смѣсью жидкостей, окрашенныхъ въ разные цвѣта различными веществами, составляетъ важный отдѣлъ искусства красить.

Хотя мы не можемъ сказать, какимъ образомъ свѣтъ дѣйствуетъ на красящія вещества, и какое соединеніе началъ онъ производитъ, но достовѣрно то, что онъ имѣетъ на цвѣта дѣйствіе весьма сильное, уничтожаетъ въ самое короткое время многіе изъ нихъ, и въ продолжительности времени дѣйствуетъ даже на тѣ, которые мы называемъ *постоянными*, и которые противостоятъ обыкновеннымъ измѣняющимъ средствамъ. Впрочемъ, и не удивительно, что свѣтъ можетъ дѣйствовать такъ сильно въ разрушеніи цвѣтовъ, когда мы знаемъ, что это происходитъ отъ вліянія его на соки произрастеній, еще живущихъ; сіи соки окрашиваясь различными цвѣтами, получаютъ много другихъ качествъ, ихъ отличающихъ, какъ-то: *запахъ* и *вкусъ*.

3 и 4. *Электричество* и *Магнетизмъ* (électricité, magnétisme). Ученіе сихъ веществъ, чрезвычайно важное и занимательное, донынѣ не соединяется никакимъ образомъ съ промышленностію заводскою и фабричною, и потому мы удовольствуемся сказать здѣсь только, что электрическая жидкость, одинакая съ сущностію молніи, является на поверхности стеклянныхъ или смолистыхъ веществъ при треніи оныхъ. Мы не

Digitized by Google

упоминаемъ также здѣсь о *Гальванизмѣ*, происходящемъ отъ соприкосновенія цинка, мѣди и жидкости. Магнитное вещество, замѣчательное способностію своею привлекать къ себѣ желѣзо, является намъ въ нѣкоторыхъ минералахъ сего металла. Электричество, гальванизмъ и магнетизмъ, представляясь сродными между собою, и сродными съ свѣтомъ и теплотворомъ, суть важные дѣйствователи во всѣхъ химическихъ уравненіяхъ, и производятъ множество явленій, коихъ изученіе чрезвычайно полезно, ибо оно проливаетъ свѣтъ на теорію сродства тѣлъ, донынѣ еще весьма темную и неясную.

II. Вещества простыя вѣсомыя.

A. *Не металлическія.*

1. *Кислотворъ* (oxigène). Жидкость воздухообразная, или газъ, преимущественно необходимый для дыханія; въ 100 частяхъ атмосферическаго, или обыкновеннаго воздуха, находится кислотвора 21 часть. Кислотворъ есть одно изъ важнѣйшихъ тѣлъ въ природѣ. Онъ соединяется съ другими простыми тѣлами, и если сіе соединеніе бываетъ быстро, то отъ онаго происходитъ опредѣленіе теплотвора и свѣта: такое соединеніе называется *горѣніемъ*. Горѣніе, т. е. соединеніе сожигаемыхъ тѣлъ съ кислотворомъ, бываетъ причиною различныхъ произведеній, смо-

Digitized by Google

тря по природѣ тѣлъ, и по количеству кислотвора, въ семъ дѣйствіи употребленнаго. Когда сіи произведенія безвкусны, или незначительно ѣдки и кисли, то ихъ вообще называютъ *окислъ* (oxide); произведенія вкуса остраго, отъ которыхъ дѣлаются красными синіе растительные цвѣта, называются *кислоты* (acides), и наконецъ, *щелочью* (alcalis) называютъ тѣ произведенія, коихъ вкусъ ѣдокъ, жгущъ, и коихъ растворы возвращаютъ синій цвѣтъ веществамъ синимъ, измѣненнымъ посредствомъ кислотъ въ красный цвѣтъ.

Когда простое сожигаемое тѣло можетъ соединиться съ кислотвором, въ различныхъ пропорціяхъ, не составляя кислоты, то, изъ сихъ соединеній тѣ, которыя содержатъ наименѣе кислотвора, называются *закись* (protoxide), а слѣдующіе за ними означаются по количеству кислотвора, ими поглощеннаго, постепенно: *недокись* (deutoxide), *окись* (tritoxide) и *перекись* (peroxide); но весьма немного тѣлъ, которыя могутъ дать такое многообразное число окисловъ, и обыкновенно тѣла производятъ одну или двѣ степени оныхъ. Съ другой стороны, если *тѣло окисляемое* (acidifiable) образуетъ различныя соединенія съ кислотвором, то первое произведеніе, содержащее наименѣе кислотвора, получаетъ имя отъ кислоты окисляемаго тѣла, съ прибавленіемъ окончанія на *атый* (во Французскомъ языкѣ eux), а послѣднее, то есть то, въ которомъ содержится

Digitized by Google

кислотвора наиболѣе, получаетъ имя отъ кислоты того-же тѣла, съ окончаніемъ на *ная* и *овая* (во Французскомъ языкѣ *ique*). Такимъ образомъ, слѣдуя сей химической терминологіи, мы называемъ *закись* (protoxide), *недокись* (deutoxide) и *окись* (tritoxide) *желѣза*, различныя произведенія, происходящія отъ соединенія сего металла съ кислотворомъ въ различныхъ степеняхъ, и также называемъ *кислота сѣрноватая* (acide sulfureux) и *мышьяковатая* (arsenieux), *сѣрная* (sulfurique) и *мышьяковая* (arsenique), различныя произведенія кислотъ, образовавшіяся отъ соединенія кислотвора съ сѣрою и мышьякомъ.

Кислотворъ добываютъ положивъ въ колбу марганцовую перекись, и подвергнувъ колбу сильному жару. Тогда отдѣляется газъ, который идетъ по кривой стеклянной трубкѣ, соединенной съ отверстіемъ колбы, и входитъ въ пріемники, нарочно для сего устроенные и наполненные водою. Сей газъ удивительно дѣйствуетъ на горѣніе; тоненькія пластинки желѣза и нѣкоторыхъ другихъ металловъ горятъ въ немъ яркимъ огнемъ, если опустить ихъ въ оный съ кусочкомъ трута зажженнаго, который начинаетъ возгораніе. Кислотворъ не только сообщаетъ простымъ веществамъ качества кислотъ, соединяясь съ ними, но сообщаетъ еще имъ такія, которыя походятъ на качества разныхъ со-

Digitized by Google

ставныхъ тѣлъ, и производятъ особенныя кислоты, видимыя нами въ существахъ организованныхъ, или образующіяся отъ взаимнаго дѣйствія ихъ основныхъ началъ. Кислотворъ десятою частію тяжеле воздуха.

2. *Водотворъ* (Hydrogène). Жидкость воздухообразная, или газъ, составляющій одно изъ главныхъ началъ воды, ибо вода состоитъ изъ $11\frac{10}{100}$ частей водотвора и $88\frac{90}{100}$ кислотвора. Водотворъ безвкусенъ, безцвѣтенъ, и въ 14 или 15 разъ легче воздуха. Его добываютъ обыкновенно соединяя кислотворъ воды съ другими тѣлами. Для сего, въ банку, или стклянку, наполненную водою и сѣрною кислотою, надобно положить куски цинка или желѣза. Кислота, имѣющая великое сродство съ окисломъ цинка и желѣза, производитъ соединеніе кислотвора воды съ сими металлами, и тогда начинается отдѣленіе водороднаго газа; его собираютъ въ закрытый и наполненный водою пріемникъ, какъ говорили мы о газѣ кислотворномъ.

Водотворъ называли прежде горючимъ воздухомъ; онъ отдѣляется въ значительномъ количествѣ, если перегонять смолистыя вещества; но тутъ онъ содержитъ въ себѣ растворъ, бо́льшаго и ме́ньшаго количества, угля, и называется *водотворъ обугленный* (carboné) или *перегленный* (percarboné). Водотворъ

Digitized by Google

легко соединяется съ кислошворомъ, и тогда бываетъ онъ причиною великаго проявленія свѣта; это свойство дало средства употреблять водотворъ для освѣщенія улицъ, зданій, и проч. Можно сказать еще, что его сожиганіе бываетъ причиною пламени, которое обыкновенно сопровождаетъ горѣніе растительныхъ веществъ съ кислотворомъ.

Красильщикамъ потребно тщательное изученіе водотвора, ибо, хотя отдѣльно онъ не составляетъ для нихъ никакого употребленія, но онъ важенъ по причинѣ значительныхъ измѣненій, производимыхъ въ растительныхъ цвѣтахъ его изобиліемъ или недостаткомъ. Такъ, напримѣръ, красильщики и бѣлильщики совсѣмъ уничтожаютъ, или дѣлаютъ способнѣе къ раствору, красящее, желтоватое и смолистое вещество, покрывающее ниши пеньки и льна, уменьшая изобиліе водотвора въ семъ веществѣ, и напротивъ, придаютъ болѣе блеска бѣлизнѣ шерсти и шелка, усиливая присутствіе онаго.

Водотворъ соединяется съ сѣрою, и производитъ газъ, вонючій и удушливый, называемый *осѣренный водородъ* (hydrogène sulfuré), который отдѣляется при гніеніи животныхъ и растительныхъ веществъ, содержа въ себѣ нѣсколько сѣры. Онъ соединяется съ фосфоромъ, селеніемъ, потассіемъ, мышьякомъ, приводя нѣ-

Digitized by Google

которую часть ихъ въ состояніе газа; но изученіе сихъ сложныхъ произведеній, мы не почитаемъ нужнымъ для фабрикантовъ и заводчиковъ.

3. *Азотъ* (azote), такъ называемый отъ Греческихъ словъ, означающихъ: *лишающій жизни*, жидкость воздухообразная, или газъ, получившій названіе азота потому, что онъ не служитъ къ поддержанію жизни, хотя составляетъ значительнѣйшую часть воздуха, ибо въ 100 частяхъ обыкновеннаго, или атмосферическаго воздуха, азота находится 79 частей. Его называютъ еще *селитротворомъ* (nitrogène), потому, что въ соединеніи съ большимъ количествомъ кислотвора, онъ производитъ *селитряную кислоту* (acide nitrique), и въ семъ-то отношеніи онъ весьма замѣчателенъ для фабрикантовъ. Впрочемъ, азотъ, соединяясь съ малыми пропорціями кислотвора, производитъ разные составы: какъ-то: *закись* (protoxide) и *недокись* (deutoxide) *азота*, и газъ *селитрокислый* (gaze acide nitrique). Азотъ получаютъ, положивъ подъ стеклянный наполненный воздухомъ колоколъ (опустивъ края колокола въ воду) смѣсь желѣзныхъ опилокъ и мокрой сѣры, что въ теченіи нѣсколькихъ дней поглощаетъ весь кислотворъ, оставивъ одинъ азотъ; смѣсь желѣза и сѣры можно замѣнять фосфоромъ.

4. *Углеторъ* (carbone). Вотъ одно изъ

Digitized by Google

веществъ, всего болѣе встрѣчаемыхъ въ природѣ, ибо оно есть основаніе всѣхъ животныхъ и растительныхъ тѣлъ, но донынѣ чистый углетворъ получаютъ только изъ алмаза. Въ древесномъ углѣ, углетворъ соединенъ съ разными количествами водотвора и соляныхъ веществъ: тутъ добываютъ его перегонкою растительныхъ веществъ въ закрытомъ сосудѣ, при высокой температурѣ, и на свойства добываемаго такимъ образомъ газа можно смотрѣть, какъ на свойства углетвора, который составляетъ сущность его. При обыкновенной температурѣ, уголь почти не измѣняется отъ воздуха и воды, также и отъ теплоты, если разогрѣть его въ закрытомъ сосудѣ. Когда уголь разгорячаютъ сообщеніемъ съ воздухомъ, онъ извергаетъ теплоту и свѣтъ, соединяясь съ кислотворомъ, и производитъ вещество кислое, газовое, которое называютъ *углекислый газъ* или угольная кислота (gaz acide carbonique). Составы, образующіеся отъ соединенія углетвора съ сожигаемыми тѣлами, называются *обуглеными* (carbures); въ крашенье они не годятся.

5. *Сѣра* (soufre). Сіе вещество встрѣчается въ природѣ въ большомъ количествѣ, но обыкновенно въ соединеніи съ другими. Самородную сѣру находятъ только въ волканическихъ земляхъ; отдѣляютъ-же сѣру отъ посторонныхъ

Digitized by Google

веществъ возгонкою. Сѣра имѣетъ великое сродство съ кислоторомъ, и производитъ, соединяясь съ нимъ, окислъ и множество кислотъ, между прочимъ *газъ сѣрнокисловатый* (gaz acide sulfureux) и *сѣрную кислоту* (acide sulfurique); то и другое употребляется на заводахъ и фабрикахъ. Медленное сожиганіе сѣры производитъ газъ сѣрноватый, который является въ видѣ бѣловатаго дыма; но увеличеніе жара и быстрое горѣніе производитъ жидкость, весьма сгущенную, что называютъ *сѣрною кислотою*, по просту *купоросным масломъ*. Соединяясь съ сожигаемыми тѣлами, сѣра производитъ составы, которые называютъ *осѣренными* (sulfures); они отличаются свойствами весьма замѣчательными. Можно посовѣтовать фабрикантамъ, особенно красильщикамъ, тщательно познавать составы, гдѣ сѣра находится въ видѣ кислотъ.

6. *Хлоръ* (chlore). Жидкость воздухообразная, или газъ, который отличается особенными качествами, весьма замѣчательными. Онъ цвѣта зеленоватаго, весьма вреденъ для дыханія, и уничтожаетъ всѣ цвѣта растительные. Его прежде называли *окисленною соляною кислотою* (acide muriatique oxigéné); но теперь принято названіе *хлора*, когда увидѣли и узнали, что онъ есть вещество простое. Соединяясь съ водотворомъ, хлоръ производитъ

Digitized by Google

кислоту водохлоровую (acide hydrochlorique), которую прежде называли *соляною кислотою* (acide muriatique). Хлоръ производитъ также двѣ кислоты различныя соединяясь съ кислоповоромъ, называемыя: *кислота хлороватая* (acide chloreux) и *кислота хлоровая* (acide chlorique); прежде называли сіи кислоты: *соляная, закисленная кислота* (acide muriatique sur-oxigéné) и *соляная, перекисленная кислота* (acide muriatique hyper-oxigéné). Соединенія сожигаемыхъ тѣлъ съ хлоромъ называютъ *охлореннымн* (chlorures). Мы объяснимъ сіи замѣчательныя произведенія хлора особенно.

7 и 8. *Вромій и Іодій* (brôme, iode). Два простыя вещества, изъ коихъ вромій жидкое, а іодій твердое; оба имѣютъ свойство обезцвѣчивать, подобно хлору, и подобно ему образуютъ кислоты, соединяясь съ кислоповоромъ и водоповоромъ. Соединенія вромія съ сожигаемыми тѣлами называются *овроміенными* (bromures), а соединенія іодія съ ними *обіоденными* (iodures). Впрочемъ, для фабричной промышленности сіи вещества не употребляются.

9, 10, 11. *Бурій* (Bore), *Фосфоръ* (phosphore), *Селеній* (sélénium).

Ни сіи вещества, ни составы ихъ съ другими, не имѣютъ еще приложеній въ фабричной про-

Digitized by Google

мышленности, почему мы удовольствуемся здѣсь самыми краткими замѣчаніями.

Бурій, вещество въ видѣ порошка, неплавимое, оливковатаго цвѣта, получаемое отъ разложенія буровой кислоты, посредствомъ потассія, въ желѣзной, раскаленной до красна трубкѣ.

Фосфоръ, вещество полупрозрачное, безцвѣтное, съ чесночнымъ запахомъ, загарающееся при малѣйшемъ треніи на обыкновенномъ воздухѣ. Его достаютъ раскаляя фосфорную кислоту съ углемъ, въ колбѣ, при сильномъ жарѣ.

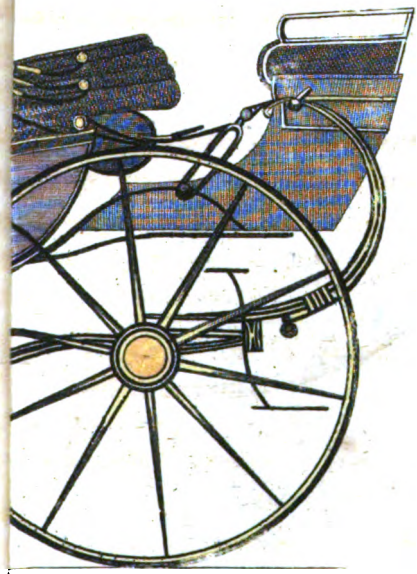
Селеній, вещество весьма рѣдкое, качествами похожее на сѣру, и образующее сосставы, похожіе на сосставы сѣры съ кислотворомъ и водотворомъ.

(Продолженіе въ слѣд. N°.)

Къ сему N° Прибавленія приложено *изображеніе новомодной Парижской коляски.*

Digitized by Google

Stud. Моск. Тел. 1829.



Traité théorique et pratique du blanchiment des Toiles, du lin, du chanvre et du coton par Blachette, Paris. 1827 1 vol. 8 br. 12 r.

Nouveau traité sur la laine et les moutons, par M. Perrault de Jotemps, Fabry et Girod 1 vol. 8°. 8 r.

Instruction pour les bergers et pour les propriétaires de troupeaux, par Daubenton, 1 gros vol. 8° br. 12 r.

L'Extrait de cet ouvrage, ou Catéchisme des bergers, par Daubenton. in-18 br. 4 r.

Principes raisonnés d'agriculture, traduits de l'allemand d'A. Thaer, par Crud. 4 vol. 4° br. 80 r.

Description des nouveaux instrumens d'agriculture les plus utiles; par A. Thaer, trad. de l'allemand par Mathieu de Dombasle, avec 26 planches 1 vol. 4° br. 25 r.

Botaniste (le) Cultivateur, ou description, culture et usages de la plus grande partie des plantes étrangères, naturalisées et indigène, cultivée en France, en Autriche, en Italie et en Angleterre, rangée suivant la méthode de Jussieu; par du Mont de Courset. 7 vol. 8° br. 80 r.

Le jeu des Fables, ou le nouvel Esope des enfans, ouvrage tout nouveau, contenant 12 fables, representées par de jolies figures découpées et que l'on rapporte sur un tableau qui se trouve avec l'ouvrage, le tout dans un joli étui. 10 r.

Le même ouvrage traduit en Russe par M. Serge de Glinka, avec les mêmes gravures 10 r.

Cet ouvrage a eu le plus grand succès à Paris, les éditeurs n'ayant rien négligé pour qu'il paroisse ici avec

Digitized by Google

le même soin que l'édition étrangère ils espèrent obtenir le suffrage du public.

NB. Les personnes de l'intérieur recevront par retour du courier les articles dont ils adresseront le montant en assignations, à l'adresse suivante :

Charles Urbain et Cie. à Moscou.

Digitized by Google